

Г 67
16888
№4

История
государства
Российского

т. IV

И С Т О Р І Я
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

**ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.**

ТОМЪ IV.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

Изданіемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Александра Смирдина.

1830.

стное опустошеніе не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладишь слѣды онаго. Надлежало собрать людей разбѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить Государство. Еще на дорогахъ, на улицахъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ лежало безчисленное множество мертвыхъ тѣлъ: Ярославъ велѣлъ немедленно погребать ихъ, чтобы опшрашить сразу и скрышь споль ужасные для живыхъ предметы; ободрялъ народъ, ревностно занимался дѣлами гражданскими, и приобрѣшалъ любовь общую правосудіемъ. Восстановивъ пищину и благоустройство, Великій Князь ошдалъ Суздаль брашу Свяшославу, а Шародубъ Иоанну. Народъ, по счастливому обыкновенію человеческого сердца, забыть свое горе; радовался новому спокойствію и порядку; благодарилъ Небо за спасеніе еще многихъ Князей своихъ; не зная, что Россія уже лишилась главнаго сокровища государственнаго: независимости — и слезами искренняго удивленія оросилъ гробъ Георгіевъ, перевезенный изъ Ростова въ Владиміръ². Георгій въ безразсудной надменности допустилъ Г. Татаръ до столицы, не взявъ никак ихъ

1232. Г. Татаръ до столицы, не взявъ никак ихъ

мѣръ для защипы Государства; но онъ имѣлъ добродѣтели своего времени: любилъ украшать церкви, шпалъ бѣдныхъ, дарилъ Монаховъ — и граждане благословили сго памяшь.

Свои
ства
Геор-
гія.

Ко славу Государя попечительнаго о благѣ народномъ Великій Князь присоединилъ и славу счастливаго воинскаго подвига. Липовцы, обрадованные бѣдствіемъ Россіи, завладѣли большею частію Смоленской области: Ярославъ, разбивъ ихъ, освободилъ Князя Липовскаго, освободилъ Смоленскъ и посадилъ на шамошнемъ престолю Всеволода Мстиславича, Романовича, внука, княжившаго прежде въ Новгородѣ³.

Осво-
билъ
божде-
ние
Смо-
лен-
ска

Между тѣмъ Князь южной Россіи, не имѣвъ участія въ бѣдствіяхъ сѣверной, издали смотрѣли на оныя равнодушно, и думали единственно о выгодахъ своего особеннаго властолюбія. Какъ скоро Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева, Михаилъ Черниговскій занялъ сго столицу, оставивъ въ Галичѣ сына, Ростислава, кошорый, нарушивъ миръ, овладѣлъ Даниловымъ Перемьшлемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Данилъ воспользовался опешупствіемъ Ростислава, ходившаго со всеми Болрами на Липву, нечаянно опшупилъ Галичъ; подѣхалъ къ стѣнамъ, и видя на нихъ

Ме-
ждо-
усо-
бія.

Г

множество спящего народа, сказали: «Граждане! доколь вам перепъшь державу? Князей иноплемennыхъ? не я ли вашъ Государь законный, нѣкогда вами любимый!» Все отвѣтствовало единодушнымъ восклицаніемъ: «ты, ты нашъ опецъ, Богомъ данный! иди: мы швои!» Воевода Ростислава и Галицкій Епископъ Артемій хошбли удержашъ народъ, но не могли, и должны были всрѣшнись Данила, скрывая внупреннюю досаду подь личною пришворнаго веселія. Никогда въ семь городѣ, славномъ мяшежами, измѣнами, злодѣйствами, не являлось зрѣлища споль умилишельнаго: граждане, по выраженію Львовища, *стрѣлились къ Данилу какъ пчелы къ маткѣ, или какъ жабыдуше къ источнику водному*, проздравляя другъ друга съ Княземъ любимымъ. Данилъ принесь благодарность Всешшнему въ Соборной церкви Богоматери, поспавилъ свою хоругвь на Нѣмецкихъ поросахъ, и восхищенный знаками народнаго усердія, говорилъ, что никто уже не опшиметъ у него Галича. Свѣдавъ о происшедшемъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, будучи женихомъ Королевны, Великой дочери, а Бояре Галицкіе упали къ ногамъ Даниловымъ. Рѣдко милосерде

сего Князя не испошилось ихъ злодѣяніями; онъ сказалъ сполько: «исправшесь!» и надѣлся великодушіемъ обезоружить мяшежниковъ. Въ самомъ дѣлѣ они усмирились; но шишина, возстановленная Даниломъ въ сихъ упоменныхъ междуособіями спранахъ, была предпечехо ужасной грозы.

Батый выходилъ изъ Россіи единспвенно для шого, чтообы овладѣшь землею Половцевъ. Знаменишыйшій изъ ихъ Хандовъ, Кошанъ, шесшь храбраго Мспислава Галицкаго, былъ еще живъ, и мужеспвенно прошивилъ Ташарамъ; наконецъ, разбишый въ спешахъ Аспраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ Король, принявъ его въ подданшво съ 40,000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для селенія. Покоривъ окресшности Дона и Волги, подпы Батыевы вторично явились на границахъ Россіи: завоевали Мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшій Владимірскому храму Богоматери. Тогда жилиши Великаго Княженія снова обезпампшши опш ужаса; оставляя дома свои бѣгали изъ мѣста въ мѣсто, и не знали, гдѣ найши безошспность. Но Батый шесшь громашше дожные предѣлы нашесо опшчества. Взявъ Перел-

Батый опшспно

шаает
ую-
ную
Рос-
сию.

Славь; Таттары опустошили его совер-
шенно. Церковь Св. Михаила, великолѣпно
украшенная серебромъ и золотомъ, за-
служила ихъ особенное вниманіе: они сра-
вили ее съ землею, убивъ Епископа Си-
меона и большую часть жителей. Дру-
гое войско Башыево осадило Черниговъ,
славный мужествомъ гражданъ во време-
на нашихъ междоусобій. Сии добрые Рос-
сіане не измѣнили своей прежней славь
и дали оппоръ сильный. Князь Мстиславъ
Глѣбовичъ, двоюродный братъ Михайловъ,
предводительствовалъ ими. Бились оп-
чаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане
съ высокаго вала разили неприятелей
огромными камнями. Одержавъ наконецъ
побѣду, долго сомнительную, Таттары со-
жгли Черниговъ, но хотѣли отъѣхать, и
черезъ Глуховъ опещупивъ къ Дону, дали
свободу ильненному ими Епископу Пор-
фирю. Сими знакомъ опшаннаго миро-
сердїи они хотѣли, кажеица, обезбужить
наше Духовенство, ревностно возбуждав-
шее народъ къ сопротивленію. — Князь
Мстиславъ Глѣбовичъ спасъ жизнь свою
и бѣжалъ въ Венгрію. Уже Башыи давно слытали о нашей
древней столицѣ Дѣвиревской, и си цер-
ковныхъ сокровищахъ и богатствѣ ея.

дей шорговыхъ. Она славилась не только
въ Византійской Имперіи и въ Германіи,
но и въ самыхъ опдаленныхъ странахъ
воспючныхъ: ибо Арабскіе, Исихорки и
Географы говоряшь объ ней въ своихъ
пвореніяхъ. Внуку Чингисхана, именовъ
Мангу, былъ посланъ, оемощрьшь Кіевъ;
увидѣль его съ лъвой стороны Дѣвпра,
и, по словамъ Лѣтописцевъ, не могъ на-
дивинься красотѣ онаго. Живописное по-
ложеніе города на крушомъ берегу вели-
чественной рѣки, блестящія главы мно-
гихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ,
высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вра-
щами и башнями, воздвигнутыми, укра-
шенными художествомъ Византійскимъ
въ счастливые дни Великаго Ярослава,
дѣйствительно могли удивить спенныхъ
варваровъ. Мангу не опсважился итти за
Дѣвпръ, спалъ на Трубежѣ, у городка
Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хо-
телъ деспно, склонивъ жинцевъ столицъ
къ подданству. Битва на Камкѣ на
Сини, — пепель Рязани, Владиміра Чер-
нигова и епощь многихъ итчихъ городовъ,
свидѣтельствовали опознано, сиду Мого-
ловъ дальѣйшее учарство казалось без-
подезнымъ; но чеснѣ народила и спенко-
душце не сѣдують шумениямъ болзш-

твѣд
жо
оту
-оф
011

1240

Кра-
сопа
Кіева

О вѣдѣ разсудила Киевляне все еще съ гордо-
 стно именовали себя сарацинами и благо-
 родными сынами Россіи; имъ ли было
 смиренно просклонить вѣно и требовать
 цѣли? когда другіе Россіане, гнушались
 униженіемъ охотно гибли въ битвахъ?
 Киевляне умершили Пословъ Мангу-Хана
 и кровно ихъ завечашляли; свой обѣтъ
 не принимали мира постыднаго. Народъ
 былъ смѣлѣе Князя Михайль Всеволодо-
 вичъ, предвидя мещь Танарь, бѣжалъ въ
 Венгрію въ слѣдъ за сыномъ своимъ?
 Вушъ Давида Смоленскаго, Роспиславъ
 Мещиславичъ, хотѣлъ овладѣть преспо-
 ломъ Киевскимъ; но знаменитый Даниль
 Галицкий съвѣдъ о томъ, выхалъ въ
 Киевъ и задержалъ Роспислава какъ вѣн-
 ника Даниль и уже зналъ Молодовъ; ви-
 дѣлъ явное храбрость малочисленныхъ
 войскъ неодолимою силою великой,
 и рѣшився подобно Михаилу, вхашъ къ
 Керманъ Веннерскому, когда славному бо-
 гатство и мужество въ надеждѣ
 доидишь, его къ равнородному, содѣйствию
 вранивъ, сихъ бедококихъ варваровъ. Над-
 лежалъ осадити въ ополцѣ. Вождя искус-
 наго и мужественнаго Князь не ошибся
 въ выборѣ, поручивъ юному Болрину Ди-
 митридею «хитрѣмъ» «аменьмогъ» и «нѣдѣмъ»

Белл-
 колу-
 шіе
 гра-
 ждаше

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ Осада
 гусная шуча, съ разныхъ сторонъ облегла
 Киевъ. Скряпъ безчисленныхъ шельгъ, Киевъ
 ревъ вербогедовъ и воловъ; ржаніе коней
 и свирный крикъ непріятелей; по ска-
 занію Альюписца, едва дозволяли жише
 лямъ слышашъ другъ друга въ разгово-
 рахъ. — Димитрій бодрствовалъ и распро-
 ряжалъ хладнокровно. Выу представили
 одного взянаго въ плѣнъ Ташарина, ко-
 торый объявилъ, что самъ Батый спо-
 итъ подъ стѣнами Кіева со всѣми Вое-
 водами Могольскими; что знавшіе изъ
 нихъ суть Гаюкъ (сынъ Великаго Хана),
 Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы),
 Орду Кадай, Судай-Багадуръ, побѣдитель
 Ничей Кипайскихъ, и Вастыръ, завоева-
 шель Казахской Колгарии и Княженія Су-
 дальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Ва-
 шыевой рати единственно то, что сей
 ятъ въ семьдѣ. Но Димитрій не зналъ
 епрахана Осада началъ прилежно къ
 врагамъ Лянскимъ, и къ юнымъ призывали
 добри; шамъ стѣнобитныя орудія дѣй-
 ствовали день и ночь. Наконецъ рушилась
 ограда, и Киевляне спали прудью противъ
 враговъ своихъ. Начался бой ужасный:
 «спрѣлы» «ограждали воздухъ; конья прѣ-
 щали и ломались;» мершвыхъ, издыхаю

вѣд
 доа
 шш
 вѣ
 швыж

щихъ попирали ногами. Долго оспервене-
ніе не успупало силъ; но Татары ввечеру
овладѣли сѣбною. Еще войны Россійскіе
не потеряли бодрости; ониступили къ цер-
кви Десятинной, и почью укрѣпивъ оную
пѣномъ, снова ждали непріятели; а без-
оружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ
своимъ имѣніемъ заключились въ самой
церкви. Такая защита слабая уже не мо-
гла спасти города; однакожь не было
слова о переговорахъ: никто не думалъ
молишь лютаго Батюя о пощады и ми-
лосердіи; великодушная смерть казалась
и воинамъ и гражданамъ необходимостію,
предписанною для нихъ опечесвомъ и
Вѣрою. Димитрій, исходя кровію опъ
ранъ, еще твердою рукою держалъ свое
копье и вымышлялъ способы затруднить
врагамъ побѣду. Упомленные сраженіемъ
Моголы опдыхали на развалинахъ сѣбныхъ;
упрѣмъ возобновили онос, и сломили брѣн-
ную ограду Россіянъ, которые бились съ
напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за
ними гробъ Св. Владиміра, и что сія
ограда есть уже послѣдняя для ихъ сво-
боды. Варвары достигли храма Богома-
щерино усплали пущь своими шупами;
схватили мужесшвеннаго Димитрія и при-
вели къ Батюю. Сей грозный завоева-

тель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ
человѣколюбія, умѣлъ цѣнишь храбростію
необыкновенную, и съ видомъ гордаго удо-
вольствія сказалъ Воеводѣ Россійскому:
«дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ
даръ, ибо еще могъ бышь полезенъ для
опечества. Моголы нѣсколько дней шоржесшвова-
ли побѣду ужасами разрушенія, истребде-
ніемъ людей и всѣхъ плодовъ долговре-
меннаго гражданского образованія. Древній
Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда
знаменишая столица, *мать градовъ Рос-
сійскихъ*, въ XIV и въ XV вѣкѣ предеша-
вляла еще развалины; въ самое наше вре-
мя существуетъ единешвенно пѣнь ея
прежняго величія. Напрасно любопытный
пушешественикъ ищеть шамъ памятни-
ковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ
Ольгинъ? гдѣ кости Св. Владиміра? Ба-
тій не пощадилъ и самыкъ могилъ: вар-
вары давили ногами черепы нашихъ древ-
нихъ Князей. Остался только надгробный
памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакѣ
шого, что слава мудрыхъ гражданскихъ
законодательей есть самая долговѣчная и
вѣрнѣйшая. . . . Первое великолѣпное зда-
ніе Греческаго зодчесшва въ Россіи, храмъ
Десятинный, былъ сокрушенъ до основа-

ни послѣ изъ развалинъ онаго, воздвигли
новый, и на стѣнахъ его видимъ, опры-
вокъ надпись древняго. — Лавра Пенер-
ская имѣла дуже уласть. Благочестивые
Иноки и граждане усердныя къ святымъ
сего мѣста, не хотѣли впустишь непри-
тели въ ограду его: Моголы паранами
ошибли врага, похищили всѣ сокровища,
и снѣвъ златокошачный крестъ съ главы
храма, разломали церковь до самыхъ оконъ,
вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монашеско-
скими. Если вѣришь Лѣтописцамъ XVII
вѣка, то первоначальное спосредствіе Лавры
красою и величию превосходитъ но-
вѣйшее. Они же повѣствуютъ, что на-
которые Иноки Пенерскіе убрлись оубо
меча Башыева и жили въ тѣсахъ, нѣ
среди развалинъ монастыря, утѣлясь оубо
малый прудъ, куда снѣ пустынники со-
бравшись иногда, отправляя службу Бо-
жественную, называемые оубо уныи
дыми и прозябшими званомъ голокола.
Башый — князь, что Князь дождной
Россіи находился въ Венгріи, пошелъ
въ обласць Галицкую и Владимірекую;
осадилъ городъ Ладзыкинъ² и не умѣвъ
дѣлать чинно орудіями разбить крепкихъ
стѣнъ его, обнать помитовашъ живущей,
если они сладущя. Несчастныя ему по-

вѣрили и ни одинъ изъ нихъ не оспался
живъ: ибо Ташары не знали правилъ че-
сти, и всегда, обманывая непрители,
емвлялись надъ ихъ легковѣрныя. Завое-
вавъ Каменецъ, гдѣ господствовали другъ
Михайловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ
Игоревъ, Ташары опешунили съ неудачею
опть Кременца, Даніилова города, но взяли
Владиміръ, Галич и множество чинныхъ
городовъ. Великодушный Воевода Кіевскій,
Димитрій, находился съ Башыемъ, и со-
крушалъ о бѣдствіяхъ Россіи, предска-
завъ ему, что время оставишь снѣ зе-
млю, уже опустошенную, и воевашъ бо-
гаише Государство Венгерское, что Ко-
роль Бела есшь непрители опасный и
рѣшитель рабъ многочисленную, что
надобно предупредитъ его, или оныя всеми
силами ударишь на Моголовъ. Башый,
уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ
нашего ошечества, чтобы злодѣство-
вать въ Венгріи: такимъ образомъ сей
доеждной Воевода Россійскій и въ са-
момъ нлтъвъ своемъ умѣтъ оказавъ по-
слабную, важную услугу несчастнымъ
согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣн-
ная народная независимость погибли для
нихъ на долгое время, но крайней мѣрѣ
они могли возвратишься изъ лѣсовъ на

тенилице испребленныхъ жипельствъ; могли предать земли коспи милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновляемыхъ ихъ общимъ усердіемъ, молился Всевышнему съ умилиемъ. Вра порожествуетъ въ бѣдствіяхъ, и смягчаетъ оныя.

Соепомяне Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка протчалась оупъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ: что язва, землетрясение и все ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, оупъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами оиическіа о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: «Башый какъ «лютой зверь пожиралъ цѣлыя области, «первая когтями оспашки. Храбрѣйшіе «Князья Россійскіе пали въ битвахъ; другіе «скитались въ земляхъ чуждыхъ, искали «заступниковъ между иноверными и не «находили; славялись прежде богатствомъ, «и всего лишились. Матери плакали о дѣ- «тихъ, предъ ихъ глазами распощанныхъ «когтями Тапарекими, а дѣввы о своей не- «винности: сколь многія изъ нихъ, желая «спассти оную, бросались на оспрый ножъ «и въ глубокія рѣки! Жены Болрскія, «не знавшія трудовъ, всегда украшенныя

«злапными монисшами и одеждою шелко- «вою¹³, всегда окруженныя шолною слугъ, «сдѣлались рабами варваровъ, носили воду «для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бл- «дья руки свои оналяли надъ очагомъ, «гошовя лицу неврнымъ... Живые зави- «довали спокойствію мершвыхъ.» Однимъ словомъ, Россія испытала тогда все бѣд- «ствіа, претерпѣнныя Римскою Имперіею «оупъ времяъ Феодосіа Великаго до седь- «маго вѣка, когда сѣверные дикіе народы «громили ея цѣвшущія оласпи¹⁴. Варвары «дѣйствуютъ по однимъ правиламъ, и «разсшвуютъ между собою шолко въ снѣ.

Сила Башыева несравненно превосхо- «дила нашу и была единшвенною причи- «ною его успѣховъ. Напрасно новые Ишо- «рики говорятъ о превосходствѣ Мого- «ловъ въ рашномъ дѣлѣ¹⁵: древніе Рос- «сіяне, въ шеченіе многихъ вѣковъ воюя «или съ иноплемениками или съ едино- «земцами, не успшвали какъ въ мужесствѣ, «щакъ и въ искусствѣ испреблять людей «ш одному изъ тогдашнихъ Европейскихъ «народовъ. Но дружины Князей и города «не хошъли соединиться, дѣйшвовали оо- «бенно, и весьма, естественнымъ образомъ «не могли успшвать противъ полумилліона «Башыева¹⁶. ибо сей завоеватель безпре-

Соп-
стоя-
ніе
Рос-
сін.

При-
чила
успѣ-
ховъ
Ба-
шые-
выхъ.

по чепесивый! Бела отвергнувъ сіе предло-
женіе, и думал, что Батый не дерзнетъ
идти на Карпатскія горы, и что несчаст-
ные Россійскіи Князетей есть счастье
для Венгріи; мысль ума слабаго, внушае-
мая обыкновенно взаимною завистию Дер-
жавъ соседственныхъ! Предсказавъ Коро-
лю гибельное свидѣніе такой системы,
Даніиль сивилій защитилъ свое Княже-
ніе, но модно: толпы бѣглецовъ извѣ-
стиями его о жалоспной судьбѣ Кіева и
другихъ нашихъ городовъ знамениныхъ.
Уже Татары стюали на границъ: Даніиль,
окруженный малочисленною дружиною,
искалъ убѣжища въ землѣ Конрадовой;
тамъ нашель онъ супругу, дѣтей и бра-
та, которые едва могли спастися отъ
меча варваровъ; вѣнелъ съ ними онакалъ
бѣдствіе опечесива, и слыша о прибли-
женіи! Моголовъ, удалился въ Мазовію,
гдѣ Болеславъ сынъ Конрадовъ, далъ ему
на время Вышегородъ, и гдѣ Даніиль съ
Василькомъ бешавались до самаго того
времени, какъ Батый вышелъ изъ юго-
западной Россіи. Получивъ сію уптвни-
тельную вѣсть, они возвратились въ
опѣчесиво; не могли ошъ смрада въжати
ни въ Брестъ, ни въ Владиміръ; напож-
невный прудами, и рѣшились жиць въ

Холмъ; основанномъ Даніиломъ баночиромъ
няго Червена, и, къ счастью, дувъ въ шемъ
опѣ Могольскаго разоренія. Сей герцогъ,
населенный опчаски Ньздами, Ляхами
многими ремесленниками, среди пѣла и
развалинъ всей окрешной епраны, казал-
ся иногда очаровашельнымъ, имѣя веселыя
сады, насажденные рукою его основанелы,
новыя зданія и церкви, имѣя украшешій
(въ особеннсти церковь Св. Іоанна, по-
стпавленную на чешырехъ, искусно извал-
ныхъ головахъ человѣческихъ, съ мѣднымъ
помощномъ и съ *Рискими* стеклами въ
окнахъ). Какъ бы следуя указанію Неба,
споль чудесно защитившаго сіе пріишное
мѣсто, Даніиль назвалъ Холмъ своимъ мо-
бнымъ городомъ; онъ подобно Ярославу,
Суздальскому Великому Князю, неутомимо
спарался воскресить жизнь и дѣятель-
ность въ областяхъ юго-западной Россіи.
Ему надлежало не только вызвать людей
изъ лѣсовъ и пещеръ, гдѣ они скрывались,
но и сражашь съ буйностью легкомы-
сленныхъ Болръ, которые думали, что
внукъ Чингисхановъ опустошилъ даже
Государство для ихъ пользы, и что имъ
нашало время царшвованья. Воевода Дро-
гичинскій не впустилъ Князъ въ сей го-
родъ, а Бояре Галицкіе ходя и называли

свара Александра. Доспигнувъ лѣтъ юности, оны женился на дочери Полоцкаго Князя, Брячислава, и празнуя свадьбу, гошовица къ дѣламъ ратнымъ; велѣвъ укрѣпити берега Шелони, чшобы защитишь Новгородскую область оны виезачиныхъ нападений Чуди, и спарался окружити себя вивязами храбрыми, предвидя, чшо вимръ въ сіи времена общихъ разбѣговъ не могъ бытъ продолжити селенъ. Ливонскіе Рыцари, Финны и Шведы были неприязнями Новгорода. Первые сдѣлались тогда гораздо сильнѣе и для Россіи оубо: ибо лишаея Магистрства своего, Вольвина, и лучшихъ сподвижниковъ въ несчащенной битвѣ съ Лишвою, присовдвинувъ къ славному Нѣмецкому Ордену Св. Маріи. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ дошопамяшомъ брашствѣ. Когда Государи Европейскіе, подвигнушы и славолюбіемъ и благочесніемъ, вели кровопролитія войны въ Палестинѣ и въ Египтѣ; когда усердіе видѣшь Свящымъ мѣста ежегодно влекло толпы людей изъ Европы въ Иерусалимъ: многіе Нѣмецкіе Випцины находивъ въ семъ геродѣ, сошались между собою брашское общество, съ намѣреніемъ покровишельствовашъ шадѣ своихъ сединоземцевъ, бѣдныхъ и недуж-

ныхъ, служивъ имъ деньгами и мечемъ, — наконецъ бытъ защитниками всѣхъ боромъ мольцевъ и неушомимыми врагами Сарациновъ. Сіе общество, въ 1191 году утвержденное Папскою Буллою, названое Орденомъ Св. Маріи Иерусалимской, и Рыцари его ознаменовали бѣлыя свои мантии чернымъ крешомъ, давъ шоржеспственый обѣтъ цѣломудрія и повиновенія начальникамъ. Великій Магистръ говорилъ велкому новому сочлену: »Если вешупаешь къ намъ въ общество съ надеждою весши жизнь покойную и пріятную, шо удалеся, несчастный! ибо мы пребуемъ, чшобы ты опрекся оны всѣхъ мірскихъ удовольствій, оны родшвенниковъ, друзей и собшвенной воли: чшожь въ замѣну обшцаемъ тебѣ? хлѣбъ, воду и смиренную одежду. Но когда придущь для насъ времена лучшія, тогда Орденъ сдѣлаеть тебѣ учасшикомъ всѣхъ своихъ выгодъ. Сіи лучшія времена наснали: Орденъ Св. Маріи, переселясь въ Европу, былъ уже споль знаменишь, чшо Великій Магистръ его, Германъ Зальца, могъ судишь Папу Гонорія III, съ Императоромъ Фридерикомъ III, завоевалъ Пруссію — ревностно обращая ея жителей въ Хрищанство, шадѣ е отнемъ и мечемъ — пріиалъ Ливонскихъ

Рыцарей подъ свою защиту, далъ имъ Магистра, одежду, правила Ордена Нѣмецкаго, и наконецъ слово, что ни Ливонцы, ни Дашчане, ни Россіяне уже не будутъ для нихъ опасны.

Въ сіе время былъ Магистромъ Ливонскимъ нѣкто Андрей Вельвенъ, мужъ опытный и добрый сподвижникъ Германа Зальцы². Желая, можетъ быть, прекратить взаимныя неудовольствія Ливонскихъ Рыцарей и Новгородцевъ, онъ имѣлъ свиданіе съ юнымъ Александромъ: удивился его красотѣ, разуму, благородству, и возвращаясь въ Ригу, говорилъ, по словамъ нашего Летописца: «я прошелъ многія страны, знаю свѣтъ, людей и Государей, но видѣлъ и слушалъ Александра Новгородскаго съ изумленіемъ.» Сей юный Князь скоро имѣлъ случай важнымъ подвигомъ возвеличить свою добрую славу.

Король Шведскій, досадуя на Россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего, Биргера, на ладіяхъ въ Неву къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ Шведовъ, Норвежцевъ, Финновъ³. Сей Вождь опытный, дополь счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ, и велѣлъ надменно сказать Александру: «рашоборешвуй со мною, если

«смѣешь; я спую уже въ земль твою.» Александръ не изъясилъ ни страха, ни гордости Посламъ Шведскимъ, но спешивъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви, принявъ бод-гословеніе Архіепископа Спиридона, оперъ на прагъ слезы умиленія сердечнаго, и вышедши къ своей малочисленной дружинѣ съ веселымъ лицомъ сказалъ: «насъ не много, а врагъ силенъ; но Богъ, не въ силахъ, а въ правдѣ: идише съ вашими Княземъ!» Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярославъ, отца своего; самыя Новгородскіе воины не успѣли собраться подъ знамена: Александръ выступилъ въ поле, и 15. Іюля приблизился къ берегамъ Невы, гдѣ стояли Шведы. Тамъ встрѣщилъ его знашый Ижера-нинъ, Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣщеніемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Здѣсь современнѣй Летописецъ рассказываетъ чело Ижера-нинъ, Новгородцевъ, болышею частью жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ Христіанинъ, и весьма усердный. Ожидалъ Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣнн и молишь. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность пинаго.

моря; вдругъ раздался шумъ: Пелгуй содрогнулся, и видѣлъ на морѣ легкую ладію, гребцевъ *одгянныхъ лглого* и двухъ лучезарныхъ Вишязей въ ризахъ червленыхъ. Сія вишязи совершенно походили на Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: »поможемъ родспвеннику нашему Александру!« По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ Князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ²⁵; но Александръ запрещилъ ему говорить о томъ, и какъ молнія успремился на Шведовъ. Внезапность, быспропа удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать на лице* Биргера. Вишязь Россійскій, Гавріиль Олексичъ, гналъ Принца, его сына, до самой ладіи; упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимъ и бодро сразился съ Воеводою Шведскимъ. Новгородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, съ однимъ шопоромъ вломился въ средину непріятелей; другой, именемъ Миша, съ опрядомъ пѣхоты испребилъ шнеки ихъ или суда. Княжескій Ловчій, Яковъ Полочанинъ, предводительствуюа горшцію смѣлыхъ, ударилъ

на цѣлый полкъ, и заслужилъ опмѣнное благоволеніе Александра, кошорый вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Рапмиръ, вѣрный слуга Князя, не уступалъ никому въ храбросни: бился пѣшій, ослабѣлъ опъ ранъ и палъ мершвий, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще споялъ зашповерхій шашеръ Биргеровъ: Опсрокъ Александровъ, Савва, подсккъ его сполпъ; шашеръ упалъ, и Россіане возгласили побѣду. Темная ночь спасла оспашки Шведовъ. Они не хотѣли ждапъ утра: нагрузили двѣ шнеки пѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму, и спѣшили удалиться. Главный Воевода ихъ, Спиридонъ, и Епископъ, по разсказамъ пѣвниковъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣненъ, и сія достопамятная бипва, обрадовавъ шогда все наше гореспное отечество, дала Александру славное прозваніе *Невскаго*. Обстоятельство ея пѣмъ для насъ любопытнѣе, что Лѣпописецъ, служа сему Князю, слышалъ ихъ опъ него самого и другихъ очевидцевъ.

Рыцари Ливонскіе не помогали Шведамъ, однакожь спарались вредипъ Новгороду. Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, въ 1233 году²⁶ сосланный въ областъ Суздальскую, получилъ свободу, жилъ по-

гда у Нѣмцевъ въ Эстоніи и писалъ ихъ ненависть къ Россіянамъ. Во Псковѣ были также нѣкопорые измѣнники — чиновникъ Твердило и другіе — склонявшіе Рыцарей овладѣть симъ городомъ. Обнадеженные ими въ вѣрномъ успѣхѣ, Нѣмцы собрали войско въ Оденпѣ, Дерпнѣ, Феллинѣ²⁷, и съ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ взяли Изборскъ. Псковичяне сразились съ ними; но претерпѣвъ великій уронъ, и желая спасти городъ, заключенный непріятелемъ, должны были согласиться на миръ поспыднѣй. Рыцари хотѣли аманашовъ: знатнѣйшіе люди представили имъ своихъ дѣшей, и гнусный измѣнникъ, Твердило, началъ господствовать во Псковѣ, дѣляся власнію съ Нѣмцами, грабя села Новгородскія. Многіе добрые Псковичяне ушли съ семействами къ Александру и прѣбывали его защиты. Къ несчастію, сей Князь имѣлъ тогда распрю съ Новгородцами: досадуя на ихъ неблагодарность, онъ уѣхалъ къ опцу въ Переславль Залѣскій, съ маперію, супругою и всѣмъ Дворомъ²⁸.

Между тѣмъ Нѣмцы вступили въ область Новгородскую, обложили данію Вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы

утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ Уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи Россійскій городокъ Тесовъ, и грабили нашихъ купцевъ верстѣ за 30 до Новагорода, гдѣ чиновники дремали или спрашили время въ личныхъ ссорахъ. Народъ, види бѣду, прѣбывалъ себѣ защитника опъ Ярослава Всеволодыча, и призналъ, впрочемъ сына его, Андрея, своимъ Княземъ; но зло не миновалось. Липва, Нѣмцы, Чудь опустошали берега Луги, уводили скотъ, лошадей, и земледѣльцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ Герою Невскому: Архіепископъ со многими Боярами опсправился къ Александру, убѣждалъ, молилъ Князя, и склонилъ его забыть вину Новагорода.

Александръ прибылъ, и все перемѣнилось. Немедленно собралось войско: Новгородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы, все село шли подъ его знаменами къ Финскому заливу; взяли Копорье и плѣнили многихъ Нѣмцевъ. Александръ освободилъ нѣкопорыхъ; но Вожане и Чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхѣ другимъ были повѣшены²⁹.

Знаменистая оппизна Свяшой Ольги также скоро избавилась опъ власни предаателя, Твердила, и чужеземцевъ. Але-

Г. ксандръ завоевалъ Псковъ, возвратилъ ему
 1242. независимость, и прислалъ въ Новгородъ
 скованныхъ Нѣмцевъ и Чудь. Лѣтописецъ
 Ливонскій сказываетъ, что 70 муже-
 спивенныхъ Рыцарей положили тамъ свои
 головы, и что Князь Новгородскій, плѣ-
 нивъ 6 чиновниковъ, велѣлъ умеривить
 ихъ³⁰. Побѣдитель вошелъ въ Ливонію, и
 когда войны наши разсѣялись для собра-
 нія съѣстныхъ припасовъ, непріятель
 разбилъ малочисленный передовой отрядъ
 Новгородскій. Тутъ Александръ оказалъ
 искусство благоразумнаго Военачальника:
 зная силу Нѣмцевъ, отступилъ назадъ,
 искалъ выгоднаго мѣста и спалъ на Чуд-
 скомъ озерѣ. Еще зима продолжалась по-
 гда въ Апрѣль мѣсяцъ, и войско могло
 5. безопасно дѣйствовать на твердомъ льду.
 Нѣмцы отпрянувъ колонною врѣзались въ
 наши ряды; но мужественный Князь, уда-
 ривъ на непріятелей съ боку, замѣшалъ
 ихъ; сломилъ, испребрѣлъ Нѣмцевъ и
 гналъ Чудь до самаго темнаго вечера. 400
 Рыцарей пали отъ нашихъ мечей; пять-
 десятокъ были взяты въ плѣнъ, и въ томъ
 числѣ одинъ, котораго въ надменности
 своей хотѣлъ плѣнить самого Александра;
 плѣла Чуди лежали на семи верстахъ.
 Изумленный симъ бѣдствіемъ, Магистръ

Ордена съ препеномъ ожидалъ Александра
 подъ стѣнами Риги, и спѣшилъ отпра-
 вить Посольство въ Данію, моля Короля
 спасти Рижскую Богоматерь отъ *невѣр-*
ныхъ, жестокихъ Россіянъ; но храбрый
 Князь, довольный ужасомъ Нѣмцевъ, вло-
 жилъ мечъ въ ножны и возвратился въ
 городъ Псковъ. Нѣмецкіе плѣнники, пошу-
 пивъ глаза въ землю, шли въ своей ры-
 царской одеждѣ за нашими всадниками³¹.
 Духовенство встрѣсило Героя со кре-
 сшами и съ пѣснями священными, славя
 Бога и Александра; народъ спремился къ
 нему толпами, именуя его отцемъ и спа-
 сителемъ. Счастливымъ дѣломъ своимъ и
 радостию общою, сей добрый Князь про-
 лилъ слезы, и съ чувствительностію ска-
 залъ гражданамъ: «О Псковичи! если
 забудете Александра; если самыя отпа-
 ленныя попомки мои не найдутъ у васъ
 »вѣрнаго пристанища въ злополучіи: то
 »выбудете примѣромъ неблагодарности!»—
 Новгородцы радовались не менѣ Пско-
 вичанъ, и скоро Послы Ордена заключили
 съ ними миръ, размѣнялись плѣнными, и
 возвратили Псковскихъ аманатовъ, отка-
 завшись не только отъ Луги и Водской
 области, но уступивъ Александру и знаш-
 ную часть Лепгалліи³².

Г. 1245--1245. Въ сіе время Липовцы разбили Яро-
слава *Владиміровича*, копорый, оспавивъ
Нѣмцевъ, съ изволенія Александра на-
чальспововаль въ Торжкѣ⁵³. Соединясь съ
Тверскою дружиною, Ярославъ гнался за
хищниками до Торонца, гдѣ они считали
себя уже въ безопасности, овладѣвъ крѣ-
постію; но Герой Невскій приспѣлъ, взялъ
городъ, испребилъ ихъ всѣхъ, однихъ на
спѣнахъ, другихъ въ бѣгспѣвѣ, и въ шомъ
числѣ 8 Князьковъ Липовскихъ. Совер-
шивъ подвигъ, Александръ оппустилъ
войско, ѣхаль съ малочисленною дружи-
ною и вдругъ увидѣлъ себя окруженнаго
новыми шолпами непріятелей: ударилъ
неуспрашимо, разсѣялъ оныя, благопо-
лучно возвратился въ Новгородъ.—Однимъ
словомъ, Александръ, въ нѣсколько дней,
семь разъ побѣдилъ Липовцевъ; войны
его, ругаясь надъ ними, привязывали плѣн-
никовъ къ хвостамъ конскимъ.

Сіи частные успѣхи не могли премѣ-
нить общей судьбы Россіянъ, уже данни-
ковъ Ташарскихъ. Батый, завоевавъ мно-
гія области Польскія, Венгрію, Кроацію,
Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію,
Валахію, и приведши въ ужасъ Европу,
вдругъ, къ общему удивленію, оспано-
вилъ бурное спремленіе Моголовъ и воз-

вратился къ берегамъ Волги. Тамъ, име-
нуясь Ханомъ, ушвердилъ онъ свое вла-
дычество надъ Россією, землею Половец-
кою, Тавридою, спранами Кавказскими и
всѣми ошъ устья Дона до рѣки Дуная⁵⁴.
Никпо не дерзаль ему проптивиться: на-
роды, Государи старались смягчить его
смирными Посольспвами и дарами. Ба-
тыйъ зваль къ себѣ Великаго Князя. Ослу-
шаніе казалось Ярославу неблагоразуміемъ
въ шогдашнихъ обстоятельспвахъ Россіи,
изнуренной, безлюдной, полной развалинъ
и гробовъ: презирая собственную личную
опасность, Великій Князь опсправился со
многими Болрами въ спанъ Батыевъ, а
сына своего, юнаго Константина, послаль
въ Ташарію къ Великому Хану Окшаю,
копорый въ сіе время, празднуя блестя-
щія завоеванія Моголовъ въ Кишаѣ и въ
Европѣ, угощаль всѣхъ спартѣйшинъ на-
рода. Никогда, по сказанію Историка Та-
шарскаго, міръ не видалъ праздника споль
роскошнаго, ибо число гостей было не-
сметливо. — Батыйъ принялъ Ярослава съ
уваженіемъ и назвалъ Главою всѣхъ Кня-
зей Россійскихъ⁵⁵, ошдавъ ему Кіевъ (оп-
куда Михаилъ уѣхаль въ Черниговъ). Такъ
Государи наши шоржешспвенно опспреклись
опъ правъ народа независимаго и скло-

Рос-
сія въ
под-
дан-
ствѣ
Мо-
го-
ловъ.

ними выю подъ иго варваровъ. Поспупокъ Ярослава служилъ примѣромъ для Удѣльныхъ Князей Суздальскихъ: Владиміръ Конспанпиновичъ, юный Борисъ Васильковичъ, Василій Всеволодовичъ (внукъ Конспанпиновъ) также были *целомъ* надменному Башью, чшобы мирно господствовать въ обласняхъ своихъ.

Сынъ Ярославовъ чрезъ два года возвратился изъ Кышайской Татаріи; а Великій Князь, впорично принужденный ѣхать въ Орду со всѣми родспвенниками, долженъ былъ самъ отправиться къ берегамъ Амура, гдѣ Моголы, по смерти Окпалъ, занимались избраніемъ новаго Великаго Хана. Ярославъ проспился навѣки съ любезнымъ опечесивомъ: сквозъ степи и пущыни достигнувъ до Ханскаго спана, онъ въ числѣ многихъ иныхъ данниковъ смирялся предъ прономъ Окспаева наслѣдника, оправдалъ себя въ какихъ-то доносахъ, сдѣланныхъ на него Хану однимъ Россійскимъ Вельможею, и получивъ милоспвное дозволеніе ѣхать обратно, кончилъ жизнь на пущи³⁶. Такимъ образомъ

Г. 1246. Сеп-
тябрясей
50. Кон-
чина
и свой-
ства

Князь несчастный, бывъ свидѣтелемъ и жерпвою народнаго уничтоженія Россіи, не имѣлъ и послѣдняго ушѣшенія сомкнуть глаза въ нѣдрахъ святаго опечесива! Вѣр-

ные Бояре привезли его пѣло въ сполит-Яро-
цу Владимірскую. Говорили, чшо онъ былъ слава.
оправленъ; чшо мапъ новаго Хана Гаюка, какъ бы въ знакъ особеннаго благоволенія, предложивъ Ярославу пищу изъ собспвенныхъ рукъ, дала ему ядъ, копорый въ седьмый день прекрашилъ его жизнь, и ясно обнаружился пашнами на пѣлѣ умершаго. Но Моголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйспвовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Могъ ли Князь Владимірскаго обласпи казаться спрашнымъ Монарху, повелѣвавшему народами опъ Амура до успья Дунайскаго?

Ярославъ, въ юности жестокой и непримиримый опъ чесполубія, украшался и важными достоинспвами, какъ мы видѣли: благоразуміемъ дѣяпсельнымъ и бодростію въ государспвенныхъ несчастіяхъ, бывъ возобновшелемъ разрушеннаго Великаго Княженія; гибкостію и превосходспвомъ ума своего снискалъ почпвнѣ варваровъ, Башья и Гаюка, но не заслужилъ *ревностной* похвалы нашихъ Лѣшописцевъ, ибо не раздавалъ имѣнія церквамъ и Монахамъ, опличаясь, можешъ быпъ, Вѣрою просвѣщенною, а не суевяпнспвомъ. — Супруга его, именемъ Θεодосіа, оставленная имъ въ Новѣгородѣ,

скончалась шамъ въ 1244 году; за малое время до смерти посприглась въ Георгиевскомъ монастырѣ и была схоронена въ ономъ подлѣ ея сына, Θεодора³⁷.

Россія, огорченная смертію Ярослава, почти въ то же время свѣдала ужасныя общояшельства кончины Михайловой³⁸.

Убіеніе Ми- ханла. Узнавъ, что сынъ его, Ростиславъ, принялъ весьма дружелюбно въ Венгріи, и что Бела IV, въ исполненіе прежняго обязательства, наконецъ выдалъ за него дочь свою, Михаилъ въпорично поѣхалъ туда совѣщавшійся съ Королемъ о средствѣхъ избавить себя отъ ига Татарскаго; но Бела изъявилъ къ нему споль мало уваженія, и самъ Ростиславъ шакъ холодно встрѣпилъ отца, что сей Князь съ величайшимъ неудовольствіемъ возвратился въ Черниговъ, гдѣ сановники Ханскіе переписывали тогда бѣдный осматокъ народа и налагали на всѣхъ людей дань поголовную, отъ земледѣльца до Болрина³⁹. Они велѣли Михаилу ѣхать въ Орду. Надлежало покориться необходимости. Принявъ отъ Духовника благословеніе и запасные Святые Дары, — ободренный, утѣшенный его Христіанскими наставленіями, онъ съ Вельможею Θεодоромъ и съ юнымъ внукомъ, Борисомъ Василькови-

чемъ Ростовскимъ, прибылъ въ станъ къ Моголамъ, и хотѣлъ уже вступитъ въ шашеръ Батыевъ; но волхвы или жрецы сихъ язычниковъ, блюстители древнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, требовали, чтобы онъ шелъ сквозь разложенный передъ спавкою священный огонь, и поклонился ихъ кумирамъ. «Нѣтъ!» сказалъ Михаилъ: «я могу поклониться Царю вашему, ибо Небо вручило ему судьбу Государствъ земныхъ; но Христіанинъ не служитъ ни огню, ни глухимъ идоламъ.» Услышавъ о томъ, свирѣпый Батый объявилъ ему чрезъ своего Вельможу, именемъ Эльдега⁴⁰, что должно повиноваться или умереть. «Да будетъ!» отвѣтствовалъ Князь; вынуть Запасные Дары, вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ, Θεодоромъ, причастился Святыхъ Таинъ, и пылая ревностію Христіанскихъ Мучениковъ, пѣлъ громогласно святыя Псалмы Давидовы. Напрасно юный Борисъ хотѣлъ его смягчить моленіемъ и слезами; напрасно Вельможи Ростовскіе брали на себя грѣхъ и шоржеспвенное покаяніе, если Михаилъ исполнилъ волю Батыеву, слѣдуя примѣру другихъ Князей нашихъ. «Для васъ не погублю души,» говорилъ онъ, и свергнувъ съ себя мантию Княжескую⁴¹, примолвилъ: «возмите

«славу міра; хочу небесной.» По данному знаку убійцы бросились какъ шигры на Михаила, били его въ сердце, пошпали ногами: Бояре Россійскіе безмолвствовали отъ ужаса. Одинъ Феодоръ споялъ покойно, и съ веселымъ лицомъ ободрялъ перзасмага Князя, говоря, что онъ умираетъ какъ должно Христіанину; что муки земныя непродолжительны, а награда небесная безконечна. Желая, можетъ быть, прекрапитъ Михаилово страданіе, какой-то опсщупникъ Вѣры Христіанской, именемъ Доманъ, житель Пупивля, опсѣкъ ему голову и слышалъ послѣднія, шихо произнесенныя имъ слова: *Христіанинъ есмь!* Пишущъ, что самъ Башый, удивляясь швердосши сего несчастнаго Князя, назвалъ его великимъ мужемъ. Бояринъ Феодоръ пріялъ также вѣнецъ Мученика, и доказалъ, что онъ, упшшая Михаила, не лицемѣрилъ: ибо, раздираемый на частши варварами, славиль благосшъ Небесную и свою долю. Тѣла ихъ, поверженныя на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ Россіянъ; а Церковь признала Святыми и великодушнаго Князя и вѣрнаго слугу его, кошорые, не имѣвъ силъ одолѣшь Моголовъ въ бишвѣ, рѣдкою швердосшию доказали по крайней мѣрѣ чудес-

ную силу Христіанства. — Юный Борисъ Васильковичъ, оплакавъ жребій дѣда, долженъ былъ ѣхать къ Саршаку, Башыеву сыну, кочевавшему на границахъ Россіи, и получилъ дозволеніе возвращапія въ свой Удѣль; о Князьяхъ же Черниговскихъ съ шого времени почти совѣмъ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ: знаемъ единшвенно, что шамъ около 1261 года влашвовалъ Андрей Всеволодовичъ, зяпъ Данилова брапа, Василька⁴². Сыновья Михайловы, по кончинѣ опца, княжили въ Удѣлахъ: Романъ въ Брянскѣ, Мспиславъ въ Карачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торуссѣ; а старшій ихъ брапъ, Роспиславъ, зяпъ Короля Белы, оспался въ Венгріи, и получивъ въ Удѣль отъ своего шесши Банапъ Маховскій (въ Сервіи), назывался Государемъ сей обласши, Герцогомъ Болгаріи и повелишелемъ Славоніи (Rex de Madschau, Dux et Imperator Bulgariae et Banus totius Sclavoniae). Отъ сыновей его, Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховскіе и Боснійскіе; сеспра же ихъ совокупилась бракомъ съ Лешкомъ Чернымъ, Герцогомъ Польскимъ.

Сшасшливѣ Князя Черниговскаго былъ Даниль въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Ордою. Послы за Послами являлись у

него опъ имени Ханскаго, пребуя, чпо-
бы онъ искалъ милоспи Башыевой рабо-
лѣспвомъ или опказался опъ земли Га-
лицкой. Наконецъ Даниль похалъ къ се-
му завоевателю чрезъ Кіевскую споллицу,
управляемую Бояриномъ Ярослава Суздаль-
скаго, Димипріемъ Ейковичемъ; встрѣ-
пили Ташаръ за Переяславлемъ, госпили
у Куремсы, ихъ Темника, и въ окреспно-
спяхъ Волги нашелъ Башыя, копорый,
въ знакъ особеннаго благоволенія, немедлен-
но впустилъ его въ свой шаперъ, безъ
всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавист-
ныхъ для православія нашихъ Князей.
»Ты долго не хошѣлъ меня видѣшь,« ска-
залъ Башый: »но шеперь загладилъ вину
»повиновеніемъ.« Гореспный Князь пилъ
кумысь, преклоняя колѣна и слава вели-
чіе Хана. Башый хвалилъ Данила за со-
блюденіе Ташарскихъ обычаевъ; однакожь

Дани- велѣлъ данъ ему кубокъ вина, говоря:
н.лѣ чс-
спимъ
въ Ор-
дѣ. »вы не привыкли къ нашему молоку.« Сія
чеспъ стоила не дешево: Даниль, про-
бывъ 25 дней въ Улусахъ, выѣхалъ оп-
пуда съ именемъ слуги и данника Хан-
скаго. — Далѣ опкроешся, чпо сей Князь,
лаская Моголовъ, хошѣлъ единспвенно
успиши ихъ на время, и думалъ о сред-
спвахъ избавиши опчеспво опъ ига.

Между шѣмъ Государи сосѣдспвенные,
устрашенные его дружеспвенною связію съ
Ордою, начали оказывашъ къ нему гораздо
болѣ уваженія. Не за-долго до шого вре-
мени Король Бела имѣлъ съ нимъ новую
вражду. Роспиславъ Михайловичъ, зяпъ
Королевскій, предводишеспвуя Венгра-
ми, осаждалъ Ярославль; съ обѣихъ сппо-
ронъ изъясляли оспервененіе и казнили
знапнѣйшихъ пѣвниковъ; въ шомъ числѣ
Россіяне умершвили славнаго гордоспию
Полководца Венгерскаго, Фильню, и въ
кровопролитной бишѣ одержали верхъ.
Боясь, чшобы Моголы, какъ покровишели
Данила, вшорично не явились за горами
Карпатскими, Бела предложилъ ему пѣ-
спный союзъ, и выдалъ меньшую дочь,
именемъ Констанцію, за его сына, Льва:
чему спспособшвовалъ Митрополишъ Ки-
риллъ, избранный Даниломъ и Василь-
комъ на мѣспію Іосифа; онъ ѣхалъ спа-
вишъся въ Констаншинополь чрезъ Вен-
грію, говорилъ съ Белою и ручался сво-
имъ Князьямъ за искренность сего Мо-
нарха. Ушвердивъ вѣчный съ нимъ миръ,
Даниль жилъ согласно и съ Поляками.
Конрадъ умеръ его другомъ: Болеславъ
Мазовскій также. Послѣдній, женатый на
дочери Александра Бельзскаго, Анаспасіи,

въ угодность Данилу опказалъ Мазовію
брату своему, Самовишу⁴³.

Любопышна была известія о Россіи и Ташарахъ. Описавъ случаи времени Ярославовыхъ, мы должны упомянуть о любопытномъ путешествіи Іоанна Планъ-Карпина, Монаха Францисканскаго, въ Ташарию къ Великому Хану. Европа, приведенная въ ужасъ нашествіемъ Батыевымъ, еще пренепала, взирая на развалины Польши и Венгрии: ибо Ташары могли возвратиться. Нѣмецкій Императоръ писалъ ко всѣмъ Государямъ, чѣобы они собрали войско для спасенія Царствъ и Вѣры. Безпокойство, волненіе было общее; народъ постился; Духовенство день и ночь молилось въ храмахъ. Одинъ Св. Людовикъ, мужественный Король Французскій, не терялъ бодрости, и спокойно оповѣщивалъ мапери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на мечь свой, смѣло встрѣтитъ варваровъ. Но Папа, Иннокентій IV, желая миромъ удалить бурю, отправилъ къ Хану Монаховъ съ дружелюбными письмами⁴⁴. Іоаннъ Карпинъ, одинъ изъ сихъ Пословъ, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Италіи чрезъ Россію, и сообщаетъ слѣдующія известія о погдашнемъ ея состоянии и Моголахъ. Увидимъ, что Папа, думая о Ташарахъ, не забывалъ и нашихъ

предковъ, усиленно домогаясь подчинить насъ Лапинской Церкви. Несчастія Россіянъ давали ему шѣмъ болѣе надежды успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ.

«Въ Мазовіи» — пишетъ Карпинъ — «встрѣпили мы Князя Россійскаго, Василька» (брата Данилова, ходившаго погда съ Мазовскимъ Герцогомъ на Япвляговъ) «копорый разсказалъ намъ весьма много любопытнаго о Ташарахъ. Узнавъ, что не должно ѣхать въ Орду съ пустыми руками, мы купили нѣсколько бобрывыхъ и другихъ шкуръ. Коврадъ, Герцогъ Краковскій, Епископъ и Бароны Польскіе снабдили насъ также всякими мѣхами, прося Князя Василька бытъ нашимъ покровителемъ. Въспѣвъ съ нимъ ирѣхали мы въ его столицу (Владиміръ Волинскій), гдѣ, отдохнувъ, желали бесѣдовать съ Россійскими Епископами, и предложили имъ письма отъ Папы, копорый убѣждалъ ихъ присоединиться къ Лапинской Церкви; но Епископы и Василько оповѣщивали, что они не могутъ ничего сказать намъ безъ Князя Данила, брата Василькова, бывшаго погда въ Орду. Послѣ чего Василько отправилъ насъ съ вожатымъ въ Кіевъ, куда мы и прибыли благополучно, не смотря на

»глубокій снѣгъ, холодъ и многія опасно-
 »сти⁴⁵: ибо Липовцы безпрестанными
 »набѣгами превожатъ сію часть Россіи.
 »Жипелей вездѣ мало: они испреблены
 »Моголами, или опшвены ими въ плѣнъ.
 »Въ Кіевѣ наняли мы Ташарскихъ лоша-
 »дей, а своихъ оставили: ибо онѣ могли
 »бы умереть съ голода въ дорогѣ, гдѣ
 »нѣтъ ни сѣна, ни соломы; а Ташарскія,
 »разбивая копытами снѣгъ, пишаются
 »одного мерзлаго правого.

»Первое мѣсто, въ коемъ живуть Мо-
 »голы (близъ Кіева), называется *Хановымъ*.
 »Они со всѣхъ сторонъ окружили насъ,
 »спрашивая, за чѣмъ и куда ѣдемъ? Я оп-
 »вѣчалъ, что мы Послы опца и владыки
 »всѣхъ Хрисціанъ, копорый, ничѣмъ не
 »оскорбивъ Государей Ташарскихъ, съ край-
 »нимъ изумленіемъ свѣдалъ о разореніи
 »Венгріи и Польши, гдѣ живуть *его под-*
 »даные; что онъ, желая мира, въ пись-
 »махъ своихъ убѣждаетъ Хановъ принять
 »Вѣру Хрисціанскую, безъ коей нѣтъ спа-
 »сенія. Моголы удовольствовались нѣко-
 »порыми подарками и дали намъ вожа-
 »тыхъ до Орды главнаго ихъ начальника.
 »Онъ называется Куремсою, предводи-
 »тельствуютъ шестидесятью тысячами
 »воиновъ и хранитъ западные предѣлы

»Могольскихъ владѣній. — Куремса отпра-
 »вилъ насъ къ Башню, первѣйшему изъ
 »Хановъ послѣ Великаго.

»Мы проѣхали всю землю Половецкую,
 »обширную равнину, гдѣ шекуютъ рѣки
 »Днѣпръ, Донъ, Волга, Яикъ, и гдѣ лѣ-
 »помъ кочуютъ Ташары, повинуютъ раз-
 »нымъ Воеводамъ⁴⁶, а зимою приближающ-
 »ся къ морю *Грегескому* (или Черному).
 »Самъ Башый живетъ на берегу Волги,
 »имѣя пышный, великолѣпный Дворъ, и
 »600,000 воиновъ, 160,000 Ташаръ и 450,000
 »иноплеменниковъ, Хрисціанъ и другихъ
 »подданныхъ. Въ Пяшницу Спраспныя
 »недѣли провели насъ въ спавку его ме-
 »жду двумя огнями, для того, какъ гово-
 »рили Ташары, что огонь есть чиспи-
 »лице для всякихъ злыхъ умысловъ, опни-
 »мая даже силу у скрываемаго яда. Мы
 »должны были нѣсколько разъ кланяться
 »и вспупить въ шаперъ, не касаясь по-
 »рога. Башый сидѣлъ на пронѣ съ одною
 »изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и
 »Вельможи на скамьяхъ; другіе на землѣ,
 »мужчины на правой, а женщины на лѣ-
 »вой сторонѣ. Сей шаперъ, сдѣланный
 »изъ спонкаго полошна, принадлежалъ Ко-
 »ролю Венгерскому: никпо не смѣетъ
 »входить туда безъ особеннаго дозволенія,

»кромя семейства Ханскаго. Намъ указали
 »мѣсто на лѣвой сторонѣ, и Башый съ
 »великимъ вниманіемъ читалъ письма
 »Иннокентіевы, переведенныя на языки
 »Славянскій, Арабскій и Татарскій. Ме-
 »жду тѣмъ онъ и Вельможи его пили изъ
 »золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ:
 »при чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣс-
 »нями. Башый имѣетъ лице красноватое⁴⁷;
 »ласковъ въ обхожденіи съ своими, но гро-
 »зень для всѣхъ; на войнѣ жестоко, хитро,
 »и славится опытностію. — Онъ велѣлъ
 »намъ ѣхать къ Великому Хану.

»Хотя мы были весьма слабы, ибо
 »пишались во весь поспѣ однимъ просомъ
 »и пили только снѣжную воду, однакожь
 »ѣхали скоро, пять или шесть разъ въ
 »день мѣняя лошадей, гдѣ находили ихъ.
 »Земля Половецкая во многихъ мѣстахъ
 »еще дикая степь: жилили испреблены
 »Татарами, или бѣжали; другіе признали
 »себя ихъ подданными. Она граничитъ
 »къ Сѣверу съ Россією, Мордовою, Болга-
 »рією, Башкирією (pays des Bastarques),
 »югочесствомъ Венгровъ, и съ Самоѣдами
 »(Samogedes), обитающими на пустынныхъ
 »берегахъ Океана⁴⁸; къ Югу съ Аланами
 »(Оссепинцами), Черкесами, Козарами и
 »Грецією. За Половцами начинается спра-

»на Кангиповъ (Кангей или Хвалисовъ),
 »совершенно безводная, и мало населенная.
 »Въ сей печальной степи (нынѣ Киргиз-
 »ской) умерли отъ жажды Бояре Яросла-
 »ва, Князя Россійскаго, посланные имъ въ
 »Татарію: мы видѣли ихъ кости. Вся
 »земля опустошена Моголами; жилили,
 »не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ,
 »и пакъ же, какъ Половцы, не знаютъ
 »хлѣбопашества, а кормятся однимъ ско-
 »пководствомъ.

»Около Вознесенія Христова въѣхали
 »мы въ страну Бесерменовъ (Харазовъ
 »или Хивинцевъ) »говорящихъ языкомъ По-
 »ловцевъ, но исповѣдующихъ Вѣру Сара-
 »цинскую⁴⁹. Тамъ предсѣвилось намъ мно-
 »жество селъ и городовъ опустошенныхъ.
 »Владѣтель ихъ, называемый Великимъ
 »Султаномъ, погибъ со всѣмъ родомъ отъ
 »меча Татарскаго. Сія земля имѣетъ боль-
 »шія горы и сопредѣльна къ Сѣверу (Во-
 »лгоку) съ Черными Кипанами (въ Ма-
 »лой Бухаріи), гдѣ живетъ Сибанъ, братъ
 »Батыевъ, и гдѣ находился дворецъ Хан-
 »скій⁵⁰. Далѣе мы увидѣли обширное озе-
 »ро (Байкаль), оставили его на лѣвой
 »сторонѣ, и чрезъ землю кочующихъ Най-
 »мановъ въ исходѣ Іюня прибыли въ опе-

»чество Моголовъ, копорые сушь испин-
»ные Ташары.

»Уже нѣсколько лѣтъ они гоповились
»къ избранію Великаго Хана; но Гаюкъ
»еще не былъ поржеспивенно возглашенъ
»Окшаевымъ преемникомъ: онъ велѣлъ
»намъ ждашь сего времени, и послалъ къ
»машери, вдовствующей супругъ Окшае-
»вой, именемъ Тураканъ, у коей собира-
»лись всѣ чиновники и спаръйшины: ибо
»она была тогда правительницею. Ея
»спавка, обнесенная пыномъ, могла вмѣ-
»спитъ болѣе 2000 человекъ. Воеводы
»сидѣли на коняхъ, богато украшенныхъ
»серебромъ, и совѣшовались между собою⁵¹.
»Одежда ихъ въ первый день была *пурпу-*
»*ровая бѣлая*, на другой день красная, на
»шрешій синевашая, а на чешвершій
»алая. Народъ шолпился внѣ ограды. У
»воропъ спояли войны съ обнаженными
»мечами; въ другія вороша, хотя оспа-
»вленныя безъ спражи, никпо не смѣлъ
»входить кромъ Гаюка. Вельможи безпре-
»спанно шили кумысь и хопѣли насъ
»шакже поипъ; но мы опказались. Они
»вездѣ давали первое мѣсто намъ и Рос-
»сійскому Князю Ярославу; шунъ же на-
»ходились два сына Грузипскаго Царя, По-
»солъ Калифа Багдадекаго и многіе другіе

»Послы Сарацинскіе, числомъ до чешпы-
»рехъ пысячь: одни съ дарами, иные съ
»данію.

»Такимъ образомъ мы жили цѣлый мѣ-
»сяць въ семъ шумномъ спанѣ, называе-
»момъ Сыра Орда, и часпо видѣли Гаюка.
»Когда онъ выходилъ изъ шапра своего,
»пѣвцы обыкновенно шли впереди и гром-
»ко пѣли его славу. Наконецъ Дворъ пере-
»ѣхалъ въ другое мѣсто, и расположился
»на берегу ручья, орошающаго прекрасную
»долину, гдѣ споялъ великолѣпный ша-
»перъ, называемый *Златая Орда*. Спол-
»пы сего шапра, внушри и снаружи укра-
»шеннаго богатыми шканлями, были око-
»шваны золопомъ. Тамъ надлежало Гаюку
»поржеспивенно возѣсть на пресполь въ
»день Успенія Богоматери. Но ужасная не-
»погода, градъ и снѣгъ препяшпшовали
»совершенію обряда до 24 Августа. Въ
»сей день собрались Вельможи, и смотря
»на Югъ, долго молились Всевъшнему: по-
»слѣ чего возвели Гаюка на зланный шронъ,
»и преклонили колѣна; народъ шакже.
»Князья и Вельможи говорили Имперапо-
»ру: *мы хотимъ и требуемъ, чтобы ты*
»*повелѣвалъ нами*. Гаюкъ спросилъ: *же-*
»*лая илпть меня Государемъ, готовы ли*
»*вы исполнять мою волю; являтся, когда*

»тзову васъ; итти, куда велю, и предать
 »смерти всякаго, кого наименоую?» всѣ оп-
 вѣшествовали: »готовы!»... И такъ» (ска-
 залъ Гаюкъ) »слово мое да будетъ отнынѣ
 »мечель!» Вельможи взяли его за руку,
 свели съ трона и посадили на войлокъ,
 говоря Императору: »Надъ тобою Небо и
 »Всевышній; подъ тобою земля и войлокъ.
 »Если будешь любить наше благо, милость
 »и правду, уважая Князей и Вельможь
 »по ихъ достоинству, то царство Гаюкова
 »прославится въ міръ, земля тебѣ поко-
 »рится и Богъ исполнитъ всѣ желанія
 »твоего сердца. Но если обманеши надежду
 »подданныхъ, то будешь презрителенъ, и
 »столь блденъ, что самый войлокъ, на ко-
 »торомъ сидишь, у тебя отнимется. То-
 »гда Вельможи, поднявъ Гаюка на рукахъ,
 »возгласили его Императоромъ, и при-
 »несли къ нему множество серебра, золо-
 »та, камней драгоценныхъ и всю казну
 »умершаго Хана; а Гаюкъ часть сего бо-
 »гатства роздалъ чиновникамъ въ знакъ
 »ласки и щедрости. Между шѣмъ гопо-
 »вился пиръ для Князей и народа; пили
 »до самой ночи, и развозили въ шелегахъ
 »мясо, вареное безъ соли.

Гаюкъ имѣетъ отъ роду 40 или 45
 лѣтъ, роспу средняго, отменно уменъ,

»догадливъ и сполю важенъ, что никогда
 »не смѣется. Христиане, служащіе ему,
 »увѣряли насъ, что онъ думаетъ при-
 »нять Вѣру Спасителя, ибо держишь
 »у себя Христианскихъ Священниковъ и
 »дозволяешь имъ всепардно передъ сво-
 »имъ шашромъ отправлять Божествен-
 »ную службу по обрядамъ Греческой Цер-
 »кви. Сей Императоръ говоришь съ ино-
 »спранцами только черезъ переводчиковъ,
 »и всякой, кто подходитъ къ нему, дол-
 »женъ спашъ на колѣна. У него есть гра-
 »жданскіе чиновники и Секретари, но нѣтъ
 »спрячкихъ: ибо Моголы не терпятъ
 »ябеды, и слово Ханское рѣшишь плябу.
 »Что скажетъ Государь, то и сдѣлано;
 »никто не смѣетъ возражать или про-
 »сить его дважды объ одномъ дѣлѣ. Гаюкъ,
 »пылая славолубіемъ, гоповъ цѣлый міръ
 »обратишь въ пепель. Смерть Октаева
 »удержала Моголовъ въ ихъ спремени
 »сокрушить Европу: нынѣ, имѣя новаго
 »Хана, они ревностно жамають кровопро-
 »лишя, и Гаюкъ, едва избранный, въ пер-
 »вомъ совѣтѣ съ Князьями своими поло-
 »жилъ объявишь войну Церкви нашей, Им-
 »періи Римской, всѣмъ Государямъ Хри-
 »стіанскимъ и народамъ Западнымъ, если
 »Св. Опець — чего Боже избави — не испол-

»нишь его прѣбowańй, то есть, не по-
»корится ему со всеми Государями Евро-
»пейскими: ибо Моголы, слѣдую завѣща-
»нію Чингисханову, непременно хопящъ
»овладѣшь вселенною.

»Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ
»нашь, равно какъ и другихъ Пословъ. Се-
»кремарь его сказывалъ ему имя каждаго;
»однакожь не многіе изъ нихъ были впу-
»щены въ спавку Императорскую. Дары,
»поднесенные ими Хану, сосшояли въ шел-
»ковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣд-
»лахъ, пакже вельблюдахъ и лошакахъ,
»богато украшенныхъ. Между сими без-
»численными дарами мы замѣнили одинъ
»зонтикъ, весь осыпанный драгоценными
»камнями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ
»шапровъ стояло болѣе пяти сотъ те-
»легъ, наполненныхъ золотомъ, серебромъ,
»шелковыми одеждами: что все было оп-
»дано Хану, Князьямъ и Вельможамъ, ко-
»торые послѣ дарили шѣмъ своихъ чи-
»новниковъ. Одни мы не поднесли ничего,
»ибо ничего не имѣли.

»Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ
»не хотѣлъ вступишь съ нами въ пере-
»говоры, и мы около мѣсяца жили празд-
»но, въ скукѣ, въ недоспаикѣ, получая
»отъ Моголовъ на пять дней не болѣе

»шого, что надлежало издержашъ въ одинъ
»день; а купишь было нечего. Къ счастью,
»добрый Россіянинъ, золошарь, именовъ
»Комъ, любимецъ Гаюковъ, надѣлялъ насъ
»всеми нужнымъ. Опъ сдѣлалъ печашъ для
»Хана и пронъ изъ слоновой кости, укра-
»шенный золопомъ и камнями драгоцен-
»ными съ разными изображеніями, и съ
»удовольствіемъ показывалъ намъ свою ра-
»боту. — Наконецъ Гаюкъ, призвавъ насъ,
»спросилъ, есть ли у Папы люди знаю-
»щіе языкъ Ташарскій, Русскій или Араб-
»скій? Нѣтъ, отвѣчали мы: хотя въ Евро-
»пѣ и находяиця нѣкоторые Арабы, но
»далеко отъ того мѣста, гдѣ живешъ
»Папа. Впрочемъ мы брались сами пере-
»весити на Лапинскій языкъ, что будешъ
»угодно Хану написашъ къ Св. Опцу. Въ
»слѣдствіе того пришелъ къ намъ Кадакъ,
»государственный Министръ, съ премея
»Ханскими Секретарями для сочиненія
»грамоты, которую мы, слушая ихъ, пи-
»сали на Лапинскомъ языкѣ, и толковали
»имъ каждое слово: ибо они боялись ошиб-
»ки въ переводѣ, и спрашивали, ясно ли
»разумѣемъ, что пишемъ? Приставы на-
»ши говорили, что Ханъ опсправишъ съ
»нами собшвенныхъ Пословъ въ Европу,
»если будемъ о томъ просишь его; но

«сего мы не хощѣли: во-первыхъ для того, что они увидѣли бы несогласіе и междоусобіе Государей Христіанскихъ, «споль благопріятное для невѣрныхъ; во-вторыхъ, ежели бы съ Послами Гаюка «сдѣлалось какое несчастіе въ Европѣ, то онъ еще болѣе оспервенился бы противъ Христіанъ. Къ тому же Ханъ не «уполномочилъ бы сихъ Пословъ для заключенія надежнаго мира, а велѣлъ бы «имъ единственно вручить письма Св. «Опцу такого же содержанія, какъ и дан- «ныя намъ за его печатію»⁵².

«Откланявшись Гаюку и мапери его, «которая дала намъ по шубѣ лисьей и по «красному кафтану, мы оправились въ «обратный путь, 14 Ноября, чрезъ не- «обозримыя пустыни; не видали ни селе- «ній, ни лѣсовъ; ночевали въ снѣгахъ, на «снѣгу, и пріѣхали къ Вознесенію въ снѣгъ «Башыевъ, чтобы взять у него письма «къ Папѣ. Но Батый сказалъ, что онъ «не можешь ничего прибавить къ отвѣ- «сту Хана, и далъ намъ пропускъ, съ ко- «имъ мы благополучно доѣхали до Кіева, «гдѣ считали насъ уже мертвыми, равно «какъ и въ Польшѣ. Князь Россійскій Да- «ніилъ и братъ его, Василько, оказали «намъ много ласки въ своемъ владѣніи, и

«собрать Епископовъ, Игуменовъ, знающихъ «людей, съ общаго согласія объявили, что «они *намерены признать Св. Отца Гла- «вою ихъ Церкви, подтверждая все сказан- «ное ими о томъ прежде чрезъ особеннаго «Посла, бывшаго у Папы.*»

Сіе важное извѣстіе согласно съ гра- мошами Иннокентія IV, съ льпописями Польскими и нашими собственными. За- нимаясь великимъ намѣреніемъ свергнуть иго Башыева, Даніилъ съ горестію ви- дѣлъ слабость Россіи, уныніе Князей и Поли- народа; не могъ надѣяться на ихъ содѣй- ствіе, и долженствовалъ искать спосо- бовъ въ опечесѣва. Единовѣрная Греція, спѣсенная Аравіянами, Турками, Кре- стноносцами, едва существовала: Даніилъ обратился глаза на Западъ, гдѣ Римъ былъ душою и средоточіемъ всѣхъ государ- ственныхъ движеній. Сей Князь (въ 1245 или 1246 году) далъ знать Иннокентію, что желаетъ соединить Церковь нашу съ Латинскою, готовый подъ ея знаме- нами иппи противъ Моголовъ. Началось дружелюбное сношеніе съ Римомъ⁵³. Папа, называя Даніила Королемъ и любезнѣй- шимъ сыномъ, велѣлъ Архіепископу Прус- скому ѣхать въ Галицію, и выбрать тамъ Священелей изъ ученыхъ Монаховъ Ка-

полическихъ; объявилъ спсходисельно, что всѣ обряды Греческой Вѣры, не пропивныя Латинской, могутъ и впредь бытъ у насъ соблюдаемы невозбранно (какъ-то служеніе на квасныхъ просфорахъ), и въ знакъ особенной благосклонности утвердилъ супружество Князя Василька, женатаго на родственницѣ *въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ* (такъ сказано въ письмѣ Иннокентіевомъ, гдѣ сія дочь Георгія Суздальскаго именована *Добравою*); наконецъ, чтобы оболъстить Данилово честолюбіе, предложилъ ему вѣнецъ Королевскій. Разумный Князь отвѣщивалъ: »пробую войска, а не вѣнца, украшенія суетнаго, пока варвары »господствуютъ надъ нами⁵⁴.« Иннокентій обѣщалъ и войско: но Данилъ въ ожиданіи того медлилъ объявить себя Каполиккомъ; оба хитрили, досадовали, и въ 1249 году Легатъ Папскій съ недовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Посредничество Короля Венгерскаго упустило сію явную ссору: въ залогъ милости Иннокентій (въ 1253 или 1254 году) прислалъ къ Данилу вѣнецъ съ другими Царскими украшениями. Достойно замѣчанія, что Князь Галицкій, нечаянно встрѣтивъ Пословъ Римскихъ въ Краковѣ, не хотѣлъ

видѣвъ ихъ, сказавъ: »миѣ, какъ Государю, непристойно бесѣдовать съ вами въ »землѣ чуждой.« Онъ впрочемъ не хотѣлъ принять и короны; но убѣжденный мащерию, вдовешствующею супругою Романовою, и Герцогами Польскими, согласился, пребуя, чтобы Иннокентій взялъ дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны Христіанъ отъ Башыя, и до всеобщаго Собора не осуждалъ Догматовъ Греческой Церкви: въ слѣдствіе чего Данилъ призналъ Папу *своимъ отцемъ* и Намѣстникомъ Св. Петра, коего властію Посоль Иннокентіевъ, Аббатъ Мессинскій, въ црисущствіи народа и Бояръ возложилъ вѣнецъ на главу его. Сей достопамятный обрядъ совершился въ Дрогичинѣ, и Князь Галицкій съ того времени именовался *Королемъ*; а Папа написалъ грамоту къ Дани-^{ль,} Богемскому, Моравскому, Польскому, Серб-^{Ко-}скому и другимъ народамъ, чтобы они ^{роль} вмѣстѣ съ Галичанами ^{Га-} *подъ знаменемъ* ^{лиц-} *креста* ударили на Моголовъ⁵⁵; но какъ отъ безразсуднаго междуособія Христіанскихъ Государей сіе ополченіе не состоялось, то Данилъ снялъ съ себя личину, опрелея отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ Папы, Александра IV, которій (въ 1257 году) писалъ къ нему, что »онъ

»забылъ духовныя и временныя благодаренія Церкви, вѣнчавшей и помазавшей его на царство; не исполнилъ своихъ обѣщаній, и погибнетъ, если съ новымъ раскаяніемъ не обратится на путь истины; что клятва церковная и булава мірскій гонимы наказаны неблагодарнаго⁵⁶.« Въ надеждѣ смиришь Моголовъ Пособствами и дарами, новый Король Галицкій, богатый казною, сильный войскомъ, окруженный сосѣдами или несогласными или слабыми, уже смѣялся надъ злобою Папы, и строго наблюдая уставы Греческой Церкви, доказалъ, что мнимое присоединеніе его къ Латинской было одною государственною хитростію⁵⁷.

Обращаясь къ путешеству Карпина, предложимъ сказанное имъ о свойствахъ, нравахъ и Вѣрѣ Моголовъ: сіи извѣстія также достойны замѣчанія, сообщая намъ ясное понятіе о народѣ, который столько долгое время угнеталъ Россію.

»Татары (повѣствуетъ Карпинъ) отличны видомъ отъ всѣхъ иныхъ людей, имѣя щеки выпуклыя и надутыя, глаза едва примѣшныя, ноги маленькія; большею частію росомъ не высоки и худы⁵⁸; лицемъ смуглы и рябы. Они брѣютъ волосы за ушами и спереди на лбу,

»отпуская усы, бороду и длинныя косы назадъ; выстригаютъ себя также гурменцо, подобно нашимъ Священникамъ. Мужчины и женщины носятъ кафшаны парчевые, шелковыя и клеиношныя, или шубы навыворотъ (получая шкуры изъ Персіи, а мѣха изъ Россіи, Болгаріи, земли Мордовской, Башкиріи) и какія-то странныя высокія шапки⁵⁹. Живутъ въ шатрахъ, сплешенныхъ изъ прутьевъ и покрытыхъ войлоками; вверху дѣлаются отвѣсныя, чрезъ которое входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ: ибо у нихъ всегда пылаетъ огонь въ шаткѣ. Спада и шабуны Могольскіе безчисленны: въ цѣлой Европѣ нѣтъ такого множества лошадей, вельблюдовъ, овецъ, козъ и рогатой скотины. Мясо и жидкая просяная каша есть главная пища сихъ дикарей, довольныхъ малымъ ея количествомъ. Они не знаютъ хлѣба; ѣдятъ все нечистыми руками, обпирая ихъ объ сапоги или шкуру; не моютъ ни коней, ни самой одежды своей; любятъ кумысъ и пьянство до крайности, а медъ, пиво и вино получаютъ иногда изъ другихъ земель. Мужчины не занимаются никакими работами: иногда присматриваютъ только за сподами или дѣлаютъ стрѣлы.

»Младенцы прехъ и двухъ лѣтъ уже са-
 »дятся на лошады; женщины также вѣдять
 »верхомъ, и многіа спрѣлюють изъ лука
 »не хуже воиновъ; въ хозяйствѣ же уди-
 »вительно прудолюбивы: спрягаютъ,
 »шьютъ плащье, сапоги; чинятъ шелеги,
 »навьючиваютъ вельблюдовъ. Вельможи и
 »богатые люди имѣютъ до спа женъ;
 »двородные совокупаются бракомъ, па-
 »сынокъ съ мачихою, невѣстки съ деве-
 »ремъ. Женихъ обыкновенно покупаетъ
 »невѣсту у родителей, и весьма дорогою
 »цѣною. Не только прелюбодѣяніе, но и
 »блудъ наказывается смертію, равно какъ
 »и воровство, столь необыкновенное, что
 »Татары не употребляютъ замковъ; бо-
 »ялся, уважаютъ чиновниковъ, и въ са-
 »момъ пьянствѣ не ссорятся или по край-
 »ней мѣрѣ не дерутся между собою; скром-
 »ны въ обхожденіи съ женщинами и не-
 »навидятъ срамсловіе; терпѣливо сно-
 »сятъ зной, морозъ, голодъ, и съ пустымъ
 »желудкомъ поютъ веселья пѣсни; рѣдко
 »имѣютъ пляжбы, и любятъ помогать
 »другъ другу; но за то всѣхъ иноплемён-
 »ныхъ презираютъ, какъ мы видѣли соб-
 »ственными глазами: на примѣръ, Ярославъ
 »Великій Князь Россійскій, и сынъ Царя
 »Грузинскаго, будучи въ Ордѣ, не смѣли

»иногда съѣсть выше своихъ присланныхъ.
 »Татаринъ не обманываетъ Татарина;
 »но обмануть иностранца считается по-
 »хвальною хитростію.

»Что касается до ихъ Закона, то они
 »вѣруютъ въ Бога, Творца Вселенныя,
 »награждающаго людей по ихъ достоин-
 »ству; но приносятъ жертвы идоламъ,
 »сдѣланнымъ изъ войлока или шелковой
 »ткани, считая ихъ покровителями ско-
 »тца; обожаютъ солнце, огонь, луну, на-
 »зывая оную великою царицею, и прекло-
 »няютъ колѣна, обращаясь лицомъ къ
 »Югу; славятся терпимостію и не про-
 »повѣдаютъ Вѣры своей; однакожь при-
 »нуждаютъ иногда Христіанъ слѣдовать
 »обычаямъ Могольскимъ: въ доказатель-
 »ство чего расскажем случай, которому
 »мы были свидѣтелями. Башый вельѣ
 »умеривши одного Князя Россійскаго,
 »именемъ Андрея⁶⁰, будто бы за то, что
 »онъ, вопреки Ханскому запрещенію, вы-
 »писывалъ для себя лошадей изъ Татаріи
 »и продавалъ чужеземцамъ. Братъ и жена
 »убишаго Князя, пріѣхавъ къ Башью,
 »молили его не опинимать у нихъ Княже-
 »нія: онъ согласился, но принудилъ деверя
 »къ брачному совокупленію съ невѣсткою,
 »по обычаю Моголовъ,

»Не вѣдая правилъ истинной добродѣ-
 »тели, они вмѣсто законовъ имѣють
 »какія-то преданія, и счишають за грѣхъ
 »бросить въ огонь ножикъ, опереться на
 »хлысть, умертвить птенца, вылить
 »молоко на землю, выплюнуть изо рта
 »пищу; но убиваніе людей и разоряніе
 »Государства кажутся имъ дозволенною
 »забавою. О жизни вѣчной не умѣють
 »сказать ничего яснаго, а думаютъ, что
 »они и тамъ будутъ ѣсть, пить, зани-
 »маться скошоводствомъ и проч. Жрецы
 »ихъ суть такъ называемые волхвы, га-
 »данели будущаго, коихъ совѣтъ ува-
 »жается ими во всякомъ дѣлѣ. (Глава ихъ,
 »или Папріархъ, живетъ обыкновенно
 »близъ шапра Ханскаго⁶¹. Имѣя аспроно-
 »мическія свѣдѣнія, они предсказываютъ
 »народу солнечныя и лунныя затмѣнія).

»Когда занеможетъ Ташаринъ, родные
 »спавящъ передъ шапромъ копье, обви-
 »нное чернымъ войлокомъ: сей знакъ уда-
 »ляетъ отъ больнаго всѣхъ посстороннихъ.
 »Умирающаго оставляють и родные. Кшо
 »былъ при смерти человѣка, поютъ не
 »можетъ видѣть ни Хана, ни Князей до
 »новой луны. Знашныхъ людей погребають
 »пайно, съ пищею, съ осѣданнымъ ко-
 »немъ, серебромъ и золотомъ; шелега и

»спавка умершаго должны быть сожжены,
 »и никто не смѣетъ произнести его име-
 »ни до преняго поколѣнія. — Кладбище
 »Хановъ, Князей, Вельможъ, неприспупно:
 »гдѣ бы они ни скончали жизнь свою,
 »Моголы опвозящъ ихъ шѣла въ сіе мѣ-
 »сто; шамъ погребены многіе, убитые
 »въ Венгріи. Спражи едва было не за-
 »спрѣлили насъ, когда мы нечаянно при-
 »ближились къ гробамъ.

»Таковъ сей народъ, ненасытимый въ
 »кровопролитіи. Побѣжденные обязаны
 »давать Моголамъ десятиую часть всего
 »имѣнія, рабовъ, войско, и служатъ ору-
 »діемъ для испребленія другихъ народовъ.
 »Въ наше время Гаюкъ и Башый присла-
 »ли въ Россію Вельможу своего, съ шѣмъ,
 »чтобы онъ бралъ вездѣ отъ двухъ сы-
 »новей преняго; но сей человѣкъ нахва-
 »щаль множество людей безъ всякаго раз-
 »бора, и переписалъ всѣхъ жителей, какъ
 »данниковъ, обложивъ каждаго изъ нихъ
 »шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, куницы,
 »хорька⁶², и черною лисьею; а не плаща-
 »щіе должны быть рабами Моголовъ. Сіи
 »жестокіе завоеватели особенно старающъ
 »искоренять Князей и Вельможъ; пре-
 »буютъ отъ нихъ дѣшею въ аманашы,
 »и никогда уже не позволяютъ имъ вы-

»ѣхашъ изъ Орды. Такъ сынъ Ярославовъ⁶³ и
 »Князь Яскій живутъ въ неволь у Хана.
 »Начальники Могольскіе въ земляхъ завое-
 »ванныхъ именуяся Баскаками, и при
 »малѣйшемъ неудовольствіи льютъ кровь
 »людей безоружныхъ: такъ испребили
 »они великое число Россіянъ, обитавшихъ
 »въ земль Половецкой⁶⁴.

»Однимъ словомъ, Татары хопяшъ
 »исполнишъ завѣщаніе Чингисхапово и по-
 »корили всю землю: для шого Гаюкъ
 »именуешъ себя въ письмахъ *Государемъ*
 »*міра*, прибавляя: *Богъ на небесахъ, я на*
 »*земль*. Онъ готовился посланъ въ Мар-
 »тѣ 1247 году одну рать въ Венгрію, а
 »другую въ Польшу; черезъ три года пе-
 »рейши за Донъ и 18 лѣтъ воевашъ Евро-
 »пу. Моголы и прежде, побѣдивъ Короля
 »Венгерскаго, думали итти безпрестанно
 »далѣе и далѣе; но внезапная смерть Ха-
 »на, *отравленнаго ядомъ*, остановила тогда
 »ихъ спремленіе⁶⁵. Гаюкъ намѣренъ еще
 »завоевашъ Ливонію и Пруссію. Государи
 »Европейскіе должны соединенными сила-
 »ми предупредитъ замыслы Хана, или бу-
 »дутъ его рабами.»

Провидѣніе спасло Европу: ибо Гаюкъ
 жилъ не долго, и преемникъ его, Мангу,
 озабоченный внутренними беспорядками

въ своихъ Азіатскихъ владѣніяхъ, не могъ
 исполнитъ Гаюкова намѣренія. Но Западъ
 еще долгое время спрашился Востока, и
 Свяшій Людовикъ, находясь въ Кипрѣ,
 въ 1253 году впорично опсправилъ Мона-
 ховъ въ Ташарію съ дружелюбными пись-
 мами, услышавъ, что Великій Ханъ при-
 нялъ Вѣру Спасителеву. Сей слухъ ока-
 зался ложнымъ: Гаюкъ и Мангу терпѣли
 при себѣ Христіанскихъ Священниковъ,
 позволяли имъ споритъ съ идолопоклон-
 никами и Магомепанами, даже обращать
 женъ Ханскихъ; но сами держались Вѣры
 опцевъ своихъ. Рубруквисъ, Посоль Лю-
 довиковъ, ѣхалъ изъ Тавриды или *Козаріи*
 (гдѣ жили многіе Греки съ Гошеами подъ
 властію⁶⁶ Моголовъ), чрезъ нынѣшнюю
 землю Донскихъ Козаковъ, Саратовскую,
 Пензенскую и Симбирскую Губернію, гдѣ
 въ густыхъ лѣсахъ и въ бѣдныхъ, раз-
 сѣянныхъ хижинахъ обитали Мокшане и
 Мордовскіе ихъ единоплеменники, богатые
 только звѣринными кожами, медомъ и со-
 колами⁶⁷. Князь сего народа, принужден-
 ный воевашъ за Батшыя, положилъ свою
 голову въ Венгріи, и Мокшане, узнавъ
 шамъ Нѣмцевъ, говорили объ нихъ съ ве-
 ликою похвалою, желая, чтобы они изба-
 вили міръ опъ ненавистнаго ига Татар-

скаго. Башый кочеваль въ Казанской Губерніи, на Волгѣ, обыкновенно проводя шамъ льшо, а въ Августѣ мѣсяцѣ начиная спускашья внизъ по ея теченію, къ странамъ южнымъ⁶⁸. Въ странѣ Могольскомъ и въ окрестностяхъ находилось множество Россіянъ, Венгровъ, Ясовъ, которые, занимая нравы своихъ побѣдителей, скипались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. При Дворѣ сына Башыева, Сарпака, жилъ одинъ изъ славныхъ Рыцарей Храма, и пользовался довѣренностію Моголовъ, часто разсказывалъ имъ о Европейскихъ обычаяхъ и силѣ шамошнихъ Государей. — Рубрукъ вѣсь отъ береговъ Волги отправился въ южную Сибирь, и прѣхавъ къ Великому Хану, старался доказать ему превосходство Вѣры Христіанской⁶⁹; но Мангу равнодушно отвѣщивоваль: »Моголы знаютъ, что естѣ Богъ, и любяшъ Его всею душою. Сколько у тебѣ на рукѣ пальцевъ, столько или болѣе можно найши путей ко спасенію. Богъ далъ вамъ Библию, а намъ »волхвовъ: вы не исполняете ея предписаній, а мы слушаемся своихъ наставниковъ, и ни съ кѣмъ не споримъ... Хочешь ли золота? Взявъ его изъ казны моей, иди, куда тебѣ угодно.« Посоль

Людовиковъ нашель при Дворѣ Ханскомъ Россійскаго Архидіакона и Діакона, Венгровъ, Англичанъ и весьма искуснаго золотаря Парижскаго, именемъ Гильйома, жившаго у Мангу въ чести и въ великомъ изобиліи⁷⁰. Сей Гильюмъ сдѣлалъ для Хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырехъ серебряныхъ лбахъ, которые служили чанами въ пиршествахъ: кумысъ, медъ, пиво и вино подымались изъ нихъ до вершины дерева и лились сквозь опверсшый зѣвъ двухъ вызолоченныхъ драконовъ на землю въ большіе сосуды; на деревѣ споялъ крылатый Ангель и прубилъ въ прубу, когда надлежало гостямъ пить. Моголы вообще любили художниковъ, обязанные симъ новымъ для нихъ вкусомъ мудрому правленію безсмертнаго Иличупсая, о коемъ мы выше упоминали, и который бывъ долгое время Министромъ Чингисхана и преемника его, ревностно старался образовашъ ихъ подданныхъ: спасъ жизнь многихъ ученыхъ Кимайцевъ, основалъ училища, вмѣстѣ съ Математиками Арабскими и Персидскими сочинилъ Календаръ для Моголовъ, самъ переводилъ книги, чершилъ географическія карты, покровительствоваль художниковъ; и ко-

гда умеръ, по завѣщаніи сего великаго мужа, къ стыду своему, нашли у него, вмѣстѣ предполагаемыхъ сокровищъ, множество рукописныхъ твореній о наукѣ править Государствомъ, объ Астрономіи, Исторіи, Медицинѣ и земледѣліи⁷¹.

Великій Ханъ, отпуская Людовикова Посла, далъ ему гордое письмо къ Королю Французскому, заключивъ оное сими словами: «Именемъ Бога Вседержителя повелѣваю тебѣ, Королю Людовику, быть мнѣ послушнымъ, и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда воля Небесъ исполнится и весь міръ признаетъ меня своимъ Владычицею, тогда воцарится на землѣ блаженное спокойствіе, и счастливые народы увидятъ, что мы для нихъ сдѣлаемъ! Но если дерзнешь опровергнуть повелѣніе Божественное, и скажешь, что земля твоя опдалена, горы твои неприступны, моря глубоки, и что насъ не боишься: то Всесильный, облегчая трудное и приближая опдаленное, покажетъ тебѣ, что можемъ сдѣлать!» Такова была надменность Моголовъ!

Рубруквисъ возвратился къ берегамъ Волги и пріѣхалъ въ Сарай, новый городъ, построенный Батыею въ 60 верстахъ

отъ Астрахани, на берегу Ахшубы⁷². Не далеко отсюда, на среднемъ пропускѣ Волги, находился и древнѣйшій городъ Сумеркентъ, въ коемъ обитали Ясы и *Сарациты*⁷³: Татары осаждали его восемь лѣтъ и едва могли взятьъ, по словамъ нашего путешественника. — Имѣвъ случай видѣть Россіянъ, сей Посоль Людовиковъ сказывалъ, что жены ихъ, украшая голову подобно Француженкамъ, опушивали низъ своего плаща бѣлками и горноспаями, а мужчины носятъ *епанчи Нѣмецкія* и поярковыя шапки, оспрокоченныя и высокія. Онъ прибавляетъ еще, что обыкновенная монета Россійская состоитъ изъ кожаныхъ, пестрыхъ доскушковъ⁷⁴. Чрезъ Дербентъ, Ширванъ (гдѣ находилось великое число Жидовъ) Шамаху, Тифлисъ (гдѣ начальствовалъ Могольскій Воевода Баку) Рубруквисъ прибылъ въ Арменію и благополучно достигъ Кипра⁷⁵.

Г Л А В А П.

Великіе Князья Святославъ
Всеволодовичъ, Андрей Яро-
славичъ и Александръ Нев-
скій.

(Одинъ послѣ другаго.)

Г. 1247 — 1263.

Александръ въ Ордѣ. Князь Московскій убитъ Липовою.
Дряхлостъ Батыева. Посольство изъ Рима. Болѣзнь
Александрова. Посольство въ Норвегію. Бѣснво Анд-
реєво. Благодареніе Александра. Вѣрность Ново-
городцевъ. Смерть Батыева. Исчисленіе жипелей въ
Россіи. Казнь Боляръ. Покушеніе Давыдово свергнувъ
его. Ошкупники Бесерменскіе. Кончина и добродѣ-
тели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель.
Мяшежи въ Ордѣ.

Г. 1247. Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ
спѣшилъ въ Владиміръ, чтобы оплакать
оную вмѣстѣ съ родными и взявъ нуж-
ныя мѣры для государственнаго порядка.
Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Свя-
тославъ, наслѣдовалъ престола Велико-
княжескаго, утвердивъ сыновей Ярославо-
вовыхъ на ихъ частныхъ Княженіяхъ⁷⁶.

Доселѣ Александръ не преклонялъ вѣи
въ Ордѣ, и Россіяне еще съ гордостію
именовали его своимъ независимымъ Кня-
земъ: даже спращали имъ Моголовъ⁷⁵. Ба-
тый слышалъ о знаменитыхъ его до-
стоинствахъ и велѣлъ сказать ему:
»Князь Новгородскій! извѣстно ли тебѣ,
»что Богъ покорилъ мнѣ множество на-
»родовъ? Ты ли одинъ будешь независи-
»мымъ? Но если хочешь властвовать
»спокойно, то явись немедленно въ шатръ
»моемъ, да познаешь славу и величіе Мо-
»головъ.« Александръ любилъ опечество
болѣе своей Княжеской чести: не хотѣлъ
гордымъ отказомъ подвергнуть оное но-
вымъ бѣдствіямъ, и презирая личную
опасность не менѣ шеславія, въ слѣдъ
за брашомъ Андреемъ поѣхалъ въ шатръ Алек-
Могольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ ^{сандръ}
съ ласкою, объявилъ Вельможамъ, что ^{въ Ор-}
слава не увеличила достоинствъ Але-
ксандровыхъ, и что сей Князь дѣйстви-
тельно есть человекъ необыкновенный:
такое сильное впечатлѣніе сдѣлали въ
немъ мужественный видъ Невскаго и
разумныя слова его, одушевленные лю-
бовью къ народу Россійскому и благо-
родствомъ сердца! — Но Александръ и
братъ его должныствовали, подобно

Ярославу, ѣхашь въ Тапарию къ Великому Хану. Сии пушешествія были ужасны: надлежало проспитишься съ опечетствомъ на долгое время, шершѣть голодь и жажду, опдыхашь на снѣгу или на землѣ раскаленной лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, лишенная убранства и шѣни лѣсовъ, усыпанная костями несчастныхъ спранниковъ; вмѣсто городовъ и селеній представлялись взору одни кладбища народовъ кочующихъ⁷⁸. Можешь бышь, въ самой глубокой древности ходили шамъ караваны купеческіе: Скибы и Греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ въ надеждѣ обогатиться золотомъ; но что ожидало Князей Россійскихъ въ Тапариі? уничиженіе и горесть. Рабство, шлго-спное для народа, еще несноснѣе для Государей, рожденныхъ съ правомъ властвовать. Сыновья Ярославовы, скишаясь въ сихъ мершвыхъ пуспыняхъ, воспоминали плачевный конецъ опца своего, и думали, что они шакже, можешь бышь, навѣки проспитились съ любезнымъ опечетствомъ.

Г. 1248. Князь Мошковскій Въ опсуетствіе Александра меньшій братъ его, Михаилъ Московскій, прозваніемъ *Храбрый*, изгналъ — какъ сказано въ нѣкошорыхъ лѣшописяхъ — дядо ихъ,

Святослава, изъ Владиміра, но въ шу же убить зиму, воюя съ Лишвою, положилъ свою голову въ бивѣ. Тѣло его опшалось на берегу Пропвы⁷⁹: Епископъ Суздальскій, Кирилль, ревностный блюстителъ Княжеской чеспи, велѣлъ привезти опое въ Владиміръ и положилъ въ спѣнѣ храма Соборнаго; а бранья Михайловы опмешпили Лишовцамъ, разбивъ ихъ близъ Зубцева.

Наконецъ Александръ и брань его благополучно возвратились опъ Великаго Хана, который споль былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Башыевы. Андрей же съль на прешоль Владимірскомъ; а дяда ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловашься на то въ Орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ⁸⁰. Удѣльные Князья Владимірскіе зависѣли шогда въ особенно-спи опъ Сарпака, и часно бывали въ его спанѣ — какъ что Борисъ Ростовскій и Гльбъ Васильковичъ Бѣлозерскій — ибо дрыхлый Башый, опецъ Сарпаковъ, хопя жилъ еще нѣсколько лѣшъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи⁸¹.

Въ сіе время Герой Невскій, коего имя сдѣладось извѣспно въ Европѣ, опрашилъ на себя вниманіе Рима, и получилъ опъ *Томъ IV.*

Папы, Иннокенція IV, письмо, врученное ему, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ, двумя хитрыми Кардиналами, Гальдомъ и Гемонпомъ⁸². Иннокенцій увѣрялъ Александра, что Ярославъ, отецъ его, находясь въ Тапаріи у Великаго Хана, съ вѣдома или по совѣту какого-то Боярина далъ слово Монаху Карпину принять Вѣру Латинскую, и безъ сомнѣнія исполнилъ бы свое обѣщаніе, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному спаду Христову; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочешь душевнаго спасенія и мірскаго счастья; что въ проповиномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность, не слушаясь Бога и Римскаго Его Намѣстника; что Князь и народъ Россійскій найдутъ пищу и славу подвѣнью Западныя Церкви; что Александръ долженъ, какъ вѣрный спражь Христіанъ, немедленно увѣдомишь Рыцарей Ливонскаго Ордена, если Моголы снова пойдутъ на Европу. Папа въ заключеніе хвалишь Невскаго за то, что онъ не призналъ надъ собою власти Хана: ибо Иннокенцій еще не слышалъ тогда о путешествіи сего Князя въ Орду. Александръ, призвавъ мурдыхъ людей, совѣповался съ ними, и

Посольство изъ Рима.

написалъ къ Папѣ: «мы знаемъ истинное ученіе Церкви, а вашего не пріемлемъ и «знать не хотимъ.» Онъ безъ сомнѣнія не повѣрилъ клеветѣ на память отца его: самъ Карпинъ въ описаніи своего путешествія не говоритъ ни слова о мнимомъ обращеніи Ярослава.

Новгородцы вспрѣяли Невскаго съ живѣйшею радостію: также и Мисрополипа Кирилла, который прибылъ изъ Владиміра, и къ общему удовольствію посвятилъ ихъ Архіепископа, Далмаша⁸³. Внутреннее спокойствіе Новгорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію Князя Александра, въ коей все Государство принимало участіе, возлагая на него единственную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе Моголовъ, разными средствами благопоставилъ несчастнымъ согражданамъ и послалъ въ Орду множество золота для искупленія Россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, Бояръ и Духовенства: Александръ выздоровѣлъ, и желая оградить безопасно сѣверную область Новгородскую, отправилъ Посольство къ Норвежскому Королю Гакону въ Дронштеймъ, предла-

г. 1251.

г. 1251 — 52.

Болезнь Александра.

Посольство Норвегію.

гая ему, чпобы онъ запрепилъ Финмаркскимъ своимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Корелію⁸⁴. Посламъ Россійскимъ вельно было также узнать лично Гаконнову дочь, именемъ Хришину, на коей Александръ думалъ женить сына своего, Василия. Король Норвежскій, согласный на шо и другое, послалъ въ Новгородъ собешвенныхъ Вельможъ, кошорые заключили миръ и возвратились къ Гакону съ богатыми дарами; но съ обѣихъ сторонъ желаемый бракъ не могъ тогда совершиться, ибо Александръ, свѣдавъ о новыхъ несчастіяхъ Владимірскаго Княженія, опложилъ семейственное дѣло до иного, благопріятнѣйшаго времени, и спѣшилъ въ Орду, чпобы прекрашить сіи бѣдствія.

Братъ его, Андрей, зять Данила Галицкаго, хопя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣпреный и неспособный оплнчашъ истинное величіе опъ ложнаго⁸⁵: княжа въ Владимірѣ, занимался болѣ звѣриною ловлею, нежели правленіемъ; слушался юныхъ совѣтниковъ, и видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ Государствѣ опъ слабости Государей, винилъ въ помъ не самого себя, не любимцевъ своихъ, а единственнo несчастныя

обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію опъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру опца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостію въ разсужденіи Моголовъ облегчить судьбу подданныхъ: въ семь соспоало тогда истинное великодушіе. Но Андрей пылкій, гордый, положилъ, чпо лучше отказаться опъ престола, нежели сидѣть на немъ данникомъ Баныевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ Боярами. Неврюй, Олабуга, прозваніемъ *Храбрый*, и Кошья, Воеводы Татарскіе, уже шли въ сіе время наказашъ его за какое-то ослушаніе: наспигнувъ Андрея у Переславы, разбили Княжескую дружину, и едва не схватили самого Князя. Обродованныя случаемъ испишъ Россіянамъ какъ мятежникамъ, полпы Неврюевы разсыпались по вѣмъ областямъ Владимірскимъ; брали скопъ, людей; убили въ Переславѣ Воеводу⁸⁶, супругу юнаго Ярослава Ярославича, плѣнили его дѣшей, и съ добычею удалились. — Несчастныи Андрей искалъ убѣжища въ Новгородѣ; но жишели не хотѣли принять его. Опъ дождался своей Княгини въ Псковѣ; оспавилъ се въ Колыванѣ или Ревелѣ у Даш-

Бѣ-
спно
Ан-
дрее-
во.

г.
1252,
Юля
24.

чанъ, и моремъ отправился въ Швецію, куда чрезъ нѣкошорое время прѣхала къ нему и супруга. Но добродушная ласка Шведовъ не могла утѣшить его въ семь произвольномъ изгнаніи: опечесиво и престоль не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ.

Бла- гораз- уміе Алек- сандра
Александръ благоразумными предспа- вленіями смирилъ гнѣвъ Сарпака на Рос- сіянъ, и признанный въ Ордѣ *Великимъ Княземъ*, съ торжесивомъ въѣхалъ въ Владимірь. Митрополишь Кирилль, Игу- мены, Священники воспрѣмили его у Зо- лотыхъ воротъ, также всѣ граждане и Бояре подъ начальствомъ Тысяческаго спо- лницы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ Великомъ Княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ дома, земледѣльцы къ плугу и Священ- ники къ олшарямъ. — Въ сіе время Та- тары отпустили опъ себя Рязанскаго Князя, Олега Ингварича, кошорый, долгое время спрадавъ въ неволь, чрезъ бѣльшь умеръ въ опчизнѣ Монахомъ и Схимни- комъ⁸⁷. Сынъ его, Романъ, наследовалъ престоль Рязанскій.

Выѣхавъ изъ Новгорода, Александръ оставилъ шамъ сына своего, Василія, ко- шорый счастливо опразилъ Липовцевъ. Псковъ, внезапно осажденный Ливонскими Ръцарями, защищался мужесивенно. Не- пріатель опспунилъ, свѣдавъ, что идущъ Новгородцы; а Россіяне и Корела, опу- стошивъ часть Ливоніи, въ окрестно- стяхъ Наровы разбили Нѣмцевъ, такимъ образомъ наказанныхъ за нарушеніе мира и принужденныхъ согласиться на всѣ шребованія побѣдителей.

Между тѣмъ, какъ Великій Князь ра- довался успѣхамъ оружія Новгородскаго, опъ былъ изумленъ печальнымъ извѣ- стіемъ, что сынъ его, Василій, съ без- честіемъ изгнанъ опшуда и прѣхалъ въ Торжекъ. За годъ до сего времени, брашь Невскаго, Ярославъ, княживъ въ Твери, по какимъ-шо неудовольствіямъ выѣхалъ опшуда съ Боярами, сдѣлался Княземъ Псковскимъ, и разными хипростями пре- клонилъ къ себѣ Новгородцевъ. Они спа- вѣ- ли жалованья на Василія, хотѣли по-пре- сласть Архіепископа съ челобішьемъ къ Ново- Александру, и вдругъ, забывъ благодѣланія-город- Невскаго Героя, объявили Ярослава сво- имъ Правителемъ. Великій Князь, огор- ченный поспукомъ браша и народа, ему

любезнаго, вооружился, въ надеждѣ смирить ихъ безъ кровопролитія. Ярославъ, не посмѣвъ обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на Вѣчѣ умереть другъ за друга и спали полками на улицахъ. Впрочемъ не всѣ дѣйствовали единодушно: многіе Бояре думали единственно о личныхъ выгодахъ: они желали торговаться съ Великимъ Княземъ, чтобы передать ему народъ. Въ числѣ ихъ былъ ивкпо Михалко, гражданинъ власполюбивый, копорый, лаская Посадника Ананію, тайно намѣревался заступиться его мѣсто, и бѣжалъ въ Георгіевскій монастырь, вельвъ собравъшася тамъ своимъ многочисленнымъ единомышленникамъ. Граждане успремились за нимъ въ погоню; кричали: «онъ измѣнникъ! убьемъ злодѣя!» По Посадникъ, не зная Михалкова умыслу, спасъ сего мнимаго друга и говорилъ имъ съ швердостію: *убейте прежде лена самого!* Въ благодарность за такую услугу Михалко, вспрѣшивъ Александра, описалъ ему Ананію какъ перваго мятежника, и Посоль Великаго Князя, пріѣхавъ въ Новгородъ, объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, чтобы они выдали ему Посадника, или разгнѣванный Государь будетъ ихъ непріа-

телемъ⁸⁸. Народъ опирали къ Александру Далмата Архіепископа и Клима Тысячскаго. «Новгородъ любитъ тебя и не «хочетъ пропивиться своему законному «Князю,» говорили ему сіи Послы: «иди «къ намъ съ Богомъ, но безъ гнѣва, и не «слушайся нашихъ измѣнниковъ. Ананія «естъ добрый гражданинъ» Александръ, отвергнувъ всѣ ихъ убѣжденія, претовалъ головы Посадника. Въ подобныхъ случаяхъ Новгородцы спыдились казаться малодушными. «Нѣтъ,» говорилъ народъ: «если «Князь вѣрится Новгородскимъ клятво- «вреспуникамъ болѣе, нежели Новугоро- «ду, то Богъ и Святая Софія не оспа- «вятъ насъ. Не винимъ Александра, но «будемъ шверды.» Они при дни стояли вооруженные. Наконецъ Князь вельвъ объявилъ имъ, что онъ удовольствуется смѣною Посадника. Тогда Ананія съ радостію отказался отъ своего верховнаго сана, а коварный Михалко принялъ начальство. Александръ вступилъ въ Новгородъ, давъ слово не спѣснять правъ народныхъ, и съ честію возвратился въ столицу Владимірекую.

Скоро Шведы, Финны и Нѣмцы явились на берегахъ Наровы, и заложили тамъ городъ⁸⁹. Вспревоженные Новгород-

Г. 1256. цы послали гонцевъ къ Александру и въ свои области для собранія людей рашныхъ. Хошя опасность миновалась — ибо Шведы ушли, не достигнувъ крѣпости — но Великій Князь, немедленно прибывъ въ Новгородъ съ Минпрополипомъ Кирилломъ, велѣлъ полкамъ изготовиться къ важному предпріятію, не сказывая ничего болѣе. Только у Копорья, гдѣ Минпрополипъ далъ Невскому благословеніе на путь, свѣдали войны, что они идутъ въ Финляндію: успрашенные дальнимъ зимнимъ походомъ, многіе Новгородцы возвратились домой; прочіе сносили терпѣливо ужасныя вьюги и мятели. Погибло множество людей; однакожь Россіяне достигли своей цѣли, то есть, опустошили значную часть Финляндіи, гдѣ, по сказанію Шведскихъ Историковъ, нѣкопорые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ Шведовъ и насильственными ихъ поступками.

Поручивъ Новгородъ сыну своему, Василию, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна⁹⁰. Батый умеръ: сынъ его — върожно Сарпакъ — хотѣлъ господствовать надъ Татарами, но былъ жертвою власполюбиваго дяди, именемъ

Смерть Батыева.

Берки, которъй, умертвивъ племянника, согласно съ волею Великаго Хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ, и ввѣрилъ дѣла Россійскія своему Намѣстнику Улачию. Сей Вельможа принималъ нашихъ Князей и дары ихъ: къ нему явился Александръ съ Борисомъ Васильковичемъ и братомъ Андреемъ (ибо сей послѣдній уже возвратился тогда въ опечесство и жилъ въ Суздаль). Върожно, что они, свѣдавъ намѣреніе Татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому Княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно: въ слѣдъ за ними пріѣхали чиновники Татарскіе въ область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, — сочли жителей, и поставили надъ ними Десятниковъ, Сотниковъ, Темниковъ, для собранія налоговъ, увольняя оныхъ сей обещанной дани только церковниковъ и Монаховъ. Хищность доспойная замѣчанія. Моголы, вступивъ въ наше опечесство, съ равною свирѣпостію лили кровь и мрънятъ и Духовныхъ, ибо не думали жить близъ его предѣловъ, и спрашась оспавивъ за собою многочисленныхъ враговъ, хотѣли мимоходомъ испребить всѣхъ людей; но обстоятельства перемѣнились. Орда Ба-

Г. 1257.

Исчисленіе жителей въ Россіи.

пшева расположилась навсегда кочевать въ привольныхъ окрестностяхъ Волги и Дона: Ханъ ея для своихъ выгодъ долженъ былъ въ нѣкопоромъ смыслѣ цѣдиль подданную ему Россію, богатую естественными и для самыхъ варваровъ нужными произведеніями; узнавъ же властѣ Духовенства надъ совѣстною людей, вообще усердныхъ къ Вѣрѣ, Моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало Россіянъ прошивоборствовать игу Ташарскому, и чтобы Ханъ тѣмъ спокойнѣе могъ повелевать нами. Изъявляя уваженіе къ Духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога Русскаго, какъ думалъ народъ. — Въ одно время съ Александромъ возвратился изъ Орды Глѣбъ Васильковичъ: сей Князь Бѣлозерскій ѣздилъ къ Великому Хану, и тамъ женился, безъ сомнѣнія на какойнибудь Могольской Христіанкѣ, ибо самыя жены Хановъ явно исповѣдывали Вѣру Спасителя⁹¹. Опъ надѣялся симъ брачнымъ союзомъ доснавить нѣкопорыя выгоды своему успѣнному опечечеству.

Г. 1257
— 58.
Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Великій Князь вѣпорично ѣздилъ къ Улавчю съ Борисомъ Росповскимъ, съ Андреемъ Суздальскимъ и Ярославомъ Тверскимъ (ко-

порый, признавъ вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Намѣстникъ Ханскій пребывалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань поголовную⁹²: Герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ Новгородекой чести и вольности, долженъ былъ съ горестію взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, кошорый все еще славился своею исключительною независимостію. Въспѣлъ съ Ташарскими чиновниками и съ Князьями, Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жителямъ свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкопорые и Посадникъ Михалко, что воля сильныхъ есть законъ для благоумія слабыхъ, и что сопротивленіе бесполезно: народъ опвѣщивовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ Посадника и выбралъ другаго. Самъ юный Князь Василій, по внушенію своихъ Бояръ, уѣхалъ изъ Новгорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться опцу, везущему съ собою оковы и спицы для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ, и не могъ ничѣмъ перемѣнить его: они рѣши-

пельно отказались отъ дани, но оппустили Могольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ Ханомъ, однакожь свободными отъ ига рабскаго.

Казнь
Болръ Великій Князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подѣ спражею опвезти въ Суздальскую землю; а Болръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Нѣкопторые были ослаблены, другимъ обрѣзали носъ: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою, и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ отца: споль власть родительская казалась священной!

Г.
1259. Александръ остался въ Новгородѣ, и предвидя, что Ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско Ханово уже готово итти къ Новгороду. Сія вѣсть, впрочемъ ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и Великій Князь увѣдомилъ Моголовъ о его покорности. Чиновники ихъ, Беркай и Касачикъ, съ женами и со многими поварищами явились на берегахъ Волхова для переписи людей, и начали-было уже соби-

рать дань въ окрестностяхъ столицы, но споль наглымъ и для бѣдныхъ униженительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники Могольскіе прѣбывали спражи для своей безопасности. Александръ приславилъ къ нимъ Посадникова сына и Болрскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ дома. Мятежъ не утихалъ. Болре совѣтовали народу исполнить волю Княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани, и собирався вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что Ташары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ Могольскими чиновниками, объявивъ, что онъ прѣдаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву Хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ въ Владиміръ. Народъ поколебался: Болре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную выю подѣ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ Лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, прѣбуемая Мого-

лами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны окончанной спрашило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. — И такъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣла съ Баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ Орду или чрезъ Великихъ Князей. — Моголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая дома; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Боаре еще могли упѣшались своею значимостію и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоинства. — Вельможи Ташарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ Великое Княженіе черезъ Росновъ, гдѣ вдовствующая супруга Василькова, Марія, Князь Борисъ и Глебъ угостили его съ любовію⁹³; но сей Государь великодушный могъ ли бытъ счастливъ и веселъ въ погдашнихъ обшолшеспивахъ Россіи?

Опечество наше рабствовало опш
 Поку-Днѣспра до Ильменя. Даніиль Галицкій,
 шеніе будучи смѣлѣ Александра, щещино ду-
 Дани-малъ по смерти Башыя избавишь опш
 лово

власпи Моголовъ. Дѣятелиноспію ума не-^{сверг-}
 обыкновеннаго возстановивъ свое Княже-^{пушь}
 ніе и загладивъ въ немъ слѣды Ташарска-
 го опустошенія, онъ бралъ участіе въ
 дѣлахъ Европы, и два раза ходилъ помо-
 ганъ Белъ Венгерскому, непріятелю Им-
 ператора Фридерика и Короля Богемска-
 го⁹⁴. (Венгры, по словамъ Лѣтописца,
 удивлялись стройности полковъ Россій-
 скихъ, ихъ Ташарскому оружію, и пыш-
 ности самого Князя, его богатой одеждѣ
 Греческой, обшитой золотыми кружевами,
 — саблѣ, стрѣламъ, сѣдлу, окованнымъ
 драгоценными металлами съ блестящею
 рѣзбою.) Сія вражда была за области
 умершаго Герцога Австрійскаго, Фриде-
 рика: Бела, Императоръ и Король Богем-
 скій хотѣли овладѣть ими. Первый объ-
 явилъ себя защитникомъ дочери Фриде-
 риковой, именемъ Герпруды, уступив-
 шей ему свои наследственные права; же-
 нилъ на ней Даніилова сына, Романа; оп-
 правилъ ихъ въ Юденбургъ, и клялся Гер-
 прудѣ опдашь ей Авспрію и Спирію,
 какъ скоро завоеуетъ оныя. Тѣмъ усердїе
 Даніиль доброжелательствовалъ Королю
 Венгерскому; не смотря на глазную бо-
 лѣзнь, кошорая мѣшала ему видѣть, вы-
 ступилъ въ поле съ Краковскимъ Герцо-

гомъ, разорилъ Богемскую Силезію, взялъ Носсельпъ, выжегъ окрестности Тропавскія и возвратился, довольный мыслію, что никто изъ древнихъ Героевъ Россійскихъ, ни Св. Владиміръ, ни великій опецъ его, не воевалъ столь далеко въ землѣ Нѣмецкой. Хопя Бела не исполнилъ даннаго Гершрудъ слова и даже не защищилъ ея супруга, осажденнаго Богемскимъ Принцемъ въ Юденбургъ (такъ что Романъ, оставивъ беременную жену, принужденъ былъ уйти къ опцу): но Даніиль остался другомъ Венгровъ. — Счастливыя войны съ Яшвягами и съ Липвою болѣе и болѣе прославляли мужество сего Князя⁹⁵. Первые, не находя безопасности и за своими лѣсисными болотами, согласились заплащивъ ему дань черными куницами и серебромъ. Въ Липвѣ господствовало тогда славный Миндовгъ, баснословно производимый нѣкошорыми Лѣпописцами опъ племени древнихъ Римлянъ, а другими опъ нашихъ Князей Полоцкихъ⁹⁶. Онъ жилъ въ Керновѣ, повелѣвалъ всеми иными Князьками Липовскими, и грабя сосѣдственныя земли Христіанскія, искалъ пріязни одного Даніила, которъй женился вторымъ бракомъ на его племянницѣ. Нѣсколько времени бывъ друзьями, они

сдѣлались непріятелями. Миндовгъ, опасаясь честолюбивыхъ брашьевъ Даніиловой супруги, Товтивила и Эдивада, велѣлъ имъ воевать Смоленскую область, но въ по же время замышлялъ ихъ убишь. Племянники свѣдали и бѣжали въ Владиміръ Волынскій. Обрадованный случаемъ унизить гордоспъ Миндовга, Даніиль предспавилъ Ляхамъ и Рижскимъ Нѣмцамъ, что междоусобіе Князей Липовскихъ есть счастье для Христіанъ, и что надобно онымъ воспользоваться. Нѣмцы дѣйствительно вооружились: Россіане также; самыя Яшвяги и Жмудь, въ угодность имъ, возспали на Липву. Даніиль завоевалъ Гродно и другія мѣста Липовскія; но скоро Нѣмцы измѣнили, опчаспи подкупленные Миндовгомъ, опчаспи имъ обманушые: ибо сей хитрый язычникъ, видя бѣду, принялъ Вѣру Лапинскую, и заслужилъ покровительство легкомысденнаго Папы, Александра IV, давшаго ему санъ Королевскій⁹⁷. Черезъ два года увидѣли обманъ: Миндовгъ, въ крайности уступивъ Даніилу сыну, Роману, Новогродокъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за его меньшаго брата, именемъ Шварна, отдохнувъ и собравъ силы, снова обратился къ идолослуженію и къ

разбоямъ, гибельнымъ для Рижскаго Ордена, Мазови, Смоленскихъ, Черниговскихъ, даже Новгородскихъ областей.

Въ сіе время Даниль, ободряемый Королемъ Венгерскимъ, Ляхами и собственными успѣхами воинскими, дерзнулъ объявить себя врагомъ Моголовъ. Они вступили въ Понизье и заняли Бакопу: юный Левъ Даниловичъ, выгнавъ ихъ опшуда, плѣнилъ Баскака Ханскаго. Темникъ Башыевъ, Куремса, не могъ взять Кременца, и сильно убѣждаемый Изяславомъ Владиміровичемъ (внукомъ Игоря Сѣверскаго) итти къ Галичу, опѣшпивовалъ: «Даниль страшень!» Вся южная Россія съ безпокойствомъ ждала слѣдствій; а мужественный Даниль, плѣнивъ Изяслава, и пользуясь изумленіемъ Тапаръ, опинялъ у нихъ города между рѣками Бугомъ и Тешеревомъ, гдѣ Баскаки господствовали какъ въ своихъ Улусахъ. Онъ хотѣлъ даже освободить и Кіевъ, но возвратился съ пущи, чшобы защитить Луцкую область, разоряемую Липовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даниль веселился мыслію о совершенной независимости, когда новыя безчисленныя толпы Моголовъ, ведомыя свирѣпымъ Бурондаемъ, преемникомъ слабого Куремсы, явились

на границахъ Липвы и Россіи. «Желаю узнать, другъ ли ты Хану или врагъ?» сказали Королю Галицкому Послы Бурондаевы: «если другъ, то иди съ нами воевать Липву.» Даниль колебался, видѣлъ превосходство силъ Тапарскихъ, медлилъ, и наконецъ послалъ Василька къ Бурондаю, съ дружиною и съ ласковыми словами, которыя сперва имѣли счастливое дѣйствіе. Сошны Моголовъ успремились на Липву, допоть имъ неизвѣстную; одни дремучіе лѣса и вязкія болоша могли спасти жителей; города и веси исчезли. Япвяги испытывали по же бѣдствіе. Хвали мужество, оказанное братомъ Даниловымъ въ разныхъ сшибкахъ, Бурондай оппустилъ его въ Владимірь. Прошло два года въ тишинѣ и спокойствіи для юго-западной Россіи. Даниль, именуя себя другомъ Ханскимъ, строилъ, укрѣплялъ города, и не преставаелъ надѣяться, что Державы сосѣдственныя рано или поздно увидяшь необходимость дѣйствовать общими силами противъ варваровъ; но Бурондай опкрылъ глаза, и вступивъ въ область Галицкую, далъ знать ея Королю, чшобы онъ явился въ его спанѣ какъ смиренный данникъ, или ждалъ казни. Даниль послалъ къ нему брата, сына, Холм-

скаго Епископа Іоанна и дары. »Хощиши ли увѣриши насъ въ искренней покорности?« говорилъ Темникъ Хановъ: »разбериши или предайши огню спѣсны крѣпости вашей; сравняйши ихъ окопы съ землею.« Василько и Левъ не смѣли ослушаться: города Даниловъ, Спожекъ, Кременецъ, Луцкъ, Львовъ, не задолго до того времени основанный и названный именемъ епаршаго сына Данилова, обрабланы въ села, бывъ лишены своихъ укрѣпленій, ненависпныхъ Татарамъ. Бурондай веселился, смотря на пылающія спѣсны и башни Владимірскія; хвалилъ повиновение Василька, и въ знакъ особеннаго удовольствія нѣсколько дней пиrowавъ въ его дворцѣ, пошелъ къ Холму, откуда горестный Данилъ уѣхалъ въ Венгрію. Провидѣніе вшорично спасло сей городъ хищностию Василька, который, будучи посланъ съ двумя Мурзами (знавшими Русскій языкъ), чшобы склонить жищелей къ сдачѣ, взялъ въ руку камень, и сказавъ: »не велю вамъ обороняться,« кинулъ его на землю. Воевода Холмскій угадалъ мысль Князя, и съ припворнымъ гнѣвомъ ошвѣщивовалъ ему: »удалися; ты врагъ Государя нашего.« Василько дѣйствительно хотѣлъ, чшобы жищели

сопротивлялись, имѣя лучшихъ ратниковъ, укрѣпленія надежныя и много самошрѣловъ; а Татары, не любя долговременныхъ, кровопролитныхъ осадъ, чрезъ нѣсколько дней отступили, чшобы воевашъ Польшу, гдѣ Василько и Левъ служили имъ невольнымъ орудіемъ въ злодѣйствахъ. Такъ сіи Князья уговорили Сендомирскаго начальника сдаться, обѣщая ему и гражданамъ безопасность; но съ горестію должны были видѣть, чшо Моголы, въ противность условію, рѣзали и топили народъ въ Вислѣ. Наконецъ Бурондай возвратился къ берегамъ Днѣпра, съ угрозою, чшо области Волынская и Галицкая снова будутъ пепломъ, если ихъ Князья не захопятъ мирно рабшповождать и плашши дани Хану.

Слѣдственно важныя усилія и хищности Даниловы оспались бесполезными. Онъ не нашелъ помощи ни въ Краковѣ, ни въ Венгріи, къ единственному упѣщенію своему свѣдавъ на пупи, чшо Василько побѣдилъ Миндовга, слабаго противъ Моголовъ, но ужаснаго для сосѣдственныхъ образованныхъ Государствъ. Какъ скоро Бурондай удалился, хищные Липовцы опустошили Мазовію, убили ея Князя Самовиша и впади въ наше владѣ-

ніе близь Камена, предводимые какимъ-то измѣнникомъ, Бояриномъ Рязанскимъ, Евстафіемъ. Василько, разбивъ ихъ на берегахъ озера Невельскаго, послалъ къ брату множеству профеевъ, коней осѣдланыхъ, щиповъ, шлемовъ и коней Липовскихъ.

Мы описали здѣсь случаи нѣсколькихъ лѣтъ отношеній къ юго-западной Россіи, которая со временъ Батыева нашествія опдѣлилась отъ сѣверной, имѣя особенную систему государственную, связанную съ дѣлами Венгріи, Польши и Нѣмецкаго Ордена гораздо болѣе, нежели съ Суздальскими или Новгородскими. Последнія для насъ важнѣе: ибо тамъ рѣшилась судьба нашего опечества.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ въ Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе опягощало народъ. Господство Моголовъ въ Россіи опкрыло шуду пушъ многимъ купцамъ Бесерменскимъ, Харазскимъ или Хивинскимъ, издревле опышнымъ въ торговлѣ и хитрослѣхъ корыстолюбія: сіи люди опкупали у Татаръ дань нашихъ Княженій, брали немѣренныя росшы съ бѣдныхъ людей, и въ случаѣ неплателья объявляя должни-

Оп-
куп-
щии
Бесер-
мен-
скіе.

ковъ своими рабами, опводили ихъ въ неволю. Жипели Владиміра, Суздаля, Роснова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возспали, при звукѣ Вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ⁹⁸: нѣкопорыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославѣ народъ умертвилъ какого-то злочеспиваго опспушника, именемъ Зосиму, бывшаго Монаха, которій, принявъ Вѣру Магомешанскую въ Ташаріи, хвалился милосшію новаго Великаго Хапа Коблая, и ругался надъ свяшынєю Хриспіанспва; шѣло его бросили псамъ на снѣденіе. Въ Успюгѣ находился тогда Могольскій чиновникъ Буга: собирая дань съ жипелей, онъ силою взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гражданина, именемъ Марію, но умѣлъ снискашь ея любовь, и свѣдавъ отъ нее, что Успюжане хопяшъ лишешъ его жизни, объявилъ желаніе креспиться. Народъ проспилъ ему свои обиды; а Буга, названный въ Хриспіанспвѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи. Сей человекъ добродѣтелями и набожностью пріобрѣлъ всеобщую любовь, и память его еще хранишся въ Успюгѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ,

г.
1262.

забавляясь *соколиною* охотою, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которую донынѣ именуется *Сокольею горою*⁹⁹.

Сія происшествія должны были имѣть слѣдствіе весьма несчастное: Россіяне, наказавъ лихоимцевъ Харазскихъ, озлобили Тамаръ, ихъ покровитель. Правительство не могло или не хотѣло удерживать народа: то и другое обвиняло Александра въ глазахъ Хановыхъ, и Великій Князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: Моголы не за-долго до того времени пребывали вспомогательнаго войска опѣ Александра: онъ хотѣлъ избавившись опѣ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные Россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. — Уже готовый къ отъѣзду, Александръ послалъ дружину въ Новгородъ и велѣлъ Димитрію итти на Ливонскихъ Рыцарей. Сей юный Князь взялъ приступомъ Дерпшъ, укрѣпленный тремя стѣнами, истребилъ жителей и возвратился обремененный добычею. Кромѣ многихъ Новгородцевъ, съ нимъ ходили Ярославъ Тверскій, Конспаншинъ, зять Алексан-

дровъ (сынъ Ростислава Смоленскаго) и Князь Лишовскій Товпивиль, племянникъ Миндовговъ, который принялъ Вѣру Христіанскую и господствовалъ въ Полоцкѣ, или завоевавъ его, или — что гораздо вѣроятнѣе — будучи добровольно призванъ жителями по смерти Брячислава, тестя Александра: ибо Товпивиль имѣлъ славу добраго Князя¹⁰⁰. Съ помощію Давида Галицкаго и Ливонскихъ Рыцарей онъ утвердилъ оружіемъ свою независимость опѣ дяди, и жилъ мирно съ Россіянами.

Александръ нашелъ Хана Берку въ Волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ Искусства и Науки; ласкалъ Ученыхъ, художниковъ; украсилъ новыми зданіями свою Капчакскую столицу, и позволилъ Россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять Христіанское богослуженіе, такъ, что Митрополишъ Кирилль (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную Епархію подъ именемъ *Сарской*, съ кою соединили послѣ Епископію южнаго Переяславля¹⁰¹. Великій Князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе Бесерменовъ изъ городовъ Суздальскихъ. Ханъ согласился также не претовашъ опѣ насъ войска, но

Г. 1263. продержалъ Невскаго въ Ордѣ всю зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ, и прїѣхавъ опшуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, копорая пресъкла его жизнь 14 Ноября. Испощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи опечеснву, предъ концемъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ¹⁰²: поспригся, принялъ Схиму, и слыша горестный плачь вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ вѣжной чувствительности сказалъ добрымъ слугамъ: »удалитесь и не сокрушайте души моей жалостию!« Они всѣгоповы были лечь съ нимъ во гробъ, любивъ его всегда — по собсвенному выраженію одного изъ нихъ — гораздо болѣе, нежели опца роднаго. Митрополишь Кирилль жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ Великаго Князя, онъ въ собраніи Духовенства воскликнулъ: »солнце опечеснва закашилось!« Никшо не понялъ сей рѣчи. Митрополишь долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: »несшало Александра!« Всѣ отъпенѣли опъ ужаса: ибо Невскій казался необходимымъ для Государства, и по лѣшамъ своимъ могъ бы жить еще

Коп-
чина
и до-
бродѣ-
тели
Але-
ксан-
дровы.

долгое время. Духовенство, Бояре, народъ, въ глубокой скорби повшоряли одно слово: »погибаемъ!«... Тѣло Великаго Князя уже везли въ столицу: не смопря на жестокій зимній холодъ, Митрополишь, Князя, всѣ жипели Владимира шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человека, копорый бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мершваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Чшо можешь прибавишь судъ Историка, въ похвалу Александра, къ сему просному описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ Ангеловъ хранишелей, и въ печеніе вѣковъ приписывали ему, какъ новому небесному заступнику опечеснва, разные благоприятные для Россіи случаи: споль пошомство вѣрило мифію и чувствву современниковъ въ разсужденіи сего Князя! Имя *Святаго*, ему данное, гораздо выразительнѣе *Великаго*: ибо *Великими* называютъ обыкновенно *счастливыхъ*: Александръ же могъ добродѣтелями своими шолько облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его памяшь, доказали, чшо народъ иногда спра-

справедливо цѣнишь достоинство Государей и не всегда полагаешь ихъ во вѣншемъ блескѣ Государства. Самые легкомысленные Новгородцы, несохотно уступивъ Александру нѣкошорья права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго Князя, говоря, что онъ много пошрудился за Новгородъ и за всю землю »Русскую.« Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ тогда *Великою Архимандритією*), гдѣ и покоемъ до самаго XVIII вѣка, когда Государь Пётръ I вздумалъ перенести сіи останки безмершнаго Князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая шѣмъ утвердить ея знаменитое бытіе.

По кончинѣ первыя супруги, именемъ *Александры*, дочери Полоцкаго Князя Брячислава, Невскій сочелся вторымъ бракомъ съ неизвѣстною для насъ Княжною *Вассою*, коей тѣло лежишь въ Успенскомъ монастырѣ Владимірскомъ, въ церкви Рождества Христова, гдѣ погребена и дочь его, Евдокія¹⁰⁵.

Бывшій слава Александрова, по свидѣтельству ходы нашихъ *Родословныхъ Книгъ*, привлекла изъ чужихъ земель — особенно земель изъ Германіи и Пруссіи¹⁰⁴ — многихъ

именимыхъ людей, копорыхъ потомство донынѣ существуетъ въ Россіи и служишь Государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ.

Въ Княженіе Невскаго начались въ Волжской или Капчакаской Ордѣ несогласія, бывшія предвѣстіемъ ея паденія. Но Мятай, одинъ изъ главныхъ Воеводъ Татарскихъ, надменный могуществомъ, не захотѣлъ повиноваться Хану, сдѣлался въ окрестностяхъ Чернаго моря Владѣтелемъ независимымъ и заключилъ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, Императоромъ Греческимъ, копорый въ 1261 году, къ общему удовольствію Россіянъ, взявъ Царьградъ и возстановивъ древнюю Монархію Византійскую, не успѣдилъ выдать побочную свою дочь, Евфросинію, за сего мятежника¹⁰⁵. Опѣ имени Ногай произошло, какъ вѣроятно, названіе Татаръ Ногайскихъ, нынѣ подданныхъ Россіи. — Не смотря на внутреннее неустройство, Моголы болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія, и чрезъ Казанскую Болгарію дошли до самой Перми, откуда многіе жилища, ими ушѣсенные, бѣжали въ Норвегію, гдѣ Король Гаконъ обратился ихъ въ Вѣру Христіанскую и далъ имъ земли для поселенія¹⁰⁶.

Г Л А В А III.

Великій Князь Ярославъ
Ярославичъ.

Г. 1263 — 1272.

Древнѣйшая грамота Новгородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Ливоніи. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новгородцевъ съ Ярославомъ. Ташары принимаютъ Втру Магомешову. Копчина Ярослава. Перемены въ Удѣлахъ. Князь Осодоръ зянь Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Данила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кавъ. Городъ Крымъ.

Андрей Ярославичъ долженъ былъ наследовашъ пресполъ Владимірскій; но какъ онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Невскаго, по брагъ ихъ, Ярославъ Тверскій, сдѣлался Великимъ Княземъ. Новгородцы также признали его своимъ Начальникомъ, выгнавъ юнаго Димипрія Александровича за его малолѣпство; но хопѣли, чшобы Ярославъ далъ кляшву въ вѣрномъ соблюденіи условій¹⁰⁷. Мы имѣемъ подлинникъ сего шоржеспивеннаго договора, писаннаго опгъ имени Архіепископа, Михаила Посадника, Тысяч-

скаго Кодраша и всего Новагорода, опгъ ^{моща} старѣйшихъ и меньшихъ. Тамъ сказано: ^{Ново-городская} «Князь Ярославъ! пребуемъ, чшобы шы, каа» подобно предкамъ швоимъ и родишелю, «ушвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ священный обѣщъ править Новымгородомъ «по древнему обыкновенію, брагъ одни «дары съ нашихъ обласпей, поручашъ «онья шолько Новгородскимъ, а не Кня- «жескимъ чиновникамъ, не избирашъ ихъ «безъ согласія Посадника, и безъ вины не «емѣняшъ ихъ, коиорые опредѣлены бра- «помъ швоимъ Александромъ, сыномъ его «Димипріемъ и Новгородцами. Въ Торжкѣ «и Волокъ будутъ Княжескіе и наши Тиу- «ны (или судіи): первкые въ швоей чашпи, «вшорые въ Новгородской¹⁰⁸; а въ Бѣжи- «цахъ ни тебѣ, ни Княгинѣ, ни Боярамъ, «ни Дворянамъ швоимъ сель не имѣшъ, «не покупашъ и не принимашъ въ даръ, «равно какъ и въ другихъ владѣніяхъ Но- «вагорода: въ Волокъ, Торжкѣ, и проч.; «шакже въ Вологдѣ, Заволочѣ, Колѣ, Пер- «ми, Печерѣ, Югрѣ. Въ Русу можешъ шы, «Князь, ѣздишъ осенью, не лѣпомъ; а въ «Ладогу посылай своего рыбака и медо- «вара по грамотѣ опца швоего, Ярослава. «Димипрій и Новгородцы дали Бѣжича- «намъ и Обонежцамъ на шри года право

»судисься собспвеннымъ ихъ судомъ: не
 »нарушай сего временнаго успава, и не
 »посылай къ нимъ судей. Не выводи на-
 »рода въ свою землю изъ обласпей на-
 »шихъ, ни принужденно, ни волею. Кня-
 »гиня, Бояре и Дворяне швои не должны
 »бращь людей въ залогъ по долгамъ, ни куп-
 »цевъ, ни земледѣльцевъ. Опведемъ стнныя
 »покосы для тебя и Боярь швоихъ; но не
 »шребуй опшняшыхъ у насъ Княземъ Але-
 »ксандромъ, и вообще не подражай ему
 »въ дѣйствіяхъ самовластія. Тиунамъ и
 »Дворянамъ Княжескимъ, объѣзжающимъ
 »волоспи¹⁰⁹, даюцца прогоны, какъ из-
 »древле установлено, и только одни рап-
 »ные гонцы могутъ въ селяхъ пребывать
 »лошадей опъ купцевъ. Чшо касается до
 »пошлинъ, то купцы наши въ швоей и
 »во всей землѣ Суздальской обязаы пла-
 »шпшь по двѣ векши съ лодки, съ возу
 »и съ короба льну или хмѣля. Такъ бы-
 »вало, Князь, при опцахъ и дѣдахъ шво-
 »ихъ и нашихъ. Цѣлуй же свяшый крестъ
 »во увѣреніе, чшо исполнишь сіи условія;
 »цѣлуй не чрезъ посредниковъ, но самъ, и
 »въ присуществіи Пословъ Новгородскихъ.
 »А за пѣмъ мы кланяемся тебѣ, Господи-
 »ну Князю.« — Сія любопытная грамоша
 свидѣтельствуетъ, что собственный до-

ходъ Князей Новгородскихъ соспоалъ въ
дарахъ, а дань шла въ казну обществен-
 ную; чшо избраніе областныхъ начальни-
 ковъ хопя и зависѣло опъ Князя, но
 требовало согласія Посадникова; чшо нѣ-
 копорыя волоспи опкупали право имѣшь
 собспвенныхъ судей; чшо Новгородцы
 не дозволяли единоемцамъ своимъ пере-
 селяться въ другія Княженія; чшо купцы
 ихъ въ обласпяхъ сосѣдственныхъ тор-
 говали по большей частпи хмѣлемъ и
 льномъ; чшо Ладожане давали медъ и ры-
 бу для стола Княжескаго, преимущественно
 изобилуя оными. — Здѣсь въ первый
 разъ упоминается о городѣ Вологдѣ, ко-
 поторая, по шамошнимъ церковнымъ запи-
 скамъ, около 1147 году была шорговымъ
 мѣстечкомъ, окруженнымъ лѣсами, а въ
 слѣдующія времена городомъ знашнымъ,
 обнесеннымъ каменною стѣною; разва-
 лины ея башенъ и воропъ донинѣ при-
 мѣшны¹¹⁰.

Ярославъ, кляшвенно ушвердивъ дого-
 воръ, пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, будучи
 вдовъ, женился на Ксеніи, дочери каког-
 о Юрія Михайловича¹¹¹. Тамъ свѣдалъ
 опъ о важныхъ происшествіяхъ въ Липшѣ. ^{Г. 1265.} Бракъ
 Не спало Миндовга, Короля Липовскаго, ^{Яро-}
 злодѣйски убишаго ближними родспвен- ^{славъ.} вовъ.

Мя- никами. Они умершвили и Товпивица По-
шежи лоцкаго, коварно заманивъ его въ съши,
ль и дали Полочанамъ своего Князя; а сынъ
Лип- Товпивиловъ, спасаясь отъ сихъ убійць,
ль. прѣхалъ въ Новгородъ¹¹². Россіяне съ го-
рестію видѣли идолопоклонника на про-
нѣ православнаго, нѣкогда споль знамени-
шаго Княженія; но ушѣшались междуосо-
біемъ и бѣдствіями Липовцевъ. Миндовгъ
имѣлъ сына, именемъ Воишелга, которій
господствовалъ въ Новогродкѣ, изгнавъ
опшуда Романа Даниловича, и славился
пиранствомъ, ежедневно плавая въ крови
жершвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ
подданныхъ, онъ еще при жизни отца
сдѣлался Христіаниномъ, и смягченный
Вѣрою Спасителя, возненавидѣлъ самую
власть мірскую: уѣхалъ къ Данилу Га-
лицкому; крестилъ сына Львова, Юрія;
опказался отъ свѣща; жилъ долго въ
Обишели Полонинскаго Игумена, Григо-
рія, извѣснаго благочестіемъ; хощѣлъ
видѣть Іерусалимъ и гору Авонскую;
возвращилъ съ пуши, и на берегу Нѣ-
мена основавъ монастырь, прудился въ
ономъ нѣсколько лѣтъ, ревностно испол-
няя всѣ обязанности Инока. Миндовгъ ни
ласками, ни угрозами не могъ поколебать
его усердія къ Христіанству; но вѣшь

о несчастной смерти отца произвела въ
Воишелгѣ дѣйствіе чрезвычайное: онъ
запрещалъ отъ гнѣва, схватилъ мечъ,
и свергнувъ съ себя монашескую одежду,
далъ Богу обѣщъ чрезъ три года снова
надѣть ее, когда опмешитъ врагамъ Мин-
довга¹¹³. Сія мещъ была ужасна: собравъ
полки, Воишелгъ явился въ Липвѣ какъ
звѣрь свирѣпый, и признанный тамъ еди-
нолушно Государемъ, испребилъ множе-
ство людей, называя ихъ предашелями.
Триста семействъ Липовскихъ искали
убѣжища во Псковѣ, крестились и нашли
великодушнаго заступника въ Ярославѣ:
ибо Новгородцы хощѣли-было умершвить
сихъ несчастныхъ.

Въ то же время одинъ изъ родшвен-
никовъ Миндовговыхъ, именемъ Довмоншъ,
выѣхалъ изъ опечества, и, къ удоволь-
ствію Псковичанъ, принявъ у нихъ Вѣ- г.
ру Христіанскую, свискалъ споль вели- 1266.
кую довѣренность между ими, что они
безъ согласія Ярослава объявили его
своимъ Княземъ, и дали ему войско для
опушощенія Липвы¹¹⁴. Довмоншъ оправ-
далъ сію довѣренность подвигами му-
жества и ненавистію къ соопечествен-
никамъ: разоривъ обласъ Липовскаго
Князя Гердена, плѣнилъ его жену, двухъ

сыновей, и на берегахъ Двины одержалъ рѣшительную надъ нимъ побѣду. Множество Липовцевъ утонуло въ Двинѣ, и самъ Герденъ едва ушелъ; а Псковичяне, слава храбросишь Довмонша, съ восхищеніемъ видѣли въ немъ набожность Христіанскую: ибо онъ смиренно приписывалъ успѣхъ своего оружія единственно заслугенію Святаго Леонтія, побѣдивъ непріятелей въ день памяти сего Мученика.

Между тѣмъ Ярославъ, досадуя на Псковичянъ за самовольное избраніе Князя чужеземнаго, желалъ изгнать Довмонша и привелъ для того въ Новгородъ полки Суздальскіе¹¹⁵; но долженъ былъ опустить ихъ назадъ. Новгородцы не хотѣли слышать о сей войнѣ междоусобной и сказали ему: »другу ли Святой Софійи бышь непріятелемъ Пскова?« — Ярославъ уѣхалъ въ Владиміръ, оставивъ у нихъ своего племянника, Юрія Андреевича, при коемъ значная часть Новгорода обратилась въ пепель. Конецъ Неревскій исчезъ совершенно. Многіе люди сгорѣли, и даже самыя купеческія суда въ приспани, нагруженныя товаромъ: Волховъ, по словамъ Лѣтописца, казался пылающимъ. Богачье граждане въ нѣсколько

часовъ обѣдняли, а бѣдные разбогатѣли, въ общемъ смятеніи захвативъ чужіа драгоцѣнныя вещи¹¹⁶.

Сіе бѣдствіе не мѣшало Новгородцамъ заниматься дѣлами ратными: войско ихъ ходило съ Довмоншомъ и Псковичянами на Липву, сдѣлало много вреда непріятелю, и возвратилось безъ урона; другое осаждало Везенбергъ или Раковоръ въ Эспоніи, подвластной Дашчанамъ, но не могло взять его. Желая загладить сію неудачу, Новгородцы сыскали искусныхъ мастеровъ, и велѣли имъ на дворѣ Архіепископскомъ спростить большія стѣннобитныя орудія¹¹⁷; призвали Димитрія Александровича изъ Переславля съ войскомъ, Довмонша Псковскаго, и ждали са^{на въ}мого Великаго Князя: но Ярославъ, вмѣ^{Ливо-}сто себя, прислалъ къ нимъ двухъ сыновей, Святослава и Михаила¹¹⁸. Въ то время, какъ войско готовилось выступить, лазутчики Нѣмецкаго Ордена, называясь Послами отъ Риги, Феллина и Дерпша, явились въ Новгородъ, говоря нашимъ Князьямъ, что Рыцарство Ливонское желаетъ оспаться въ дружбѣ съ ними, не думаетъ помогать Дашчанамъ и не вмѣшиваеися въ ихъ дѣла съ Россіянами. Нѣмцы дали клятву въ испинѣ

Г.
1268,
Генъ.
23.

своихъ увѣреній, и Новгородскій Бояринъ, опшравленный къ Епископамъ и къ чиновникамъ *Дворянъ Божіихъ* — такъ у насъ именовали Рыцарей Ливонскихъ — заставилъ ихъ присягнувъ въ помъ же. Считая Нѣмцевъ друзьями, Россіяне надѣялись легко управиться съ Дашчанами, шли къ Везенбергу шрема пушями, разоряли селенія, и знаа, что многіе жители скрываются въ одной неприступной пещерѣ съ своимъ имѣніемъ, посредствомъ какой-то искусственной машины пустили пуда воду: бѣдные Эспонцы выскочили и безъ милости были изрублены въ куски; а добычу, найденную въ пещерѣ, Новгородцы опдали всю Князю Димипрію. Уже войско наше, приближаясь къ Раковору, спояло на берегахъ Коголи, и вдругъ, къ изумленію своему, увидѣло сильныя полки Нѣмецкіе, коими предводилъ самъ Магиспръ Ордена, именовъ Опшо фонъ-Роденштейнъ, и Епископъ Дерпшскій Александръ, въ прошивносшь данной кляпвъ взявшіе спорону Дашчанъ¹¹⁹. Видя, что надобно развѣдаться съ ними мечемъ, Новгородцы немедленно перешли за рѣку и спали прошивъ *Жельзнаго* Нѣмецкаго полку; сынъ Ярославовъ, Михаилъ, на лѣ-

Фе-
вралъ
18.

вомъ крылъ; Довмоншъ Псковскій, Димипрій и Свяшославъ на правомъ. Ударили смѣло и мужеспвенно съ обѣихъ споронъ. »Ни опшцы, ни дѣды наши« — говоришь Лъшописецъ — »не видали шакой жестокой сѣчи.« Новгородцы, имѣя дѣло съ опшорною Нѣмецкою фалангою, падали цѣлыми рядами. Посадникъ Михаилъ и многіе чиновники были убиты; Тысячскій, именовъ Кодрашъ, пропалъ безъ вѣсши, а Князь Юрій Андреевичъ обрашилъ пыль. Псковитяне, Ладожане спояли дружно. Наконецъ Князь Димипрій и Новгородцы сломили непришелей и гнали ихъ семь верспъ до самаго города; но возвращаясь на мѣсто битвы, увидѣли еще другой полкъ Нѣмецкій, копорый врѣзаясь въ наши обозы. Между шѣмъ наступилъ темный вечеръ. Благоразумные Вожди совѣщовали подождать ушра, чтобы въ ночной схваткѣ не убивашъ своихъ вмѣсто непришелей, и съ шрудомъ могли удержатъ пылкихъ воиновъ. Ожидали свѣта съ неперпнѣмъ; но Рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дни спояли Россіяне *на костяхъ*, то есть, на мѣстѣ сраженія, въ знакъ побѣды, и рѣшились ишши назадъ: ибо, претерпѣвъ великій уронъ, не могли заняшь осадою

городовъ. Въмѣсто добычи, они приесли съ собою пруды убиенныхъ, знамениныхъ Болръ, и схоронили тѣло Посадника Михаила въ Софійской церкви. Сія честь и слезы цѣлаго Новагорода были ему воздаяніемъ за его славную кончину. Избрали новаго Посадника, именовъ Павшу; а мѣсто Тысяческаго оспалось праздно, ибо народъ еще не имѣлъ вѣсти о судьбѣ Кодрашовой. — Сію кровопролитную битву долго помнили въ Новгородѣ и въ Ригѣ. Ливонскіе Историки пишутъ, что на мѣстѣ сраженія легло 5000 нашихъ и 1350 Нѣмцевъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дерпшскій Епископъ.

Злобствуя на Россіянь, Магиспръ Ордена собралъ новыя силы; пришелъ на судахъ и съ конницею въ обласп Псковскую; сжегъ Изборскъ, осадилъ Псковъ и думалъ сравнять его съ землею, имѣя множество спѣнобитныхъ орудій и 18,000 воиновъ (число великое по тогдашнему времени). Оппо грозился наказатъ Довмонпа: ибо сей Князь былъ спрашенъ не только для Ливвы, но и для сосѣдственныхъ Нѣмцевъ, и не за-долго до того времени испребилъ ихъ опрядъ на границѣ. Мужественный Довмонпгъ, осмо-
 апрѣ-
 ля 25. прѣвъ силу непріателей и пошовясь къ

битвѣ, привелъ всю дружину въ храмъ Святыя Троицы, положилъ мечъ свой предъ олшаремъ и молился, да будущъ удары его для враговъ смертоносны. Благословенный Игуменомъ Исидоромъ (кошорый собственною рукою препоясалъ ему мечъ), Князь новыми подвигами геройства заслужилъ удивленіе и любовь Псковишянь; десятиъ дней бился съ Нѣмцами; ранилъ Магиспра. Между тѣмъ Новгородцы съ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ приспѣли и заставили Рыцарей опспунитъ за рѣку Великую; вошли въ переговоры съ ними и согласились дасть имъ миръ. Тѣ и другіе остались при своемъ, пошерявъ множествво людей безъ всякой пользы¹²⁰.

Тогда Великій Князь Ярославъ при-былъ въ Новгородъ, и досадуя на многихъ чиновниковъ за сію войну кровопролитную, хотѣлъ ихъ смѣнитъ, или немедленно выѣхатъ изъ столицы. Граждане объявили рѣшишельно, что они не согласны на первое, но молили его у нихъ оспашься, ибо миръ, заключенный съ Нѣмцами, казался имъ ненадежнымъ; свѣдавъ же, что Великій Князь дѣйствитель-но уѣхалъ, опсправили въ слѣдъ за нимъ Архіепископа, кошорый наконецъ

уговорилъ Ярослава возвратиться изъ Бронницъ. Чиновниковъ не смѣнили, однакожь, въ угодностьъ Князю, граждане избрали въ Тысячскіе одного преданнаго ему челоуѣка, именемъ Рашибора, и начали гошовишья къ войнѣ. Князья Суздальскихъ Удѣловъ и полки Ярославовы собралися въ Новгородъ, куда пріѣхалъ и Великій Владимірскій Баскакъ, Ташаринъ Амраганъ¹²¹. Сей чиновникъ Хана — имѣя, кажешя, учаспіе и въ нашихъ государственныхъ совѣпахъ — одобрилъ намѣреніе Россіянъ ийти къ Ревелю; но Дашчане и Нѣмцы, ослабленные прешерпѣннымъ ими урономъ, не захопѣли новой войны, и добровольно уступивъ намъ весь берега Наровы, обезоружили иѣмъ Ярослава.

Бас-
какъ.

Оставивъ въ покоѣ Эстонію, Великій Князь хотѣлъ-было вести полки свои въ землю Корельскую, чшобы утвердишь ея жишелей въ послушаніи: Новгородцы просили его не тревожити сихъ бѣдныхъ людей, и Князь опустилъ войско, не предвидя для себя опасности. Увѣренный въ преданности нѣкоторыхъ чиновниковъ, а можешъ быши и въ покровительствѣ Ташаръ, онъ худо исполнялъ заключенный имъ договоръ съ Новгородцами:

дѣйствоваль иногда какъ Государь самовластный; слышалъ ропотъ и не уважалъ его. Общее неудовольствіе возраспало. Г. 1270. Вдругъ, къ изумленію Князя, ударили въ Вѣчевый колоколъ: наспалъ грозный часъ суда народнаго, и люди со всѣхъ сторонъ бѣжали толпами къ Св. Софіи рѣшиши судьбу опечесства, какъ они думали. Первымъ опредѣленіемъ сего шумнаго Вѣча было изгнать Ярослава и казниши любилищевъ Княжескихъ: главнаго изъ нихъ умершвили; другіе ушли въ церковь Св. Николая и на Городище, къ Ярославу, оставивъ дома свои въ жертву народу, разломавшему оные до послѣдняго бревна. Именемъ Новгорода вручили Князю грамоту обвинительную. «Для чего» — ^{упре-}сали къ нему граждане — ^{ки Ве-}«завладѣлъ ^{лико-}пш ^{му}дворомъ Моршкенича? для чего ^{Кня-}взялъ ^{зю.}се-ребро съ Боларъ Никифора, Романа и Варѣоломея? Для чего выводиши опсюда иноземцевъ, мирно живущихъ съ нами? «для чего ишищеловы пвои опнимаюшъ «у насъ рѣку Волховъ, а звѣроловы поля? «Да будешъ нынѣ конецъ пвоему насилію! Иди, куда хочешъ; а мы найдемъ «себѣ Князя.» Ярославъ послалъ сына и Тысячскаго своего на Вѣче, съ увѣреніемъ, что онъ сдѣлаешъ все угодное народу.

»Ныпть!« опвѣщспвовали ему граждане: »мы не хошимъ шебя. Удались, или будешь немедленно изгнанъ.« Великій Князь уѣхаль; а Новгородцы опправили Посольство къ Димитрію Александровичу, думая, чпо онъ съ радоспію согласился княжить у нихъ; но Димитрій опрекся, и велѣлъ имъ сказаць: »не хочу престолода, съ коего вы согнали моего дидю.«

Сей опказъ весьма огорчилъ Новгородцевъ. Въ то же время они получили извѣстіе опъ Василія, меньшаго Ярослава брата, чпо Великій Князь, пылая гнѣвомъ, гошовился ишши на нихъ съ полками Моголовъ, съ Димитріемъ Переславскимъ и съ Глѣбомъ Смоленскимъ (сыномъ Роспислава¹²² Мспиславича). »Но будыше спокойны,« писалъ къ нимъ Василій: »Свящая Софія еспъ моя опчина; я гошовъ служишь ей и вамъ.« Онъ поѣхаль въ Орду, гдѣ любимецъ Великаго Князя, Рашиборъ, Тыслчскій Новгородца, вооружилъ Хана прошивъ своихъ единоеземцевъ, говоря ему: »Новгородцы враги твои; изгнали Ярослава съ »безчестіемъ, разграбили наши дома и »хопѣли насъ умершвишь единственико за то, чпо мы шребовали съ нихъ для »шебя дани.« Обманушый Ханъ послалъ

войско, чптобы смиришь ослушниковъ; но Василій Ярославичъ вывелъ его изъ заблужденія, объяснивъ ему, чпо Новгородцы ни чѣмъ не оскорбили Моголовъ, и чпо неудовольспвія ихъ на Великаго Князя справедливы. Тогда Ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвращишься; а Василій, оказавъ споль важную услугу Новгородцамъ, надѣялся бышь ихъ Княземъ. Гошовые умеренъ за права вольности, они укрьпили сполицу съ обѣихъ споронъ высокимъ пыномъ, сносили имѣніе въ средину города и ждали непріятелей.

Ярославъ приближился къ самому Городищу; но видя шамъ всѣхъ жипелей вооруженныхъ, конныхъ и пѣшихъ, обралился къ Русь, и занявъ оную своимъ войскомъ, прислалъ опшуда Боярина съ дружелюбными предложеніями въ Новгородъ. »Забываю« — говорилъ онъ — »сдѣланныя мнѣ вами обиды, и всѣ Князя »Россійскіе будутъ моими поруками въ »вѣрномъ исполненіи нашихъ условій.« Новгородцы опвѣщспвовали ему чрезъ Посла: »Князь! пы объявилъ себя врагомъ »Свящыя Софіи: оставъ же насъ въ по»коѣ, или мы умремъ за опчестство. Не »имѣемъ Князя; но за насъ Богъ, правда »и Свящая Софія; а шебя не хошимъ.«

Въ слѣдъ за Посломъ двинулось къ Русь ихъ войско многочисленное, въ коемъ находились Ладожане, Корелы, Ижерцы, Вожане и Псковитяне. Спанъ ихъ былъ на одной споронѣ рѣки, Ярославъ на другой: прошла недѣля въ бездѣйствіи. Тогда Новгородцы получили грамоту отъ Мишрополипа Кирилла¹²³. Сей достойный Пастырь Церкви именемъ отечества и Вѣры заклиналъ ихъ не проливать крови: ручался за Ярослава и бралъ на себя грѣхъ, если они, въ изскупленіи злобы, дали Богу кляшву не мириться съ Великимъ Княземъ. Слова добродѣтельнаго спарца провудли Новгородцевъ, и Послы Ярославовы, прибывъ къ нимъ въ спанъ, довершили благое дѣло мира. Написали договоръ: Великій Князь утвердилъ оный дѣлованіемъ креста. Сія грамота также хранилась въ нашемъ Архивѣ и содержаніемъ подобна первой; означимъ шолько нѣкоторыя прибавленія. Въ ней сказано отъ имени Новагорода: «Князь Ярослав! забудь гнѣвъ на Владыку, Посадника и всѣхъ мужей Новгородскихъ; не мсти имъ ни судомъ, ни словомъ, ни дѣломъ. Не вѣрь клеветникамъ; не принимай доносъ отъ раба на господина. Пословъ и купцевъ нашихъ, ошановленныхъ въ Ко-

Миръ
Ново-
город-
цевъ
съ
Яро-
сла-
вомъ.

вспромъ и въ другихъ городахъ Низовскихъ, выпусти съ ихъ имѣніемъ; освободи также военнопленныхъ и всѣхъ должниковъ Новгородскихъ, задержанныхъ въ Торжкѣ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ, или швоихъ собшвенныхъ, или Княгининыхъ, или Болрскихъ (купецъ да идесть въ свою Сопню¹²⁴, а селянинъ въ свой погоспъ). Не раздавай никому государственныхъ даней. Возврати грамоту отца швоего, копорую шы у насъ опшялъ; и вмѣсто новыхъ, даныхъ шобою, да имѣюшь силу прежнія, Ярославовы и Александровы грамоты. На дворѣ Нѣмецкомъ шоргуи единшвенно черезъ нашихъ купцевъ; а Двора не зашворяй, и не посылай шуда приспавовъ. Село Свяшой Софіи ошпанешся ея неошъемлемою собшвенношю. Новгородцы не должны быть судимы въ землѣ Суздальской. Купцы наши да шоргуюшь въ ней свободно по грамотѣ Ханской¹²⁵; бери памъ ушпавленныхъ пошлины, но въ обласняхъ Новгородскихъ не заводи шаможни. Судьи начинаюшь свои объѣзды съ Пешрова дни,« и проч. На бѣлой споронѣ сей харшій, къ коей привязана свинцовая печать, написано, что Послы Хана Тамарскаго, Чевгу и Банши,

прибыли съ его грамошою въ Новгородъ, возвести Ярослава на престолъ. Сполъ велика была зависимость Князей Россійскихъ!

Ярославъ жилъ попомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородѣ. Не любя Довмонша, онъ далъ Псковичьямъ инаго Князя — но только на малое время — какого-то Айгуста¹²⁶, и зимою уѣхалъ въ Владиміръ, поручивъ Новгородъ Намѣстнику, Андрею Врашиславичу. Великое Княженіе Суздальское было спокойно, по естѣ, рабствовало въ тишинѣ, и народъ благодарилъ Небо за облегченіе своей доли, которое состояло въ томъ, что преемникъ Хана или Царя Берки, братъ его, именемъ Мангу-Тимуръ, освободилъ Россіянъ отъ насилія опкупщиковъ Харазскихъ. Историкъ Могольскій, Абульгази, хвалилъ Тимура за его острый умъ; но умъ не смягчалъ въ немъ жестокаго сердца, и память сего Хана запечатлѣна въ нашихъ лѣтописяхъ кровію добраго сына Олегава, Романа, Князя Рязанскаго, принявшаго въ Орду вѣнецъ Мученика. Еще Ханъ Берка, имѣвъ случай говорить о Вѣрѣ съ купцами Бухарскими, и плѣненный учениемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ Магомешаниномъ: примѣръ его слу-

жилъ закономъ для большей части Мого-Татарь, весьма равнодушныхъ къ древнему идолопоклонству; а какъ всякая новая Вѣра обыкновенно производитъ изувѣровъ или фанатиковъ, то они, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться пламеннымъ усердіемъ ко мнимой божественности Алкорана. Можетъ быть, Князь Романъ неосторожно говорилъ о семъ ослѣпленіи ума: донесли Тимуру, что онъ хулилъ ихъ Законъ. Тогда Романъ, принуждаемый дасть отвѣтъ, не хотѣлъ измѣнить совѣсти, и говорилъ шакъ смѣло, что озлобленные варвары, зашкнувъ ему ротъ, изрѣзали несчастнаго Князя по сосавамъ, и взошкнули голову его на копіе, содравъ съ нее кожу¹²⁷. Россіане проливали слезы, но утѣшались твердостью сего втораго Михаила, и думали, что Богъ не оставилъ той земли, гдѣ Князья, презирая славу мірскую, сполъ великодушно умирають за Его свяшую Вѣру.

Великій Князь Ярославъ, слѣдуя примѣру отца и Александра Невскаго, сипарался всеми способами угождать Хану, и Г. подобно имъ кончилъ жизнь свою на возвратномъ пути изъ Орды, куда онъ ѣздилъ съ братомъ Василиемъ и съ

ры
при-
шма-
югъ
Маго-
менпо-
луВѣ-
ру.

Года
19.

1272.
Коп-
чила
Яро-
слава.

*

племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ¹²³. Тѣло его было опхвезено для погребенія въ Тверь. Лѣтописцы не говоряшъ ни слова о характерѣ сего Князя: видимъ только, что Ярославъ не умѣлъ ни довольствоваться ограничеиною властію, ни утвердить самовластія смѣлою рѣшительностію; обижалъ народъ и вивился какъ пресупникъ; не опличался рашнымъ духомъ, ибо не хотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, когда оно сражалось съ Нѣмцами; не могъ назваться и другомъ опечества, ибо вооружалъ Моголовъ противъ Новгорода.

Опишемъ разныя особенныя происшествія Ярославова времени. При семъ Государѣ сдѣлались нѣкошорыя перемѣны въ частныхъ Удѣлахъ Великаго Княженія. Перемѣны въ Удѣлахъ. Василій Всеволодовичъ, внукъ Константиновъ, умершій еще въ 1249 году, опшавилъ на престолѣ Ярославской области супругу Ксенію и малолѣтнюю дочь Марію, кошорая послѣ сочелалась бракомъ съ Теодоромъ Ростиславичемъ Чернымъ, внукомъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, Удѣльнымъ Княземъ Можайска¹²⁹. Считая себя обиженнымъ старшими братьями, Глѣбомъ и Михаиломъ, онъ переѣхалъ въ Ярославль, наслѣдіе супру-

ги его, и княжилъ тамъ вмѣстѣ съ шецею. Къ сему извѣстію новѣйшіе Лѣтописцы прибавляютъ слѣдующую повѣсть: «Теодоръ, бывъ въ Ордѣ, мужеспвенною красопою и разумомъ споль пѣвилъ Царицу Могольскую, что она желала выдать за него дочь свою. Въ то самое время Маріи скончалась въ Ярославлѣ, и народъ, объявивъ ей сына, Михаила, Владѣтельнымъ Княземъ, уже не хотѣлъ повинываться Теодору, кошорый, лишась супруги и престола, согласился бытъ взятьемъ Хана или Царя Капчакскаго. Въ прешествія исчезли: Ханъ позволилъ дочери креститься, и Константинопольскій Патриархъ торжеспвенною грамотою опшвердилъ ея благословенное супружество; а шесинъ построилъ для Теодора великолѣпныя палаты въ Сараѣ, и далъ ему множество городовъ: Черниговъ, Херсонъ, Болгары, Казань; по смерти же юнаго Михаила Теодоровича, повелъ сего любимаго зятя на престолъ Ярославскій, наказавъ его враговъ. Супруга Теодорова, названная въ крещеніи Анною, построила въ Ярославлѣ храмъ Архиспрашига Михаила и заслужила имя добродѣтельной Христіанки.» Ежели сія повѣсть справедлива, то вѣрояшно, что

Князь Теодоръ зять Хановъ.

Осодоръ былъ зячемъ не Мангу-Тимура, а Ногай¹³⁰, женашаго на Христіанкѣ и не хотѣвшаго принять Вѣры Магометанской.

Димитрій Святославичъ, Князь Юрьева Польскаго, двоюродный братъ Ярослава, умеръ въ 1269 году¹³¹; и съ того времени 70 лѣтъ не упоминается въ нашей Исторіи о Владѣтеляхъ Юрьевскихъ. Сей набожный Князь принялъ Схиму отъ Епископа Ростовскаго, и закрывая глаза навѣки, сказалъ ему: «Святый Владыко! ты совершилъ прудъ свой и приготовилъ меня къ пуши дальшему, какъ добраго воина Христова. Тамъ, въ жизни вѣчной, щарствуетъ Богъ милосердія: иду слу-»
«жишь Ему съ вѣрою и надеждою.» Сіи послѣднія слова Димитріевы казались Лѣтописцамъ достопамятныѣ дѣлъ его, совершенно для насъ неизвѣстныхъ.

Лѣтъ за шесть до Ярославовой смерти преславился (и погребенъ въ Холмѣ) знаменитый Давидъ, Король Галицкій¹³², славный воинскими и государственнымъ достоинствомъ, а еще болѣе опмѣннымъ милосердіемъ, отъ коего не могли отвратить его ни измѣны, ни самая гнусная неблагодарность Бояръ мятежныхъ: добродѣтель рѣдкая во времена жестокія и сшоль бурныя. Милосливый къ поддан-

нымъ, онъ и въ другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности: въ юности чшилъ Князей старшихъ; изъявлялъ нѣжную любовь къ матери и къ брату, получившему отъ него въ Удѣль область Владимірскую; помнилъ благодѣянія, ему оказанныя; наблюдалъ правило вѣрности въ союзахъ, побѣдами и разумомъ утверждая безопасность и честь Державы Галицкой; пашествіемъ Моголовъ разсвоенный въ видахъ своей Полипики, не изумился, не ушрашилъ бодрости духа: хотя не могъ совершенно избавишься отъ ихъ свирѣпаго пиратства, но закрылъ глаза съ надеждою, что его потомки будущъ счастливыѣ, слѣдуя принятой имъ системою державы союза Государей Западныхъ, иногда обольщаютъ варваровъ золотомъ и смиреніемъ, иногда ушрашають силою, въ ожиданіи, что они, какъ Гунны Ашчилины, какъ Обры, исчезнутъ, сокрушенные или внутреннимъ междуособіемъ или общимъ усиліемъ Государей Европейскихъ. Сія надежда не совсѣмъ обманула Давида: его преемники рабствовали менѣе иныхъ Князей Россійскихъ, уважаемые и Ханамъ и сосѣдственными Христіанскими Державами, которыя въ печеніе цѣлаго вѣка считали Кня-

жестиво Галицкое вѣрнымъ для себя опло-
помъ съ опасной стороны Моголовъ.

Первымъ слѣдствіемъ кончины Дани-
ловой была война наслѣдниковъ его съ Бо-
леславомъ Польскимъ¹³³. Василько оспался
Княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышль-
скимъ; Романъ Даниловичъ умеръ; пре-
шій братъ ихъ, Мстиславъ, господство-
валъ въ Луцкѣ и Дубнѣ; меньшій, Шварнъ—
кажется, любезнѣйшій опцу — въ Галичѣ,
Холмъ и Дрогичинѣ. Не смотря на миръ
и союзъ, за нѣсколько лѣтъ до того вре-
мени утвержденный въ Тернавѣ между
Болеславомъ и Даниломъ, корыстоплюби-
вые Болре Шварновы не усомнились вмѣ-
стѣ съ Литвою грабить Польскія вла-
дѣнія. Болеславъ хотѣлъ опмешить: до-
шло до битвы, въ коей дружина Швар-
нова претерпѣла великій уронъ; наконецъ
примирились, ибо общая польза обѣихъ
Державъ того претовала.

Хотя Княжество Данилово раздѣли-
лось на часты, однакожь его сыновья дѣй-
ствовали согласно въ государственныхъ
предпріятіяхъ и слушались дяди, опыт-
наго, благоразумнаго Василька, не смотря
на то, что Князь Левъ съ неудоволь-
ствіемъ видѣлъ меньшаго брата власпе-
линомъ Галича и Холма. Сія зависить еще

усилилась опъ новаго происшествія, ко-
порое могло бытъ важно и весьма счаспи-
ливо не шолько для южной Россіи, но
и для спокойствія другихъ земель со-
сѣдственныхъ. Бывшій Инокъ Воишелга,
сынъ Миндовга, искренній другъ Василька
и Шварна, своего зятя, съ ихъ помощію
овладѣвъ болшею частію Литвы, раз-
дробленной на многія обласпы, далъ по-
слѣднему въ ней Удѣль, а наконецъ усту-
пилъ ему и пресполь; снялъ съ себя оде-
жду Княжескую и заключился въ мона-
стырь Угровскомъ, исполняя произнесен-
ный имъ обѣтъ. Россіане надѣялись, что
грабительства Литовскія уже не возобно-
вятся, и что сей опасный народъ, пра-
вимый сыномъ Даниловымъ, составилъ
одну Державу съ Галицкимъ Княженіемъ;
но Левъ, думая о пользѣ собственнаго
власполюбія еще болѣе, нежели о благѣ
опечесства, не могъ снести равнодушно,
что сильное Княжество Литовское до-
сталось не ему, а юному Шварну; зло-
бился на Воишелга и дерзнулъ на мечь
подлую и свирѣпую. Онъ предложилъ Вои-
шелгу съхаться съ нимъ въ Владимірѣ
будно бы для какого-то важнаго дѣла.
Сей Князь-Инокъ сомнѣвался, зная ковар-
ство Льва; но увѣренный въ безопасно-

спи словомъ добродушнаго Василька, прѣхалъ въ Владиміръ, и спалъ въ монаспырь Св. Михаила. На другой день былъ объѣдъ у знаиѣйшаго Вельможи Данилова, Нѣмца Маркольна, гдѣ Князя по погдашнему обыкновенію пили весьма неумѣренно, и гдѣ Левъ съ удивительнымъ искусствомъ припворялся нѣжнымъ другомъ Миндовгова сына. Наспалъ вечеръ: Воишелгъ спокойно возвратился въ монаспырь, куда, въ слѣдъ за нимъ, прискакалъ и Левъ, желая, какъ онъ говорилъ, еще повеселишь любезнаго кума. Несчастный отперъ дверь: вдругъ слуги Княжескіе окружили его, и Левъ, грознымъ голосомъ исчисливъ бѣдствія, преперпѣныя Россією отъ Липвы, саблею разсѣкъ ему голову. Ни Василько, ни Шварнъ не участвовали въ заговорѣ: они жалѣли, что имя Русское очернилось злодѣйскимъ вѣроломствомъ, и съ честью погребли Воишелга въ обители Св. Михаила. Пишутъ, что сей Липовскій Князь, отъ природы жестокосердый, будучи Власишелемъ, сверхъ одежды богашой носилъ *герную мантию*, и потому заслужилъ названіе *волка въ кожѣ агнца*¹⁵⁴. Но онъ имѣлъ право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христіан-

ской и любви къ нимъ, чтобы кровь Св. Владиміра, браками Данила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала въ Липвѣ. Къ несчастію, споль важное для Россіи благодѣаніе не имѣло желаемыхъ слѣдствій: Шварнъ въ юности умеръ, и Князь Липовскій, именемъ Тройденъ, Вѣроу язычникъ, сердцемъ Неронъ, сѣлъ на Миндовговомъ протнѣ. Скоро преспавился и Князь Василько, о коемъ упоминается съ честью во многихъ лѣтописяхъ иностранныхъ, особенно въ Сербской Исторіи по его дружеству съ Королемъ Стефаномъ Драгушинымъ¹⁵⁵. Сей доспойный братъ Даниловъ, нѣкогда воинъ храбрый и неупомимый, кончилъ дни свои Монахомъ и пуженикомъ: повѣспвуютъ, что онъ жилъ нѣсколько времени въ дикой, заросшей купшарникомъ пещерѣ, оплакивая грѣхи прежняго мірскаго власполюбія и рашной дѣяшельности. Сынъ его, Іоаннъ-Владиміръ, женатый на Ольгѣ, дочери Романа Михайловича Брянскаго, (въ 1269 году) наслѣдовалъ область родительскую, а Левъ Шварнову, то есть, Галичъ, Холмъ и Дрогичинъ, утвердивъ пресполь свой въ новомъ городѣ Львовѣ, основанномъ еще при Данилѣ.

Ко временамъ, нами описываемымъ, Испорикъ относитъ возобновеніе древней Θεодосіи или основаніе нынѣшней Кафы¹⁵⁶. Моженъ бытъ, Генуэзцы уже и ранѣ купечествовали въ Тавридѣ вмѣстѣ съ Венеціанами; но въ царствованіе Императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сею торговлею, и съ дозволенія Моголовъ завели тамъ гостинный дворъ, анбары и лавки: сперва, выпросивъ небольшую чашицу земли, обвели ее ровомъ и валомъ, а послѣ начали строити высокіе дома, присвоили себѣ гораздо болѣе опданнаго имъ мѣста и сдѣлали каменную снѣну, назвавъ сей укрѣпленный, прекрасный городъ Кафою; овладѣли Судакомъ, Балаклагою, нынѣшнимъ Азовомъ или Танаисомъ, выгнали опшуда своихъ опасныхъ со-вмѣстниковъ, Венеціанъ, и спѣснили древній Херсонъ, гдѣ (въ 1333 году) находился уже *Латинскій* Епископъ, и гдѣ въ XVI вѣкѣ предшавлялись глазамъ путешественниковъ одиъ великолѣпныя развалины. Имѣя иногда ссоры и даже войны съ Моголами (въ 1343 году), Генуэзцы господствовали тамъ до паденія Греческой Имперіи, и были наконецъ испреблены Турками. Но еще и нынѣ видимъ въ

Осно-
ваніе
Кафы.

Тавридѣ памятники сихъ образованныхъ Пиналіянцевъ, остатки ихъ зданій и надписи; въ Азовѣ же, какъ говоритъ одинъ Испорикъ, жили нѣкопорыя Генуэзскія семейства до самаго XVII столѣтія¹³⁷. — Близъ Кафы находился еще знаменитый Могольскій городъ Крымъ (коего именемъ назвали и всю Тавриду), споль великій и пространный, чпо всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня¹³⁸. Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, и другія народныя зданія, особенно училища, заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности, и зная, чпо имъ надлежало бытъ въ дорогѣ около прехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостинницахъ: доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлею! Жители Крыма славились богатствомъ и скупостию, заирали золото въ сундуки, и не давалъ ничего бѣднымъ, строили великолѣпныя мечети въ знакъ своей набожности. Нынѣшнее мѣстечко *Старый Крымъ* (на рѣкѣ Чуруксѣ, близъ Кафы) есть бѣдный остатокъ сего древняго города.

Г Л А В А IV.

Великій Князь Василій Яро-
славичь.

Г. 1272 — 1276.

Споръ о Новгородскомъ Княженіи. Моголы идуть на
Ливву. Пруссы въ Слонимъ и въ Гроднѣ. Копчина
Василія. Соборъ.

Меньшіи братья Ярославовъ, Василій
Коспромскій, наслѣдовалъ престолю Ве-

Г. 1272. Споръ о Но-
вогород-
скомъ Кня-
женіи.

ликаго Княженія, и немедленно отпра-
вилъ Пословъ въ Новгородъ, куда, вмѣстѣ
съ ними, прибыли и Димитріевы. Тѣ и
другіе оспановились на *Дворѣ Ярослава*;
и другіе ходатайствовали за своего
Князя: ибо и Василій и Димитрій Але-
ксандровичъ желали присвоить себѣ Нов-
городъ, избыточнѣй, сильный, и менѣе
другихъ обласней угнетенный игомъ Та-
шарскимъ. Димитрій надѣялся на славу
мужества, изъясненнаго имъ въ битвѣ
Раковорской, и еще болѣе на память оца,
Героя Невскаго; а Василій на услугу,
недавно оказанную имъ въ Ордѣ Нову-
роду¹³⁹. Посадникъ Павша взялъ спорону
перваго, и сынъ Александровъ, призна-

ный Княземъ Новгородскимъ, спѣшили
въ сію столицу. Василій, свѣдавъ о томъ,
послалъ въ слѣдъ за нимъ Воеводу, чпо-
бы схватили его на пуши, а самъ хо-
пѣлъ взять Переславль, но обратился
съ войскомъ къ Торжку, и занявъ сей
городъ, оспавилъ шамъ своего Намѣстни-
ка или Тіуна. Князь Тверскій, Святославъ
Ярославичь, помогая дядѣ, опускашаль
между шѣмъ берега Волги, Бѣжецкѣ, Во-
локѣ. Надлежало прибѣгнути къ мечу или
къ договорамъ: Новгородцы хопѣли упо-
пребити оба средшва, и собравъ вой-
ско, послали Бояръ къ Великому Князю,
чпобы укротили его гнѣвъ словами мир-
ными. Но Василій, принявъ Пословъ съ
ошмѣнною чеспю, не согласился на миръ,
и Димитрій съ сильными полками вы-
спунилъ къ Твери зимою. Вдругъ сдѣла-
лась перемѣна. «Дружба Великаго Князя
«для насъ необходима,» думали многіе Но-
вогородцы: «купцевъ нашихъ грабятъ ше-
«перь въ землѣ Суздальской; мы лишены
«подвозовъ, и шернимъ нужду въ хлѣбѣ.
«Не лучше ли, вмѣсто кровопролитія,
«исполнить желаніе Василіево, согласное
«съ народною пользою?» Сіе мнѣніе было
наконецъ всеми одобрено: оспановясь въ
Торжкѣ, войско не хопѣло ишши далѣе.

Самъ Димитрій не пропивился общей во-
ль, и дружелюбно распался съ Нового-
родцами, которые, смѣнивъ вѣрнаго ему
Посадника Павшу, объявили Василия сво-
имъ Правителемъ. Такимъ образомъ Ве-
ликій Князь достигъ цѣли; пріѣхавъ въ
Новгородъ, и въ знакъ миролюбія забывъ
недоброжелательство Боярина Павши, со-
гласился, чѣобы народъ возвратилъ ему
санъ Посадника. Сей чиновникъ ушелъ-
было изъ Торжка къ Димитрію; но боясь
на спаросипи лѣтъ опасаться изгнанни-
комъ, прибѣгнувъ къ Василіеву великоду-
шію и до кончины своей пользовался лю-
бовію согражданъ.

Г. Великій Князь отправился къ Хану. Въ
1275. сіе время Моголы ходили на Липву, при-
глашенные къ тому Львомъ Галицкимъ.
Преемникъ Шварновъ, свирѣпый Тройденъ,
нѣсколько лѣтъ бывъ союзникомъ Дани-
ловыхъ сыновей, нечаянно взялъ Дроги-
чинъ и безжалостно умертвилъ большую
часть жителей. Левъ, озлобленный его
вѣроломствомъ, обратился къ Хану Ма-
гу-Тимуру, желая испреблѣть враговъ
врагами¹⁴⁰. Глѣбъ Смоленскій и Романъ
Михайловичъ Брянскій, шестъ сына Ва-
на
Липву, Силькова, Иоанна-Владиміра, соединились

съ Тапарами, долго перпѣвъ набѣги Ли-
повцевъ, которые опустошили за Днѣ-
промъ самыя опдаленныя мѣста Черни-
говскаго Княжества. Но сей походъ имѣлъ
для Россіи болѣе вредныхъ слѣдствій,
нежели благопріятныхъ: ибо Князья по-
ссорились между собою, и взявъ одно
предмѣстіе Новогородка, не захошѣли итти
далье въ Липву; а Моголы на возвраще-
номъ пути разорили множество нашихъ
сель, подъ именемъ друзей опинимая у
земледѣльцевъ скотъ, имѣніе, одежду¹⁴¹.
»Дружба съ невѣрными« — говоритъ Ль-
вописецъ — »не лучше брани; и сей слу-
чай да будетъ примѣромъ для попом-
»ства«

Оставленные союзниками, Князья Га-
лицкіе взяли въ Липвѣ два города, Ту-Прус-
рійскъ на берегу Нѣмена и Слонимъ (гдѣ ^{сы въ} Слю-
жили Пруссы, которые искали шамъ убѣ- ^{нимъ}
жища ошъ припѣсеній Нѣмецкаго Орде- ^{и въ}
на: Тройденъ населилъ ими и Гродно). Хо- ^{нѣ}
пя Левъ и Владиміръ, сынъ Васильковъ,
заклучили было миръ съ Тройденомъ; но
гордый Ногай, недовольный худымъ успѣ-
хомъ Могольскаго оружія въ Липовской
земль, прислалъ новую рать въ Галицію
и велѣлъ имъ итти съ нею прошивъ
Липвы. Они повиновались. Моголы оса-

ждали Новгородокъ, Россіане Гродно; но шѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, пошерявъ много людей. Гродненскіе Пруссы въ особенности бились мужественно и въ нечаянномъ нападѣніи плѣнили лучшихъ Бояръ Галицкихъ; однакожь должны были освободить ихъ, когда Россіане, овладѣвъ главною башнею крѣпости, предложили честный миръ жителямъ¹⁴².

Г. 1276. Коп- чина Васи- лія.
 Великій Князь по возвращеніи изъ Орды преславился въ Коспромѣ на сороковомъ году отъ рожденія, къ горести Князей и народа, чпившихъ въ немъ Государя умнаго и добродушнаго. — Въ его время чиновники Могольскіе сдѣлали впрорично общую перепись людямъ во всѣхъ Россійскихъ областяхъ для плашежа дани, и народъ, уже начиная привыкать къ рабству, сносилъ шерпѣливо свое уничиженіе.

Къ главнымъ достопамятностямъ Василіева княженія принадлежитъ Соборъ, бывшій въ 1274 году, когда Митрополитъ Кирилль прѣхалъ изъ Кіева въ Владиміръ, съ Архимандритомъ Печерской Лавры, Серапіономъ, чтобы посвятивъ его шамъ въ Епископы¹⁴³. Кирилль, знаменитый миропворецъ Князей и другъ

ошечества, свѣдавъ о многихъ безпорядкахъ въ дѣлахъ церковныхъ, ревностно желалъ исправить ихъ, и созвалъ для того Епископовъ въ Владиміръ: Далмапа Новгородскаго, Игнашія Росповскаго, Теогносна Переяславскаго или Сарскаго, Симеона Полоцкаго, и разсуждавъ съ ними, издалъ Церковныя правила, коихъ почти современный харатейный списокъ находится въ Синодальной библиотекѣ¹⁴⁴. »Донныѣ« — пишеть Митрополитъ — »успавы церковныя были омраченъ облакомъ «Еллинской мудрости; нынѣ же предлагаюся ясно, и невѣдѣніе да не будетъ извиненіемъ. Уклоняся отъ испинныхъ »правиль Хрисціанства, какое мы видѣли »слѣдствіе? Не разсѣялъ ли насъ Богъ по »лицу земли? не взяли ли грады наши? »не испреблены ли Князи оспріемъ меча? не опиведены ли въ плѣтъ семейства? »не опустошены ли церкви? не помимся »ли ежедневно отъ ига безбожныхъ и нечестивыхъ враговъ? Се казнь за нарушение успавовъ Церкви!« Увѣренный, что нравственность мірянъ во многомъ зависишь отъ нравовъ Духовенства, Кирилль повельваешъ давать священныи санъ единственно людямъ непорочнымъ, коихъ жизнь и дѣла извѣсны отъ самаго дѣт-

Со-
боръ.

ства; сосѣды и знакомые должны засвидѣтельствовать ихъ честность, презвось, добрыя склонности. Житель иной области (слѣдственно неизвѣстный въ шой Епархіи), рабъ неосвобожденный, гражданинъ не платящій дани, господинъ жестокій, *ротникъ* или многоклянущійся, лжесвидѣтель, убійца хопя и принужденный, мздоимецъ, безграмотный, незаконно женатый, опчуждающагося опъ сего сана. Терю надлежитъ имѣть 30 лѣтъ опъ рожденія, Діакону 29. Епископамъ спрого запрещается брать съ нихъ деньги за посвященіе, кромѣ опредѣленныхъ Митрополиномъ *семи гривенъ* для крылошанъ. Всякая мзда, такъ называемая *пошоная* и другія, опмѣнены. Далѣе сказано: »Мы свѣдали, что нѣкоторые Терей въ спранахъ Новгородскихъ опъ Пасхи »до педѣли Всѣхъ Святыхъ празднуютъ »полько и веселятся, не крестятся ни »кого и не опправляютъ службы Божесшвенной: такіе да исправятся или да »будутъ извержены! Единъ достойный »Паспырь лучше тысящи незаконныхъ. »Извѣстно намъ шакже, что многіе люди, »держая древнихъ языческихъ обыкнове»ній, сходящая въ святыя праздники на »какія-шо бѣсовскія игрища, крикомъ и

»вспомъ сзываютъ подобныхъ себѣ пль»ницъ, и бьются дрекольемъ до самой смер»ли, снимая съ убитыхъ одежду: опны»нѣ кто не престанетъ пѣшии Діавола »такими гнусными забавами, да будеть »оплученъ опъ церковей Божіихъ; да не »пріемлютъ опъ него никакихъ припо»шеній, шо есть, ни просфоръ, ни купши, »ни свѣчь; когда же умреть, да не оп»правляютъ по немъ Божесшвенныя слу»жбы, и шѣло его да лежитъ далеко опъ »святыхъ храмовъ!« Въ числѣ многихъ обыкновений, проповныхъ успавамъ церковнымъ, Кириллъ осуждаетъ *обливаніе* при крещеніи, говоря, что оно незаконно, и что крестимый долженъ бытъ всегда *погружаема* въ сосудъ особенномъ. — Такимъ образомъ, приписывая государешвенное бѣдешвіе развращу народа и заблужденіямъ Духовеншва, сей Митрополилъ хотѣлъ искоренитъ оныя мѣрами согласными съ образомъ мыслей своего вѣка.

Г Л А В А V.

Великій Князь Димитрій Александровичъ.

Г. 1276 — 1294.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Копорье. Ссора Князей Ростовскихъ. Междуособіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Димитріева. Неустройства въ Новгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Липвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирила Мишрополища. Смерть Ногаева.

Г. 1276. Состояніе Россіи. После спрашной грозы Батыевой опеченіе наше какъ бы отдохнуло въ печеніе лѣтъ прицѣпи, будучи обязано внушрненнымъ устройствомъ и щипиноу умному правленію Ярослава Всеволодовича и Св. Александра. Нѣкоторыя частныя грабежи Моголовъ, нѣкоторыя маловажныя распри Князей, и самая упраша государственнѣи независимости уже казались легкимъ зломъ въ сравненіи съ общими бѣдствіями минувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны внѣшнія были довольно счастливы: побѣда Невская и Раковорская свидѣтельствово-

вали, что Россіяне еще умѣютъ владѣть мечемъ; а торговля, ободряемая даже грамотами Ханскими¹⁴⁵, доставляла и купцамъ и земледѣльцамъ способъ плашить дань безъ затрудненія. Въ такомъ состояніи находилось Великое Княженіе, когда Димитрій Александровичъ восшелъ на престолъ онаго, къ несчастію поданныхъ и своему, къ стыду вѣка и крови Героя Невскаго.

Новгородцы тогда же признали Димитрія своимъ Княземъ, слѣдуя во-первыхъ древнему правилу, что Глава Россіи естъ и Глава Новгорода, а во-вторыхъ и для того, чтобы онъ покровительствовалъ ихъ важную торговлю въ землѣ Низовской¹⁴⁶, и не мѣшалъ имъ имѣть свободное сообщеніе съ Заволочьемъ.

Димитрій немедленно отправился въ Новгородъ, а другіе Князья — Борисъ Ростовскій, Глебъ Бѣлозерскій, Феодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, братъ Димитріевъ — повели войско въ Орду, чтобы вмѣстѣ съ Ханомъ Мангу-Тимуромъ идти на Кавказскихъ Ясовъ или Аланъ, изъ коихъ многіе не хотѣли повиноваться Тагарамъ и еще съ усиленіемъ противоборствовали ихъ оружію¹⁴⁷. Князья наши завоевали Яскій го-

Рос-
сіе
въ Да-
геста-
нѣ.

родъ Дедаковъ (въ южномъ Дагестанѣ), сожгли его, взявъ знашную добычу, плѣнниковъ, и симъ подвигомъ заслужили ошмѣнное благоволеніе Хана, изъясвившаго имъ оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами. Теодоръ Ярославскій и зяшь его, Михаилъ, сынъ Глѣбовъ, ходили и въ слѣдующій годъ помогашъ Ташарамъ, или единспвенно исполняя волю Хана, или желая добычи, косю Моголы охотно дѣлились съ Россіянами, пользуясь ихъ мужеспвомъ¹⁴⁸. Ташары воевали тогда въ Болгаріи съ однимъ славнымъ бродягою, свинонасомъ, извѣспнымъ въ Греческихъ лѣшописяхъ подъ именемъ Лахана: сей человекъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, что Небо послало его освободить ошпечество ошъ ига Могольскаго; имѣлъ сперва удачу, и женился на вдовспвующей супругѣ Царя Болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ наконецъ разбишъ Ташарами и лишентъ жизни въ спанѣ Ногаевомъ.

Между шѣмъ Великій Князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, Кореловъ, *взявъ ихъ землю на щитъ*, то есть, разоривъ оную и плѣнивъ многихъ жишелей, за ослушаніе или явный бунтъ: въ надеждѣ, можентъ бышъ, на помощь Ма-

гиспра Ливонскаго или Короля Шведскаго, они хотѣли свергнуть иго, возложенное Новымгородомъ на ихъ предковъ. Чшобы Нѣмцы и Шведы не могли свободно приспавашъ къ нашимъ берегамъ Финскаго залива, Димитрій заложилъ каменную крѣпосшъ въ Копорѣ, гдѣ прежде находилась деревянная, въ его же время срубленная. Сія крѣпосшъ сдѣлала раздоръ между Княземъ и народомъ: первый хотѣлъ присвоить оную лично себѣ и заняшъ своею дружиною; а граждане не позволяли Князю владѣть чѣмъ нибудь въ области Новгородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ — и Димитрій, съ досадою уѣхавъ въ Владиміръ, началъ гошповишъся къ войнѣ. Тщешно Посоль, Архіепископъ Климентъ, преемникъ Далматовъ, уговаривалъ его оспавишъ гнѣвъ на людей, обшкшихъ соблюдашъ древнія права свои: Великій Князь пошелъ съ войскомъ въ обласшъ Новгородскую, началъ неприяшельскія дѣйсшвія разореніемъ многихъ селеній и спалъ на Шелонѣ. Тамъ Архіепископъ Климентъ вшоричнымъ моленіемъ и дарами склонилъ его къ миру: Новгородцы согласились поручишъ Копорье дружинѣ Княжеской, но съ шого времени не влюбили Димитрія, ожидая слу-

чал отмстить ему за сіе насиліе, копо-
рый скоро и предсавился¹⁴⁹.

Г. Димитрій, оставивъ своего чиновника
1281. Ссора въ Новгородѣ, возвратился въ Влади-
Кл- зей Рос- стовъ- зей Росповскихъ. Борисъ Васильковичъ
скихъ. еще въ 1277 году скончался въ Ордѣ,
гдѣ была съ нимъ и супруга его, Марія.
Глѣбъ Бѣлозерскій, наследовавъ Ростовъ,
черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Сей
меньшій Васильковъ сынъ ошъ юности
своей пользовался ошмѣнною милостию
Хановъ, и служилъ имъ на войнахъ усерд-
но, чшобы нѣмъ лучше служилъ оше-
честву: ибо угнетаемые Моголами Рос-
сіяне всегда находили заступника и спа-
сителя въ великодушномъ Глѣбѣ, вообще
благотворительномъ, щедромъ, ошцѣ си-
рыхъ и бѣдныхъ¹⁵⁰. По его кончинѣ сыновья
Борисовы, Димитрій и Константинъ, го-
сподствуя въ Ростовѣ, ошняли у Глѣ-
бова сына, Михаила, наследственную Бѣ-
лозерскую обласшь, и скоро поссорились
между собою, шакъ, чшо Константинъ
долженъ былъ прибѣгнуть къ Великому
Князю, а Димитрій Борисовичъ началъ
собирашь полки; но Великій Князь ош-
врашилъ ненавистное кровопролитіе: самъ
ѣздилъ въ Ростовъ и посредствомъ ша-

мошняго Епископа, Игнатія, уговорилъ
братъевъ жить согласно.

Въ шо самое время собсшвенный его Ме-
меньшій братъ, Андрей Александровичъ, собіе
Князь Городца Волжскаго, дѣйствуя по въ
совѣшу злодѣя, Семена Тониглѣевича, и Кпл-
другихъ недоспойныхъ Бояръ, вздумалъ жениш.
овладѣшь Великимъ Княженіемъ, вопреки
государсшвенному уставу или древнему
обыкновенію, по коему старшій въ родѣ
зашупалъ мѣсто ошца. Лестію и дарами
задобривъ Хана, Андрей получилъ ошъ
него грамоту и войско, подшупилъ
къ Мурому и велѣлъ всѣмъ Удѣльнымъ
Князьямъ явиться къ нему въ станъ съ
ихъ дружинами. Никто не смѣлъ ослу-
шаться: Феодоръ Ярославскій, Михаилъ
Ивановичъ Шародубскій (внукъ Всеволода
III), и даже Константинъ Ростовскій,
облагодѣшельсшвованный Димитріемъ, сое-
динились съ Андреемъ. Изумленный сею
внезапною грозою, Великій Князь искалъ
спасенія въ бѣгствѣ; а Ташары, пользуясь
случаемъ, напомнили Россіи время Бапые-
во. Муромъ, окрестности Владиміра, Су-
здаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самаго
Торжка, были разорены ими: они жгли
и грабили дома, монашеры, церкви, не
оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ,

украшенныхъ богатымъ переплетомъ; гнали людей толпами въ пѣнь, или убивали. Юныя Монахины, жены Священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ снѣгахъ отъ жестокихъ морозовъ. Переславль, удѣльный городъ Димитріевъ, хотѣлъ обороняться, и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ: не осталось живела (по словамъ лѣтописи), кошорый не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось Декабря 19: въ Рождество Христова церкви спояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачь и стонъ. Андрей, злобный сынъ отца епомъ великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ Таппарами, и совершивъ дѣло свое, оппустилъ ихъ съ благодарностію къ Хану.

Димитрій Александровичъ бѣжалъ къ Новугороду, и думалъ заключиться въ Копорь. Новгородцы многочисленными полками встрѣтили его на озерѣ Ильмень. »Спой, Князь!« говорили они: »мы помнимъ твои обиды. Иди, куда хочешь.« Они взяли дочерей и Бояръ Димитріевыхъ въ залогъ, давъ слово освободить ихъ, когда дружина Княжеская доброволь-

но выступитъ изъ Копорья, гдѣ находился тогда и славный Довмонъ Псковскій, зять Великаго Князя¹⁵¹. Доброхотствуя пешю, онъ съ горстию воиновъ вломился въ Ладогу, взялъ тамъ казну его, даже много чужаго, и возвратился въ Копорье; но пользы не было: ибо Новгородцы немедленно осадили сію крѣпость, и принудивъ Довмонца выйти опшуда со всеми людьми Княжескими, срыли оную до основанія. Внутренно, можетъ быть, гнушаясь злодѣаніемъ Андрея Александровича, но жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ, Новгородцы призвали его и возвели на престоль Св. Софіи.

Между тѣмъ, свѣдавъ, что полки Ханскіе оставили Россію, Димитрій возвратился въ Переславль, гдѣ жителямъ изъясляли къ нему усердіе, и началъ собирать войско. Андрей, видя опасность, спѣшилъ въ Орду. Новгородцы также не могли быть спокойны: имѣя недоспашокъ въ свѣстныхъ припасахъ, и боясь, чпобы Димитрій не занялъ хлѣбнаго Торжка, вѣрили зашщпу сего для нихъ важнаго мѣсна надежному Боярину, Семѣну Михайловичу; велѣли ему доспавить опшуда весь излишній хлѣбъ водою въ Новгородъ, и соединились съ друзьями

Андреевыми, меньшимъ его брапомъ, Даниломъ Московскимъ, и Святославомъ Тверскимъ¹⁵². Они хотѣли изгнать Великаго Князя; встрѣпивъ же его готоваго къ битвѣ, въ пяши версахъ опъ Дмитрова, остановились, и заключили миръ *на всей волѣ своей*: то есть, Димитрій опказался опъ Новагорода и далъ слово никогда не метить его жилищамъ. Но Андрей нашель гораздо усерднѣйшихъ помощниковъ въ Моголахъ: сїи варвары, всегда алчные къ злодѣйствамъ и добычѣ, не опказались и вшорично услужили ему разореніемъ Великаго Княженія; напали со всѣхъ сторонъ на Суздальскія области, и стремились къ Переславию, означая свой путь кровію и пожарами. Димитрій не могъ противиться: онъ бѣжалъ къ сильному Ногаю, кошорый, бывъ прежде Воеводою Ханскимъ, шогда уже самовластно господствовалъ опъ степей Слободской Украинской и Екатеринославской Губерніи до береговъ Чернаго моря и Дуная.

Такимъ образомъ Князья Россійскіе въ самомъ исплочникъ насилій искали способа защитишь себя опъ оныхъ, и жертвовали послѣдними остатками народной гордости выгодамъ собственнаго, личнаго

властолюбія. Димитрій не обманулся въ надеждѣ: убѣжденный его справедливостію, или желая единшвенно доказатьъ свое могущество, Ногай возвратилъ ему пресполь и власшь, не мечемъ и не кровопролитіемъ, но одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнулъ бышь послушникомъ, ибо самъ новый Ханъ, Туданъ-Мангу¹⁵³, боялся Ногая. Братья примирились, хотя и неискренно; меньшій опказался опъ Великаго Княженія, и даже не могъ защитишь своихъ друзей опъ мести Димитріевой. Мы упоминали о Вельможѣ Семенѣ Тониглѣвичѣ, главномъ совѣшникѣ Андреевомъ, коему Лѣтописцы даютъ имя коварнаго мятежника: Великій Князь послалъ двухъ Бояръ умершвишь его въ Коспромъ, гдѣ онъ жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Бояре, шайно схвативъ сего Вельможу, напрасно хотѣли свѣдашь, не имѣешь ли Андрей новыхъ опасныхъ замысловъ: Семень опвѣшпвовалъ: »Я ничего не знаю. Братья ссоряпся, братья »миряпся; а мое дѣло вѣрно служишь Го»сударю.« Запираясь въ шомъ, чшобы Андрей по его совѣшпу призывалъ Моголеъ, и слыша угрозы, онъ равнодушно сказаль: »и шакъ Великій Князь не боишья

«вѣроломства? клялся бышь другомъ Анд-
реевымъ и грозилъ казню его Боирамъ!»
Тогда исполнили Димитріева повелѣнія
убили сего чловѣка жестокаго, но смѣла-
го и рѣшительнаго: свойства, безъ коихъ
злѣды не могли бы шакъ часпо успѣ-
вашь въ своихъ намѣреніяхъ.

Г. Андрей молчалъ, и не смѣя ни въ чемъ
1283 спорить съ Димитріемъ, успушилъ ему
— 84. Новгородъ, хотя будучи въ Торжкѣ, не
за долго до сего времени далъ кляпву
Новгородскимъ чиновникамъ жить или
умереть съ ними¹⁵⁴. Онъ ходилъ даже
вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и съ Та-
шарами смирянъ Новгородцевъ, не хо-
пѣвшихъ повиноваться его брату. Чпо-
бы не раздражилъ Моголовъ и спасши
свою область отъ разоренія, они согла-
сились наконецъ зависѣть отъ Димитрія,
успунивъ ему Волокъ.

Увидимъ, что Андрей, стараясь дока-
зывать Великому Князю свое раскаяніе и
миролюбіе, дѣйствовалъ какъ лицемеръ;
но прежде описанія его новыхъ злѣдѣйствъ
изобразимъ погдашнія бѣдствія области
Курской, гдѣ господствовали Олегъ и
Святославъ, попомки древнихъ Владѣше-
лей Черниговскихъ¹⁵⁵: первый въ Рыльскѣ
и Ворголь, а впорый въ Липецкѣ. Баска-

Бѣд-
шые
Кур-
ской
обла-
сти.

комъ сего Княженія былъ Ахмапъ Хиви-
нецъ: взявъ на ошкупъ дань Ташарскую,
онъ угнепалъ народъ, не исключая ни
Боляръ, ни Князей, и завелъ близъ Рыль-
ска двѣ слободы, куда спекались негодяи
всякаго рода, чпобы, снискавъ его покро-
вительство, грабили окрестныя селенія.
Олегъ съ согласія Святослава пожаловал-
ся на шо Хану Телебугъ, копорый, давъ
ему отрядъ Моголовъ, велѣлъ разорить
слободы Ахмаповы: Князя же, исполняя
въ точности приказъ его, вывели отпшу-
да своихъ бѣглыхъ людей, а другихъ око-
вали цѣпами. Ахмапъ находился тогда у
Ногаю, и слыша, что сдѣлалось въ обла-
сти Курской, описалъ ему Олега и Свя-
тослава разбойниками, шайными его не-
пріятелями. Сіе обвиненіе имѣло нѣкопо-
рую шѣнь истины: ибо легкомысленный
Святославъ, еще прежде Олегова возвра-
щенія изъ Орды, перевозилъ Баскаковы
селенія ночными нападеніями, похожими
на разбой. «Чпобы увѣришься въ спра-
ведливости моихъ словъ» — говорилъ
Ахмапъ Ногаю — «пошли сокольниковъ
въ Олегову землю ловить лебедей, и
«вели ему къ шебѣ пріѣхать: увидишь,
«что онъ не послушается.» Олегъ не
считалъ себя виновнымъ, ибо исполнилъ

шолько волю Хана; но боясь клеветы Ахмашовой, не захотѣлъ ѣхать къ Ногаю, копорый, будучи раздраженъ его ослушаніемъ, послалъ войско наказашь мнимаго непріятеля. Могъ ли Князь двухъ или шрехъ ничпожныхъ городковъ думать о сопрошивленіи? Олегъ бѣжалъ къ Хану Телебугъ, Свяшославъ въ лѣса Воронежскіе, а Моголы, разоривъ Курское владѣніе, схватили 13 Бояръ, также нѣсколько спранниковъ, и предали ихъ скованныхъ въ жершву злобному Баскаку. Онъ злодѣйски умершвилъ первыхъ, освободилъ спранниковъ, и подаривъ имъ окровавленные одежды казенныхъ Бояръ, сказалъ: «ходите изъ земли въ землю, и громогласно объявляйте: *такъ будетъ всякому, кто дерзнетъ оскорбить Баскака*¹⁵⁶!» Разоренныя Ахмашовой слободы вновь наполнились жипелами, скопомъ и другими плодами всемѣшнаго грабежа въ Курской обласпи: люди бѣжали въ пушныни, не смояря на жестокость зимы; города и села опустѣли, такъ, что слуги Баскаковы, возя повсюду головы и руки убитыхъ Бояръ, видѣли, что не-кого было спрашашь сими знаками его ужасной мести. Однакожь Ахмашъ боялся ушедшихъ Князей, и самъ поѣхалъ къ Ногаю, оста-

вивъ вмѣсто себя двухъ братьевъ для охраненія слободъ. Что онъ предвидѣлъ, шо и случилось. Бродяги, жипели Баскаковыхъ деревень, скоро должны были все разбѣжашься: ибо Свяшославъ возвращался, сперегъ ихъ на дорогахъ и нѣсколько человекъ умершвилъ, не заботясь о следствіяхъ. Тогда же пріѣхалъ изъ Орды и родственникъ его, Олегъ, собравъ, успокоивъ народъ, и съ Христіанскими обрядами возашь честь погребенія убитымъ Боярамъ, коихъ искаженные шрупы еще висѣли на деревьяхъ. Желая отвратить новую бѣду отъ земли Курской, сей Князь торжественно объявилъ Свяшослава преступникомъ, говоря ему: «Мы были правы, а шеперь спали виновны. Дѣло швое есть вопоричный разбой, всего болѣе ненависпный Тапарамъ, и въ самомъ нашемъ опечествѣ неперпимый. Надлежало шребовать суда отъ Хана: ты же не хотѣлъ ѣхать къ нему, укрывался въ штемношъ лѣсовъ какъ злодѣй. Моя совесть чиста. Иди, оправдайся предъ Царемъ.» Но Свяшославъ не слушалъ ни упрековъ, ни совѣшовъ его, отшѣшшвуя гордо: «я воленъ въ своихъ дѣлахъ; наказалъ враговъ моихъ, и правъ.» Тогда Олегъ поѣхалъ съ жалобою къ Телебугъ,

и ревностно исполняя волю его, умерщвилъ Святослава! Достошно замѣчая, что Лѣтописцы сего времени ни мало не виняють убійцы, осуждая безразсудность убиваго: стоить рабство измѣняетъ понятія людей о чести и справедливости! Святославъ казался злодѣемъ, ибо, отражая насиліе насиліемъ, подвергалъ Россіянъ гнѣву сильнаго пирана; а жестокій Олегъ, вонзивъ мечъ въ сердце единокровнаго Князя, не заслужилъ ихъ укоризны, ибо пѣмъ спасалъ себя и подданныхъ отъ мести Татарской.... Но себя не спасъ: братъ Святослава, Александръ, убилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями, и нашелъ способъ умилостивить Моголовъ. Сіи завоеватели требовали единственно повиновенія и даровъ, оставляя нашимъ Князьямъ право рѣзать другъ друга, и вступаая иногда съ великою ревностію за угнетеннаго, гошовы были тогда же взять сторону противную.

Мы видѣли, что Ногай защитилъ Димитрія: увидимъ его и защитникомъ г. 1285. Андрея. Сей Князь Городецкій, живъ два года спокойно, призвалъ къ себѣ какого-то Царевича изъ Орды и началъ явно гошоваться къ важному непріятельскому дѣйствіямъ 1287. Великій Князь предупре-

дилъ ихъ: соединился съ Удѣльными Владѣльцами, выгналъ Царевича и плѣнилъ Бояръ Андреевыхъ. Сіе дѣйствіе могло оскорбить Хана и казалось дерзостію: Ростовцы послунили еще смѣле. Съ неудовольствіемъ смотря на множество Ташаръ, привлекаемыхъ къ нимъ корысполубіемъ и хопѣвшихъ бытъ во всемъ г. 1289. господами, они положили на Вѣчѣ изгнать сихъ безпокойныхъ гостей, и разграбили ихъ имѣніе. Владѣтель Ростовскій, Димитрій Борисовичъ, свашъ Великаго Князя, немедленно послалъ въ Орду брата своего, Константина, чтобы оправдать народъ или себя, и Ханъ на сей разъ не вступилъ за обиженныхъ Ташаръ: чему были причиною или дары Княжескіе или тогдашніа внутренніа неустройства въ Ордѣ. Ногай болѣе и болѣе спѣснялъ власть Ханскую: наконецъ умерщвилъ Телебугу, и возвелъ на престолъ его брата, именемъ Тохту. Къ несчастію, Россія не могла еще воспользоваться сими г. 1291. междоусобіями ея пирановъ, согласныхъ въ желаніи угнетать ону.

Великій Князь, обязанный всѣмъ покровительству Ногаю, могъ бытъ еще спокойнѣе прежняго, видя его располагающаго судьбою Хановъ. Чтобы пѣмъ бо-

лѣе угодить ему, онъ послалъ въ Орду сына, юнаго Александра (который памъ и скончался). Но Андрей хитрыми происками успѣлъ склонить на свою сторону многихъ Удѣльныхъ Князей, въ особенностии же Θεодора Ярославскаго, любимца и — какъ вѣроятно — зятя Ногаева, предспавляя имъ Димитрія опаснымъ и гоповымъ спѣснить ихъ права, хотя Великій Князь совсѣмъ не думалъ о самовластїи¹⁵⁸. За нѣсколько лѣтъ до того времени оскорбленный Тверскимъ Владѣшелемъ, Михаиломъ Ярославичемъ, юношею гордымъ, онъ ходилъ вмѣстѣ съ Новгородцами воевать его обласпи, но долженъ былъ заключить съ нимъ миръ у Кашина, не смѣвъ рѣшиться на битву и какъ бы признавъ независимостъ Тверскаго Княженія. Андрей и Θεодоръ, всшупивъ въ шѣсную связь, очернили Димитрія въ глазахъ Ногаев, весьма равнодушнаго къ справедливости и довольнаго случаемъ обогатить своихъ Моголовъ новымъ впадениемъ въ Россїю, гдѣ они били людей какъ пшницъ, и брали добычу, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Ногай сказалъ слово, и многочисленные полки Моголовъ усшпремились на разрушеніе Дюдень, братъ Хана Тохшы, предводи-

Независимостъ Тверскаго Княженія.

шельствовалъ ими; а Князя, Андрей и Θεодоръ, указывали ему путь въ сердце отечестива. Димитрій находился въ Переславѣ: не имѣя отважности всшрѣпшпъ Дюденья ни съ оружіемъ, ни съ убѣдительными доказательствами своей невинности, онъ бѣжалъ черезъ Волокъ въ отдаленный Псковъ, къ вѣрному зятю Довмонну. Татары шли возвестить Андрея на Великое Княженіе, и могли бы сдѣлать шо безъ всякаго кровопролитія: ибо никто не думалъ сопротивляться волѣ Ногаевой; но сей предлогъ былъ только обманомъ. Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переславль, Угличъ, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и еще нѣсколько другихъ городовъ были ими взяты какъ непріятельскіе, люди плѣнены, жены и дѣвицы обруганы. Духовенство, свободное отъ дани Ханской, не спаслося отъ всеобщаго бѣдствія: обнажая церкви, Татары выломали даже мѣдный полъ Собора Владимірскаго, называемый *чудеснымъ* въ лѣтописяхъ. — Въ Переславѣ они не нашли ни одного челоука: ибо граждане удалились заблаговременно съ женами и съ дѣтьми. Давиль Александровичъ Московскій, братъ и союзникъ Андреевъ, дру-

Г.
1295.

Опущеніе
Рос-
сїи.

желюбно впусивъ Ташарь въ свой городъ, не могъ защитишь его опъ грабежа. Ужась царствовалъ повсюду. Одни лѣса дремучіе, коими сія часть Россіи тогда изобиловала, служили убѣжищемъ для земледѣльцевъ и гражданъ.

Дюдень, всупивъ въ Тверскую обласнь, думалъ взяшь споліцу, пѣмъ удобнѣе, что Князь Михаилъ находился въ Ордѣ. Къ счастью, Бояре и народъ изъявили великодушную смѣлость: съ обрядами священными давъ кляпву другъ другу обороняпсь до послѣдняго человѣка, они составили войско, довольно сильное числомъ; многіе люди изъ другихъ обласпей, спасаясь опъ Моголовъ, прибѣжали въ Тверь и вооружились вмѣстѣ съ ея мужеспвенными гражданами. Къ внезапной ихъ радости, явился и Князь Михаилъ, двадцатилѣтній юноша, любимый всѣми. Не зная, что Ташары заняли Москву, онъ было едва не попался къ нимъ въ руки; но одинъ сельскій Священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ и показалъ дорогу безопасную. Духовенство вспрѣщило Князя со крестами, народъ съ восхищеніемъ; думая, что онъ привезъ къ нимъ спасеніе и побѣду, самые малодушные ободрились. Мужеспво

въ нѣкопорыхъ случаяхъ также легко сообщается, какъ и робость. — Недоспойный Князь Андрей, бывъ свидѣлемъ всѣхъ злодѣйствъ Ташарскихъ, уже вель Дюденя къ Твери; но свѣдавъ, что жители ея подъ начальствомъ Михаила гошповы дашь имъ оппоръ сильный, Моголы обрапились къ Новгородской обласпи, ибо искали въ Россіи не славы побѣды, а только одной безопасно добываемой корыспи¹⁵⁹. Разореніемъ Волока заключилось сіе губительство. Приславъ дары Воеводѣ Могольскому, Новгородцы объявили шамъ Андрею, что они всегда желали имѣшь его своимъ Княземъ, и что ему нѣтъ нужды иппи къ нимъ съ Ташарами. Дюдень опспупилъ, и вышелъ изъ Россіи. Андрей прѣехалъ въ Новгородъ; союзникъ же его, Феодоръ Роспиславичъ, взялъ себѣ Переславль-Зальскій. Сей Князь, по смерти брательевъ, Глѣба и Михаила Роспиславичей, господствовалъ и въ Смоленскѣ, но скоро долженъ былъ уступишь оный племяннику, Александру Глѣбовичу, воину мужеспвенному, копорый (въ 1285 году) счастливо опразилъ опъ споліцы своей Князя Брянскаго, Романа Михайловича¹⁶⁰.

Великій Князь ждалъ только опбы-

шія полковъ Дюденовыхъ и хотѣлъ немедленно возвратиться въ свою наследственную Переславскую область, зная, что усердный къ нему народъ возьметъ его сторону. Андрей съ дружиною Новгородскою перехватилъ брата на пупи, близъ Торжка. Великій Князь, оставивъ казну свою въ рукахъ Андреевыхъ, ушелъ въ Тверь, гдѣ юный Михаилъ принялъ его со всею должною честью, и вызвался быть миротворцемъ между ими, чтобы избавить опечесство отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Епископъ Тверскій и Свято-славъ (Князь или Вельможа) поѣхали въ Торжокъ, убѣждали, молили Андрея, и наконецъ успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ. Великій Князь отказался отъ спарѣшинскаго и престола Владимірскаго, довольный наследственнымъ Переславскимъ Удѣломъ; а Новгородцы получили обратно Волокъ. Согласно съ главнымъ условіемъ мира, Теодору Ростиславичу надлежало ославить Переславль: онъ не могъ прошившись волю Андреевой, но выѣзжая изъ сего города, обратилъ его въ пепель. Димитрій свѣдалъ о томъ уже въ послѣдніе часы своей жизни: занемогъ, поспригся и близъ Волока умеръ на пупи 161: Государь памятный одними несчастіями,

преперпѣнными Россією въ его княженіе отъ Андреева безумнаго власполюбія! Лѣтописцы прибавляютъ, что въ сіи горестныя времена были страшныя небесныя знаменія, громы, вихри и смертоносныя болѣзни.

Новгородцы при Димитріи также не пользовались ни виуреннымъ, ни виѣшнимъ миромъ. Въ 1287 году смѣненный ^{Неустрой-} Посадникъ, Симеонъ Михайловичъ, ^{ства} несправедливо обвиняемый во злоупотребленіяхъ ^{въ Но-} власни, былъ осажденъ въ домъ ^{тго-} своемъ ^{родѣ.} шумными вооруженными толпами; но Архіепископъ спасъ его, проводивъ въ Софійскую церковь, куда мятежники не дерзнули вломиться. На другой день всѣми признанный невиннымъ, Посадникъ умеръ съ горести, видѣвъ легковѣріе и жестокость согражданъ. *Конецъ* возспавалъ на *Конецъ*, улица на улицу: такъ называемая Прусская была вся выжжена за Боярина Самуила Рашшинича, убишаго ея жителями на Дворѣ Архіепископскомъ. Въ 1291 году крамольники опустошили богатые лавки купеческія: народъ, въ слѣдствіе торжественнаго суда, утопилъ двухъ главныхъ виновниковъ сего злодѣйскаго. — Нѣмцы часто тревожили Новгородцевъ, разбивали ихъ суда

Дѣла на Ладожскомъ озерѣ и хопѣли обложишь
 съ Нѣм- данію Корелу: мужеспвенный Посадникъ
 цамнн Симеонъ, въ успѣ Невы побѣдивъ Нѣ-
 Шве- мецкаго Воеводу Трунду, испребилъ боль-
 дамн. шую часпъ его *инекъ* и *лойвъ* или судовъ.
 Шведы, раздраженные нападеніемъ отряда
 Новгородскаго на Финляндію, приходили
 разоряшь землю Ижерскую и Корельскую.
 Ихъ было 800 человекъ: ни одинъ не
 спасся; жиптели сихъ обласпей сами со-
 бою управились съ ними. Но въ слѣдую-
 щій годъ (1293) Шведы заложили крѣ-
 постъ на границахъ Корелии, нынѣшній
 Выборгъ, и Новгородцы, приступивъ къ
 ней съ малыми силами, возвратились безъ
 успѣха. Король Шведскій, Биргеръ, же-
 лалъ утвердилься въ Корелии для того,
 чтобы обуздашь ея свирѣпыхъ жиптелей,
 непрестанно безпокоившихъ его съверо-
 восточныя владѣнія и грабившихъ суда
 купеческія на Финскомъ заливѣ; хопѣль
 также укоренишь въ ней Лапинскую Вѣ-
 ру и присвоить себѣ господство надъ
 шорговлею Нѣмцевъ съ Новымъ городомъ:
 чему свидѣтельствомъ служилъ грамо-
 та, данная Биргеромъ Любеку и другимъ
 городамъ приморскимъ, въ коей онъ, объ-
 щая имъ покровительствво, спрого за-

прещаспъ ихъ купцамъ возишь оружіе и
 всякое желѣзо въ Россію¹⁶².

Набѣги Липовцевъ продолжались, осо-
 бенно на области Тверскую и Новгород-
 скую. Не только жиптели Волока, Торжка,
 Зубцева, Ржева, Твери, но и Москвитяне
 съ Дмитровцами долженспвсвали воору-
 жилься (въ 1285 году), и соединенными
 силами поразивъ толпы сихъ хищниковъ,
 убили ихъ Князя, именемъ Домонша¹⁶³.

Гораздо важнѣе и несчастнѣе для Рос-
 сіи, какъ пишеть Историкъ Длугошъ,
 было (въ 1280 году) сраженіе Льва Дани-
 ловича Галицкаго съ Поляками. По кон-
 чинѣ добраго Болеслава, умершаго без-
 дѣшнымъ, Левъ думалъ бышь его наслѣд-
 никомъ и Государемъ всей Польши; не
 могъ преклонить къ шому Вельможъ Кра-
 ковскихъ (избравшихъ Лешка, Болеславова
 племянника) и желая силою овладѣшь нѣ-
 копорыми изъ ближайшихъ ея городовъ,
 самъ ѣздилъ въ Орду къ Ногаю пребо-
 вать опъ него войска¹⁶⁴. Однакожь, не
 смонря на многочисленныя толпы Мо-
 головъ, данныя ему Ханомъ, Воеводы Леш-
 ковы одержали надъ нимъ блестящую по-
 бѣду, взявъ 2000 плѣнниковъ, семь зна-
 менъ, и положивъ на мѣспѣ 8000 чело-
 вѣкъ. Князя благоразумные, Владиміръ-

Іоаннъ и Мстиславъ Даниловичъ, весьма неохотно участвовали въ семь походъ, осуждая призваніе Моголовъ, копорымъ слѣное власполубіе Льва указывало пупь къ дальнѣйшимъ опустошеніямъ странъ Христіанскихъ. Но Провидніе охраняло Западъ. Такъ сильные Вожди Ханскіе, Ногай и Телебуга, въ 1285 году предпріавъ совершенно разрушилъ Венгерскую Державу, и взявъ съ собою Князей Галицкихъ, наполнили спремнины Карпатскія шрупами своихъ воиновъ. Россіяне были для нихъ худыми пупеводителями: гдѣ надлежало иппи при дни, шамъ Моголы скипались мѣсяць; сдѣлался голодь, моръ, и Телебуга возвратился *плѣнъ съ одною женою и кобылою*, по словамъ Лѣтописца. Около ста тысячъ варваровъ погибло въ горахъ и пущевьяхъ. Не смошра на шо, Ногай и Телебуга въ 1287 году съ новыми силами явились на берегахъ Вислы: Герцогъ Лешко бѣжалъ изъ Кракова; никто не мыслилъ обороняться въ Польшѣ: но, къ ея спасенію, Вожди Татарскіе боились, ненавидѣли другъ друга; не захошѣли дѣйствовать совокупно, и безъ бипвы плѣнивъ множество людей, удалились. Телебуга на возвратномъ пущи остановился въ Галиціи, пребуд гостепрімства

опъ ея Князей, вмѣспѣ съ нимъ неволею ходившихъ за Вислу; а въ благодарноспѣ за оное Моголы грабили, убивали Россіянь и сообщили имъ язву, опъ коей умерло въ однѣхъ Львовыхъ обласпяхъ 12,500 человекъ, и кошорая, если вѣришь сказанію Длугоша, произошла опъ того, что Моголы испорчили воды въ Галиціи ядомъ, будпо бы извлеченнымъ ими изъ мерпвыхъ пѣлъ¹⁶⁵. Сіе бѣдспвіе увѣрило Льва Даниловича, что должно не призывать, а вѣлчески опводитъ Моголовъ опъ покушеній на Западъ: ибо Галичь и Волынія, служа имъ перепущемъ, спрадали въ шакомъ случаѣ не менѣ пѣхъ земель, куда спремилась сіи варвары.

Здѣсь подробныя сказанія Волынскаго Лѣтописца о происшествіяхъ его опчизны заключающахся извѣспіемъ о болѣзни и кончинѣ Владиміра Іоанна Васильковича, любивша правды, крошкаго, милоспиваго, презваго, и за особенную ученость по погдашнему времени названнаго *Философомъ*. Сей добрый Князь Владимірскій чешыре года спрадалъ какъ Іовъ. Нижняя губа его начала гнишь; лекарспва не помогали: но снося иперпѣливо боль, онъ занимался дѣлами и вѣдилъ на коцѣ. Недугъ усилился: вся мясная часпѣ

Коп-
чина
Кл.
Вла-
димі-
ра Во-
лын-
скаго.

бороды оппала; нижніе зубы и челюсть выгнили. Предвидя смерть, Владиміръ собралъ всѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные поясы опцевскіе и собсшвенные, мониспы бабкины, маперины, большія серебряныя блюда, золотые кубки; смилъ ихъ въ гривны и роздалъ бѣднымъ вмѣстѣ съ Княжескими спадами. Не имѣя дѣпей, онъ въ духовномъ завѣщаніи объявилъ наслѣдникомъ своимъ Мспислава Даниловича, мимо старшаго Льва и сына его Юрія (женатаго на дочери Ярослава Тверскаго): ибо не любилъ ихъ за лукавые происки. Такъ Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Свяшителя Перемышльскаго, Мемнона, чпобы выпросить у него Бреспь, *на свѣгу для гроба Данилова*, какъ говорилъ сей Епископъ. «А чшо братъ нашъ Левъ даль въ память родиселя моего?» сказалъ Владиміръ: «господспвуя въ прехъ Княженіяхъ, Галицкомъ, Перемышльскомъ, Бельзскомъ, хочешъ взять и Бреспь; но не обманешъ меня.» Тщешно и Юрій припворно жаловался ему на опца, будпшо бы лишешный имъ Удѣла, и надѣялся вымолишь у дяди сію же область. Умирая, Владиміръ опказалъ супругъ, именемъ Еленъ, городъ Кобринъ, поручилъ

ее наслѣднику своему, равно какъ и юную пипомицу ихъ, неизвѣспную Княжну Изяславу, взяшую ими въ пеленахъ опъ маперы — и преспавился въ Любомль (въ 1289 году), а погребенъ, *обвитый бархатомъ съ кружевами*, въ Владиміръ, въ церкви Св. Богомаперы, Епископомъ Евсегеніемъ. Нѣжная супруга и сеспра Ольга оплакали его вмѣстѣ съ подданными и бывшими тамъ иноземцами, въ числѣ коихъ Лѣпописецъ именуешъ Евреевъ, сказывая далье, чшо сей Князь былъ опмѣнно высокаго роспу и прекрасный лицомъ, имѣлъ желтые кудреватые волосы, голосъ шолспый, и спригъ бороду вопреки обыкновенію; чшо онъ поспроилъ городъ Каменецъ за Бреспомъ на рѣкѣ Лѣспнѣ (гдѣ всѣ мѣша по кончинѣ Романа, опца Данилова, 80 лѣтъ пуспѣли), вездѣ исправилъ, обновилъ крѣпоспи, украсилъ многія церкви живописью, серебромъ, финишью, и надѣлилъ священными книгами, имѣ самимъ списанными; чшо наслѣдникъ Владиміровъ, Мспиславъ, уподоблялся ему въ добродѣтеляхъ: одною угрозою выгналъ Юрія Львовича изъ Бреспна, Каменца, Бѣльска, и въ наказаніе обложилъ ихъ жипшелей необыкновенною податию¹⁶⁶. Лѣпописецъ Волынекій жилъ въ сіе вре-

мя: онъ называеиъ его счастливымъ. Уже Ташары не беспокоили западной Россіи, и были довольны, получая отъ ея Князей дань, собираемую съ народа. Владѣтели Липовскіе, брагня Будикидъ и Буйвидъ, купили дружбу Мешислава, уступивъ ему Волковыескъ. Явивши присоединенные къ Липвѣ Тройдеиомъ, не смѣли оскорблять Россіянъ, желая получать отъ нихъ хлѣбъ и представляя имъ въ обмѣнъ воскъ, бобровъ, черныхъ куницъ, и даже серебро. Польша перзлась въ междоусобіяхъ: Болеславъ и Конрадъ Самовиповичи, враги Генрика Врашиславскаго, искали благосклонности Князей Галицкихъ. Левъ, помогая имъ, осаждалъ Краковъ: не взявъ его отъ измѣны Вельможъ Болеславовыхъ, но возвратился съ великою обычею, разоривъ обласъ Генрикову, и заключивъ шѣсный союзъ съ Королемъ Богемскимъ. Однимъ словомъ, Галиція и Волынія опдохнули, слава мудрости и знаменитости своихъ Государей. Еще родъ Святополка - Михаила гооподшвоваль въ Пинскъ: послѣдній Князь его, намъ извѣстный, былъ Георгій Владиміровичъ, добрый и правдивый (отъ того же, вѣроятно, колѣна произошли Князья Степанскіе, упоминаемые въ лѣтописи

Волынской). — Теперь обратимся къ сѣверной Россіи.

Во время Димитрія Александровича возвысилось могуществомъ новое Княженіе Тверское, копорое, бывъ частію Суздальскаго или Владимірскаго, сдѣлалось особеннымъ при Ярославѣ Ярославичѣ, учредившемъ тамъ Епископію. Первый Священитель Тверскій, Симеонъ, имѣлъ уже мнотгія, богатыя волости, Олешну и другія, данныя ему Княземъ¹⁶⁷; а пресмникъ Симеоновъ, Игумень Андрей, былъ сынъ Липовскаго Князя Герденя и Христіанки Евпраксіи, шешки Довмонша Псковскаго. Сего вшорато Епископа Тверскаго спавиль уже новый Минрополншъ Максимъ: ибо Кирилль (въ 1260 году) скончался въ Переславль-Залѣскомъ, бывъ Главою нашей Церкви 31 годъ; шѣло его отвезли для погребенія въ Кіевъ. Едва ли кто нибудь изъ древнихъ Минрополншвъ Россійскихъ превосходилъ Кирилла въ добродѣтеляхъ, испинию Паснырскихъ. Отъ мириль Князей съ народомъ, просвѣщаль Духовенство, искореняль заблужденія, одушевленный ревностию къ Вѣрѣ и къ чистотѣ Евангельскаго ученія. Расскажемъ одинъ любопытный случай, копорый ясно представляеиъ благоразуміе се-

До-
бро-
лиКи-
рилла
Ми-
про-
полн-
ша.

го Митрополипа¹⁶⁸. Услышавъ, что Епископъ Ростовскій, Игнашій, вздумалъ судить давноумершаго добраго Князя Глѣба Васильковича, и какъ недостойнаго велѣлъ ночью перенести въ гробъ изъ Соборной церкви въ монастырь Спасскій, Кирилль, оскорбленный такимъ злоупотребленіемъ духовной власти, оплучилъ Епископа отъ службы, и наконецъ проспивъ его изъ уваженія къ ревностному предшательству Князя Димитрія Борисовича Ростовскаго, сказалъ ему: »Игнашій! оплакивай во всю жизнь свое безуміе, дерзнувъ осудить мерзвца прежде »суда Божія! Когда Глѣбъ былъ живъ и властвовалъ, ты искалъ въ немъ милости, бралъ отъ него дары, вкусно ѣлъ и пилъ за столомъ Княжескимъ, и въ »благодарность за то обругалъ тѣло покойника! Кайся во глубинѣ сердца, да »просиши Богъ твое согрѣшеніе!«—Кирилль посылалъ Епископа Сарскаго, Теогноста, къ Папріарху Константинопольскому, Иоанну Векку, славному ученостию и краснорѣчіемъ, но измѣннику православія: ибо Иоаннъ хотѣлъ подчинить Церковь Восточную Западной. Папріархъ дѣйствовалъ такъ въ угодность Царю Михаилу Палеологу, а Царь для безопасно-

сти своего Царства и въ надеждѣ, что Папа примиритъ его съ братомъ Св. Людовика, опаснымъ Карломъ д'Анжу, который, господствуя на Средиземномъ морѣ, угрожалъ Имперіи Греческой. Россійскій Епископъ видѣлъ въ Константинополѣ несчастный расколъ, гоненіе и даже казни многихъ ревностныхъ сановниковъ Церкви¹⁶⁹, громгласно осуждавшихъ Царя, и возвратился (въ 1279 году) къ Митрополипу съ извѣстіями печальными. Духовенство Россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло Главы, ибо не хотѣло, какъ върочно, принять новаго Митрополипа отъ злочестиваго Іоанна Векка. Максимъ въ 1283 году былъ посвященъ спарцемъ Іосифомъ, впрочемъ призваннымъ на Папріаршество по смерти Императора Михаила, и предавшимъ анаѣемъ успавы Лапинской Церкви. — Въ одной льпописи сказано, что премникъ Кирилловъ, Грекъ Максимъ, прибывъ въ Россію, ѣздилъ въ Орду, и послѣ сзывалъ для чего-то всѣхъ нашихъ Епископовъ въ Кіевъ¹⁷⁰; но сіе извѣстіе, не подтверждаемое другими достовернѣйшими Льпописцами, остается сомнительнымъ. Доселѣ ни Митрополипы, ни Епископы наши не бывали въ Ордѣ, кро-

мъ Сарскаго, жившаго въ ея столицѣ. Доспойно замѣчанія, что Епископъ Тео-гностъ вздиль опшуда въ Конспаншинополъ не шолько по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ Ханскаго Посла къ Императору Михаилу, шестю Ногаеву. Сей славный Ногай — въ шотъ самый годъ, какъ Дюденево войско злодѣйствовало въ Россіи — былъ побѣжденъ Ханомъ Тохмономъ и найденъ между убитыми¹¹⁴. Кажется, что въ сіе время уже разные Воеводы Могольскіе присвоивали себѣ имя Царей: ибо въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще о какомъ-то Царѣ Токшмерѣ, который (около 1293 году) пріѣзжалъ въ Тверь, упѣснялъ народъ и возвратился съ богатою корыстною въ свои Улусы.

Смерть
Ногае-
ва.

ГЛАВА VI.

Великій Князь Андрей Александровичъ.

Г. 1294 — 1304.

Бракъ. Свойства Андреевы. Судъ Князей. Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Данила Московскаго. Междоусобія въ Княженіяхъ. Война съ Ордею Ливонскимъ. Кончина и слава Довмоншова. Лаудскрона. Миръ съ Дашею. Смерть Андреева. Разныя быдешвія. Митрополиты въ Владимірѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота.

Наконецъ властолюбивый Андрей уже могъ назваться законнымъ Великимъ Княземъ Россіи; никто не спорилъ съ нимъ о семъ достоинствѣ. Констаншинъ Борисовичъ, по кончинѣ старшаго брата, съѣлъ на пресполѣ Росповскомъ, отдавъ Угличъ своему сыну, Александру. Великій Князь и Михаилъ Тверскій женились на дочеряхъ умершаго Димитрія Борисовича, и два года пропекли въ шишинѣ¹¹².

Но могъ ли Андрей, разоритель опечесства, шребовать любви опъ народа и почпенія опъ Князей? Онъ не имѣлъ и шѣхъ свойшвъ, коими злодѣи челошече-

Г.
1294.Бра.
кн.

Свой-спва закрашиваюшь иногда черношу свою: ни ревностнаго славолубія, ни великодушнаго мужества; бралъ города, испреблялъ Христіанъ руками Моголовъ, не обнажавъ меча, не выдавъ опасности, и проливъ множество невинной крови, не купилъ даже права назваться побѣдителемъ!

Въ погоданныхъ обстоительстввахъ Россіи Великому Князю надлежало бы имѣть превосходную душу Александра Невского, чшобы не именемъ только, но въ самомъ дѣлѣ бытъ Главою частныхъ Владѣтелей, изъ коихъ всякой искалъ независимости. Михаилъ Тверскій и Феодоръ Ярославскій пріобрѣли оную въ княженіе Димитрія, а Данилъ Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Иоаннъ Переславскій, хотѣли того же при Андреѣ.

Г. 1295. Открылась распря, дошедшая до вышняго судилища Ханова: самъ Великій Князь ѣздилъ въ Орду съ своею молодою супругою, чшобы снискать милость Тохты.

Г. 1296 — 97. Посоль Ханскій, избранный бытъ миротворцемъ, созвалъ Князей въ Владиміръ. Они раздѣлились на двѣ спороны: Михаилъ Тверскій взялъ Данилову (Иоаннъ же находился въ Ордѣ; вмѣстѣ его говорили Бояре Переславскіе): Феодоръ Черный и

Константинъ Борисовичъ спояли за Андрея. Татаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностію и съ гордымъ видомъ, но не могъ удержати ихъ въ предѣлахъ надлежащаго смиренія. Разгораченные споромъ Князья и Вельможи взялись-было за мечи. Епископы, Владимірскій Симеонъ и Сарскій Исмаиль, спавъ посреди шумнаго сонма, не дали брагьямъ рѣзаться между собою¹¹². Судъ кончился миромъ, или, лучше сказать, ничѣмъ. Посоль Хановъ взялъ дары, а Великій Князь, давъ слово оставишь брагьевъ и племянника въ покоѣ, въ то же время началъ собирать войско, чшобы смирити ихъ какъ мяшечниковъ. Желая воспользоваться отсутствіемъ Иоанна, онъ хотѣлъ завладѣть Переславлемъ, но встрѣшилъ подъ Юрьевымъ сильную рать Тверскую и Московскую: ибо Иоаннъ, опираясь къ Хану, поручилъ свою область защитѣ Михаила Ярославича. Вторично вступили въ переговоры и вторично заключили миръ, которій, сверхъ чаянія, не былъ нарушенъ до самой кончины Андреевой. Князья иногда ссорились, однакожь не прибѣгали къ мечу, и находили способъ мириться безъ кровопролитія.

Древніе Сеймы Княжескіе, учрежден-

Сей-ныи Мономахомъ при Святополкѣ II, по-гда возобновились, въ обстоятельствѣхъ подобныхъ, и съ тѣмъ же добрымъ намѣреніемъ: ибо ни Святополкъ, ни Андрей не могъ силою обумдывать чуждыхъ Владѣтелей, и словесныя убѣжденія, за недоспакомъ иныхъ средствъ, казались нужными. Въ сихъ торжественныхъ собраніяхъ присутствовали и знаменитыя Духовныя особы, какъ полководцы священныхъ уставовъ правды и совѣсти. Первое изъ оныхъ, по смерти Феодора Ярославскаго, было въ Дмитровѣ¹⁷⁴, гдѣ Андрей съ братомъ Даниломъ, съ племянникомъ Иоанномъ и съ Михаиломъ кончилъ все дѣла дружелюбно, но гдѣ Князья Тверскій и Переславскій не могли въ чемъ-то согласиться, досель дѣйствовавъ единодушно. Хищный Михаилъ привлекъ-было на свою сторону и Новгородцевъ, заключивъ съ ними договоръ, по коему они взаимно обязывались помогать другъ другу въ случаѣ успѣшеній или Великаго Князя и самаго Хана: Новгородъ обѣщавъ правосудіе всемъ Тверскимъ испитамъ въ его области, а Михаилъ испукался отъ закабаленныхъ ему должниковъ Новгородскихъ, и проч.¹⁷⁵ Андрей не могъ помѣшавъ сему оскорбительному дѣлу него

союзу, и безъ сомнѣнія былъ доволенъ размовкою Михаила съ Иоанномъ, которая уменьшала могущество перваго. Но Иоаннъ, названный въ лѣтописяхъ шихимъ или крошкимъ, тѣмъ согласіе жилъ съ дядею своимъ, Даниломъ, и въ 1302 году умирая бездѣтенъ, отказалъ ему Переславль¹⁷⁶. Князь Московскій, въхавъ въ сей городъ, выгналъ опшуда Болръ Андрея, который считалъ себя истиннымъ наследникомъ Иоанновымъ, и негодуя на властолюбіе меньшаго брата, повхалъ съ жалобою къ Хану. Область Переславская вмѣстѣ съ Дмитровымъ была по Росновѣ знаменитѣйшею въ Великомъ Княжествѣ, какъ числомъ жителей, Бояръ, людей военныхъ, такъ и крѣпостію сподличнаго ея города, обведеннаго глубокимъ, наполненнымъ водою ровомъ, высокимъ валомъ и двойною стѣною подъ защитою двѣнадцати башенъ. Сіе важное пріобрѣтеніе еще болѣе утверждало независимость Московскаго Владѣтеля: Даниилъ же, за два года передъ тѣмъ, побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Рязанскаго Князя, Конспаншина Романовича, убивъ въ сраженіи и многихъ Татаръ: смѣлость удивительная, и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ Россіяне начинали обо-

Ме-
сква
усили-
ваеи-
сл.

Смѣ-
лостъ
Росси-
янь.

дрянься, и пользуясь дремопою Хановъ, издалека осприли мечи свои на конечное сокрушеніе пиранства.

Между тѣмъ, какъ Андрей искалъ суда въ Ордѣ, Даніиль внезапно скончался, однакожь успѣвъ принять Схиму, по по-

Смерть
Даніи-
ла Мо-
сков-
скаго.

гдашнему обыкновенію людей набожныхъ. Онъ первый возвеличилъ достоинство Владѣтелей Московскихъ, и первый изъ нихъ былъ погребенъ въ семь городѣ, въ церкви Св. Михаила¹⁷⁷, оставивъ по себѣ долговременную память Князя добраго, справедливаго, благоразумнаго, и пригласивъ Москву заснувши мѣсто Владимира.

Свѣдавъ о кончинѣ Даніиловой, Переславцы единодушно объявили Княземъ своимъ сына его, Юрія или Георгія, у нихъ бывшаго, и даже не дозволили ему ѣхать на погребеніе отца, боясь, чѣобы Андрей впорочно не занялъ ихъ города. Георгій, успокоивъ народъ, и будучи увѣренъ или въ покровительствѣ или въ безпечности Хана, не только безъ страха ожидалъ Андрея, но хотѣлъ еще и новыми пріобрѣтеніями умножить владѣнія Московскія; соединился съ братьями, завоевалъ Можайскъ, Удѣль Смоленскій, и привелъ плѣнникомъ шамошняго Князя, Свя-

послава Глѣбовича, Феодорова племянника¹⁷⁸.

Наконецъ Великій Князь, бывъ цѣлый годъ въ Ордѣ, возвратился съ Послами Тохты. Князья съѣхались въ Переславль на общій Сеймъ (осенью въ 1303 году). Тамъ, въ присутствіи Митрополита Максима, читали ярлыки или грамоты Ханскія, въ коихъ сей надменный повелитель объявлялъ свою верховную волю, да наслаждался Великое Княженіе пишиною, да пресѣклася распри Владѣтелей, и каждый изъ нихъ да будетъ доволенъ тѣмъ, что имѣеть. Андрей, Михаилъ и сыновья Даніиловы возобновили договоръ мира; но Георгій удержалъ за собою Переславль, и слѣдственно Великій Князь, хваляся впрочемъ милостию Тохты, не достигнулъ своей цѣли¹⁷⁹.

Въ сихъ Княжескихъ сѣздахъ не участвовали ни Рязанскіе, ни Смоленскіе, ни другіе Владѣтели. Нашествіе Моголовъ уничтожило и послѣднія связи между разными частями нашего отечества: Великій Князь, не удержавъ господства надъ собственными Удѣлами Владимірскими, могъ ли вмѣшиваться въ дѣла иныхъ областей и бытъ — ежели бы и хотѣлъ — душою общаго согласія, порядка,

справедливости? Какъ въ Великомъ, такъ и въ частныхъ Княженіяхъ единокровные возспавали другъ на друга. Александръ Глѣбовичъ, отразивъ (въ 1298 году) дядю своего, Феодора Чернаго, отъ Смоленска¹⁸⁰, хошѣлъ (черезъ два года) взять Дорогобужь, городъ Смоленской области, ему непослушный; опнялъ у жителей воду, но разбишый ими съ помощію Князя *Вяземскаго*, Андрея, его родственника, опспунилъ, исходя кровію отъ тяжелой раны. Романъ Глѣбовичъ, братъ Александровъ, также былъ уязвленъ стрѣлою; а юный сынъ послѣдняго палъ мертвый на мѣстѣ сраженія.

Мужество Россіянъ гораздо счастливей ознаменовалось тогда въ битвахъ съ врагами иноплеменными... Ливонскіе Рыцари (въ 1299 году) неожиданно осадили Псковъ, и разграбивъ монастыри въ его предмѣстїи, убивали безоружныхъ Монаховъ, женщинъ, младенцевъ¹⁸¹. Князь Довмонъ, уже старецъ лѣтами, но еще воинъ пылкій, немедленно вывелъ свою дружину малочисленную, сразился съ Нѣмцами на берегу Великой, смялъ ихъ въ рѣку, и взявъ въ добычу много мужества оружія, брошеннаго ими въ бѣгство, опсправилъ плѣнниковъ, гражданъ Эстонскаго

Между-
жду-
собія
въ
Кил-
жені-
яхъ.

Вой-
на съ
Орде-
номъ.
Ли-
воп-
скимъ.

Феллина; къ Великому Князю. Коммандоръ Ордена, предводитель Нѣмцевъ, былъ раненъ въ семь несчастномъ для нихъ сраженіи, о коемъ Ливонскіе Пепорики не упоминаютъ, и которое было послѣднимъ знаменитымъ дѣломъ храбраго Довмонша. Онъ преславился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ какой-нио заразной болѣзни, смертоносной тогда для многихъ Псковичанъ, и кончина его была долгое время оплакиваема народомъ, самыми женонами и дѣтьми. Довмонъ, названный въ крещеніи Тимоѣемъ, хотя родился и провелъ юность въ землѣ варварской, ненавистной нашимъ предкамъ, но принявъ Вѣру Спасительную, вышелъ изъ купели усерднымъ Христіаниномъ и вѣрнымъ другомъ Россіянъ; тридцать-три года служилъ Богу испинному и второму своему опечесиву добрыми дѣлами и мечемъ: удостоенный сана Княжескаго, не только прославлялъ имя Русское въ битвахъ, но и судилъ народъ право, не давалъ слабымъ въ обиду, любилъ помогать бѣднымъ. Желанный на Маріи, дочери Великаго Князя Димитрія, не осмѣивалъ сего изгнанника въ несчастіи, и гошовъ былъ положить за него свою голову; по смерти же Димитрія свято наблюдалъ обязанности

Коп-
чила
и сла-
на
Дов-
мон-
шова.

Князя Удѣльнаго и въ разсужденіи Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонпа болѣе всѣхъ другихъ Князей; войны, имъ предводимые, не боялись смерти. Обыкновеннымъ его словомъ, въ часъ опасности и кровопролитія, было: «добрые мужи!» «Псковичи! кто изъ васъ спарь, топъ» «мнѣ опецъ; кто молодъ, топъ братъ»¹⁸⁹¹ «Помните опечество и Церковь Божию!» Онъ укрѣпилъ Псковъ новою каменною стѣною, которая до самаго XVI вѣка называлась *Довмонтовою*, и которую послѣ (въ 1309 году) Посадникъ Борисъ довелъ опъ церкви Св. Петра и Павла до рѣки Великой. Историкъ Липовскій пишетъ, что Довмонпъ господствовалъ и надъ *Полоцкою* областію; но въ 1307 году Липовцы купили оную у Нѣмецкихъ Рыцарей: ибо какой то изъ шамошнихъ Князей, обращенный въ Лапинскую Вѣру, отказалъ сей городъ Рижской Церкви, не имѣя наслѣдниковъ.

Шведы, основавъ въ Кареліи Выборгъ, въ 1295 году заложили и нынѣшній Кексгольмъ: Воеводою ихъ былъ Вишязъ Сигте¹⁸⁵. Новгородцы взяли приступомъ сію крѣпость, не оставили ни одного Шведа живаго, срыли валъ, и чувствуя необходимость имѣть укрѣпленное мѣсто на

берегу Финскаго залива, возобновили Копорье. Чрезъ пять лѣтъ сильный флотъ Шведскій, состоящій изъ ста-одинадцати большихъ судовъ, вошелъ въ Неву. Самъ Государственный Правитель или Маршалъ, Торкель Кнушонъ, предводительствовалъ онымъ, и началъ строить новый городъ, въ семи версахъ опъ нынѣшняго С. Петербурга, при устьѣ Охты, употребивъ для того весьма искусныхъ Римскихъ художниковъ, и назвавъ сію крѣпость Ландскроною или *Вънцель зе-Лапс-мми*. Лѣтописецъ нашъ говоритъ поль-^{кропа.}ко, что Великаго Князя не было тогда въ Новгородѣ, и что Шведы, оставивъ въ крѣпости войско, удалились; но Историки Шведскіе пишутъ, что Россіане, имѣя намѣреніе сжечь ихъ флотъ, хотѣли при сильномъ вѣтрѣ пустить нѣсколько горящихъ судовъ изъ Ладожскаго озера въ Неву; но что Маршалъ Торкель, уведомленный о семъ черезъ лазутчиковъ, велѣлъ оградить испокъ Невы понаенными сваями; что Новгородцы, видя, неудачу, вышли изъ лодокъ, напали на Шведовъ и съ великимъ урономъ опспушили; что знаменишій Матсеей Кепшильмундсонъ, бывшій послѣ опекуномъ Шведскаго Короля Магнуса, гнался до самой ночи за

нашими всадниками, громогласно вызывая на поединок храбрецовъ Россійскихъ, но что никто изъ нихъ не принялъ его вызова¹⁸⁴. Сіе извѣстіе можетъ быть опчасти справедливо: ибо невѣроятно, чтобы Новгородцы безпрепятственно дали Маршалу основать и довершить крѣпость на берегу Невы. Чувствуя важность сего мѣста, они убѣдительно звали къ себѣ Великаго Князя Андрея, которъй, долго медливъ, наконецъ весною 1301 году пришелъ съ полками Низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодомъ и болѣзнями, Шведы все еще бились мужественно, подъ начальствомъ славнаго Вишняка, Спена, храбраго, но безпечнаго или слишкомъ надменнаго: ибо онъ не хотѣлъ заблаговременно претерпѣть вспоможенія отъ Правителя Швеціи, хладнокровно оповѣстивъ другому благоразумнѣйшему вишняку, именемъ Амундсону: «на что безпокоишь Великаго Маршала?» Россіане огнемъ и пращами въ нѣсколько дней истребили большую часть вѣшнихъ укрѣпленій, и не слушая никакихъ предложеній Спеновыхъ, готовились къ рѣшительному приступу. Тогда Амундсонъ напомнилъ своему начальнику слова его: «на что безпокоишь Великаго Маршала?»

и вмѣстѣ съ нимъ былъ изрубленъ побѣдителями. Новгородцы взяли крѣпость и сравняли ее съ землею, плѣнивъ горсть Шведовъ, которые долго оборонялись въ погребѣ¹⁸⁵. Сей успѣхъ осмѣлся въ лѣтописяхъ единственнѣйшимъ достохвальнымъ дѣломъ Андреевымъ: по крайней мѣрѣ онъ участвовалъ въ ономъ, имѣя въ предметѣ безопасность отечества. Михаилъ Ярославичъ также хотѣлъ идти къ берегамъ Невы; но узнавъ на пути, что спрашная Ландскрона уже не существуетъ.

Успокоенные со стороны Шведовъ, Мирь Новгородцы отправили за море Пословъ и заключили миръ (въ 1302 году) съ Королемъ Датскимъ Эрикомъ VI, чтобы прекратить свои частыя войны съ Эстоніею, его областію. Впрочемъ не надѣясь пользоваться долговременною тишиною, опасаясь и вѣшнихъ враговъ и Князей Россійскихъ, они въ пошъ же годъ заложили у себя большую каменную крѣпость: ибо вольность ихъ ограждалась доломъ однимъ браннымъ *деревомъ*¹⁸⁶. Умноженіе опасностей претерпѣваемыхъ защитой твердѣйшей: умноженіе частныхъ и казенныхъ прибытковъ доставляло Правительству

способъ воздвигнуть оную, безъ излишней пыгости для гражданъ.

Великій Князь Андрей скончалъ жизнь свою Схимникомъ въ 1304 году, заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣніе потомства. Никпо изъ Князей Мономахова роду не сдѣлалъ столько злопшечеству, какъ сей недостойный сынъ Невскаго, погребенный въ Волжскомъ Городцѣ, далеко отъ священнаго праха родишельскаго.

Ужасы еспешивенные и всякія несчастья ознаменовали десятилѣтнее время его княженія, такъ же, какъ и Димитріево. Къ числу погоданныхъ явленій, воздушныхъ и небесныхъ, обыкновенно страшныхъ для народа, принадлежала славная Комета 1301 года, описанная Кипшайскими Аспрономами и воспѣшая въ стихахъ Пахимеромъ. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и сильные пожары. Въ Твери сгорѣлъ дворецъ Княжескій (въ 1298) со всею казною и драгоценностями; не успѣли вынести ни серебра, ни золота, ни оружія; самъ Князь Михаилъ, ночью пробужденный огнемъ, едва могъ спастись съ юною супругою отъ пламени. Въ Новѣгородѣ обратились въ

Юля
27.
Смерт.
Ан-
дреева.

Раз-
пыл
бѣд-
ствія.

пепель многія улицы (въ 1299), Варяжская, Холопя, и Нѣмецкій госпинный дворъ¹³⁷. Изверги, пользуясь общимъ смятеніемъ, грабили имѣніе, снесенное въ церкви; убивали сторожей: злодѣйство, о коемъ Лѣтописецъ говоритъ съ правдынымъ омерзѣніемъ.

Въ Княженіе Андреево (въ 1299 году) Митрополипъ Максимъ ославилъ навсегда Кіевъ, чпюбы не быть тамъ свидѣшелемъ и жершвою несноснаго пиранства Моголовъ, и со всемъ Клитросомъ перѣхалъ въ Владиміръ¹³⁸; даже большая часть Кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. Послѣ Ярослава и сына его, Александра Невскаго, Великіе Князья уже не имѣли никакой власти надъ странами Днѣпровскими. Кшо изъ потомковъ Св. Владиміра господствоваль въ оныхъ, неизвѣшно (въ лѣтописяхъ упоминается только о Князѣ Поросьскомъ Юріи, служившемъ Мспиславу Даниловичу). Левъ Галицкій не заботился о древней сполитцѣ своихъ предковъ, оставленной такимъ образомъ въ жершву варварамъ, Любимый, оплаканный подданными, онъ скончался мирно и тихо въ 1301 году, доживъ до глубокой старости, и велѣвъ передать землю свою безъ всякихъ знаковъ пыши-

Ми-
про-
поли-
пы въ
Вла-
димі-
ръ.

Коп-
чипа
Льва
Га-
лиц-
каго.

ноши¹⁸⁹: Монахи одѣли его въ простой саванъ и вложили ему въ руку изображеніе креста. Въ городѣ Львовѣ показывають двѣ харашейныя жалованныя грамоты, будто бы данныя симъ Княземъ шамошнему храму Св. Николая и Крылосскому (близъ Галича) Успенія Богоматери на имѣніе и на исключительное право суда Епископскаго; но та и другая кажутся изобрѣщеніемъ позднѣйшихъ временъ¹⁹⁰. Слогъ обѣихъ есть новое, неискusstное смѣшеніе языка Русскаго съ Польскимъ; въ обѣихъ именуется *особенные Митрополиты Галицкіе*, коихъ не бывало, и въ одной названъ погданній *Кіевскій* Митрополитъ *Кипріаномъ*: а Кипріанъ пась Церковь уже во время Димитрія Донскаго и сына его. — Преемникомъ Льва былъ сынъ Юрій или Георгій, который по смерти дяди, Мешислава Даніиловича, наследовавъ и Владимірскую обласнь, возобновилъ шитулъ своего дѣда и подобно Даніилу именовался *Королемъ Россійскимъ*, Rex Russiae, какъ изображено на печати сего Князя, сохранный въ Архивѣ Кенигсбергскомъ вмѣстѣ съ письмами Галицкихъ Владѣтелей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена¹⁹¹.

Послѣ несчастной для Нѣмцевъ осады

Пскова Россіяне жили въ мирѣ и въ тишинѣ съ Орденомъ Ливонскимъ. Магистръ въ 1304 году призывалъ въ Дерптъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и Епископовъ на Сеймъ, гдѣ они единодушно положили всячески избѣгать войны съ нашими Князьями, прекращають ссоры дружелюбно и не вступають за того, кто своевольно оскорбитъ Новгородцевъ или Псковитянъ и пѣмъ навлечеть на себя месь ихъ¹⁹².

Въ числѣ нашихъ собственнѣхъ <sup>Движ-
ская
грамо-
ша.</sup> памѣтниковъ сего времени замѣнимъ грамоту, писанную Великимъ Княземъ къ Посадникамъ, Казначаемъ и къ Спаросшамъ Заволочья¹⁹³. Тамъ сказано, что въ силу договора, заключеннаго Андреемъ съ Новымгородомъ, онъ можетъ посылать три *ватаги* для ловли на море, подъ начальствомъ *Атамана* Крушицкаго; что селенія обязаны давать имъ кормъ и подводы, также и сыну Атаманову, когда пошлютъ его опшуда съ морскими пшцами; что ловцы Новгородскіе, согласно съ уставомъ временъ Александровыхъ и Димитріевыхъ, не должны въ Заволочьи ходити на *Тверскую* сторону, и проч. Такимъ образомъ Великіе Князья, участвуя въ народныхъ промыслахъ, спарались умножать свои доходы.

Г Л А В А VII.

Великій Князь Михаилъ Яро-
славичъ.

Г. 1304 — 1319.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Мо-
сковскаго. Дѣла Новгородскія. Узбеки. Мужество
Новгородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность
и добродушіе Михаила. Победа надъ Татарами. Судъ
въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная
кончина Михаилава. Городъ Маджары. Разбой Мо-
головъ. Пепръ Мишрополишь. Ярлыкъ Ханскій.
Разныя бѣдствія.

Г. 1304 — 505. Какъ жизнь, такъ и кончина Андреева
была несчастіемъ для Россіи. Два Князя
Споръ о Вел. Княз. объявили себя его наследниками: Михаилъ
Кил-скій и Георгій Даниловичъ Москов-
жвин.скій; но первый съ большимъ правомъ,
будучи внукомъ Ярослава Всеволодовича
и дядею Георгіевымъ, слѣдственно стар-
рвѣйшимъ въ родѣ. Сіе право казалось во-
обще неоспоримымъ, и Бояре Великаго
Княженія, предавъ земль шѣло Андреево,
спѣшили въ Тверь поздравить Михаила
Государемъ Владимірскимъ. Новгородцы
также признали его своимъ Главою, въ
увѣреніи, что Ханъ утвердишь за нимъ

Великое Княженіе. Михаилъ обязался, по-
добно опцу, блюсти ихъ успавы, воз-
спановитъ древнія границы между Новымъ-
городомъ и землею Суздальскою¹⁹⁴; не пре-
бавать бывшихъ волостей Димитріевыхъ
и Андреевыхъ: купленные же имъ самимъ,
Княгинею или Боярами его въ земль Но-
вогородской, отдашь на выкупъ или преж-
нимъ владѣльцамъ или Правительству;
не позволяшь *самосуда* ни себѣ, ни Кня-
жескимъ судіямъ, но рѣшишь тяжбы
единственно по законамъ; опправлять
людей своихъ за Волокъ шолько изъ Но-
вагорода, въ двухъ ладіяхъ, и проч.

Добрый Мишрополишь Максимъ щеще-
но уговаривалъ Георгія не искашь Вели-
каго Княженія, общая ему именемъ Ксе-
нии, матери Михаиловой, и своимъ соб-
спственнымъ любые города въ прибавокъ
къ его Московской области¹⁹⁵. Дядя и пле-
мянникъ поѣхали судишься къ Хану, оста-
вивъ Россію въ несогласіи и въ мяшежѣ.
Одни города спояли за Князя Тверскаго,
иные за Московскаго. Георгій едва могъ
спасишь опъ друзей Михаиловыхъ, ко-
шорые не хотѣли пуспишь его въ Орду
и думали задержать на пути въ области
Суздальской; а Бориса Даниловича, прѣ-
ѣхавшаго въ Коспрому, схватили и по-
Томъ IV.

слали въ Тверь. Но вторый Георгіевъ братъ, Іоаннь, разбилъ Тверитянъ, хотѣвшихъ взять Переславль, и Воевода ихъ, Акинѣвъ, осмался на мѣстѣ сраженія въ числѣ убитыхъ. Намѣшники Михайловы хотѣли въѣхать въ Новгородъ: жители не впустили ихъ, сказавъ: »мы избрали Михаила съ условіемъ, да явишь »грамоту Ханскую, и будетъ тогда Князь земь нашимъ, но не прежде!« — Въ другихъ областяхъ господствовало безначаліе и неуспройство. Граждане Коспромскіе, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывшихъ его любимцевъ, самовольно ихъ судили и наказывали; а чернь Нижнего Новгорода, въ слѣдствіе мяшежнаго Вѣча, умертвила многихъ Бояръ, какъ мнимыхъ враговъ опечесова. Князь Нижегородскій, Михайлъ¹⁹⁶, сынъ Андрея Ярославича, находился въ Ордѣ: онъ тамъ женился, и возвращаясь въ свой Удѣлъ, казнилъ виновниковъ сего незаконнаго Вѣча: ибо чернь не имѣла власти судебной, исключительнаго права Княжескаго.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилась неизвѣстность: Михайлъ превозмогъ соперника, и пріѣхалъ съ Ханскою грамотою въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ

возвелъ его на престолъ Великаго Княженія¹⁹⁷. Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ оружіемъ смирить Георгія, и дважды приступалъ къ Москвѣ, ^{Г. 1305} однакожь безъ успѣха; кровопролитный бой подъ ея стѣнами усилилъ только взаимную ихъ злобу, бѣдственную для обоихъ, какъ увидимъ. Современные Лѣтописцы виняшъ одного Князя Московскаго, который въ противность древнему обыкновенію спорилъ съ дядею о старейшинствѣ. Сверхъ того Георгій по ка^{дѣй-}честивамъ черной души своей заслуживалъ всеобщую ненависть, и едва утвер^{дѣ-}дся на престолѣ наследственномъ, гнус^{дѣ-}нымъ дѣломъ изъявилъ презрѣніе къ святейшимъ законамъ чело^{дѣ-}вѣчества. Мы говоримъ о несчастной судьбѣ Рязанскаго Владѣтеля, Константина, плѣннаго Даниломъ: онъ шесть лѣтъ томился въ неволѣ; Княженіе его, лишенное Главы, зависѣло нѣкопорымъ образомъ отъ Московскаго¹⁹⁸. Георгій велѣлъ умертвить Константина, считая сіе злодѣйствомъ нужнымъ для безпрекословнаго господства надъ Рязанью, и весьма ошибся: ибо сынъ убитнаго, Ярославъ, подъ защитою Хана спокойно наследовалъ престолъ опеческій какъ Владѣтель независимый, оспа-

вивъ въ добычу Георгію изъ городовъ своихъ одну Коломну. — Самые меньшіе братья Георгіевы, дошолъ служивъ ему вѣрно, не могли съ нимъ ужиться въ согласіи. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ Даниловичи, уѣхали въ Тверь, безъ сомнѣнія недовольные его жестокостію.

Дѣла
Ново-
город-
скія.

Михаилъ вѣсколько лѣтъ властвовалъ спокойно, и жилъ большею частію въ Твери¹⁹⁹. Его Намѣстники правили Великимъ Княженіемъ и Новымъ городомъ, ко- его чиновники относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ они письменно жаловались Михаилу на двухъ Княжескихъ Вельможъ, Феодора и Бориса, бывшихъ начальниками во Псковѣ и въ области Корельской: первый, свѣдавъ о нашествіи Ливонскихъ Рыцарей (въ 1307 году), уѣхалъ изъ города, принудивъ шѣмъ оставленныхъ безъ вожда Псковитянъ заключить съ Магистромъ, Гершомъ фонъ-Йокке, не весьма выгодный миръ, и разорилъ многія села Новгородскія; впорый, ушѣняя Корельскія, заславилъ ихъ бѣ- жашъ къ Шведамъ, и силою бралъ, что ему не принадлежало²⁰⁰. Новгородцы же- лали навсегда избавишься отъ такихъ недоспойныхъ Правителей, вносили день- ги за села, купленные въ ихъ области

сими Боярами, и предоставляли себѣ усло- виться изуспно съ Княземъ о прочемъ. Онъ ѣздилъ изъ Твери къ Святой Софіи и былъ принятъ гражданами съ обыкно- венными знаками усердія; однакожь не хопѣлъ самъ предводительствовашь ими, когда они, поспривѣ новую крѣпость на мѣстѣ нынѣшняго Кекегольма, ходили на судахъ въ Финляндію до рѣки Черной или Кумо, гдѣ сожгли городъ Ванай, оса- ждали Шведовъ въ замкъ, на скалѣ не- приступной, и разорили множеству селе- ній²⁰¹. У бѣдныхъ жителей, по словамъ Лѣтописца, не осталось ни одной рога- шой скопины: ибо Россіане испребили шамъ все, чего не могли увезти съ собою.

Г.
1310.

Г.
1311.

Совершивъ благополучно сей дальній походъ, Новгородцы начали ссориться съ Княземъ, жалуясь, что онъ не испол- няеть договорной грамоты; но когда оскорбленный Михаилъ, занявъ войскомъ Торжекъ, не велѣлъ пускашь къ нимъ хлѣба, народъ вспревожился, и не смолчавъ на весеннюю распутицу, отправилъ въ Тверь своего Архіепископа, Давида, что- бы обезоружить Великаго Князя. Миръ заключили скоро, ибо искренно желали его съ обѣихъ сторонъ: Новгородъ, опустошенный въ сіе время пожаромъ,

Г.
1312.

имѣлъ необходимую нужду въ подвозахъ, и лишенный оныхъ, могъ бытъ жершвою голода; а Михаилъ долженствовалъ немедленно ѣхать въ Орду. Ханъ Тохта умеръ; сынъ его, юный Узбекъ, воцарился, славный въ лѣтописяхъ Востока правосудіемъ и ревностію къ Вѣрѣ Магомедовой, возснаноленной имъ во всѣхъ Могольскихъ владѣніяхъ²⁰²: ибо Тохта былъ, кажешся, язычникомъ и не слѣдовалъ ученію Алкорана. Испорикъ Абулгази пишеть, что многіе Ташары, въ знакъ особенной любви къ сему Царю, назвались его именемъ, или *Узбеками*, донинѣ извѣстными въ Хивѣ и въ земляхъ окрестныхъ.

Узбек. кн.

Г. 1513.

Взявъ съ Новгородцевъ 1500 гривенъ серебра²⁰³, Михаилъ возвратилъ имъ своихъ Намѣстниковъ, и поѣхавъ въ Орду, жилъ тамъ цѣлые два года. Сполъ долговременное отсутствіе, безъ сомнѣнія невольное, имѣло вредныя слѣдствія для него и для Россіи. Шведы сожгли Ладогу: Корелы, впусшивъ ихъ въ Кексгольмъ, умерщвили тамъ многихъ Россіянъ. Хотя Новгородцы опмстили нѣмъ и другимъ, подъ начальствомъ Михайлова Намѣстника выгнали Шведовъ и казнили измѣнниковъ Корельскихъ, но винили Михаила, что онъ, пресмыкаясь въ Орду у

Г. 1514.

ногъ Хановыхъ, забываетъ опечесиво. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположеніемъ: родственникъ его, Князь Θεодоръ Ржевскій, пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ спражу Намѣстниковъ Михайловыхъ, и такъ оболѣстшилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ Георгія своимъ Начальникомъ, объявили даже войну Великому Князю²⁰⁴. Едва не дошло до битвы: на одномъ берегу Волги стояли Новгородцы, на другомъ сынъ Михайловъ, Димитрій, съ вѣрною Тверскою рашію. Къ счастію, осенніе морозы, покрывъ рѣку понкимъ льдомъ, удалили кровопролитіе, и Новгородцы согласились на миръ; а Князь Московскій, общая имъ благоденствіе и вольность, съѣлъ на престолѣ Святыя Софіи, Г. 1515.

Скоро позвали Георгія къ Хану, дабы опвѣлъ на справедливыя жалобы Михайловы. Онъ поручилъ Новгородъ брану своему Аванасію, и взявъ съ собою богатые дары, надѣялся бытъ правымъ въ шакомъ судилищѣ, гдѣ предсѣданельствовало алчное корысполубіе. Но Михаилъ уже несъ обнаженный мечъ и грамошу Узбекову. Сильные полки Моголовъ окружали его и вешупили въ Россію съ Воеводою Тайшемеремъ. Сія грозная вѣсть

поколебала, однакожь не смирила Новгородцевъ. Исчисляя въ мысляхъ всѣ одержанныя ими побѣды со времянъ Рюрика до настоящаго, и вспоминая, что самъ Михаилъ великодушною рѣшимостію спасъ Тверь отъ нашествія Моголовъ, они вооружились и ждали непріятеля близь Торжка. Прошло шесть недѣль. Наконецъ, явилась сильная рать Михаилава, Владимирская, Тверская и Могольская. Переговоры не было: вступили въ бой, жестокой, хоша и неравный. Никогда Новгородцы не изъявляли болѣе мужества; чиновники и Бояре находились впереди; купцы сражались какъ Герои. Множество ихъ легло на мѣстѣ; оспапокъ заключенъ въ Торжкѣ, и Михаилъ, какъ побѣдитель, велѣлъ объявить, чтобы Новгородцы выдали ему Князей Аонасія и Θεодора Ржевскаго, если хошащъ мира. Слабые числомъ, обогранные кровію, своею и чуждою, они единодушно отвѣщивали: «умремъ за Свящую Софію и за Аонасія; честь всего дороже.» Михаилъ требовалъ по крайней мѣрѣ одного Θεодора Ржевскаго: многіе и шого не хотѣли; наконецъ уступили необходимости, и еще обязались заплащивъ Великому Князю значное количество серебра.

Г.
1516,
Февр.
10.
Му-
же-
ство
Ново-
город-
цевъ.

Нѣкошорые изъ Бояръ Новгородскихъ вмѣстѣ съ Княземъ Аонасіемъ остались аманатами въ рукахъ побѣдителя; другіе отдали ему все, что имѣли: коней, оружіе, деньги. Написали слѣдующую грамоту²⁰⁵: «Великій Князь Михаилъ условился съ Владыкою и съ Новымгородомъ не воспоминашь прошедшаго. Что съ объявляхъ споронъ захвачено въ междоусобіе, того не опыскивашъ. Пльники свободны безъ окуна. Прежняя Тверская Θεодислова грамота должна имѣть всю силу свою. Новгородъ плащивъ Князю въ разные сроки, отъ вшорой недѣли Великаго послна до Вербной, 12,000 гривенъ серебра, зачитая въ сей плащевъ взяное въ Торжкѣ у Бояръ Новгородскихъ имѣніе. Князь, принявъ сиолна вышеозначенную сумму, долженъ освободить аманатовъ, изрѣзавъ сію грамоту и править нами согласно съ древнимъ уставомъ.»

Сей миръ, вынужденный крайностию, не могъ бытъ истиннымъ, и Великій Князь, свѣдавъ, что Послы Новгородскіе тайно ѣдушъ въ Орду съ жалобою на него, велѣлъ переловить ихъ; опозвалъ Намѣстниковъ Княжескихъ изъ Новгорода, и пошелъ шуда съ войскомъ²⁰⁶. Нового-

родцы укрѣпили столицу, призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, Кореловъ, Ижерцевъ, Вожанъ, и ревностно готовились къ битвѣ, одушевленные любовью къ вольности и независимости къ Великому Князю. Онъ имѣлъ еще друзей между ими, но робкихъ, безмолвныхъ: ибо народъ свирѣпо вопилъ на Вѣчѣ и грозилъ имъ казни; свергнувъ одного Боярина съ моста за мнимую измену, а другого, совершенно невиннаго, умертвилъ по доносу раба, что господинъ его въ перепискѣ съ Михаиломъ. — Такое ужасное оспервененіе и многочисленность собранныхъ въ Новгородѣ ратниковъ изумили Великаго Князя: онъ стоялъ нѣсколько времени близъ города, рѣшился опуступить, и вздумалъ, къ несчастію, идти назадъ ближайшею дорогою, сквозь лѣса дремучіе. Тамъ войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобнаго. Коня, люди падали мертвые отъ усталости и голода; воины сдирали кожу съ щиповъ своихъ, чтобы пицаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышелъ наконецъ изъ сихъ мрачныхъ пустынь съ одною пѣхотою, изнуренною и почти безоружною.

Тогда Новгородцы прислали въ Тверь

Архіепископа Давида, безъ всякой надменности моля Великаго Князя освободить ихъ аманатовъ; предлагали ему серебро, миръ и дружбу. «Дѣло сдѣлано,» говорили они: «желаемъ спокойствія и «пшшшны.» Михаилъ опровергнулъ сіе предложение; спыдился мира *безгестнаго*; хотѣлъ побѣдить и даровать его.

Между тѣмъ Георгій жилъ въ Ордѣ, при года кланялся, дарилъ и пріобрѣлъ наконецъ столь великую милость, что юный Узбекъ, давъ ему спарѣйшинство между Князьями Россійскими, женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, названной въ крещеніи Агаѳіею²⁰⁷: дѣло не весьма согласное съ ревностію сего Хана къ Вѣрѣ Магометовой! Провождаемый Моголами и Воеводою ихъ, Кавгадыемъ, Георгій возвратился въ Россію, и пылая неперпѣиємъ сокрушить врага, хотѣлъ немедленно завоевать Тверь. Михаилъ отправилъ къ нему Пословъ. «Будь Великимъ Княземъ, если такъ угодно Царю,» сказали они Георгію именемъ своего Государя: «шолько оставь Михаила спокойно княжить въ его наслѣдіи; иди въ Владимиръ, и распусти войско.» Опѣшомъ Князя Московскаго было опустошеніе Тверскихъ селъ и городовъ до самыхъ бе-

Г.
1317.Г.
1318.
Георгій
заялъ
Хановъ.Умь-
реп-
постъ
и до-
бро-
душіе
Михаила.

реговъ Волги²⁰³. Тогда Михаилъ призывалъ на совѣсъ Княжескій Епископа и Бояръ. »Судише меня съ племянникомъ,« говорилъ онъ: »не самъ ли Ханъ утвердилъ меня »на Великомъ Княженіи? не заплапиль ли »я ему *выхода* или Царской пошлivity? »Теперь опшказываюсь опъ сего достоин- »ства, и не могу укропиль злобы Георгіа. Онъ ищетъ головы моей; жжетъ, »перзаешъ мою наслѣдственную обласшь. »Совѣспъ меня не упрекаетъ; но можетъ »быть опшаюсь. Скажите ваше мнѣніе: »виновенъ ли я предъ Георгіемъ?« Епископъ и Бояре, умиленные горестію и добросердечіемъ Князя, единогласно опвѣчали ему: »Ты правъ, Государь, предъ лицомъ Всевышняго, и когда смиреніе швое »не могло процушь ожесточеннаго врага, »то возьми праведный мечъ въ десницу; »иди: съ шобою Богъ и вѣрныя слуги, »готовыя умереть за добраго Князя.« — »Не за меня одного (сказалъ Михаилъ), но »за множество людей невинныхъ, лишае- »мыхъ крова опеческаго, свободы и жизни. »Вспомните рѣчь Евангельскую: *кто по- »ложитъ душу свою за друга, той великъ »нарегется. Да будетъ памъ слово Господ- »не во спасеніе!*« Великій Князь, предводительствуя войскомъ мужешвеннымъ,

вспрѣшилъ полки Георгіевы, соединенныя съ Ташарами и Мордовою, въ 40 вересахъ ^{Дека- бра 22.} опъ Твери, гдѣ нынѣ селеніе Боринново. Началась бивва. Казалось, что Михаилъ искалъ смерши: шлемъ и лапы его были всѣ изспрѣлены, обѣчены, но Князь цѣль и невредимъ; всздѣ опражалъ непріятелей и наконецъ обратился ихъ въ бѣгство. Сія побѣда спасла множество несчастныхъ Россіанъ, жителей Тверской области, взятыхъ въ неволю Ташарами: смотря издали на кровопролитіе, безоружныя, скванные, они помогали своему Князю усердными молишвами, и видя его шоржество, плакали опъ радости. Михаилу представили жену Георгіеву, брата его Бориса Даниловича и Воеводу Узбекова, Кавгадыя, вмѣспъ съ другими плѣнниками²⁰⁹. Великій Князь запрешилъ воинамъ убивать Ташаръ, и ласково угосивъ Кавгадыя въ Твери, съ богатыми дарами оппустилъ его къ Хану. Сей лицомъръ клялся бытъ ему другомъ; обвинялъ себя, Георгія, и говорилъ, что они воевали Тверскую область безъ повелѣнія Узбекова.

Князь Московскій бѣжалъ къ Новгородцамъ, которые, еще не зная объ успѣхъ его въ Ордѣ, дали Михаилу слово не вмѣшиваться въ ихъ распрю. (Въ сіе

время они мстили Шведамъ за разбише нашихъ судовъ на Ладожскомъ озерѣ: воевали приморскую часть Финляндіи; взяли городъ *Финскаго Князя* и другой *Епископовъ*, или нынѣшній Або²¹⁰. Узнавъ шоржесство Михаилово, Новгородцы вступились за Георгія: собрали полки и приближились къ Волгѣ. На другой споронѣ ея развѣвались знамена Тверскія, украшенныя знаками свѣжей побѣды; однакожь Великій Князь не хотѣлъ впоричной жестокій битвы, и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ Орду. «Ханъ разсудитъ насъ» — говорилъ Михаилъ — «и воля его «будетъ мнѣ закономъ. Возвращаю свободу супругѣ швоей, брата и всѣмъ Новгородскимъ аманашамъ.» На семъ основаніи сочили договорную грамоту, въ коей *Георгій* именованъ *Великимъ Княземъ*, и по коей Новгородцы, въ ожиданіи суда Узбекова, могли свободно торговать въ Тверской области, а Послы ихъ ѣздить чрезъ оную безопасно²¹¹. Къ несчастію, жена Георгіева скоропостижно умерла въ Твери, и враги Михаиловы распустили слухъ, что она была отправлена ядомъ. Можетъ быть, самъ Георгій вымыслилъ сію клевету: по крайней мѣрѣ охотно вѣрилъ ей, и воспользовался

случаемъ очернить своего великодушнаго непріятеля въ глазахъ Узбековыхъ. Провожаемый многими Князьями и Боярами, онъ вмѣстѣ съ Кавгадыемъ отправился къ Хану; а неоспорожный Михаилъ еще медлил, пославъ въ Орду двѣнадцатилѣтняго сына, Конспаншина, защитника слабаго и безсловеснаго.

Между тѣмъ, какъ врагъ его ревностно дѣйствовалъ въ Саратъ и подкупалъ Вельможъ Могольскихъ, Великій Князь, имѣя чисную совѣсть, и готовый всѣмъ жертвованъ благу Россіи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у Епископа, поѣхалъ. Великая Княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: тамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ, и ввѣряя Духовнику свою тайную мысль, сказалъ: «Можетъ быть, «въ послѣдній разъ открываю тебѣ внутренность души моей. Я всегда любилъ опечесство, но не могъ прекратить нашихъ злобныхъ междоусобій: по крайней мѣрѣ буду доволенъ, если хотя смерть моя успокоитъ его»²¹². Михаилъ, скрывая сіе горестное предчувствіе отъ нѣжной супруги, велѣлъ ей возвратиться. Посоль Ханскій, именемъ Ахмыль, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ.

«Спѣши къ Царю,» говорили онъ: «или
 «полки его чрезъ мѣсяць вступятъ въ
 «твою область. Кавгадый увѣряешь, что
 «мы не будемъ повиноваться.» Успрашен-
 ные симъ извѣстіемъ, Бояре совѣтовали
 Великому Князю опшановишься. Добрые
 сыновья Михайловы, Димитрій и Але-
 ксандръ, также закливали отца не ѣздить
 въ Орду, и послашь шуда кого нибудь
 изъ нихъ, чтобы умилоствивить Хана.
 «Нѣтъ,» отвѣчалъ Михаилъ: «Царь пре-
 «буешь меня, а не васъ: подвергну ли
 «ошечество новому несчастію? Можемъ
 «ли бороться со всею силою невѣрныхъ?
 «За мое ослушаніе падеть множество го-
 «ловъ Христіанскихъ; бѣдныхъ Россіянъ
 «полнами поведутъ въ плѣнъ. Мнѣ на-
 «добно будешь умереть и тогда: не луч-
 «ше ли же нынѣ, когда могу еще своею
 «погибелію спасти другихъ?» Онъ напи-
 салъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ
 Удѣлы, далъ имъ опеческое наставленіе,
 какъ жить добродѣтельно, и проснулся
 съ ними навѣки.

Сеп-
 тл-
 брд 6. Михаилъ нашелъ Узбека на берегу мо-
 ря *Сурожскаго* или Азовскаго, при устьѣ
 Дона²¹³; вручилъ дары Хану, Царицѣ, Вель-
 можамъ, и шесть недѣль жилъ спокойно
 въ Ордѣ, не слыша ни угрозы, ни обви-

неній. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ дѣ-
 ло совершенно забытое, Узбекъ сказалъ
 Вельможамъ своимъ, чтобы они разсуди-
 ли Михаила съ Георгіемъ, и безъ лице-
 пріятія рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ
 казни. Начался судъ. Вельможи собрались
 въ особенномъ шатрѣ, подлѣ Царскаго; Судъ
 призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать<sup>въ Ор-
 ді.</sup>
 на письменные доносы многихъ Баскаковъ,
 обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не
 плащилъ Хану всей опредѣленной дани.
 Великій Князь ясно доказалъ ихъ неспра-
 ведливость свидѣтельствами и бумагами;
 но злодѣй Кавгадый, главный доноситель,
 былъ и судією! Во второе засѣданіе при-
 вели Михаила уже связаннаго, и грозно
 объявили ему двѣ новыя вины его, ска-
 зывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечъ
 на Посла Царева и ядомъ оправилъ же-
 ну Георгіеву. Великій Князь отвѣчалъ:
 «Въ бившѣ не узнаютъ Пословъ; но я
 «спасъ Кавгадыя, и съ честію опшуснулъ
 «его. Второе обвиненіе есть гнусная кле-
 «вета: какъ Христіанинъ свидѣтель-
 «ствуюсь Богомъ, что у меня и на мысли
 «не было такого злодѣянія.» Судьи не слу-
 шали его, отдали подъ спражу, велѣли
 оковать цѣпами. Еще вѣрные Бояре и
 слуги не опшодили опъ своего злосчасті-

наго Государя: приспавы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку, и раздѣлили между собою всѣ драгоценныя одежды Княжескія.

Узбекъ вѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и Послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава Хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два, и разительна представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячъ людей было въ движеніи²¹⁴; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ шелегахъ везли товары Индѣйскіе и Греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда пронулась: въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный Князь перпѣлъ уничтоженіе и муку съ великодушною твердоспїю. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ прїобщался Святыихъ Таинъ, и гошовой умереть какъ должно Хриспїанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные Болре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ

Великодушная кончина Михаила.

ихъ, и съ веселымъ лицемъ говорилъ: »Друзья! вы долго видѣли меня въ чести и славу: будемъ ли неблагодарны? Вознегодуетъ ли на Бога за уничтоженіе кратковременное? Выя моя скоро освободится отъ сего древа, гнѣсущаго оную.« Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ Псалмовъ Давидовыхъ; отрокъ Княжескій держалъ передъ нимъ книгу и перевертывалъ листы: ибо спражи всякую ночь связывали руки Михайлу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставилъ на колѣна, ругался надъ нимъ и вдругъ, какъ бы пронувшій сожалѣніемъ, сказалъ ему: »не унывай! Царь поспушаетъ такъ и съ родными въ случаѣ гнѣва; но завтра, или скоро, объявляшь тебѣ милость, и снова будешь въ чести.« Торжествующій злодѣй удался. Князь, изнуренный, слабый, сълъ на площади, и любопытные окружили его, рассказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ Государемъ въ землѣ своей. Глаза Михайловы наполнились слезами: онъ вспалъ и пошелъ въ вежу или шашеръ, чиняя тихимъ голосомъ изъ Псалма: *Все видяще мя покиваху гла-*

вали своили... Уповаю на Господа! — Нѣсколько разъ вѣрные слуги предлагали ему шайно уйши, сказывая, что кони и проводники гошовы. »Я никогда не зналъ »поспѣднаго бѣгства,« опшвѣчалъ Михаилъ: »оно можеть только спасти меня, а не »опечеснво. Воля Господня да будеть!»

Орда находилась уже далеко за Тереконъ и горами Черкасскими, близъ Врашъ Желѣзныхъ или Дербенша, подлѣ Яскаго города Тепикова, въ 1277 году взятаго нашими Князьями для Хана Мангу-Тимура. Кавгадѣй ежедневно приспуналъ къ Царю со мнимыми доказательствами, что Великій Князь естѣ злодѣй обличенный: Узбекъ, юный, неопытный, опасался бытъ несправедливымъ; наконецъ, обманушый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; опслушавъ Заупрению (ибо съ нимъ были Игумень и два Священника), благословилъ сына своего, Константина; поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираеть ихъ нѣжнымъ другомъ; что они конечно не оставяшъ вѣрныхъ Болръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъавляли Государю равное усер-

Нол-
брл
22.

діе. Часть рѣшипельный наступалъ²¹⁵. Михаилъ, взявъ у Священника Псалширь и разогнувъ оную, чипалъ слова: *сердце мое смятесе во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя. Душа его невольно содрогнулась.* Игумень сказалъ ему: »Государь! въ семь »же Псалмѣ, споль шебѣ извѣспномъ, на »писано: *возверзи на Господа пегаль твою.*« Великій Князь продолжалъ: *кто дастъ ми криль яко голубинь? и полещу, и почито...* Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу, и въ шо самое мгновение вбѣжалъ въ спавку одинъ изъ его Опроковъ съ лицомъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что Князь Георгій Давиловичъ, Кавгадѣй и множество народа приближающа къ шапру. »Вѣдаю, для чего,« опшвѣспновалъ Михаилъ, и немедленно послалъ юнаго сына своего къ Царицѣ, именемъ Баялыни, будучи увѣренъ въ ея жалоспи. Георгій и Кавгадѣй опшановались близъ шапра, на площади, и сошли съ коней, опрядивъ убійць совершинъ беззаконіе. Всѣхъ людей Княжескихъ разогнали: Михаилъ споль одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю, мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ, именемъ *Романецъ* (слѣдспвенно Христіанской Вѣры) вонзилъ ему ножъ

въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ спавку для грабежа, позволеннаго у Моголовъ въ шакомъ случаѣ. — Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти Святаго Мученика — ибо шаковымъ справедливо признаешъ его наша Церковь — съѣли на коней и подѣхали къ шапру. Тѣло Михайлово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: »онъ швой дядя: оставишь ли трупъ »его на поруганіе?« Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою.

Михаилъ не обманулся въ надеждѣ на добродушіе супруги Узбековой: она съ чувствительностію приняла и спаралась ушѣшишь юнаго Констаншина; зашпила и Бояръ его, успѣвшихъ оцдашь себя въ ея покровительствѣ: другіе же, схваченные злыми врагами ихъ Государя, были исперзаны и заключены въ оковы. — Георгій послалъ шѣло Великаго Князя въ Маджары, городъ торговый (на рѣкѣ Кумѣ, въ Кавказской Губерніи), гдѣ, какъ вѣрошно, обижали нѣкогда Угры, изгнанные Печенѣгами изъ Лебедіи²¹⁶. Тамъ многіе купцы, зная лично Михаила, желали прикрышь оное драгоценными плащеницами и внесши въ церковь; но Бояре Георгіевы не пустили ихъ къ окровавленному

Городъ Маджары.

шпру, и поставили его въ хлѣвъ. Въ Яскомъ городѣ *Бездежъ* они шакке не хошѣли ошановишься у церкви *Христіанской*; днемъ и ночью сперегли шѣло; наконецъ привезли въ Москву и погребли въ монастырь Спаескомъ (въ Кремль, гдѣ споишь еще древняя церковь Преображенія).

Злодѣй Кавгадый чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ жизнь свою внезапно; увидимъ, что Провидѣніе наказало и жестокаго Георгія; а память Михайлова была священна для современниковъ и попомства: ибо сей Князь, столь великодушный въ бѣдствіи, заслужилъ славное имя *отечестволюбца*²¹⁷. Кромѣ однихъ Новгородцевъ, считавшихъ его опаснымъ врагомъ народной вольности, всѣ жалѣли объ немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные, мужественные Тверишяне: ибо онъ возвеличилъ сіе Княженіе и любилъ ихъ дѣйствительно какъ ошець. Сверхъ достоинства государственныхъ — ума провинцальнаго, швердости, мужества — Михаилъ опличался и семейственными: нѣжною любовію къ супругѣ, къ дѣтьми, въ особености къ машери, умной, добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ

Г.
1319.

правилахъ благочестія и скончавшей дни свои Монахиного²¹⁸.

Раз-
бой-
Мого-
ловъ. При семь Великомъ Князѣ Ростовѣ, Коспрома и Брянскѣ были жерпвою хищныхъ Ташарь. Наслѣдникъ Коншанпина Борисовича Ростовскаго, умершаго въ Ордѣ, сынъ его Василій (въ 1316 году) прѣхалъ опѣ Хана въ столицу свою съ двумя Могольскими Вельможами, коихъ грабительство и насиліе оспались въ ней надолго памятыми²¹⁹. Такіе разбойники назывались обыкновенно *Послами*. Одинъ изъ нихъ (въ 1318 году) убивъ въ Коспромѣ 120 человекъ, опушощилъ Ростовъ огнемъ и мечемъ, взявъ сокровища церковныя, пѣнилъ многихъ людей. Несчастіе Брянска произошло опѣ междоусобія двухъ Князей. Тамъ господствовало Василій, внукъ Романовъ²²⁰: изгнанный дядею, Святославомъ, онъ возвратился (въ 1310 году) съ шайкою Моголовъ. Святославъ, въ надеждѣ на усердіе жипелей, спѣшилъ опразить ихъ; но граждане измѣнили ему: бросили знамена и побѣжали. Онъ не хотѣлъ уснушиться, и легъ на мѣстѣ битвы со всею дружиною Княжескою, оказавъ рѣдкое, но бесполезное мужество. Побѣдители расхищали городъ.

Въ Брянскѣ находился тогда новый

Митрополишь, преемникъ Максимовъ²²¹: онъ едва могъ, ушедши въ церковь, спастися опѣ люлости Ташарь. По кончинѣ Максима (въ 1305 году), какой-шо Игумень Геронпій вздумалъ - было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ себѣ ушваръ Святишельскую и жезлъ Паспыря; но Патріархъ Аванасій въ угодность Князю Галицкому, опшвергнувъ Геронпія, (въ 1308 году) посвящилъ въ Митрополины для всей Россіи Петра, Петръ Вольнскаго Игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ Паспырскихъ обязанношей, что Духовенство съверной Россіи единогласно благословило его высокую добродѣтель. Одинъ Тверскій Епископъ, сынъ Князя Литовскаго Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословишь сего Митрополиша; но былъ шоржественно обличенъ въ клеветѣ на Соборѣ въ Переславль-Залѣскомѣ, гдѣ присушествовали Епископъ Ростовскій, Игумены, Священники, Князья, Вельможи и Посоль Цареградскаго Патріарха. Испиною и любовію заградивъ успа клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнѣ, сказалъ ему: *Миръ ти о Христѣ, гадо! Отньить блюдися лжи; милошешая же да отпуститъ ти Господь!*... Въ другихъ слу-

чаяхъ сей крошкѣй Архипастырь умѣлъ бытъ и спрогитъ: снялъ Епископскій санъ съ Исмаила Сарскаго, безъ сомнѣнія за важное преступленіе относительно къ Церкви или опеческву, и предалъ анаѣмъ какого то опаснаго ерепика Сеиша, обличеннаго имъ въ богопрошивномъ умствованіи, но не хотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель Вѣры Христіанской, Пепръ склонялъ Князей къ миролюбію, заклиналъ несчастнаго Свяпослава Брянскаго не вступаць въ биспу съ Васиіемъ и спарался прекрапнть вражду между Князьями Тверскимъ и Московскимъ²²²; не имѣя средствъ избавитъ народъ ошь ига, желалъ по крайней мѣрѣ оградитъ безопасностію церкви свяптыя и дома ся служнителей; ѣздилъ въ Орду съ Михаіломъ (въ 1313 году) и выходилъ для нихъ такъ называемый *ярлыкъ* или грамоту льгонную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него Хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды Россійскаго Духовенства. Мы имѣемъ сей ярлыкъ и многіе иныя новѣйшіе, достопамятныя содержаніемъ и слогомъ. Ханъ пишеть²²³: »Вышняго и безсмертнаго Бога волею и силою, величествомъ и милостию. Узбеково слово ко всѣмъ Князьямъ

Яр-
лыкъ
Хан-
скій.

»великимъ, среднимъ и нижнимъ, Воеводамъ, книжникамъ, Баскакамъ, писцамъ, »мимоѣздящимъ Посламъ, сокольникамъ, »пардусникамъ во всѣхъ Улусахъ и спра- »нахъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою наша »власть *держитъ* и слово наше *владѣть*. »Да никю не сбидишь въ Руси церковь »Соборную, Пепра Митрополиша и лю- »дей его, Архимандритовъ, Игуменовъ, По- »повъ, и проч. Ихъ грады, волости, села, »земли, ловли, борни, луга, лѣса, винограды, »сады, мельницы, хушоры, свободны опъ »всякія дани и пошлыны: ибо все то естъ »Божіе; ибо сіи люди молишвою своею »блудушь насъ, и наше воинство укрѣ- »пляютъ. Да будущъ они подсудны едино- »му Митрополишу, согласно съ древнимъ »закономъ ихъ и грамотами прежнихъ »Царей Ординскихъ. Да пребываетъ Ми- »трополишь въ нихомъ и крошкомъ жи- »тніи; да правымъ сердцемъ и безъ печали молишь Бога за насъ и дѣшей на- »шихъ. Кю возмешъ что нибудъ у Ду- »ховныхъ, заплашишь впрое; кю дерз- »нешъ порицашъ Вѣру Русскую, кю оби- »дишь церковь, монастырь, часовню, да »умрешъ! и проч. Писано Заячьяго лѣша, »осенняго перваго мѣсяца, четвершаго »*Ветха* (по ешь, въ четвертый день

*

»ущерба луны) на поляхъ.» Говоря о даяхъ, собираемыхъ въ Россіи, Узбекъ имевуешь *поллужную*, или съ каждой сохи, мостовую, береговую; увольняешь церковниковъ отъ воинской службы, подводъ и всякой работы. Въ такомъ порабощеніи находились Россіяне, всего болѣе угнетаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ Ханскихъ пошлинниковъ или опкупщиковъ Царской дани, между коими бывали иногда и Жиды, обитавшеша Крыма или Тавриды²²⁴.

Раз-
пыл
бѣд-
смыл.
Къ сему общему государственному злу присоединялись иногда весьма частыя естественныя бѣдствія. Лѣтописцы сказываютъ, что въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, копорья съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу: отъ чего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и на скотъ²²⁵. Въ 1314 году Новгородъ терпѣлъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; а народъ Псковскій, угнетаемый дороговизною, грабилъ дома и села богатыхъ людей, такъ, что Правительство должно было употребить весьма строгія мѣры для возстановленія тишины и казнить пятьдесятъ главныхъ мятежниковъ. *Зобница* ржи сносила тамъ 5 гри-

вень. Въ 1318 году свирѣпствовала въ Твери какая-то жестокая, смертоносная болѣзнь.

ГЛАВА VIII.

Великіе Князья Георгій Даниловичъ, Димитрій и Александръ Михайловичи.

(Одинъ послѣ другаго).

Г. 1319 — 1328.

Горестъ Тверитянь. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Ореховѣ. Князья Успенскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Непребленіе Моголовъ въ Твери. Мищеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Липовцы завоеватели. Сомнительное повѣствованіе Спириковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедиминова.

Утвержденный Ханомъ на Великомъ Княженіи, и взявъ съ собою юнаго Константина Михайловича и Бояръ Тверскихъ въ видѣ плѣнниковъ, Георгій пріѣхалъ господствовать въ Владиміръ, а брата своего, Аѳанасія, послалъ Намѣст-
г.
1319.

никомъ въ Новгородъ. Услышавъ о томъ, нѣжная супруга Михайлова, сыновья, Епископъ и Вельможи изумились: они еще не знали происшедшаго въ Ордѣ, но угадывая свое несчастіе, велѣли гонцамъ спѣшить въ Москву, чтобы развѣдать правду о судьбѣ Великаго Князя. Гонцы возвратились съ подробнымъ извѣщеніемъ о всѣхъ ужасныхъ обидѣхъ Михайловой кончины. Горестъ была общая:

Горестъ Церковь и народъ дѣлили одну съ Княжескимъ семействомъ. Черезъ нѣсколько дней, посвященныхъ слезамъ и молибвѣ, Димитрій, какъ старшій сынъ, наследовавъ власть родителя, отправилъ Посольство въ Владиміръ. Меньшій братъ его, Александръ, и Бояре Тверскіе предстали Георгію въ одеждѣ печальной; не хотѣли укорять его: молили только отдать имъ драгоценныя останки Князя, равно любезнаго супругъ, дѣтямъ и народу. Георгій согласился, съ условіемъ, чтобы они прислали ему на обмѣнъ тѣло жены его, Кончаки, сестры Узбековой²²⁶. Вдовствующая Великая Княгиня Анна и Димитрій Михайловичъ съ братьями выѣхали по Волгѣ въ ладіяхъ на встрѣчу ко гробу Михайлову: Епископъ, Духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрѣлище

было умилительно. Народъ вопилъ, спремился къ тѣлу и громогласно звалъ Михаила, какъ бы надѣясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку и поспавили передъ монастыремъ Архангельскимъ, гдѣ безчисленное множество людей шѣснилось лобызать оную. Снявъ крышку, съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, не поврежденныхъ ни дальнимъ путемъ отъ береговъ моря Каспійскаго, ни пятидесятилетнимъ лежаніемъ въ могилѣ. Народъ благословилъ Небо за сіе чудо, и погребеніе казалось ему уже не печальнымъ обрядомъ, но торжествомъ Михайловой святости. — Чувствительная, набожная Княгиня Анна оплакалась отъ міра и кончила дни свои Монахицею; а Димитрій и Александръ, отпервъ слезы, думали только о мести.

Георгій ходилъ между тѣмъ съ войскомъ къ Рязани, и заславивъ тамошняго Князя, Іоанна Ярославича, согласившись на всѣ его предложенія²²⁷, готовился къ нападенію на Тверскую обласнь, увѣренный въ справедливой ненависти къ нему сыновей Михайловыхъ. Димитрій не боялся войны; но хотѣлъ прежде освободить брата своего, Константина, и Бояръ Михайловыхъ, бывшихъ аманалами

Г. 1321. въ Владиміръ: послалъ Тверскаго Епископа, Варсонофія, въ Переславль и заключилъ миръ, давъ Георгію 2000 *рублей* и слово не спорить съ нимъ о Великомъ Княженіи. (Замѣшимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о *рубляхъ*²²³: они были не что иное, какъ опрѣски серебра, безъ всякаго знака или клейма, вѣсомъ около двадцати двухъ золотниковъ). — Обманутый коварнымъ миромъ, Георгій успокоился и поѣхалъ въ Новгородъ, ко- его чиновники звали его предводителемъ войскомъ: ибо Шведы спарались овладѣть Корелією и Кекегольмомъ. Георгій приступилъ къ Выборгу, и хотя имѣлъ съ собою шесть большихъ стѣнобитныхъ орудій, но осаждалъ сію крепость безъ успѣха оны 12 Августа до 9 Сентября²²⁹. Злобясь на Шведовъ, Россіяне вѣшали плѣнниковъ.

По возвращеніи въ Новгородъ, Георгій оплакалъ кончину вѣрнаго брата, Аѳанасія, и свѣдалъ, что Князь Іоаннъ Даниловичъ, бывъ въ Ордѣ, пріѣхалъ опшуда съ Посломъ Узбековымъ, Ахмыломъ, которій, объявивъ намѣреніе учредить благоустройство въ областяхъ Великаго Княженія, лилъ кровь людей, взявъ Ярославль какъ непріятельскій городъ, и съ

Г. 1322. Война съ Шведами.

шоржествомъ отправился назадъ къ Хану, давъ ему опчетъ въ своемъ успѣшномъ Посольствѣ²³⁰. Вторая вѣсть была для Георгія еще гореснѣе: Димитрій Михайловичъ нарушилъ данное ему слово, выходилъ для себя въ Ордѣ достоинство Великаго Князя, и Царь Узбекъ прислалъ съ грамотою Вельможу Семенчу-Буга возвести его на престоль Владимірскій. Тщешно Георгій молилъ Новгородцевъ иппи вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру: онъ долженъ былъ вѣхаться пуда одинъ, и на пупи едва не попался въ руки къ Александру Михайловичу Тверскому, опнявшему у него обозъ и казну. Георгій бѣжалъ во Псковъ, гдѣ чиновники и народъ, помня завѣщаніе Александра Невскаго²³¹, приняли его ласково, но не могли дасть ему войска, готовясь дѣйсвовать всеми силами противъ Пѣмцевъ. Эстонскіе Рыцари, не смояря на миръ, убивали тогда купцевъ и звѣролововъ Псковскихъ на Чудскомъ озерѣ и на берегахъ Наровы. Озабоченный собственною опасностію, Великій Князь уѣхалъ въ Новгородъ; а Псковитяне разорили Эстонию до самаго Ревеля, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнниковъ, и не пощадивъ святыни церквей. Предводителемъ ихъ былъ Князь Липови-
Г. 1323. Дѣла съ Пѣмцами Липовицки-ми.

скій Давидъ, славный въ Исторіи Нѣмецкаго Ордена подъ именемъ *Кастеллана Гарденскаго*. Заслуживъ благодарность Псковичанъ, онъ возвратился въ Липву, и скоро имѣлъ случай оказать имъ еще важнѣйшую услугу²³². Нѣмцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псковъ, придвинули стѣнобитныя орудія, и въ 18 дней разрушивъ большую часть укрѣпленій, уже готовили лѣстницы для присиуна. Хопя Намѣстникъ Изборскій, Евстафій (родомъ Князь) нечаянно ударивъ на обозы Нѣмецкіе за рѣкою Великою, освободилъ бывшихъ тамъ Россійскихъ плѣнниковъ; однакожь граждане находились въ крайности, и посылали гонца за гонцемъ въ Новгородъ, шребуя помощи. Въ сіе время приспѣлъ мужеспвенный Давидъ Липовскій, соединилъ дружину свою съ полками осажденныхъ, разбилъ Нѣмцевъ на голову, взялъ въ добычу станъ ихъ и всѣ снаряды. Слѣдспвіемъ побѣды былъ выгодный для Псковичанъ, осемнадцатилѣтній миръ съ Орденемъ.

Свѣдавъ, что Димитрій Михайловичъ, сверхъ покровительсшва Узбекова, имѣетъ сильное войско въ Великомъ Княженіи, и что народъ, любивъ отца его, изъясляетъ

усердіе и къ сыну, Георгій рѣшился на нѣкошорое время оспашься въ Новѣгородѣ: ибо могъ оспуспсвиемъ ушрашить и сей важный престоль. Новгородцы ходили съ нимъ къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она выпекаетъ изъ Ладожскаго озера, на оспрову *Орѣховомъ*, заложили крѣпость Орѣховскую или нынѣшній Шлиссельбургъ, чтобы Шведы не могли свободно входить въ сіе озеро. Услышавъ о томъ, и желая прекрашнить войну споль частю бѣдспвенную для Шведской Корелии и Финляндіи, юный Король Магнусъ прислалъ Вельможъ въ станъ Георгіевъ съ дружелюбнымъ предложениемъ, соопсвѣспственнымъ обоюдной пользѣ. Оно было принято. Россіане, заключивъ договоръ съ Послами, въ своей новѣй крѣпости торжеспвовали миръ, коего главное условіе соспояло въ возспановленіи древнихъ предѣловъ между обими Державами въ Корелии и въ Финляндіи²³³.

Новгородцы должны были въ сіе время ушрашиться съ Успюжанами, грабившими ихъ купцевъ на пупи въ Югорскую землю, и съ Липовцами, которые злодѣйспвовали въ окрестностяхъ Ловопи. Разбивъ послѣднихъ, они взяли Успюгъ;

Г.
1524
Кля-
зья Ус-
туж-
ские.

но довольные сдѣланнымъ шамъ опусто-
шеніемъ, на берегахъ Двины заключили
миръ съ *Князьями Устюжскими*; На-
мѣспниками Ростовскаго²³⁴. Тогда Георгі-
гій, заслуживъ искреннюю признапель-
ность Новгородцевъ, и обнадеженный въ
ихъ вѣрности, дружески просился съ
ними: онъ поѣхалъ къ Хану, чтобы впо-
рично списать его милость, низвергнувъ
Димитрія и вновь утвердивъ за собою
Великое Княженіе. Сіе путешествованіе до-
стойно замѣчанія тѣмъ, что Георгігій
ѣхалъ опъ береговъ Двины чрезъ область
Пермскую; сълъ шамъ на ладію, и рѣкою
Камою плыль до вышней Казанской
Губерніи.

Г.
1325.

Въ слѣдующій годъ онъ отправился къ Ха-
ну и Димитрію. Тамъ они увидѣли другъ
друга, и вѣрный сынъ, живо предспа-
вивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаило-
ву, — зашрепешавъ опъ ужаса, опъ гнѣ-
ва, — вонзиль мечъ въ убійцу. Георгігій
испустиль духъ; а Димитрій, совершивъ
местъ, по его чувству справедливую и
законную, спокойно ожидалъ слѣдствій....
Такъ одно злодѣяніе раждаеть въ мірѣ
другое, и виновникъ перваго опвѣществу-
еть за оба, по крайней мѣрѣ въ судили-
щѣ Вышняго! Тѣло Георгіево привезли

Ноя-
бря
21.
Уби-
ніе Ге-
оргія
и Ди-
ми-
трія.

Г.
1326.

въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ
Даниловичъ, и погребли въ церкви Архан-
гела Михаила. Митрополишь Пепръ съ че-
тырма Епископами совершилъ сей обрядъ
печальный²³⁵. Князь Іоаннъ и самый на-
родъ проливалъ искреннія слезы, умилен-
ный споль бѣдственною кончиною Госу-
даря хотя и не добродѣтельнаго, одна-
кожь знаменитаго умомъ и славными пред-
ками. Новгородцы сожалѣли объ немъ:
Тверичане хвалили дѣло своего Князя,
съ безнокойшвомъ ожидая суда Узбекова.

Ханъ долго молчалъ. Друзья Князя Мо-
сковскаго безъ сомнѣнія предспавляли
ему²³⁶, что убійство споль наглое, со-
вершенное предъ его глазами, требуетъ
наказанія, или будетъ пятномъ для че-
сти Царской, знакомъ слабости и ново-
домъ къ новымъ опаснымъ своевольствамъ
Князей Россійскихъ; что Ханъ, сверхъ
того, долженъ вспуниться за Георгігій,
какъ за своего зяпя. Прошло десятиль мѣ-
сяцевъ. Братъ Димитріевъ, Александръ,
спокойно возвратился изъ Орды съ Хан-
скими пошлинниками, надѣясь, что дѣло
уже кончилось, и что Узбекъ не думаешь
о мести. Но вдругъ вышло грозное по-
велѣніе, и несчастнаго Димитрія убили
въ Ордѣ (вмѣспъ съ Княземъ Новосиль-¹⁵

Сеп-
тя-
бря

скимъ²³⁷, потомкомъ Михаила Черниговскаго, обвиненнымъ также въ какомъ-то преступленіи). Сія вѣсть, равнодушно принятая въ Москвѣ и въ Новгородѣ, огорчила добрыхъ Тверитянъ, усердныхъ къ Государямъ, и видѣвшихъ въ юномъ своемъ Князѣ славную жертву любви сыновней. Димитрій Михайловичъ, прозваніемъ *Грозный Оги*²³⁸, смѣлый, пылкій, имѣлъ только 27 лѣтъ отъ рожденія; женатый на дочери Князя Липовскаго, Гедимина, онъ не осмѣивалъ дѣшей.

Не смотря на казнь Димитріеву, Узбекъ въ знакъ милосердія призналъ его брашна Великимъ Княземъ Россійскимъ: по крайней мѣрѣ такъ названъ Александръ Михайловичъ въ договорной грамотѣ, коею Новгородцы, не имѣя тогда Главы, и перпя отъ внутреннихъ неустройствъ, обязались ему повиноваться какъ законному своему Властиителю²³⁹. Сія грамота, писанная въ 1327 году, есть повеленіе Ярославовыхъ и Михайловыхъ, съ прибавленіемъ, что Новгородцы уступаютъ Александру села, имъ самимъ или Боярами его купленные, если Княжескіе Дворяне, господствуя въ оныхъ, не будутъ вмѣшиваться въ судныя дѣла иныхъ волостей, и принимаютъ вольныхъ жителей

на свою землю. — Но милость Узбекова и вѣрность Новгородцевъ скоро измѣнились.

Въ концѣ лѣта явился въ Твери Ханскій Посолъ, Шевкаль²⁴⁰, сынъ Дюденевъ, и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ перпя насилія Татарскія, искалъ облегченія въ однихъ бесполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкаль, ревностный чиншель Алкорана, намѣренъ обратиться Россіянъ въ Магомеданскую Вѣру, убить Князя Александра съ братьями, съѣсть на его престолѣ, и всѣ города наши раздать своимъ Вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ Христіанъ, и что Моголы умериваютъ ихъ всѣхъ до единого. Сей слухъ могъ бытъ неоснователенъ: ибо Шевкаль не имѣлъ достаточнаго войска для произведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго и столь несогласнаго съ Полишикою Хановъ, хотѣвшихъ всегда бытъ покровителями Духовенства и Церкви въ набожной Россіи. Но люди угнетенные обыкновенно считаютъ своихъ пирановъ способными ко всякому

злодѣйству; самая грубая клевета кажет-
ся имъ доказанною истинною. Бояре, вои-
ны, граждане, гошповые на все для спасе-
нія Вѣры и православныхъ Государей, окру-
жили Князя, юнаго и легкомысленнаго.
Забывъ примѣръ опца, великодушно умер-
шаго для спокойствія подданныхъ, Але-
ксандръ съ жаромъ предшавлялъ Твери-
шянамъ, что жизнь его въ опасности; что
Моголы, убивъ Михаила и Димитрія,
хотятъ испребишь и весь родъ Княже-
скій; что время справедливой мести на-
стало; что не оцъ, а Шевкаль замыслилъ
кровапроливше, и что Богъ есть надежда
правыхъ. Граждане, усердные, пылкіе, еди-
нодушно пребовали оружія: Князь на раз-
свѣшѣ, 15 Августа, повелъ ихъ ко дворцу
Михайлову, гдѣ жилъ бранъ Узбековъ.
Общее волненіе, шумъ и спукъ оружія
пробудили Ташаръ: они успѣли собратъся
къ своему начальнику и выступили на
площадь. Тверишяне успремились на нихъ
съ воплемъ. Съча была ужасна. Опъ вос-
хода солнечнаго до темнаго вечера рѣ-
зались на улицахъ съ ошервененіемъ не-
обычайнымъ. Уступивъ превосходству
силъ, Моголы заключились во дворецъ:
Александръ обратилъ его въ пепель, и
Шевкаль сгорѣлъ шамъ съ ошпанкомъ

Истре-
бленіе
Мого-
ловъ
въ Тве-
ри.

Ханской дружины. Къ свѣшу не было уже
ни одного Ташарина живаго. Граждане
умерпвили и купцевъ Ординскихъ.

Сіе дѣло, внушенное опчалніемъ, изу-
мило Орду. Моголы думали, что вся
Россія готова возстанъ и сокрушитъ
свои цѣпи; но Россія только препепала,
болсъ, чтобы мщеніе Хана, заслуженное
Тверишянами, не коснулось и другихъ ея
предѣловъ. Узбекъ, пылая гнѣвомъ, клял-
ся испребишь гнѣздо мяшежниковъ; одна-
кожь, дѣйствуя оспорожно, призвалъ Ю-
анна Даніиловича Московскаго, общалъ
сдѣлашь его Великимъ Княземъ, и давъ
ему въ помощь 50,000 воиновъ, предво-
димыхъ пашью Ханскими Темниками, ве-
лѣлъ итти на Александра, чтобы казнилъ
Россіанъ Россіянами. Къ сему многочи-
сленному войску присоединились еще Су-
здальцы съ Владѣтелемъ своимъ, Алексан-
дромъ Васильевичемъ, внукомъ Андрея
Ярославича⁴⁴. Тогда Князь Тверскій могъ
умереть великодушно, или въ славной
битвѣ, или предавъ себя одного въ руки
Моголовъ, чтобы спасти подданныхъ; но
сынъ Михайловъ не имѣлъ добродѣтели
опца. Видя грозу, онъ пекся единшвенно
о собственной безопасности, и думалъ
искашь убѣжища въ Новѣгородѣ. Туда

ѣхали уже Намѣспивики Московскіе : гражда не хопѣли объ немъ слышати. Между шѣмъ Іоаннъ и Кнзъ Суздальскій, вѣрные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, не смотря на глубокіе снѣга и морозы жестокой зимы. Молодушный Александръ, оставивъ свой добрый, несчастный народъ, ушелъ во Псковъ, а братья его, Коншаншинъ и Василій, въ Ладогу. Началось бѣдспвіе.

Ищещіе Халаское. Тверь, Кашинъ, Торжекъ, были взяты, опустошены со всѣми пригородами; жители испреблены огнемъ и мечемъ, другіе опшведены въ неволю. Самые Новгородцы едва спаслися отъ хищности Моголовъ, давъ ихъ Посламъ 1000 рублей и щедро одаривъ всѣхъ Воеводъ Узбековыхъ.

Ханъ съ неперѣнїемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъясвилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины Тверскихъ городовъ и селеній казались ему славнымъ памяникомъ Царскаго гнѣва, доспапочнымъ для обуздація спропни-

Казнь Рязан. Кнз. за. выхъ рабовъ. Въ то же время казнивъ Рязанскаго Владѣтеля, Іоанна Ярославича²⁴², онъ посадилъ его сына, Іоанна Корошопола, на сей кровію опца обогранный престолъ, и будучи доволенъ вѣрностію Кнзя Московскаго, далъ ему самую милоспивую

Г. 1528.

грамоту на Великое Княженіе, пріобрѣтенное бѣдспвіемъ споль многихъ Россіянъ.

Описавъ слѣдствія Георгіевой кончины, обратимъ вниманіе Чиншела на южныя обласи Россіи. Бывъ нѣкогда лучшимъ ея достояніемъ, съ половины XIII вѣка онѣ сдѣлались какъ бы чужды для нашего сѣвернаго опечесива, коего жители брали споль мало участія въ судьбѣ Кіевлянъ, Волынцѣ, Галичанъ, чшо Лѣшописцы Суздальскіе и Новгородскіе не говорятъ объ ней почти ни слова; а Волынскій не доходитъ до временъ наиболѣе любопытныхъ важностию происшествій, когда народъ бѣдный, дикій, плапвивъ нѣсколько вѣковъ дань Россіи, и болѣе спа лѣтъ умѣвъ полько грабиль, свѣдалъ опъ насъ и Нѣмцевъ дѣйспвіа военнаго и гражданскаго искуспва, въ грозномъ ополченіи выпушилъ изъ пемныхъ лѣсовъ на есапръ міра и быспрыми завоеваніями основалъ Державу именишную²⁴⁵. Говоримъ о Липвѣ, уже сильной при Миндовгѣ и Тройдентѣ, но еще гораздо сильнѣйшей при Гедиминѣ. Сей человекъ, разума и мужесива необыкновеннаго, былъ Конюшимъ Липовскаго Кнзя Вишена или, вѣрояшно, Буйвида²⁴⁴: злодѣйски умершвивъ Государя своего, онъ

Липовцы завоевали.

присвоилъ себѣ господство надъ всею землею Липовскою. Нѣмцы, Россіяне, Ляхи, скоро увидѣли его власполюбіе. Гедиминъ искалъ уже не добычи, но завоеваній — и древнее Пинское Княженіе, гдѣ долго власпвовали попомки Святополка-Михаила, было силою оружія присоединено къ Липвѣ²⁴⁵. Союзы брачныя служили ему также способомъ пріобрѣтать земли. Выдавая дочерей за Князей Россійскихъ съ однимъ благословеніемъ, онъ пребоавль богатаго вѣна опъ сватовъ: дозволилъ сыновьямъ, Ольгерду и Любаршу, креститься; женилъ перваго на Княжнѣ Вишебской, а втораго на Владимірской: Ольгердъ наслѣдовалъ по смерти шесня всю его землю; а Любаршъ получилъ Удѣлъ въ Волыніи. Юрій Львовичъ, Галицкій и Волынскій, скончался около 1316 года: ибо въ сіе время уже господствовали павъ Андрей и Левъ, вѣроятно сыновья его, коихъ имена извѣстны намъ единственно по ихъ сношеніямъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и которые въ грамотахъ своихъ назывались *Князьми всей Русской земли, Галицкой и Владимірской*²⁴⁶. Одинъ изъ сихъ Князей, какъ надобно думать, былъ и шестемъ Любаршовымъ: Историку же Липовскій именуешъ его *Вла-*

диміромъ, рассказывая слѣдующія обстоя-
 шельства:

»Опасаясь власполюбивыхъ замысловъ
 »Гедимина. Князя Россійскіе, Владиміръ
 »и Левъ, хотѣли предупредить ихъ, и въ
 »по время, какъ онъ воевалъ съ Нѣмцами,
 »напали на Липву. Владиміръ опустошилъ
 »берега Вили: Левъ взялъ *Брестъ и Дро-*
 »*гичинъ*, бывшіе тогда уже во власти Ге-
 »*диминовой*. Сей мужественный витязь,
 »въ 1319 году побѣдою окончивъ войну
 »съ Ордепомъ, немедленно усремился на
 »Владиміръ (гдѣ княжилъ шеснь Любар-
 »шовъ). Подъ стѣнами онаго началась
 »битва, въ коей Татары стояли за Рос-
 »сійскаго Князя противъ Россіянъ: ибо
 »Гедиминъ имѣлъ Полочанъ въ своемъ
 »войскѣ, а Князь Владимірскій наемную
 »Ханскую конницу. Густыя толпы Ли-
 »повцевъ рѣдѣли, осыпаемая стрѣлами
 »Татарскими; но Гедиминъ, поставивъ въ
 »ряды пѣхоту, вооруженную пращами и
 »копьями, обратилъ Моголовъ въ бѣгство.
 »Россіяне замѣшались. Тщешно жены и
 »старцы, зрители битвы, съ городскихъ
 »стѣнъ кричали имъ, что она рѣшишь
 »судьбу опечества: Князь Владиміръ, ока-
 »завъ мужество достойное Героя, палъ
 »въ сраженіи, и войско, лишенное бодро-

Сомни-
 тель-
 ное
 пове-
 ство-
 ваніе
 Стрѣ-
 ков-
 скаго.

»ени, разсылось. Городъ сдался. Гедимиинъ, поручивъ его своимъ Намѣспникамъ, спѣшилъ къ Луцку, откуда Левъ, воспращенный несчастіемъ Владиміра, обѣжалъ къ Брянскому Князю, Роману, своему зятю²⁴⁷: граждане не оборонялись, и побѣдитель, изъявляя благоразумную кротость, увѣрилъ всѣхъ Россіянъ въ безопасности и защитѣ. Упруженное войско его опдыхало цѣлую зиму. Наградивъ щедро Полководцевъ, онъ жилъ въ Брестѣ, и гошвился къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

»Какъ скоро весна наспушила и земля покрылась правою, Гедиминъ съ новою бодростію выступилъ въ поле, взялъ Овручъ, Жипомиръ, города Кіевскіе, и шель къ Днѣпру. Въ Кіевѣ властвовалъ Спаниславъ, одинъ изъ потомковъ Св. Владиміра: онъ имѣлъ время призванъ Моголовъ, соединился съ Олегомъ Перелаславскимъ, съ изгнаннымъ Княземъ Луцкимъ Львомъ, съ Романомъ Брянскимъ; вершахъ въ 25 ошъ сподлицы, на берегу Ирпени, встрѣшилъ непріятеля и долго спорилъ о побѣдѣ; но опборная дружина Липовская, ударивъ съ боку на Россіянъ, смяла ихъ. Олегъ положилъ голлову на мѣспѣ бинвы: Левъ также. Спа-

»ниславъ и Романъ ушли въ Рязань; а Гедиминъ, опдавъ всю добычу воинамъ, осадилъ Кіевъ. Еще жилиши не шеряли надежды и мужеспвенно опразили нѣсколькo приспуповъ; наконецъ, не видя помощи ни ошъ Князя Спанислава, ни ошъ Татарь, и зная, что Гедиминъ щадилъ побѣжденныхъ, опворили вороша²⁴⁸. Духовенство вышло со крестами, и вмѣстѣ съ народомъ присягнуло бышь вѣрнымъ Государю Липовскому, который, избавивъ Кіевъ ошъ ига Моголовъ, опшавилъ шамъ Намѣспникомъ племянника своего, Мипдова, Князя Голшанскаго, Вѣрою Христіанина, и скоро завоевалъ всю южную Россію до Пушивля и Брянска.»

Сіе повѣспованіе Историка не весьма основательнаго едва ли оптверждено на какихъ нибудь современныхъ или досповѣрныхъ свидѣтельспвахъ²⁴⁹. Оно пѣмъ сомнительнѣе, что Баскаки Ханскіе, какъ видно изъ нашихъ лѣпописей, до самаго 1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ господсповалъ тогда не Мипдовъ, а Князь Россійскій²⁵⁰. Не зная, когда именно Липовцы овладѣли спранами Днѣпровскими, знаемъ только, что Кіевъ при Димиспріи Донскомъ уже былъ въ ихъ власши (безъ сомнѣнія и Черниговская обласшь). Такимъ си.

образомъ наше опечество упратило, и на-долго, свою древнюю столицу, мѣста славныхъ воспоминаній, гдѣ оно расло въ величїи подѣ щипомъ Олеговымъ, свѣдало Бога истиннаго посредствомъ Св. Владиміра, прїяло законы отъ Ярослава Великаго и художества отъ Грековъ! . . . Чпо касается до Княженія Владиміро-Волинскаго, то оно, въ прошивность ложному сказанію Липовскаго Испорика, вмѣстѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣтъ хранило свою независимость и силу. Владѣтели его, Андрей и Левъ, преставились около 1324 года. Обѣ нихъ-то Король Польскій, Владиславъ Локетекъ, говоритъ въ письмѣ къ Папѣ Іоанну XXII²⁵¹: »Извѣщаю Ваше Свяшѣйшество о кончинѣ двухъ послѣднихъ Князей Россійскихъ, обывшихъ для насъ твердою защиною отъ свирѣпости Татаръ. Сїи жестокіе враги Христїанства безъ сомнѣнія пожелающе нынѣ овладѣти Россіею смежною съ нашими землями, и мы будемъ въ величайшей опасности.« Но Андрей и Левъ оставили малолѣтнаго наслѣдника, именемъ Георгія, праправнука Данилова. Въ дружескихъ Лашинскихъ грамошахъ къ Великимъ Магиспрамъ Ордена Нѣмецкаго, скрѣпленныхъ печатами Епископа, Кня-

жескаго пѣстуна и Воеводѣ Бельзскаго, Перемышльскаго, Львовскаго, Луцкаго, онъ писался *природнымъ Княземъ и Госуда-^{свѣд- ній} По- релъ всей Малой Россїи*, обязывался предохранять землю Рыцарей отъ набѣга ^{Князь} Моголовъ; упошреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то въ Владиміръ, то во Львовѣ²⁵². Бояре, въ малолѣтствѣ его управляя Княжествомъ, не дерзнули оспановити гибельныхъ для южной Россїи успѣховъ Липовскаго оружія, довольные тѣмъ, что Гедиминъ не опнималъ собственныхъ областей у Георгія (Любартова шурина, какъ върояшно) и надѣясь, можетъ быти, чпо сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Воспоку и сближаясь съ Татарскими, обратитъ на себя грозную силу Хана, или погибнетъ или счастливымъ противоборствомъ ослабитъ ее; то и другое слѣдствіе могло казаться благопрїятымъ для нашего опечества.

Но хитрый Гедиминъ умѣлъ снискасть ^{Ха- рак- теръ} дружбу Моголовъ; по крайней мѣрѣ нико- ^{Геди- мина,}гда не воевалъ съ ними и не плапиль имъ дани. Власвуя надѣ Липвою и завоеванною часино Россїи, онъ именовалъ себя *Великимъ Княземъ Литовскимъ и Россійскимъ*²⁵³; жилъ въ Вильнѣ, имъ основан-

ной; правилъ новыми подданными благо-
 разумно, уважая ихъ древнія гражданскія
 обыкновенія, покровительствуя Вѣру Гре-
 ческую, и не мѣшая народу зависѣть въ
 церковныхъ дѣлахъ опъ Митрополита
 Московскаго; украшалъ новую столицу
 свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ,
 и желая прекратишь всегдашнюю, кро-
 вопролитную и бесполезную войну съ Нѣ-
 мецкимъ Орденомъ, писалъ къ Папѣ Ио-
 анну: »Одольвая Христіанъ въ битвахъ,
 »я не хочу испреблять Вѣры ихъ, а толь-
 »ко защищаюсь опъ враговъ, подобно
 »всѣмъ другимъ Государямъ. Монахи До-
 »миниканскіе и Францисканскіе окружають
 »меня: даю имъ волю учить и крестить
 »людей въ моемъ Государствѣ; самъ вѣрую
 »Святой Троицѣ, желаю повиноваться
 »ебѣ, Главѣ Церкви и Пастырю Царей;
 »ручаюсь и за моихъ Вельможъ: толь-
 »кусуари злобу Нѣмцевъ²⁵⁴,« и проч. Иоаннъ,
 обрадованный споль благословеннымъ из-
 вѣстіемъ, отправилъ въ Ливву Епископа
 Алемскаго, Варѣоломея, и Бернарда, Игу-
 мена Пюйскаго; но Гедиминъ, вновь раз-
 драженный непріятельскими дѣйствіями
 и вѣроломствомъ Прусскаго Ордена, вдругъ
 переѣнилъ мысли, вспрѣшилъ Пословъ
 Иоанновыхъ весьма немилосливо, и сказалъ

имъ: »Я не знаю вашего Папы и знать
 »не желаю. Исповѣдую Вѣру моихъ пред-
 »ковъ, и не измѣню ей до гроба.« Пошу-
 пивъ глаза въ землю, они должны были
 удалиться; и съ того времени Гедиминъ
 смылъ въ Европѣ коварнымъ обманщи-
 комъ. Впрочемъ Испорія опдаешь спра-
 ведливостъ многимъ его доспохвальнымъ
 дѣламъ и качествамъ. Онъ старался обра-
 зовать народъ свой; дозволялъ Ганзейскимъ
 купцамъ шогрывать въ Ливвѣ безъ вся-
 кой пошлины; призывалъ людей ремеслен-
 ныхъ, серебряниковъ, каменщиковъ, меха-
 никовъ; надесять лѣтъ освобождалъ всѣхъ
 новыхъ поселенцовъ опъ дани, ручаясь
 имъ за безопасностъ личную и цѣлостъ
 собственности, копорую они пріобрѣ-
 тупъ своимъ шрудолубіемъ; давалъ имъ
 Гражданское Право Риги и всѣ возмож-
 ныя выгоды; построилъ для Христіанъ
 церкви въ Вильнѣ и Новогродкѣ, и не
 перпя Монаховъ, подъ видомъ набожно-
 сти скрывающихъ злое корыстолубіе и
 сердце развращенное, любилъ Иноковъ до-
 бродѣтельныхъ, не мѣшая имъ распро-
 странять Вѣру Исусову; любилъ хва-
 литься вѣрностію своихъ обѣщаній, и
 ставилъ себя Христіанамъ въ примѣръ
 честности. Сія обспояпельства извѣст-

ны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году Любекскимъ, Росшокскимъ, Штепинскимъ и другимъ Нѣмцамъ, за его Княжескою печашію²⁵⁵.

Нѣтъ сомнѣнія, что древняя область Кривская или нынѣшняя Бѣлорусія, уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но держась правилъ умѣренности въ своемъ власполюбіи, отъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ Князей, и довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ Удѣлы наследственные. Такъ (въ 1326 году) съ брашомъ его, Воиномъ, пріѣзжали изъ Липвы въ Новгородъ, для заключенія мира, Князь Полоцкій Василій и Минскій Θεодоръ Святославичъ, вѣрояно попомки Св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына, Изяслава²⁵⁶.

Г Л А В А IX.

Великій Князь Іоаннъ Даниловичъ, прозваніемъ Калита.

Г. 1328 — 1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянь. Особный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новгородскія. Закамское серебро. Полшика Новгорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повѣщаетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбой Липовскіе. Ссора Іоаннова съ Новгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинство Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологъ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.

Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ Великаго Княженія миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи; что Моголы престали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что Христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговременныхъ — то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали Воеводъ своихъ грабить Вели-

Г.
1328.

Сѣ-
вер-
ная
Рос-
сія
отды-
хаетъ.

кое Княженіе, занятыя дѣлами Востока и внушрними безпокойствами Орды, или устрашаемые примѣромъ Твери, гдѣ Шевкаль былъ жерпвою ожесточеннаго народа. Ошечство наше сѣповало въ уничиженіи; головы Князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію Хановъ: но земледѣльцы могли спокойно шрудиться на поляхъ, купцы тѣдишь изъ города въ городъ съ шоварами, Бояре наслаждашься избышкомъ; кони Тапсарскіе уже не шопшали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное еспь безопасность и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ шолько облегченія, и славятъ Бога за оное.

Сія, дѣйствительнао благословенная по шогдашнимъ обстоятельствомъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, копорая со временъ Иоанновыхъ сдѣлалась испинною главою Россіи. Мы видѣли, что и прежніе Великіе Князья любили свои Удѣльные или наследственные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ шолько обрядъ восшествія на главный прешоль Россійскій: Димитрій Александровичъ жилъ въ Переславль-Залѣскомъ, Михайлъ Яро-

Мо-
сква
глава
Рос-
сіи.

славичъ въ Твери; слѣдуя шой же еспешственной привязанности къ родинѣ, Иоаннъ Даниловичъ не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и кафедра Митрополиа²⁵⁹: ибо Свяшый Пепръ, имѣвъ нѣсколько разъ случай бышь въ семь городѣ, полюбилъ его красивое мѣстоположеніе и добраго Князя, оставилъ знаменитую столицу Андрея Боголюбскаго, правимую шогда уже одними Намѣстниками Княжескими, и переселился къ Иоанну. »Если ты« — говорилъ онъ Князю въ духѣ пророчества, какъ пишешь Митрополишь Кипріянь въ житіи Св. Пепра — »если ты успокоишь мою спашь, и воздвигнешь здѣсь храмъ дошпойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ Князей, и родъ швой »возвеличится; кости мои останушься въ »семъ градѣ; Свяшители захопятъ обшпашь въ ономъ, и руки его въздутъ на Предшплещи враговъ нашихъ«²⁵⁹. Иоаннъ исполнилъ желаніе старца, и въ 1326 году, 4 Августа, заложилъ въ Москвѣ на площади первую церковь каменную во имя Успенія Богоматери, при великомъ спеченіи народа. Свяшый Митрополишь, собственными руками посировилъ себѣ каменный гробъ въ ея спѣвъ, зимою прешавился;

Пред-
сказа-
ніе
4 Ми-
тро-
поли-
ша.

надъ прахомъ его въ слѣдующемъ году освящилъ сію церковь Епископъ Ростовскій, и новѣй Милпрополищъ, именемъ Θεогноспъ, родомъ Грекъ, основалъ свою каѳедру также въ Москвѣ, къ неудовольствію другихъ Князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Иоанновы, имѣя у себя Главу Духовенства, захопятъ исключительно присвоить себѣ достоинство Великокняжеское. Такъ и случилось, къ счастью Россіи. Въ то время, когда она достигла вышней степени бѣдствія, видя лучшія свои области оппорженныя Липвою, всѣ другія истерзанныя Моголами, — въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городкѣ, до полѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣшительнаго Единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи Ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелию Монархіи, Кіевъ купѣлю Христіанства для Россіянъ; но въ Москвѣ спаслись опечесство и Вѣра. — Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко. Обращимся къ происшествіямъ.

Первымъ дѣломъ Великаго Князя было ѣхашъ въ Орду вмѣстѣ съ меньшимъ бра-

помъ Александра Тверскаго, Конспаншиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками Новгородскими. Узбекъ призналъ Конспаншина Тверскимъ Княземъ; изъявилъ милоспъ Иоанну: но оппуская ихъ, пребовалъ, чтообы они представили ему Александра. Въ слѣдствіе того Послы Великаго Князя и Новгородскіе, Архіепископъ Моисей и Тысячскій Аврамъ, прибывъ во Псковъ, именемъ опечесства убѣждали Александра явиться на судъ къ Хану, и шѣмъ укротить его гнѣвъ, страшный для всѣхъ Россіянъ. »И шакъ вмѣсто зашципы« — опвѣспивовалъ Князь Тверскій — »я нахожу въ васъ гонимелей! »Христіане помогаютъ невѣрнымъ, слушжашъ имъ и предають своихъ брашьевъ! »Жизнь суешная и гореспная не прельщашъ меня: я готовъ жершвовашъ собою для общаго спокойствія²⁶⁰. Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастнымъ состояніемъ, сказали ему единодушно: »Останься съ нами: клянемся, что шпешя не выдадимъ; по крайней мѣрѣ умремъ съ шобою.« Они велѣли Посламъ удалиться, и вооружились. Такъ народъ дѣйшвуешъ иногда по внушенію чувствительности, забывая свою пользу, и стремиться на опасность, плѣнный сла-

доспъ
Хана
къ Иоанну.

Великодупіе
Псковитяне.

вою великодушія. Чѣмъ рѣже бывають сїи случаи, тѣмъ они достопамятнѣе въ лѣтописяхъ. Раздѣляя съ Новымъ городомъ выгоды Нѣмецкой торговли, Псковичяне славились въ сїе время и богатствомъ и воинственнымъ духомъ. Подъ защитою высокихъ стѣнъ они готовились къ мужественной оборонѣ, и поспроили еще новую каменную крѣпость въ Изборскѣ, на горѣ Жеравъ²⁶¹.

Г.
1329.

Іоаннъ, боясь казаться Хану послушникомъ или нерадивымъ исполнителемъ его воли, прїѣхалъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ и многими Князьями Россійскими, въ числѣ коихъ находились и братья Александровы, Конспаншинъ и Василій, также Князь Суздальскій, Александръ Васильевичъ. Ни угрозы, ни воинскія приговоренія Іоанновы не могли поколебать твердости Псковичянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, Великій Князь шель медленно къ ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки²⁶²; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ Митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сїя

духовная казнь, соединенная съ оплученіемъ отъ Церкви, устращивала народъ. Однакожь граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михайлова. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. »Да не будетъ проклятія на моихъ друзьяхъ и братьяхъ ради меня!« сказалъ онъ имъ со слезами: »иду изъ вашего града, освобождая васъ отъ данной мнѣ клятвы.« Александръ уѣхалъ въ Ливву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горестъ была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Солога, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удался. Великій Князь былъ доволенъ, и Митрополитъ, разрѣшивъ Псковичянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ Ханскаго гнѣва, но добрые Россіяне не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ, гналъ своего родственника и зазнавилъ Θεогности возложивъ церковное проклятіе на усердныхъ Христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушїи. — Новгородцы также не охотно участвовали въ семъ походѣ, и стѣснили домой, чтобы смирить Нѣмцевъ и Князей Успенюжскихъ: первые убили въ Дерптѣ ихъ Посла, а

впорые купцевъ и промышленниковъ на пуши въ землю Югорскую. Лѣтописцы не говорятъ, какимъ образомъ Новгородское Правительство опмешило за шо и другое оскорбленіе.

Г. 1330
— 32.
Особенный Епископъ по Пскову въ-
Спиряхъ, наведенный Іоанномъ на Псковъ, не имѣлъ желаемого дѣйствія: ибо Александръ, принятый дружелюбно Гедиминомъ Липовскимъ, обнадеженный имъ въ защитѣ и влекомый сердцемъ къ добрымъ Псковичанамъ, чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился²⁶³. Они приняли его съ радостію и назвали своимъ Княземъ; но есмь опложилась ошъ Новгорода, и выбравъ даже особеннаго для себя Епископа, именемъ Арсенія, послали его спавишься къ Митрополиту, бывшему тогда въ Волынїи. Александръ Михайловичъ и самъ Гедиминъ убѣждали Теогноста исполнить волю Псковичанъ; однакожь Митрополитъ съ швердостію опказалъ имъ, и въ шо же время — съ Епископами Полоцкимъ, Владимірскимъ, Галицкимъ, Перемышльскимъ, Хелмскимъ — посвятилъ Архіепископа Василія, избраннаго Новгородцами, коего Епархїа, согласно съ древнимъ обыкновениемъ долженствовала заключать въ себѣ и Псковскую область. Гедиминъ спершлъ сіе непослушаніе ошъ Митрополита, ува-

жая въ немъ Главу Духовенства, но хотѣлъ перехватить Архіепископа Василія и Бояръ Новгородскихъ на ихъ возвратномъ пути изъ Волынїи, пактъ, что они едва могли спастися, избравъ иную дорогу, и принуждены были опкупишься опъ Кіевского неизвѣснаго намъ Князя Теодора, который гвался за ними до Чернигова съ Ташарскимъ Баскакомъ.

Между шѣмъ какъ Іоаннъ, частыми ^{Пронесшїи} путешествіями въ Орду доказывая свою преданность Хану, утверждалъ спокой- ^{Новгородскія} ствіе въ обласняхъ Великаго Княженія, Новгородъ былъ въ непрестанномъ движенїи опъ внутреннихъ раздоровъ, или опъ внешнихъ непрїятелей, или ссорясь и мирясь съ Великимъ Княземъ²⁶⁴. Зная, ^{камское} что Новгородцы, шоргуя на границахъ ^{серебро} Сибири, доспавали много серебра изъ-за Камы, Іоаннъ пребовалъ онаго для себя, и получивъ опказъ, вооружился, собралъ всѣхъ Князей Низовскихъ, Рязанскихъ; занялъ Бѣжецкъ, Торжекъ, и разорялъ окрестности. Тщешно Новгородцы звали его къ себѣ, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствїе: онъ не хотѣлъ слушатиъ Пословъ, и самъ Архіепископъ Василій, ѣздивъ къ нему въ Переславль, не могъ его умилоспивишь.

Новгородцы давали Великому Князю 500 рублей серебра, съ условіемъ, чтобы онъ возвращалъ села и деревни, незаконно имъ пріобрѣтенныя въ ихъ области; но Иоаннъ не согласился, и въ гнѣвъ уѣхалъ тогда къ Хану.

Сія опасность заставила Новгородцевъ примириться съ Княземъ Александромъ Михайловичемъ. Уже семь лѣтъ Псковитяне не видали у себя Архипастыря: Священель Василій, забывъ ихъ спрощивосить, пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ Клиросомъ, благословилъ народъ, чиновниковъ, и крестилъ сына у Князя. Желая имѣть еще надежнѣйшую опору, Новгородцы подружались съ Гедиминомъ, не смотря на то, что онъ въ сіе же время вступилъ въ родственныя союзы съ Иоанномъ Даниловичемъ, выдавъ за его сына, юнаго Симеона²⁶⁶, дочь или внуку свою Августу (названную въ крещеніи Анастасією). Еще въ 1331 году (какъ рассказываетъ одинъ Лѣтописецъ), Гедиминъ, остановивъ Архіепископа Василя и Бояръ Новгородскихъ, ѣхавшихъ въ Вольнію, принудилъ ихъ дать ему слово, что они уступятъ Нариманшу, его сыну, Ладогу съ другими мѣстами въ вѣчное и попомощвенное владѣніе²⁶⁶. Общоя-

пельство весьма сомнительное: въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ нѣтъ онаго; и могло ли обѣщаніе, вынужденное насиліемъ, быть дѣйствительнымъ обязательствомъ? Гораздо вѣроятнѣе, что Гедиминъ единственно изъявилъ Новгородцамъ желаніе видѣть Нариманша ихъ Удѣльнымъ Княземъ, обѣщая имъ защиту или они сами вздумали такимъ образомъ пріобрѣсти оную, опасаясь Иоанна сколько же, сколько и вѣрныхъ враговъ: Полишика ^{Полишика} не весьма согласная съ общимъ благомъ ^{Ново-} Государства Россійскаго; но заботясь исклю- ^{горо-}чительно о собственныхъ выгодахъ — думая, можетъ быть, и то, что Россія, истерзанная Моголами, стѣсняемая Липвою, должна скоро погибнуть, Новгородцы искали способовъ усилить въ ея паденіи съ своею гражданскою вольностію и частнымъ избыткомъ. Какъ бы то ни было, Нариманшъ, дополь язычникъ, извѣстивъ Новгородцевъ, что онъ уже Христіанинъ и желаетъ поклониться *Святой Софїи*. Народное Вѣче оправдало за нимъ Пословъ, и взявъ съ него клятву быть вѣрнымъ Новгороду, отдало ему Ладогу, Орховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья *въ отчину и въ дѣдину*, съ правомъ наследствен-

нымъ для его сыновей и внуковъ²⁶⁷. Сіе право соспоило въ судебной и воинской власпи, соединенной съ нѣкопороыми опредѣленными доходами.

Г. 1334. Однакожь Новгородцы все еще спарались упишити гнѣвъ Великаго Князя, и наконецъ въ помѣ успѣли посредствомъ, кажешя, Митрополипа Теогноспа, съ коимъ дѣятельный Архіепископъ Василій имѣлъ свиданіе въ Владимірѣ²⁶⁸. Иоаннъ, возвращаясь изъ Орды въ Москву, выслушалъ милоспиво ихъ Пословъ, и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Всѣ недовольспвія были преданы забвенію. Въ знакъ благоволенія за оказанную ему почестъ и привѣспливоспъ жителей, умѣвшихъ иногда ласкать Князя, Иоаннъ позвалъ въ

Г. 1335. Москву Архіепископа и главныхъ ихъ чиновниковъ, чшобы за роскошное угощеніе опплатити имъ пакимъ же. Въ сихъ взаимныхъ изъясненіяхъ доброжелательспва онъ согласился съ Новгородцами вшорично изгнать Александра Михайловича изъ Россіи и смирити Псковищянь, исполняя волю Татпаръ или слѣдуя движенію личной на него злобы. Условились въ мѣрахъ, но оппложили походъ до инаго времени.

Спокойные съ одной спороны, Ново-

городцы искали враговъ въ спѣнахъ своихъ. Еще и прежде, смѣняя Посадника, народъ ограбилъ дома и села нѣкопороыхъ Боярь: въ семъ году рѣка Волховъ была какъ бы границею между двумя неприяТЕЛЬскими спанами. Несогласіе въ дѣлахъ впуспренняго правленія, основаннаго на опредѣленіяхъ Вѣча или на общей волѣ гражданъ, еспеспвеннымъ образомъ раждало сіи частые мятежи, бывающіе главнымъ зломъ свободы, всегда безпоконной и всегда любезной народу. Половина жителей возспала на другую; мечи и копья сверкали на обонхъ берегахъ Волхова. Къ счаспію, угрозы не имѣли слѣдспвія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обрапилось въ картинну прогашельной брашской любви. Примиренные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обняли-ся на моспу, и скромный Лѣпописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоришь только, чшо оно было доказательспвомъ и гнѣва и милосердія Небеснаго, ибо прекратилось споль счаспливо — хотпя и не на-долго. Чрезъ нѣсколко времени опптъ упоминаешя въ Новгородской лѣпописи о возмущеніи, въ коемъ носпрадалъ одинъ Архимандритъ, запер-

Г. пый и стрегомый народомъ въ церкви
1337. какъ въ темницѣ.

Согласіе съ Великимъ Княземъ было
впорочно нарушено походомъ его войска
въ Двинскую область²⁶⁹. Испощая казну
свою частыми путешествіями въ коры-
сполубивую Орду, и видя, что Нового-
родцы не расположены добровольно подѣ-
литься съ нимъ сокровищами Сибирской
шорговли, онъ хошѣлъ вооруженною ру-
кою перехватить оныя. Полки Іоанновы
шли зимою: изнуренные трудностями
пуши и встрѣченныя сильнымъ отпоромъ
Двинскихъ чиновниковъ, они не имѣли
успѣха, и возвратились, потерпѣвъ множе-
ство людей. Сіе непріятельское дѣйствіе
заслужило Новгородцевъ опять искаши
дружбы Псковичанъ чрезъ ихъ общаго
духовнаго Пастыря: Архіепископъ Васи-
лій отправился во Псковъ; но жители,
считая Новгородцевъ своими врагами,
уже не хошѣли союза съ ними: приняли
Владыку холодно и не дали ему обыкно-
венной такъ называемой судной поимлины
или десятой части изъ судебныхъ казен-
ныхъ доходовъ. Напрасно Василій грозилъ
чиновникамъ именемъ Церкви, и слѣдуя
примѣру Митрополита Теофиоста, объ-
явилъ проклятіе всему ихъ городу. Пско-

вичяне на сей разъ выслушали оное спо-
койно, и разгнѣванный Архіепископъ уѣ-
халъ, видя, что они не вѣрятъ дѣйствію
кляшвы, внушенной ему корыстлюбіемъ
или Полипикою, и несогласной съ духомъ
Христіанства.

Впрочемъ Великій Князь, испытавъ
неудачу, оставилъ Новгородцевъ въ по-
коѣ, встревоженный переменою въ судьбѣ
Александра Михайловича. Живъ около де-
сяти лѣтъ во Псковѣ, Александръ непре-
спанно помышлялъ о своей опчизнѣ и
средствахъ возвратиться съ безопасно-
стію въ ея нѣдра. «Если умру въ изгна-
ніи» — говорилъ онъ друзьямъ — «по и
дѣти мои останутся безъ наслѣдія.»
Псковичяне любили его, но сила не со-
опвѣщивовала ихъ усердію: онъ предви-
дѣлъ, что Новгородцы не опкажутъ
онъ древней власти надъ ними, восполь-
зуются первымъ случаемъ смириши сихъ
ослушниковъ, выгоняшъ его или оста-
вляшъ шамъ изъ милоспи своимъ Намѣст-
никомъ. Покровительство Гедимина не
могло возвратиши ему Тверскаго престо-
ла: ибо сей Липовскій Князь избѣгалъ
войны съ Ханомъ. Александръ могъ бы
обращиши къ Великому Князю²⁷⁰; но
будучи имъ издавна ненавидимъ, надѣялся

скорѣе умилоспивившъ грознаго Узбека, и послалъ къ нему юнаго сына своего, Θεодора, которъй (въ 1336 году) благополучно возвратился въ Россію съ Посломъ Могольскимъ. Привезенныя вѣсти были шакковы, что Александръ рѣшился самъ ѣхать въ Орду, и взявъ заочно благословеніе отъ Митрополиша Θεогноста, отправился туда съ Боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь верховный!» сказалъ онъ Хану съ видомъ покорности, но безъ робости и малодушія: «я заслужилъ гнѣвъ твой, и вручаю тебѣ мою судьбу. Дѣйствуй по внушенію Неба и совѣщеннаго сердца. Милуй или казни: въ первомъ случаѣ прославлю Бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? она предъ тобою.» Свирѣпый Ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и съ удовольствіемъ объявилъ Вельможамъ своимъ, что «Князь Александръ смиренною мудростию избавляетъ себя отъ казни.» Узбекъ, осыпавъ его знаками благоволенія, возвратилъ ему достоинство Князя Тверскаго.

Ханъ
про-
щаетъ
Алек-
сандра.

Г.
1338.

Александръ съ восхищеніемъ прибылъ въ свою опечисленную столицу, гдѣ братья и народъ встрѣтили его съ шаккою же искреннею радостию. Тверь, въ

1327 году опустошенная Моголами, уже возникла изъ своего пепла шудами и попеченіемъ Константина Михайловича; разсѣянные жители собралися, и церкви, вновь украшенныя ихъ ревностию къ святынямъ, сіяли въ прежнемъ величїи. Добрый Константинъ, возстановитель сего Княженія²⁷¹, охотно сдалъ правленіе старшему брату, коего безразсудная пылкость была виною шоль великаго несчастія, и желалъ, чтобы онъ превосходствомъ опытнаго ума своего возвратилъ ихъ отчизнѣ знаменишость и силу, прїобрѣтенныя во дни Михайловы. Александръ призвалъ супругу и дѣтей изъ Пскова, велѣвъ объявить его добрымъ гражданамъ вѣчную благодарность за ихъ любовь, и надѣялся жить единственно для счастья подданныхъ. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Іоаннъ — видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости Князей — съ самаго востшествія на престолъ старался прїсвоить себѣ верховную власть надъ Князьями древнихъ Удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ шомъ успѣлъ, особенно по кончинѣ Александра Васильевича Суздальскаго, которъй, будучи внукомъ

старшаго сына Ярославова, имѣлъ законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступилъ оное Иоанну, однакожь, господствуя въ своей часиной области, управлялъ и Владиміромъ²⁷²: такъ говоришь одинъ Лѣтописецъ, сказывая, что сей Князь перевезъ-было опшуда и древній Вѣчевый колоколь Успенской Соборной церкви въ Суздаль, но возвращилъ оный, услышанный его глухимъ звукомъ. Когдажь Александръ (въ 1333 году) преставился бездѣтнымъ, Иоаннъ не

Иоаннъ посылалъ Владиміра его меньшему брату, Конспанину Васильевичу, и пользуясь властью Князьями; выдалъ дочь свою за Василія Давидовича Ярославскаго, другую за Конспанина Васильевича Росновскаго, и дѣйствуя какъ Глава Россіи, предписывалъ имъ законы въ собищенныхъ ихъ областяхъ. Такъ Московскій Бояринъ или Воевода, именемъ Василій Кочева, уполномоченный Иоанномъ, жилъ въ Росновѣ и казался истиннымъ Государемъ: свергнувъ шамошлаго Градоначальника, старѣйшаго Боярина Аверкія; вмѣшивался въ суды, въ расправу; опнималъ и давалъ имѣніе²⁷³. Народъ жаловался, говоря, что слава Госпова исчезла; что Князья его лишились

власти, и что Москва тиранствуетъ! Самые Владѣтели Рязанскіе должныствовали слѣдовать за Иоанномъ въ походахъ; а Тверь, съшуя въ развалинахъ и сиропствуя безъ Александра Михайловича, уже не смѣла помышлять о независимости. Но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро сей Князь возвратился, бодрый, дѣлательный, честлобивый. Бывъ нѣкогда самъ на престолахъ Великняжескомъ, могъ ли онъ спокойно видѣть на ономъ врага своего? могъ ли не думать о мести, снова увѣренный въ милости Ханской? Владѣтели Удѣльные хощя и повиновались Иоанну, но съ неудовольствиемъ, и рады были взять сторону Тверскаго Князя, чтобы ослабить страшное для нихъ могущество перваго: такъ и поступилъ Василій Ярославскій, начавъ изъяслять недоброжелательство шестю и заключивъ союзъ съ Александромъ. Боясь утратить первенство, и лесное для властолюбія, и нужное для спокойствія Государства, Иоаннъ рѣшился низвергнуть опаснаго совмѣстника.

Въ сіе время многіе Бояре Тверскіе, недовольные своимъ Государемъ, переѣхали въ Москву съ семействами и слугами: что было тогда не безчестною измѣною,

по дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу Князя Великаго или Удѣльнаго, Бояринъ всегда могъ оспавить оную, возвративъ ему земли и села, ошъ него полученныя²⁷⁴. Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время въ опчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старыя Вельможи завидовали: на примѣръ, мы знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый Нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ Двора его. Сіе могло бытъ дошпачочнымъ побужденіемъ для Тверскихъ Бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они безъ сомнѣнія не спарались успокоить Великаго Князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйствительныхъ замысловъ несчастнаго Александра Михайловича.

Иоаннъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ оружію, ибо имѣлъ иное безопаснѣйшее средство погубить Тверскаго Князя: отправивъ юнаго сына, Андрея, къ Новгородцамъ, чтобы прекратить раздоръ съ ними, онъ спѣшилъ въ Орду и взялъ съ собою двухъ старшихъ сыновей, Симеона и Иоанна; представилъ ихъ величавому Узбеку какъ будущихъ надежныхъ, ревностныхъ слугъ его рода; искуснымъ

Г.
1359.

образомъ льстилъ ему, сыпалъ дары, и совершенно овладѣвъ довѣренностію Хана, могъ уже смѣло прислунишь къ главному дѣлу, по ешь, къ очерченію Тверскаго Князя. Нѣтъ сомнѣнія, что Иоаннъ описалъ его закосиѣлымъ врагомъ Моголовъ, готовымъ возмутить противъ нихъ всю Россію и новыми непріятельскими дѣйствіями изумить легковѣрное милосердіе Узбекова²⁷⁵. Царь, ушпашенный опасностію, послалъ звать въ Орду Александра, Василия Ярославскаго и другихъ Князей Удѣльныхъ, коварно обѣщая каждому изъ нихъ, и въ особенностіи первому, опимѣнные знаки милости. Иоаннъ же, чтобы опвесить ошъ себя подозрѣніе, немедленно возвратился въ Москву ожидать слѣдствій.

Хотя Посоль Тапарскій всячески увѣрялъ Александра въ благосклонномъ къ нему расположеніи Узбековомъ, однакожь сей Князь, опасаясь злыхъ внушеній Иоанновыхъ въ Ордѣ, послалъ туда напередъ сына своего, Феодора, чтобы узнать мысли Хана; но получивъ вторичный зовъ, долженъ былъ немедленно повиновашься²⁷⁶. Мать, братья, Вельможи, граждане трепетали, вспоминая участь Михайлову и Димитріеву. Казалось, что самая Природа

Несча-
спіе
Алек-
сандра.

осперегала несчастнаго Князя: въ это время, какъ онъ сълъ въ ладю, зашумѣлъ проливный вѣтеръ, и гребцы едва могли одолѣть стремленіе волнъ, которыя несли оную назадъ къ берегу. Сей случай казался народу бѣдственнѣйшимъ предзнаменованіемъ. Василій Михайловичъ проводилъ бранца за нѣсколько верстъ отъ города; а Конспаншинъ лежалъ тогда въ тяжкой болѣзни: чувствительный Александръ всего болѣе жалѣлъ о томъ, что не могъ дождаться его выздоровленія. — Вмѣстѣ съ Тверскимъ Княземъ поѣхали въ Орду Романъ Михайловичъ Бѣлозерскій²⁷² и двоюродный его братъ, Василій Давыдовичъ Ярославскій. Ненавидя послѣдняго, и зная, что онъ будетъ защищать Александра передъ Ханомъ, Великій Князь тайно отправилъ 500 воиновъ схватить его на пути; но Василій опразилъ ихъ, и вѣхалъ въ Орду съ намѣреніемъ жаловаться Узбеку на Юанна, своего шеня.

Юный Θεодоръ Александровичъ, встрѣтивъ родителя въ Улусахъ, со слезами извѣстилъ его о гнѣвѣ Хана. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Александръ, и понесъ богатыя дары Узбеку и всему его Двору. Ихъ приняли съ мрачнымъ безмолвіемъ. Прошелъ мѣсяць: Александръ

молился Богу и ждалъ суда. Нѣкоторые Вельможи Тапарскіе и Царица вступались за сего Князя; но прибытіе въ Орду сыновей Иоанновыхъ рѣшило дѣло: Узбекъ, подвигнутый ими или друзьями хипраго ихъ опца, безъ всякихъ изслѣдованій объявилъ, что мятежный, неблагодарный Князь Тверскій долженъ умереть. Еще Александръ надѣялся: ждалъ вѣстей отъ Царицы, и сѣвъ на коня, спѣшилъ видѣть своихъ доброжелателей; узнавъ же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вмѣстѣ съ сыномъ причасился Святыихъ Таинъ, обнялъ вѣрныхъ слугъ и бодро вышелъ на вѣрвѣчу къ убійцамъ, копорые, опрубивъ голову ему и юному Θεодору, *розняли ихъ по составамъ*²⁷³! Сіи исчерзанные опшанки несчастныхъ Князей были привезены въ Россію, оппѣнены въ Владимірѣ Митрополиномъ Θεогносиномъ и преданы землѣ въ Тверской Соборной церкви, подлѣ Михаила и Димитрія: чепыре жершвы Узбекова шираиспа, оплаканныя современниками и опшценныя попомешвомъ! Никшо изъ Хановъ не умершилъ сполько Россійскихъ Владѣтелей, какъ сей: въ 1530 году онъ казилъ еще Князя Спародубскаго, Θεодора Михайловича, думая, что сіи страш-

Октя-
брл
28.

пыя дѣйствія гнѣва Царскаго утвердять господство Моголовъ надъ Россією. Оказалось слѣдствіе прошивное, и не Ханъ, но Великій Князь воспользовался бѣдственною кончиною Александра, присвоивъ себѣ верховную власть надъ Тверскимъ Княженіемъ: ибо Колѣшанинъ и Василій Михайловичи уже не дерзали ни въ чемъ ослушаться Іоанна, и какъ бы въ знакъ своей зависимости должны были опослать въ Москву вещь по тогдашнему времени важную: Соборный колоколъ опмѣнной величины, коимъ славились Тверитяне²⁷⁹. Узбекъ не зналъ, что слабость нашего опечесства происходила отъ раздѣленія силъ онаго, и что способствуя Единовластію Князя Московскаго, онъ готовитъ свободу Россіи и паденіе Царства Капчакакаго.

Новгородцы, столь безжалостно опвергнувъ Александра въ несчастіи, и способствовавъ его изгнанію, шужили о погибели сего Князя: ибо предвидѣли, что Іоаннъ, не имѣя опаснаго соперника, будетъ менѣ уважать ихъ вольность. Между тѣмъ они спарались обезпечить себя со стороны внѣшнихъ непріятелей. Миръ, въ 1325 году заключенный со Шведами, продолжался около пятнадцати

лѣтъ. Король Магнустъ, владѣя тогда Норвегією, распроспранилъ его и на сію землю, не рѣдко превожимую Новгородцами, которые издавна господствовали въ восточной Лалландіи. Такъ они, по лѣтописямъ Норвежскимъ, въ 1316 и 1523 году опустошили предѣлы Дронгтеймской области, и Папа, Іоаннъ XXII, уступилъ Магнусу часть церковныхъ доходовъ, чтобы онъ могъ взять дѣйствительнѣйшія мѣры для защиты своихъ границъ сѣверныхъ отъ Россіянъ²⁸⁰. Вельможа сего Короля, именемъ Гаквинъ, въ 1326 году, Іюня 3, подписалъ въ Новгородѣ особенный мирный договоръ, по коему Россіяне и Норвежцы на десяти лѣтъ обѣщались не беспокоить другъ друга набѣгами, возстановить древній рубежъ между обоими владѣніями, забыть прежнія обиды и взаимно покровительствовать людей торговыхъ²⁸¹. Но въ 1337 году Шведы нарушили миръ: дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ Россійскимъ Корелямъ; помогли имъ умершвить купцевъ Ладожскихъ, Новгородскихъ и многихъ Христіанъ Греческой Вѣры, бывшихъ въ Корелии; грабили на берегахъ Онежскихъ, сожгли предмѣстіе Ладоги и хотѣли взять Копорье. Въ сей опасности Ново-

Миръ
съ Нор-
вегі-
ею.

Не-
прі-
ятель
Шве-
довъ.

городцы увидѣли худое къ нимъ усердіе Нариманша и бесполезность оказанной ему чести: еще и прежде (въ 1335 году) — не смотря на его княженіе въ ихъ области и на родственныи союзъ Иоанновъ съ Гедиминомъ — шайки Липовскихъ разбойниковъ злодѣйствовали въ предѣлахъ Торжка: за что Великій Князь приказалъ своимъ Воеводамъ съечь въ сосѣдственныхъ Липвѣ нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣчень, и другіе, принадлежавшіе некогда къ Полоцкому Княженію²³². Хотя сіи непріятельскія дѣйствія шѣмъ и кончились, однакожь доказывали, что дружба Гедимина съ Россіянами была только мнимая. Когда же Новгородцы, встревоженные нечаянною ранию Шведскою, попребовали Нариманша (бывшаго иногда въ Липвѣ) предводителемъ ихъ войскомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ и даже вывелъ сына своего, именованнаго Александра, изъ Орѣхова, оставивъ тамъ одного Намѣстника. Но Шведы имѣли болѣе дерзости, нежели силы: гордо отвергнувъ благоразумныя предложенія Новгородскаго Посадника Теодора, ушли онѣ Копорья и не могли защитити самыхъ окрестностей Выборга, гдѣ Россіяне истребили все огнемъ и мечемъ. Скоро начальникъ

Раз-
бол
Лип-
пов-
скіе.

сей крѣпости далъ знать Новгородцамъ, что предѣстникъ его самъ собою началъ войну, и что Король желаетъ мира. Написали договоръ, согласный съ Орѣховскимъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ клятвою утвержденный въ Лундѣ, гдѣ Послы Россійскіе пацци Магнуса. Они пре-
бывали еще, чтобы Шведы выдали имъ всѣхъ бѣглыхъ Корельскъ; но Магнусъ не согласился, отвѣщая, что сіи люди уже приняли Вѣру Латинскую, и что ихъ число весьма не велико. «Корельскъ» — сказалъ онъ — «бывающъ обыкновенно вѣною раздоровъ между нами; и такъ возмемъ спорогъ мѣры для отвращенія сего зла: впродѣ казните безъ милости нашедшихъ бѣглецовъ; а мы будемъ казнить нашедшихъ, чтобы они своими злобыми нашедшими не мѣшали намъ жить въ согласіи.»

Окончавъ дѣло съ Шведами, Новгородцы отправили обыкновенную Ханскую дань къ Иоанну; но Великій Князь, не довольный ею, пребрывалъ съ нихъ еще вдвое болѣе серебра, будто бы для Узбека. Они ссылались на договорныя грамоты и на древнія Ярославовы, по коимъ онѣ чество ихъ была свободно отъ всякихъ чрезвычайныхъ налоговъ Княжескихъ. «Не-

Ссора
Иоан-
нова
съ Но-
вымъ
горо-
домъ.

»го не бывало опть начала міра, того и не будетъ,« опшвѣсповалъ народъ Посламъ Московскимъ: »Князь, цѣловавъ свяшнѣй крестъ въ соблюденіи нашихъ запововъ, долженъ исполнишь клятву.« Пропшло нѣсколько времени: Великій Князь ждалъ вѣстей изъ Орды. Когда же Ханъ оппустилъ его сыновей съ честью, и всѣхъ другихъ Князей съ грознымъ повелѣніемъ слушались Московскаго: тогда Іоаннъ объявилъ гнѣвъ Новгороду и вывелъ опшуда своихъ Намѣстниковъ, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизишь гордость сего величаваго народа и рѣшишь вѣчную прію его вольности со власнію Княжескою. Къ счастью Новгородцевъ, онъ долженъ былъ обратити силы свои къ иной цѣли.

Хотя мы не видимъ по лѣтописямъ, чтобы Князя Смоленскіе когда вибудъ ѣздили въ Орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повѣствователи нашихъ государственныхъ дѣяній, живъ въ другихъ областяхъ, вообще рѣдко упоминають о Смоленскѣ и его происшествіяхъ. Возможно ли, чтобы Княженіе, столь малосильное, одно въ Россіи спаслося опть ига, когда и Новгородъ, еще опдаменнѣйшій, долженствовалъ новино-

вашея Царю Капчакекому? Въ Смоленскѣ господствовалъ тогда Іоаннъ Александровичъ, внукъ Глѣбовъ, съ конемъ Димитрій, Князь Брянскій, въ 1534 году имѣлъ войну²⁸⁵. Татары помогали Димитрію; однакожь ни въ чемъ не успѣли, и Князя, проливъ много крови, заключили миръ. Въроятно, что Ханъ не участвовалъ въ предпріятіи Димитрія, и что сему послѣдному служила за деньги одна вольница Татарская; но Іоаннъ Александровичъ ободрился счастливымъ опытомъ своего мужества, и вступивъ въ союзъ съ Гедиминомъ, захотѣлъ, кажется, совершенной независимости²⁸⁶. По крайней мѣрѣ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, отрядилъ въ Россію Могольскаго Воеводу, именемъ Товлубія, и далъ повелѣніе всѣмъ нашимъ Князьямъ ипши на Смоленскѣ. Владѣтель Рязанскій, Корюпольшъ, выступилъ съ одной стороны, а съ другой сильная рапъ Великокняжеская. Подъ знаменами Московскими или Константинъ Васильевичъ Суздальскій, Константинъ Ростовскій, Іоаннъ Ярославичъ Юрьевскій, Князь Іоаннъ Друцкій, выѣхавшій изъ Випебской области, и Теодоръ Оминскій, Князь Смоленскаго Удѣла²⁸⁵. Не имѣя особенной склонности къ воинскимъ дѣйствіямъ,

Т.
1340.
По-
ходъ
къ
Смо-
ленску.

Юаннъ Даниловичъ оспался въ сполицѣ, и ввѣрилъ начальство двумъ своимъ Воеводамъ. Казалось, что соединенные полки Моголовъ и Князей Россійскихъ должны были однимъ ударомъ сокрушить Державу Смоленскую; но подспунивъ къ городу, они только взглянули на стѣны, и не сдѣлавъ ничего, удалились! Вѣроятно, что Россіяне не имѣли большаго усердія испреблять своихъ братьевъ, и что Воевода Узбековъ, смягченный дарами Смоленя, взялся умилоспивить Хана.

Симъ заключилось достопамятное правленіе Юанна Даниловича: оспановленный въ важныхъ его намѣреніяхъ внезапнымъ недугомъ, онъ промѣнялъ Княжескую одежду на маншію Схимника и кончилъ жизнь въ лѣсахъ зрѣлаго мужества, указавъ на слѣдникамъ путь къ Единовласію и къ величію²⁸⁶. Но справедливо хваля Юанна за сіе государшвенное благодѣаніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила правшвенности и добродѣтели свяще въхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной Полицики. Судъ Исторіи, единшвенный для Государей — кромѣ суда Небеснаго — не извиняетъ и самаго счасштливаго зло-

Марта 31.
Конецъ
и до-
стой-
ства
Юан-
повъ.

дѣйства: ибо опъ челошвка зависипъ только дѣло, а слѣдствіе опъ Бога.

Не смотря на коварство, упошребленое Юанномъ къ погибели опаснаго совмѣшника, Москвитяне славили его благоспѣ, и прощаясь съ нимъ во гробѣ, орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя *Собранелл земли Русской* и Государя-опца: ибо сей Князь не любилъ проливать крови ихъ въ войнахъ бесполезныхъ, освободилъ Великое Княженіе опъ грабштелей вѣшнихъ и внушреннихъ, возшановилъ безопасносш собшвенности и личную, спрого казилъ ташней и былъ вообще правосуденъ²⁸⁷. Жштели другихъ обласней Россійскихъ, опъ него независимыхъ, завидовали ушстройшву, пишшилъ Юанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ Князей или гражданъ своевольныхъ: такъ въ Козельскѣ одинъ изъ пошомковъ Михаила Черниговскаго, Князь Василій Паншелеймоновичъ, умершвилъ дядю роднаго, Андрея Мешиславича; такъ Владѣшель Рязанскій, Коршополь, возвращаясь изъ Орды передъ Смоленскимъ походомъ, схвалпилъ на дорогѣ родшвенника своего, Александра Михайловича Пронскаго, тхавшаго къ Хану съ данію, ограбилъ его и

лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; такъ Бранцы, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвили (въ 1340 году) Князя Глѣба Святославича, въ самый великій для Россіянъ праздникъ, въ день Св. Николая, не смощря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ Митрополита Феогноста²³⁹.

Ошмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Иоанну въ списканіи любви общей.

Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или *калиту*, наполненную деньгами для бѣдныхъ: опть чего и прозванъ *Калитого*²³⁹.

Кромъ Собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ сполла его гробница, и гдѣ съ шого времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ), церковь Иоанна Лѣствичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображенія, древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ и бывшая шогда Архимандритією, которую основалъ еще отецъ Иоанновъ на берегу Москвы-рѣки при созданной имъ деревянной церкви Св. Даніила: Иоаннъ же перевелъ сію Обитель къ своему дворцу, любилъ болѣе всѣхъ иныхъ, обогатилъ доходами; кормилъ, одѣвалъ шамъ нищихъ, и въ ней поспригелъ предъ кончиною. — Украшая

Прозваніе Калитого.

сполицу каменными храмами, онъ окружилъ ее (въ 1339 году) дубовыми стѣнами, и возобновилъ сгорѣвшій въ его время *Кремликъ*, или Кремль, бывший *вну-Кремникъ* иррению крѣпостию или, по старинному именованію, *Дѣтищецель*²⁹⁰. Въ княженіе Иоанна два раза горѣла Москва; были и другія несчастія: ужасное наводненіе опть сильнаго дождя и голодь, названнй въ лѣтописяхъ *рослою рожью*. Но подданые, облагодѣшворенные дѣяпелнымъ, опщескимъ правленіемъ Калишы, не смѣли жаловаться на бѣдствія случайныя и славили его счастливое время.

Тишина Иоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, опшправлялъ въ Москву и въ другія обласши работу Нѣмецкихъ фабрикъ. Воспокъ, Греція, Пшалія (чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ) присылали намъ свои шовары. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣшиться съ шайками Татарскихъ разбойниковъ: милосшивыя грамоты Узбековы, данныя Великому Князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Опкрылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ въ Ярославской обласпи, на

Торговъ устьѣ Мологи, гдѣ существовала *Холо-*
на Мо- *пий городокъ*, съѣзжались купцы Нѣмецкіе,
 логъ. Греческіе, Италіянскіе, Персидскіе, и
 Казна въ печеніе лѣпныхъ мѣсяцевъ со-
 бирала множество поплиннаго серебра,
 какъ уѣдряешь одинъ Писапель XVII вѣ-
 ка²⁹¹: безчисленныя суда покрывали Вол-
 гу, а шапры прекрасный, необозримый
 лугъ Моложскій, и народъ веселился въ
 семидесяти пинейныхъ домахъ. Сія яр-
 монка слыла первою въ Россіи до самаго
 XVI столѣтія.

Добрая слава Калишы привлекла къ
 нему людей знаменитыхъ: изъ Орды вы-
 Мурза^{Чешь.} ѣхалъ въ Москву Тапарскій Мурза Чешь,
 названный въ крещеніи Захарією, отъ
 коего произошелъ Царь Борисъ Феодоро-
 вичъ Годуновъ; а изъ Кіева Вельможа Ро-
 діонъ Неспоровичъ, предокъ Квашинныхъ,
 который былъ вызванъ Іоанномъ еще во
 время Михаила Тверскаго и привелъ съ
 собою 1700 Опроковъ или Движей Бояр-
 скихъ²⁹². Лѣтописецъ рассказываетъ, что
 сей Родіонъ, возведенный Московскимъ
 Княземъ на первую степень Боярства,
 возбудилъ зависть во всѣхъ другихъ Вель-
 можахъ; что одинъ изъ нихъ, Акинеъ Га-
 вриловичъ, не хотѣвъ уступить ему
 старшинства, бѣжалъ къ Михаилу Твер-

скому, съ сыновьями своими, оставивъ
 въ *челяднѣ*, или въ людской избѣ, ново-
 рожденнаго внука Михаила, прозваннаго
Челяднею; что усердный Родіонъ спасъ
 Іоанна Даниловича въ бѣствѣ съ Твери-
 тьянами подъ городомъ Переславлемъ, въ
 1304 году, зашедши имъ въ пылъ, и соб-
 ственною рукою опрубивъ голову Акин-
 еу, привезъ оную на конѣ къ Князю;
 что Іоаннъ наградилъ его половиною Во-
 лока, а Родіонъ опивалъ другую у Ново-
 городцевъ, выгнавъ ихъ Намѣстника, и
 получилъ за то отъ Великаго Князя еще
 иную волость въ окрестностяхъ рѣки
 Восходни. Сія обшпоятельность прописаны
 также въ челобитной Квашнина, пода-
 нной Царю Іоанну Василіевичу на Бушур-
 линыхъ, потомковъ Боярина Акинеа, во
 время несчастныхъ споровъ о Боярскомъ
 старшинствѣ.

Древняя Русская пословица: *близъ Ца-*
ря, близъ смерти, родилась, думаю, то-
 гда, какъ наше опечесиво носило цѣпи
 Моголовъ. Князья ѣздили въ Орду какъ
 на Спрашный судъ: счастливъ, кто могъ
 возвратиться съ милостію Царскою или
 по крайней мѣрѣ съ головою! Такъ Іоаннъ
 Даниловичъ, въ началѣ своего Великокня-
 женія опправляясь къ Узбеку, написалъ

Завѣ-
щаніе
Вел.
Кня-
зя.

завѣщаніе и распорядилъ наслѣдіе между
премя сыновьями и супругою, именемъ
Еленою, копорая преснавилась Монахи-
нею въ 1352 году²⁹³. Сія древнѣйшая изъ
подлинныхъ духовныхъ грамотъ Княже-
скихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтель-
ствуетъ, какіе города принадлежали по-
гда къ Московской области, и какъ ве-
лико было достоинствѣ Князей. Послѣ обы-
кновенныхъ словъ: «Во имя Отца и Сына
и Святаго Духа,» Иоаннъ говоритъ: «Не
взная, чю Всевышній гоповишь мнѣ въ
»Ордѣ, куда ѣду, оспаваю сію *душевную*
»грамоту, написанную мною добровольно,
»въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здравіи.
»Приказываю, въ случаѣ смерти, сы-
новьямъ моимъ городъ Москву: ошдаю
»Симеону Можайскъ, Коломну съ волостя-
»ми, Ивану Звенигородъ и Рузу; Андрею
»Лопасину, Серпуховъ, Перемышль; Кня-
»гинѣ моей съ меньшими дѣтьми села,
»бывшія въ ея владѣніи» (слѣдуютъ име-
на ихъ)... «также оброкъ *городскихъ во-*
лостей; а кунеческія пошрины, въ оныхъ
»собираемыя, оспаююся доходомъ нашихъ
»сыноуей. Ежели Тапары ошнмутъ во-
»лость или село у кого изъ васъ, любез-
»ныя дѣти, по вы обязаны снова урав-
»няшь свои часты или Удѣлы. Люди ги-

»сленые» — шо есть, вольные, окладные,
плащившіе давъ государственную — «дол-
»жны бышь подѣ общимъ вашимъ вѣдѣ-
»ніемъ; а въ раздѣль идушь единственно
»купленные мною. Еще при жизни далъ
»я сыну Симеону изъ золота чепыре цѣ-
»пи, при пояса, двѣ чаши, блюдо съ жем-
»чугомъ, и два ковша, а серебромъ при
»блюда; Ивану изъ золота чепыре цѣпи,
»два пояса съ жемчугомъ и съ камнями,
»претій сердоликовый, два ковша, двѣ
»крутлыя чаши, а серебромъ при блюда;
»Андрею изъ золота чепыре цѣпи, поясъ
»Фряжскій жемчужный, другой съ крю-
»комъ на червленомъ шелку, претій Хан-
»скій, два ковша, двѣ чарки, а серебромъ
»при блюда. Золото Княгинино ошдалъ
»я дочери Фешинь: четырнадцатъ ко-
»лець, новый сдѣланный мною складень,
»ожерелье матери ея, *цело* и гривну; а
»мое собственное золото и коробочку зо-
»лотую ошказываю Княгинѣ своей съ мень-
»шими дѣтьми. Изъ одеждъ моихъ назна-
»чаю Симеону шубу червленую съ жемчу-
»гомъ и шапку золотую, Ивану желшую
»обьяривную шубу съ жемчугомъ и ман-
»пшю съ бармами, Андрею шубу соболью
»съ наплечками низанными жемчугомъ и
»поршше мое съ нашими бармами

на двѣ новыя шубы, низанныя жемчугомъ, «меньшимъ дѣшамъ», *Марьѣ* и *Феодосьѣ*. «Серебряныя поясы и другія одежды мои «раздавъ Священникамъ», а 100 рублей, «оставленныхъ мною у Казначея, по церквямъ. Большое серебряное блюдо о чешырехъ кольцахъ отославъ въ Храмъ «Владимірскаго Богоматери. Прочее серебро и Княжескія спада — кромѣ двухъ, «опзданныхъ мною Симеону и Ивану — «раздѣливъ моей супругѣ и дѣшамъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему, приказываю меньшихъ братьевъ и Княгиню съ «дочерями: будь имъ по Богъ главнымъ «защитникомъ. — Грамоту писалъ Дьякъ «Великокняжескаго Коспрома, при духовныхъ опцахъ моихъ, Священникахъ Ефремъ, Феодосіи и Давидъ; кто нарушитъ «оую, тому Богъ судія.» — Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Спасителя и Св. Иоанна Предтечи, и съ надписью: *печать Великаго Князя Ивана*; а другая свинцовая²⁹⁴. — Въ семь завѣщаній не сказано ни слова о Владимірѣ, Коспромѣ, Переяславѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ Великокняжескаго сана: Иоаннъ, располагая только своею опчиною, не могъ ихъ опказать сыновьямъ, ибо

назначеніе его преемника зависѣло отъ Хана.

Исчисляя свои села, Великій Князь упоминаетъ о купленныхъ или вымѣненныхъ имъ въ Новгородѣ, Владимірѣ, Коспромѣ и Ростовѣ: такимъ образомъ онъ старался приобрѣтать наследственную собственность и въ Московской области, къ неудовольствію другихъ Князей и вопреки условію, заключенному съ Новгородцами. Но еще несравненно важнѣйшимъ приобрѣтеніемъ были города Угличъ, Бѣлозерскъ и Галичъ, купленные Иоанномъ Даниловичемъ²⁹⁵: первые два у попомковъ Константина I, а третій у наследниковъ Константина Ярославича Галицкаго, какъ сказано въ одной изъ грамотъ Димитрія Донскаго: чему надлежало случиться не задолго до преставленія Калишпы. Однакожь сіи Удѣлы до временъ Донскаго считались Великокняжескими, а не Московскими: попому не упоминается объ нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калишпныхъ.

Мы имѣемъ еще иную достопамятную грамоту временъ Иоанновыхъ, данную Василіемъ Давидовичемъ Ярославскимъ Архимандриту Спасской Обители²⁹⁶. Сей Князь пишетъ, что онъ, слѣдуя примѣру

Ярослав-
скій
гра-
мота

дѣда, Феодора Чернаго, опредѣляетъ жалованье монастырскимъ людямъ, въ годъ по два рубля; освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ, также отъ яма или подводъ, отъ пошоя и спражи; далѣе говоритъ: «Судии мои, Намѣстники и Тіуны, да не щаютъ *Дворянъ* своихъ за людьми Св. «Спаса безъ вѣдома Игумена, который «однихъ судитъ ихъ, или вмѣстѣ съ моимъ «судіею, буде испецъ или опшничикъ не «сспъ человекъ монастырскій; въ послѣд- «немъ случаѣ часть денежной пени, на- «лагаемой на виновнаго, идетъ въ казну «Св. Спаса, а другая въ Княжескую. Жи- «тели *иныхъ* областей, перезванные Игу- «меномъ въ его вѣдомство, считающаея «людьми монастырскими; но работники «ихъ, приписанные къ моимъ селеніямъ, «оспаются подъ судомъ Княжескимъ. Чер- «норизцы и Крылошане Спасскіе, торгую «въ пользу святой Обители, увольняющ- «ся отъ пошлинъ: что однакожь не уни- «чтожаетъ древняго ушова о перевозахъ «и бобровыхъ рѣкахъ.» Сія харашейная «грамота скрѣплена черною восковою пе- «чашію, и свидѣтельствуютъ, какими гра- «жданскими выгодами пользовались мона- «стыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ «нашихъ добрыхъ предковъ къ иноческому

сану, и въ проповѣдность намѣренію, съ коимъ были учреждены первыя Христіанскія Обители, основанныя единственно для прудовъ душеспасительныхъ и чудныхъ міру.

Наконецъ, описавъ Княженіе Іоанново, должны мы въ послѣдній разъ упомянуть о Галиціи какъ о *Россійской* обласпи. Судьба Галича. Внукъ Юрія Львовича, Князь Георгій, скончался около 1536 года, не оставивъ дѣшей, и Ханъ прислалъ своихъ Намѣстниковъ въ Галицію; но жилили, по сказанію одного современнаго Испорика²⁹⁷, тайно умершвили ихъ, и съ дозволенія Ханскаго поддалися Болеславу, сыну Тройдена, Князя Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой, зяпшо Гедминову, обзавъ его кляпивою не опмѣняпль ихъ ушавовъ, не касашься сокровищъ государшвенныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ шребованъ согласія народнаго или Боярскаго: безъ чего городъ Львовъ — гдѣ находилось сильное войско, составленное опчаспи изъ Моголовъ, Армянъ и другихъ иностранцевъ — не хотѣлъ покориться сему Князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспашанный въ Греческомъ Исповѣданіи, онъ въ угодность Папѣ и Королю Польскому, своему родшвен-

нику, сдѣлался Каполиккомъ: ибо Вѣра нашего опечесива, ушѣщеннаго, расперзаннаго, казалась ему уже несобласною съ мірскими выгодами. Сего мало: измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратити и подданныхъ въ Лашинскую Вѣру; сверхъ того угнепалъ ихъ налогами, окружилъ себя Нѣмцами, Ляхами, Богемцами, и слѣдуя приходящѣмъ гнуснаго сластолюбія, опинималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, оправленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряють Лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казимиръ, своякъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жищелямъ не тѣснить ихъ Вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичь, Любачевъ, Савокъ, Теробовль, Кременецъ, присягнули ему какъ законному Государю, и сокровища древнихъ Князей Галицкихъ — богатшяя одежды, сѣдла, сосуды, два креста золотые съ часпїю Живошорящаго Древа и двѣ короны, опаннныя алмазами — были опвезены изъ Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, Король ограничилъ на время свое властолюбіе, и заключивъ мирный дого-

воръ съ Липвою, успунилъ Кеступїю, сыну Гедиминову, Бресптъ, а Любаршу, женатому на Княжѣ Владимірской, Холмъ, Луцкъ и Владиміръ, какъ бы законное наслѣдство его супруги. Такъ рушилось совершенно знаменитое Княженіе или Королевство Давїилово, и древнее достояніе Россїи, прїобрѣтенное оружіемъ Св. Владиміра, долго называемое *городами Червенскими*, а послѣ *Галичель*, было раздѣлено между иноплеменниками.

Г Л А В А X.

Великій Князь Симеонъ Іоанновичъ, прозваніемъ Гордый.

Г. 1340 — 1353.

Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона Гордаго. Своисива Ольгердовы. Спошенїя Папы съ Ордою. Убіеніе Коронпола. Дѣла Псковскїя и Новгородскїя. Постыдное дѣло Новгородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ брашь Новгорода. Хищность Ольгердова. Браки. Раздѣлъ Западной Россїи. Ссора Псковичанъ съ Липвою. Ольгердъ мирошворецъ. Черная Смерть. Земель рай. Бѣлый Клобукъ. Копчїна Симеона. Великій Князь *всехъ Руси*. Привидѣніе. Завѣщаніе Св. Алексїя. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Муромъ. Пачало Троицкой Лавры. Художества въ Россїи.

Смерть Іоаннова была важнымъ происшествїемъ для Князей Россїйскихъ: они

Г.
1340.

спѣшили къ Хану. Два Константина, Тверскій и Суздальскій, могли искать Великаго Княженія: другіе желали имъ успѣха, боясь исключительнаго первенства Московскихъ Владѣтелей. Но Симеонъ Ивановичъ (во время кончины родителя бывъ въ Нижнемъ Новгородѣ) также поѣхалъ съ братьями въ Орду; представилъ Узбеку долговременную вѣрность отца своего, обѣщавъ заслужить милость Царскую, и былъ объявленъ Великимъ Княземъ: прочіе должны были ему повиноваться какъ Главѣ или Старѣйшему²⁹⁸. Безъ сомнѣнія не краснорѣчіе юнаго Симеона и не дружба Ханова къ его родителю произвела сіе дѣйствіе, но другая сильнѣйшая для варваровъ причина: корысть и подкупъ. Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостью въ сѣвѣрныхъ степяхъ Татаріи, измѣнились характеромъ на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнавъ пріятности роскоши, доставляемыя имъ торговлею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасности битвъ и тѣмъ болѣе удовольствіе нѣги, соединенной съ грубою пышностью: обольщались золотомъ какъ главнымъ средствомъ наслажденія. Любимцы прежнихъ Хановъ искали завоеваній: любимцы Узбе-

Маія
29.

Коры-
сто-
любіе
Мого-
ловъ.

ковы преоблали взятокъ и продавали его милости; а Князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ Ордѣ, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбію ея Вельможъ, и называлась смиреннымъ именемъ слугъ Ханскихъ, сдѣлались могущественными Государями.

Симеонъ, въ бодрой юности достигнувъ Великокняжескаго сана, умѣлъ пользоваться властію, не уступалъ въ благородіи отцу и слѣдовалъ его правиламъ: ласкалъ Хановъ до униженія, но строго повелѣвалъ Князьями Россійскими и заслужилъ имя *Гордаго*. Торжественно возсѣвъ на престолахъ въ Соборномъ храмѣ Владимірскомъ, онъ при гробѣ отца клялся братьямъ жить съ ними въ любви, имѣть всегда однихъ друзей и враговъ²⁹⁹; взялъ съ нихъ такую же клятву, и скоро имѣлъ случай доказать твердость своего правленія. Считая себя законнымъ Государемъ Новгорода, онъ послалъ Намѣстниковъ въ Торжекъ для собранія дани. Недовольные симъ дѣйствіемъ самовластія, тамошніе Бояре призвали Новгородцевъ, которыхъ, заключивъ Намѣстниковъ Княжескихъ въ цѣпи, объявили

Твер-
дость
Симе-
она
Гор-
даго.
Октя-
бря 1.

Симеону, что онъ только Государь Московскій; что Новгородъ избираетъ Князей и не терпитъ насилія. Симеонъ, не споря съ ними о правахъ, готовилъ войско. Новгородцы также вооружались; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали отъ себя Новгородскихъ чиновниковъ и Бояръ своихъ, убивъ одного значнѣйшаго и разломавъ дома прочихъ; освободили Намѣстниковъ Симеоновыхъ, и съ усердными восклицаніями приняли Великаго Князя, окруженнаго полками Московскими, Суздальскими, Ярославскими и другими⁵⁰⁰. Всѣ Удѣльные Князья и Бояре ихъ составляли его Дворъ воинскій. Тутъ же былъ и Манрополитъ Θεогностъ. Воспревоженные Новгородцы велѣли обласнымъ жителямъ ипши въ столицу для ея защиты; послали Архіепископа съ Боярами въ Торжекъ требовать мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую въ области сего пограничнаго города, или 1000 рублей серебра, и были довольны тѣмъ, что Великій Князь, слѣдуя обыкновенію, грамотою обязался наблюдать ихъ древніе уставы.

Согласивъ честь Княжескую съ обычаемъ народа вольнаго, Симеонъ распу-

спилъ войско, и вдругъ услышалъ, что Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, Князь Вишебскій, осадилъ Можайскъ, съ намѣреніемъ завоевать его для Владѣтеля Смоленскаго, союзника Литвы⁵⁰¹. Великій Князь не успѣлъ сразиться съ непріятелемъ: Ольгердъ выжегъ предмѣстіе; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ, отступилъ, можетъ быть, и для того, что въ сіе время умеръ славный Гедиминъ, отказавъ каждому изъ семи сыновей особенный Удѣлъ. Ольгердъ, впорый^{Свойства} сынъ, превосходилъ братьевъ умомъ и Ольшеволюбіемъ; вель жизнь презвую, дѣлательную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меду; не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, и когда другіе шрапили время въ суешныхъ забавахъ, онъ совѣтовался съ Вельможами или съ самимъ собою о способахъ распространить власть свою.

Въ пошъ же годъ умеръ и знаменитый Ханъ Капчакскій Узбекъ, памятный въ нашей Исторіи разореніемъ Твери и бѣдствіями Михайлова рода, союзникъ и^{Сношенія} пріятель Папы Венедикта XII, который Папы надѣялся склонить его къ Христианству, съ Орди^{дою} и коему онъ позволялъ утверждать Вѣру Латинскую въ странахъ Черноморскихъ, особенно въ землѣ Ясовъ, обращенныхъ

Г.
1341.

Монахом Римскимъ Ионою Валенпомъ; жена Ханова и сынъ присылали дары Венедикту, и Генуэзцы, жили Кафы, ѣздили къ нему въ качествѣ Пословъ Тапарскихъ⁵⁰². Но Узбекъ не думалъ измѣнить Алкорану, шерпя Христіанъ единственно какъ Полишикъ благоразумный. Сынъ его, Чанибекъ, подобно отцу ревностный служитель Магометовой Вѣры, открылъ себѣ путь къ престолу убіеніемъ двухъ брагьевъ, и Князя Россійскіе вмѣстѣ съ Митрополипомъ долженствовали немедленно ѣхать въ Орду, чтобы смиренно пасть предъ окровавленнымъ ея преномъ. Съ честью и милостію опустивъ Симеона, Ханъ долго держалъ Митрополиша, пребуя, чтобы онъ, богатый доходами, серебромъ и золотомъ, ежегодно платилъ церковную дань Тапарамъ; но Θεогноспъ ссылался на льготныя грамоты Хановъ, и Чанибекъ удовольствовался наконецъ шестью спами рублей, даромъ единовременнымъ: ибо — что достойно замѣчанія — не дерзнулъ самовольно опмѣнить успава своихъ предковъ; а Θεогноспъ, за его швердость, былъ прославленъ нашимъ Духовенствомъ. Все осмалось, какъ было при Узбекъ; одинъ Князь Пронскій, Ярославъ, сынъ

Г.
1342.

убіеннаго Александра, милостію новаго Хана распроспранилъ свое владѣніе. Гнусный убійца, Иоаннъ Корошополь, лишился престола и жизни. Провождаемый Киндякомъ, Вельможею Чанибека, Ярославъ осадилъ Иоанна въ столицѣ: сей злодѣй^{Убіеніе} ночью бѣжалъ, однакожь не избавился^{Корошопола.} отъ казни; его умертвили чрезъ нѣсколь- ко мѣсяцевъ⁵⁰³. Къ сожалѣнію, Тапары, будучи орудіями справедливой мести, не могли дѣйствовать безкорыстно: они хотѣли добычи, и плѣнили многихъ жителей Переславля Рязанскаго. Ярославъ княжилъ съ того времени въ Роспиславлѣ (нынѣ селъ на берегу Оки) и чрезъ два года умеръ; а наслѣдники его — кажешся, добровольно — уступили послѣ сіе пріобрѣтеніе сыну Корошопола, Олегу.

Въ ошеушшвіе Симеона Псковитяне^{Дѣла} воевали съ Ливонскими Нѣмцами, кошо^{Псковскія и} рые убили въ Лепгалліи Пословъ ихъ. Ново^{Ново-} Во Псковѣ начальшвовалъ Князь Але^{городскія.}ксандръ Всеволодовичъ, коего родъ намъ неизвѣстенъ: опмшвивъ Нѣмцамъ разореніемъ селъ въ юго-восточной Ливоніи, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, и Псковитяне щцешно убѣждали его возврашиться, предшавляя ему свою опасность; щцешно молили и Новгородское Правительшво

дать имъ Намѣшника и войско³⁰⁴. Такъ говоритъ ихъ собственный Лѣтописецъ, прибавляя, что Нѣмцы заложили крѣпость Нейгаузенъ въ границахъ Россіи на берегу рѣки Пижвы; что Псковитяне, взявъ предмѣстіе Ругодыва или Нарвы (города основаннаго Датчанами въ 1223 году), и слыша о сильныхъ вооруженіяхъ Ордена, отправили въ Випебскъ Пословъ, которые сказали Ольгерду: »Братья наши, »Новгородцы, въ злобѣ своей не помогаютъ намъ. Государь! вступишь за утѣшенныхъ.« Но Лѣтописецъ Новгородскій обвиняетъ Псковитянъ въ вѣроломствѣ: они сами, по его извѣстію, выслали Князя Александра Всеволодовича, и встрѣшивъ Новгородцевъ, шедшихъ защищать ихъ отъ Рыцарей, совѣтовали имъ возвратиться, увѣряя, что опасность миновалась, и что Нѣмцы строятъ крѣпость на своей землѣ. Сіе было въ началѣ весны: 20 Іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковъ съ дружиною и съ брашомъ Кеступіемъ. Они думали идти въ Ливонію; но Рыцари, испребивъ ихъ передовый опрадь, вдругъ осадили Изборскъ, и схвативъ племянника Гелиминава, Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смершю сего Князя,

Ольгердъ и Кеступій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ, и жилили, не имѣя ни капли воды, должныствовали бы сдатьсь, если бы Нѣмцы не опустушили отъ города, испуганные, какъ вѣролно, слухомъ о Лишовской силѣ. Хотя Псковитяне не могли бытъ весьма довольны союзникомъ, однакожъ молили Ольгерда снова принять Вѣру Христіанскую, имъ отверженную, и княжить въ ихъ области, надѣясь, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. Въмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына, именемъ Андрея, и позволилъ ему креститься; но какъ сей юный Князь, оставивъ у нихъ Намѣшника, въ слѣдъ за опцемъ уѣхалъ въ Ливву, то граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признавали верховную власиь его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обшояпельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары истребили большую часть онаго: Конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣляли ни домъ Архіепископа, ни мостъ, ни богатыя церкви: Софійская, Борисо-Глѣбская и Сорока Мучениковъ³⁰⁵. Люди бѣжали изъ домовъ и жили вът города, па полѣ, даже въ лодкахъ,

непрестанно ожидая новыхъ пожаровъ, шакъ чпо Архієпископъ едва успокоилъ ихъ церковными ходами и молебнами. Другаго рода несчастіе сосноило въ дерзоспи и междоусобіи гражданъ. Въ началѣ Симеонова княженія шолпа ихъ удалцевъ опустошила Успюжну и волости Бѣлозерскія, которыя завистли ошъ Великаго Князя. Еще въ 1294 году одинъ изъ знашныхъ Боярѣ Новгородскихъ, построилъ крѣпость близъ границъ Эстонскихъ, хощѣлъ шамъ власшвовашъ независимо: оскорбленное Правительство велѣло срышъ оную и сжечь его село. Сей примѣръ должнаго наказанія не могъ обуздашъ своевольныхъ: сынъ умершаго Посадника Варѣоломея, именемъ Лука, набралъ шайку бродягъ, и разоривъ множесшво деревень въ Заволочѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасности городокъ Орлецъ на рѣкѣ Емцѣ. Его умершвили жшпели какъ разбойника; но чернь Новгородская, преданная ему, думала, чпо онъ убишъ слугами Посадника Феодора и шребовала мести. Граждане раздѣлились на два Вѣча: одно было у Св. Софіи за Луку, другое на Дворѣ Ярослава за Посадника. Архієпископъ и Намѣшникъ Княжескій едва опшрашили кровопролитіе.

Однакожъ Новгородцы были гошовы спюашъ всѣми силами за Псковшлянъ, которые, въ надеждѣ на ихъ дружбу, рѣшшлись смѣше воеватъ Ливонію, предводимые какимъ-шо Княземъ Іоанномъ и Евсшашемъ Изборскимъ³⁰⁶. Они пять дней не сходили съ коней, опустошая села во-кругъ Одене. Магиспрѣ Бурхардъ гнался за ними до границы, и съ жаромъ началъ бшшву, въ коей Россіане, упошленные и гораздо слабѣшше числомъ, купшли побѣду кровію нѣкоторыхъ лучшихъ Боярѣ своихъ, а Нѣмцы лишились славнѣйшаго изъ ихъ вишазей, Іоанна Левенвольда. Между шѣмъ въ Изборскѣ и Псковѣ народъ былъ въ ужасѣ: одинъ Священникъ, прибѣжавъ съ мѣсна бшшвы, объявилъ, чпо Нѣмцы умершвили всѣхъ Россіанъ; по опшправленные гонцы Псковскіе нашли рашъ свою уже подъ стѣнами Изборска, гдѣ Князя и воины опдыхали, среди плѣшниковъ и профеевъ. Орденъ заключилъ миръ съ городомъ Псковомъ, ибо имѣлъ опасныхъ непріятелей внушри собсшвенныхъ владѣній. Испорикъ Ливоніи гово-ришъ, чпо сія земля могла тогда спра-ведливо назваться »небомъ Дворянъ, раемъ »Духовенсшва, золошымъ рудникомъ ино-»спранцевъ и адомъ упѣсненныхъ земле-

«дѣльцевъ»³⁰⁷. Въ 1343 году открылось всеобщее возмущеніе въ Эстоніи: народъ умертвилъ множество Дашчанъ и Нѣмцевъ, осадилъ Ревель, взялъ крѣпость Эзельскую. Около двухъ лѣтъ продолжалась война кровопролитная: мечъ и голодъ испребили большую часть бѣдныхъ жилищей, и Король Датскій за 19,000 марокъ серебра уступилъ Нѣмецкому Ордену все права свои на Эстонию.

Въ Ливъ сдѣлалась перемѣна. Сынъ Гедиминовъ, Евнушій, княжилъ въ Вильнѣ, Нариманшъ въ Пинскѣ, Кесшутій въ Трокахъ. Послѣдній вступилъ въ швенный союзъ съ Ольгердомъ: будучи оба власнолюбивы, они условились соединить раздробленное опечество, и неожиданно взяли Вильну съ другими городами. Евнушій ушелъ въ Смоленскъ, Нариманшъ къ Хану Ташарскому³⁰⁸: Ольгердъ же, присвоивъ себѣ господство надъ прочими брацьями, сдѣлался Владыкою единоподержавнымъ. Успроивъ порядокъ внутри Государства, сей Князь обратилъ глаза на Россію: онъ слышалъ, что Новгородцы явно поношаютъ честь его; сверхъ того изгнанникъ Евнушій прибѣгнулъ къ Великому Князю Симеону, крестился въ Москвѣ, названный Христіанскимъ именемъ Іоанна, и

Г.
1345.

хвалился дружбою Россіянъ. Ольгердъ вступилъ въ обласнь Шелонскую: завоевалъ Опоку и берега Луги, взялъ 300 рублей дани съ Порхова, и велѣлъ сказать Новгородцамъ: «вашъ Посадникъ Евстафій»^{Г. 1346.} «осмѣлился всенародно назвать меня несомъ: «обидя споль наглая шребуеши мести; «иду на васъ.» Они вооружились, чтобы сразиться съ Липвою. Но Посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно липъ кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принесши его въ жертву опечеству, и шѣмъ удовольствовашъ раздраженнаго Ольгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними, и возвращаясь съ пупи, умертвили Евстафія на Вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести, противное всѣмъ законамъ, есть одно изъ посмѣднѣйшихъ въ Исторіи Новгородской, буде Лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ его гнусность. Ольгердъ былъ доволенъ униженіемъ гордѣйшаго изъ народовъ Россійскихъ, и согласился на миръ, чтобы воевать съ Нѣмецкимъ Орденомъ, коего Великій Магистръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ одержалъ надъ Липвою блестящую побѣду, горестную для

По-спыд-ное дѣло Ново-город-цевъ.

Г.
1347.

Випебска, Полоцка и Смоленска: ибо жили снхъ городовъ сражались подь знаменами Олгерда³⁰⁹.

Гораздо лучше и великодушнѣе поступили Новгородцы въ дѣлахъ съ Швеціею. Король Магнусъ, легкомысленный, надменный, вздумалъ загладишь грѣхи своего нескромнаго сластолюбія, услужишь Папѣ и прославишь подвигомъ благочестивымъ; собралъ въ Спокгольмѣ Государственный Советъ и предложилъ ему силою обратишь Россіянъ въ Лапинскую Вѣру, пребуя людей и денегъ. Сіе намѣреніе казалось Совету достохвальнымъ; но Швеція, истощенная корысполюбіемъ Духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнулъ прикоснуться къ церковнымъ сокровищамъ или *доходамъ Св. Петра*; презрѣлъ неудовольствіе Епископовъ, и нанялъ многихъ Нѣмецкихъ воиновъ. Въ сіе время славилась тамъ пророчествами и свяшностію вдовствующая супруга Вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именемъ Бригитта³¹⁰: она, какъ вдохновенная Пифія, заклинала Магнуса не брать съ собою развратныхъ иноземцевъ, но ити на Россію съ одними набожными Шведами и Готами, дошойными воевашъ для успѣховъ испи-

Война съ Магнусомъ.

ны: въ пропивномъ случаѣ грозила ему бѣдствіемъ. Король смѣялся надъ ея предсказаніемъ, и съ войскомъ многочисленнымъ приплывъ къ острову Березовому или Біорку, послалъ объявишь Новгородцамъ, чтобы они избрали Русскихъ *Философовъ* для прѣнія со Шведскими о Вѣрѣ, и приняли Лапинскую, если она будетъ найдена лучшею, или готовились воевашъ съ нимъ. Архіепископъ Василій, Посадникъ, всѣ чиновники и граждане, изумленные такимъ предложеніемъ, благоразумно отвѣтствовали: »Ежели Король хочешъ знать, какая Вѣра лучше, Греческая или Римская, то можешъ для »состязанія опсправишь людей ученыхъ »къ Папріарху Цареградскому: ибо мы »приняли Законъ оиъ Грековъ, и не намѣрены входить въ суенные споры. Когда же Новгородъ чѣмъ нибудь оскорбилъ »Шведовъ, то Магнусъ да объявишь свои »неудовольствія нашимъ Посламъ.« Бояринъ Козма Твердиславичъ поѣхалъ для свиданія съ Королемъ; но Магнусъ сказалъ ему, что онъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію, желаетъ только обратишь Россіянъ на путь душевнаго спасенія, добровольно или оружіемъ. Война началась. Шведы приспу-

Г.
1548.

нили къ Орѣхову, предлагая окреспнымъ жителямъ на выборъ смерть или Папу. Сіе безумное насиліе воспалило гнѣвъ и мужество въ Новгородцахъ. Воины спекались къ нимъ изъ областей въ Ладогу. Хотя Орѣховъ (гдѣ былъ еще Намѣстникъ сына Гедиминова, Париманна) сдался Магнусу; но потерявъ 500 человекъ въ битвѣ на берегахъ Ижеры, имѣя недоставокъ въ съѣстныхъ припасахъ, видя множество больныхъ въ своемъ войскѣ, и зная, что Россіяне идуть со всѣхъ сторонъ окруживъ его флотъ на рѣкѣ Невѣ, сей легкомысленный Король увѣрился въ испишь Бригиттина предсказаніа, оставилъ нѣсколько полковъ въ Невской крѣпости, и возвратился въ опечесиво съ однимъ спыдомъ и съ десятию пѣвниками, въ числѣ коней были Аврамъ Тысячскій и Козма Твердиславичъ, взятыя въ Орѣховѣ. Шведскіе Лѣтописцы говорятъ, что Магнусъ, овладѣвъ симъ городкомъ, и неволею крестивъ жителей по обрядамъ Римской Церкви, *великодушно* освободилъ ихъ; что они дали ему клянву склонить всѣхъ своихъ единоземцевъ къ принятію Латинской Вѣры, но *коварно* обманули его, и дѣйствовали послѣ какъ самыя злѣйшіе неприятели Шведовъ и Папы³¹¹.

Великій Князь по видимому мало заболелъ о Новгородцахъ, и только однажды (въ 1347 году) жилъ у нихъ при недѣли, призванный ими чрезъ Архіепископа. Слыша о нападеніи Шведовъ, онъ долго медлилъ; наконецъ выпушилъ съ войскомъ, но возвратился въ Москву за какимъ-шо Ханскимъ дѣломъ, и вмѣсто себя велѣлъ иппи въ Новгородъ брату своему Іоанну съ Конешаниномъ Ростовскимъ³¹²; а сіи Князья — свѣдавъ, что Орѣховъ завоеванъ Магнусомъ — немедленно ушли назадъ, *не принявъ*, какъ говоритъ Лѣтописецъ, *Архіепископскаго благословенія, ни челобитья Новгородскаго*. Вѣроятно, что не робость, но хитрость намѣренія политическихъ были шому причиною: Симеонъ хотѣлъ, кажешся, довести сей величавый народъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власши надъ онымъ. — «Князь оспавляетъ насъ,» говорили Новгородцы: «возложимъ упованіе на Бога и на Свяшную Софію.» Вспомогательная дружина Псковская была въ ихъ спанѣ подъ Ладогою: они хотѣли доказать свою благодарность за сіе усердіе, и торжественно объявили, что знаменитый городъ Псковъ долженъ впредъ называться *младшимъ*

Псков братья Новгорода. «Одна любовь и Вѣра
 брашъ
 Нова- »да утверждашь искренній, вѣчный союзъ
 горо- «между нами!» сказали Новгородцы Пско-
 да- вишянамъ: «не будемъ давать вамъ По-
 садниковъ; не будемъ требовать васъ
 на судъ къ Св. Софїи; правыше и рядыше
 сами; а для суда Церковнаго Архіепископъ
 избересть Намѣстника изъ вашихъ со-
 гражданъ³¹³.» Такимъ образомъ опчизна
 Св. Ольги прїобрѣла гражданскую неза-
 висимость — и, къ сожалѣнію, запятнала
 себя чернымъ дѣломъ неблагодарности.
 Когда Новгородцы въ Августѣ мѣсяцѣ
 приспустили къ Орѣхову, и видя упор-
 ство Шведовъ, рѣшились зимовать въ
 спанѣ: Псковичи, не захотѣвъ пер-
 пѣшь ненастья и холода, объявили, что
 идушь обратно въ землю свою, разорле-
 мую Нѣмцами. Ливонскіе Рыцари дѣй-
 ствительно, нарушивъ тогда миръ, вы-
 жгли села на границѣ въ области Избор-
 ской, Островской, и самое предмѣстїе
 Пскова: слѣдственно обстоятельство из-
 виняли Псковичи, и Новгородцы, со-
 гласные на ихъ опсущленіе, желали един-
 ственно, чтобы оно было ночью, и что-
 бы непрїятель не видалъ его; но чинов-
 ники Псковскіе, въ досаду великодушнымъ
 благодѣтелямъ, вывели рать свою изъ

спана въ самый полдень, запрубли въ
 трубы, ударили въ бубны и пѣть пора-
 довали Шведовъ, которые, споя на валу,
 громко смѣялись³¹⁴. Оставленные Вели-
 кимъ Княземъ и союзниками, Новгородцы
 не уныли, сдѣлали приметь къ спѣнамъ
 крѣпости, взяли оную 24 Февраля, убивъ
 или плѣнивъ 800 непрїятелей, и торже-
 ствовали сей успѣхъ какъ славное проис-
 шествіе для опечества и Вѣры. Они по-
 ложили употребить оппятое ими у Шве-
 довъ серебро на украшеніе церкви Бориса
 и Глѣба, опправили плѣнниковъ въ Мо-
 скву къ Симеону; и не смотря на худую
 вѣрность Псковичи, сдержали данное
 имъ слово, считая ихъ съ того времени
 уже не подданными, а совершенно воль-
 ными въ избранїи гражданскихъ Прави-
 телей³¹⁵. — Чтобы озабошить Магнуса
 съ другой спороны его владѣній, Ново-
 городцы изъ Двинской земли ходили вое-
 вать Норвегію; разбили также Шведовъ
 подъ Выборгомъ; наконецъ, заключивъ съ
 ними миръ въ Дерптѣ, размѣнялись плѣн-
 никами, съ условїемъ, чтобы область
 Яскиская, Эгранская и часть Саволакса
 принадлежали Россїи: Систербекъ оспал-
 ся границею. Договоръ былъ подписанъ
 Королемъ, Графомъ Генрикомъ Голшпейн-

Г.
1549
— 50.

скимъ, Вельможами Турсономъ, Геннигомъ, Священникомъ Вамундомъ и двумя Голландскими купцами; также Новгородскимъ Посадникомъ Юріемъ, Тысячскимъ Авраамомъ и другими Боярами³¹⁶. Хопя Король въ 1351 году замышлялъ новую войну противъ Россіянъ, и Папа въ угодность ему дозволилъ его выпязямъ ознаменоваться святымъ крестомъ; но внушрннне раздоры и несчастія Швеціи не допустили сего въпренаго Монарха въпорично безумствоваць для мнимаго душевнаго спасенія.

Между тѣмъ Великій Князь былъ занятъ иными дѣлами. Узнавъ, что Ольгердъ, тѣснимый Нѣмцами, прислалъ къ Хану брата своего, Коріяда, шребоваць помощи, Симеонъ внушилъ Чанибеку, что сей коварный лзычникъ есть врагъ Россіи подвластной Ташарамъ, слѣдственно и самихъ Ташаръ; а Ханъ, убѣжденный представленіями Московскихъ Бояръ, выдалъ имъ Коріяда съ другими Послами Липовскими³¹⁷. Споль незаконное дѣйствіе могло справедливо раздражиль Ольгерда; но, вмѣсто злобы, онъ изъявилъ Симеону желаніе быць его другомъ: ибо погдашнія обстоятельствва Липвы не позволяли ему искаць новыхъ испріаше-

Хит-
роспнъ
Оль-
гердо-
ва.

лей. Мы упоминали о мирномъ договорѣ Казимира Польскаго съ Липвою, опдавшаго Любаршу и Кеспупію всю западную Вольтнію съ городомъ Бреспомъ: перемѣнивъ мысли, Казимиръ въ 1349 году опнялъ у нихъ сіе владѣніе, изъ милоспни давъ Любаршу одинъ Луцкъ, а нѣкошорыхъ частныхъ Князей Россійскихъ, попомковъ Св. Владиміра, оставивъ господствоваць въ ихъ Удѣлахъ какъ своихъ присяжниковъ³¹⁸. Сіе происшествіе заставило Ольгерда и братьевъ его искаць дружбы Симеоновой, тѣмъ еспественнѣе, что Король Польскій, ободренный успѣхами, вздумалъ быць гонителемъ Церкви Греческой, тѣснилъ Духовенство въ Вольтніи, и православныя церкви обращалъ въ Латинскія. Граждане спенали: ушрапивъ государспвенную независимосць, они еще умѣли крѣпко стояць за Вѣру опцевъ, и гнушалъ насиліемъ Папистовъ, славили терпимосць Липовскаго Правленія; а гласъ народа единокровнаго громко опзывался въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Митрополишь ревностно ходатайствовалъ за Князей Липовскихъ — кошорые не мѣшали ему повельваць Духовенствомъ въ Вольтніи — особенно же за Любарша, усерднаго сына нашей Цер-

кви³¹⁹. И такъ Великій Князь, согласно съ общимъ желаніемъ, не только освободилъ Коріяда, взявъ за него окупъ, но вступилъ и въ пѣсную связь съ сыновьями Гедимина, утвержденную свойствомъ; Любаршъ женился на Росцовой Княжнѣ, племянницѣ Симеона; изычникъ Ольгердъ на его своячинѣ Тулявнѣ, дочери Александра Михайловича Тверскаго. Сіе второе бракосочетаніе затрудняло совѣсь Великаго Князя; но Митрополитъ Теоностъ благословилъ оное, въ надеждѣ, какъ въ-роятно, что Ольгердъ рано или поздно будетъ Христіаниномъ, и съ условіемъ, чтобы его дѣти воспитывались въ истинной Вѣрѣ. Изгнанникъ Евнушій, покровительствуемый Россією, могъ безопасно возвратиться въ отечество: братья дали ему уделъ въ Минской области.

Въ то время, когда Государь Польскій веселился и порожествовалъ свои успѣхи въ Краковѣ, Литовскіе Князья въ тишинѣ собирали войско, имѣли тайныя сношенія съ жителями Волыніи, и желая еще болѣе усыпить Казимира, обѣщали ему принять Римскую Вѣру, такъ, что Папа, Климентъ VI, уже готовился послать имъ знаки Королевскаго сана³²⁰. Но хитрость обнаружилась: увѣренныя въ

дружбѣ Московскаго Князя и пользуясь его содѣйствіемъ для умноженія своихъ ревностныхъ доброжелателей къ юго-западной Россіи, Ольгердъ, Кеспушій и Любаршъ ударили на Поляковъ и выгнали ихъ изъ Волыніи. — Съ сего времени *Раздѣль Запад-ной Рос- сии* *тыре* народа спорили о древнемъ достояніи нашего отечества: о Галиціи, Подоліи и землѣ Волынской. *Моголы*, по сказанію Флорентійскаго современнаго Испорика³²¹, изгнанные изъ своихъ жилищъ голодомъ, около 1351 года ворвались въ землю Брацлавскую, гдѣ властвовалъ одинъ изъ Россійскихъ Князей. Людовикъ, Король Венгерскій, его покровитель, старался выпѣснить ихъ отсюда: въ 1354 году, вмѣстѣ съ Казимиромъ Великимъ, перешелъ за Бугъ и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Ташарскаго. Однакожь Моголы еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра³²². *Венгеря* хотѣла присвоить себѣ Галицію, и наконецъ достигла успѣха; а Князья *Литовскіе* удерживали въ своемъ подданствѣ большую часть другихъ западныхъ областей Россійскихъ, до самаго XVI вѣка, когда Литва и Польша сославились одно Государство.

Не смотря на союзъ Гедиминовыхъ

Ссора сыновей съ Великимъ Княземъ, Пскови-
Пско-
ви-
плянъ сдѣлались непріятелями Липвы:
плянъ Намѣстникомъ Андрея Ольгердовича былъ
съ Лип-
швою. у нихъ Вельможа Княжескаго рода, име-
немъ Юрій Виповшовичъ, въ 1349 году
убитый Нѣмцами, въ нечаянномъ набѣгѣ,
подъ стѣнами Изборска⁵²³: мужъ храбрый
и благочестивый Христіанинъ, оплакан-
ный народомъ и погребенный въ Собор-
ной церкви. Его кончина прервала связь
гражданъ Псковскихъ съ Липвою. Взявъ
крѣпосишь, заложенную Нѣмцами на бере-
гу Наровы, и гордясь сею удачею, они
велѣли сказать Князю Андрею: »мы не
»хотѣли самъ управлять нами: мы же
»не хотимъ теперь ни своихъ Намѣст-
»никовъ, ни себя.« Въ слѣдствіе чего
Ольгердъ задержалъ купцевъ Псковскихъ,
опиравъ у нихъ товары; а сынъ его, Ан-
дрей, княжившій тогда въ Полоцкѣ, опу-
стошилъ нѣсколько селъ на рѣкѣ Великой.

Но хитрый Ольгердъ пользовался друж-
бою Симеона. Свѣдавъ, что Великій Князь,
недовольный Смоленскимъ Владѣтелемъ,
союзникомъ Липвы, намѣренъ объявить
ему войну, Ольгердъ желалъ бытъ ихъ
миропворцемъ⁵²⁴. Послы Липовскіе направи
рець. Симеона, провождаемаго братьями и дру-
гими Князьями, въ Вышегородъ на берегу

Оль-
гердъ
миро-
шво-
рець.
Г.
1352.

Провы, и вручили ему богатые дары
вмѣстѣ съ дружескимъ письмомъ ошъ
своего Государя. Великій Князь уважилъ
его ходашайство, но шель далѣе къ рѣкѣ
Угрѣ: тамъ, встрѣтивъ Пословъ Смолен-
скихъ, онъ заключилъ миръ и возврапился
въ Москву, бытъ свидѣтелемъ и, какъ въ-
роянно, жершвою ужаснаго гнѣва Небес-
наго.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ спра-Чер-
нахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Ар-
меніи, въ землѣ Абазинской, Ясской и на лнал
Черкесской, въ Ориѣ при устьѣ Дона, въ смертьсмерть
Бездежѣ, въ Астрахани и въ Сарав⁵²⁵.
Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣст-
ная въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Черной*
смерти, началась въ Кипаѣ, испребила
тамъ около шринадцати милліоновъ лю-
дей, и достигла Греціи, Сиріи, Египта.
Генуэзскіе корабли привезли оную въ
Италію, гдѣ, равно какъ и во Франціи,
въ Англіи, въ Германіи, цѣлые города
опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ клад-
бищѣ было схоронено 50,000 человекъ.
Въ Парижѣ опчаянный народъ шребовалъ
казни всѣхъ Жидовъ, думая, что они
сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году
началась зараза и въ Скандинавіи; опшу-
да, или изъ Нѣмецкой земли, перешла она

во Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1552 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что по едва оспалась претъ жипелей. Болѣзнь обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинахъ пѣла; человекъ харкалъ кровію, и на другой или на третій день издыхалъ. Не лѣзя, говорятъ Лѣтописцы, вообразилъ зрѣлища столь ужаснаго: юноши и спарцы, суируги, дѣти, лежали въ гробахъ другъ подлѣ друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый Іерей по утру находилъ въ своей церкви 30 усоншихъ и болѣе; оппѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корысполубивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наследствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ зараженныхъ шипя жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ опца, братъ брата. Напрощивъ того нѣкопорые изъясляли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мершвецовъ носили въ церковь; служили Панихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ.

Другіе спѣшили оставить міръ и заключались въ монастыряхъ, или опказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; пинали, одѣвали нищихъ, и благодареніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всемъ умереть должно. — Въ сихъ обстоятельствахъ несчастныя Псковитяне звали къ себѣ Архіепископа Василія, благословили ихъ и вмѣстѣ съ ними принесли жертву моленія Всевышнему: какъ достойный Паспырь Церкви, онъ спѣшилъ ихъ утѣшить, презирая опасность²⁶. Встрѣченный пародомъ со изъясненіями живѣйшей благодарности, Василій облачился въ ризы Свяшинельскія; взялъ крестъ, и провождаемый Духовенствомъ, всеми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли Божественныя пѣни; Иноки несли мощи; народъ молился громогласно, и не было такога каменнаго сердца, по словамъ лѣтописи, копорое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидающимъ Окомъ. Еще смерть не насытилась жертвами; но Архіепископъ успокоилъ души, и Псковитяне, вкусивъ сладость Хрисціанскаго умиленія, перпѣливше ожидали конца своему бѣдспвію: оно прекрапилось въ началѣ зимы.

Василій, безъ сомнѣнія зараженныя язвою, на возвращеніи пуши скончался, къ великому сожалѣнію Новгородцевъ и примиренныхъ съ нимъ Псковичанъ. Сей Архіепископъ былъ опмѣнно любимъ первыми: бралъ всегда ревностное участіе въ дѣлахъ правленія; строилъ не только храмы, но и мосты, нужные для удобнаго сообщенія людей, и собственными руками заложилъ новую городскую стѣну на другой сторонѣ Волхова; украсилъ Софійскую церковь мѣдными, вызолоченными вратами и живописью Греческою; славился также разумомъ: былъ учителемъ крестнаго сына своего, Михаила Александровича Тверскаго³²⁷, и въ образецъ тогдашнихъ богословскихъ понятій оставилъ намъ письмо къ Епископу Тверскому Теодору, доказывая въ ономъ, что рай и адъ дѣйствительно существуютъ на землѣ, вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признають ихъ *мысленными* или духовными. Уважая гражданскія и пастырскія достоинства Василія, великодушно умершаго для облегченія спраждущихъ Псковичанъ, осудимъ ли сего знаменитаго мужа за то, что онъ искалъ рая на Бѣломъ морѣ, и вѣрилъ, что нѣкоторые путешественники Ново-

Зем-
ный
рай.

городскіе видѣли оный издали? — Василій первый изъ Архіепископовъ получилъ ошь Митрополиша *крейцатя ризы* въ знакъ опличія и *бѣлый клобукъ*, какъ пишуть, Бѣ- ошь Папріарха Цареградскаго, донныѣ хранимый въ Новгородской Софійской ризницѣ и прежде носимый въ Греціи пѣми Свяшителями, которые бывали поспавляемы изъ Бѣлаго Духовенства³²⁸.

Скоро язва посѣпила и Новгородъ, гдѣ ошь 15 Августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и въ другихъ обласняхъ Россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздаль. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не оспалось ни одного живнеля. Такимъ образомъ ошь Пекина до береговъ Евфрапа и Ладоги пѣдра земныя наполнились милліонами пруповъ, и Государства опуспѣли. Иностранные Испорики сего бѣдствія сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гдѣ было болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) вездѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣчскій необыкновенно размножался³²⁹: споль чудесна Природа, всегда готовая замѣняти убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что *всѣ Россія* испывала тогда гнѣвъ Небес-

ный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенноти. Сіе пѣмъ върояннѣ, что въ коропкое время скончались памъ Мипрополишь Теогность, Великій Князь, два сына его и брапъ Андрей Іоанновичъ³³⁰. Симеонъ имѣлъ не болѣе придцати-шести лѣтъ опъ роженія. Сей Государь, хипрый, благоразумный, пять разъ ѣздилъ въ Орду, чптобы соблюсти пишину въ Государствѣ; пользуясь опмѣнною благосклонностию Хана, исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго Княженія свободу не платить дани Моголамъ, и первый, кажепся, именовалъ себя Великимъ Княземъ *всехъ Руси*, какъ по вырѣзано на его печати³³¹. Видя внезапную смерть предъ собою, онъ поспригся (названный именемъ Созонта) и духовнымъ завѣщаніемъ распорядилъ свое достояніе. По кончинѣ первой супруги въ 1345 году, Симеонъ сочетался бракомъ съ Евпраксіею, дочерію одного изъ Смоленскихъ Князей, Теодора Святославича, управлявшаго Волокомъ въ санѣ Намѣстника; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опослалъ ее къ оппу, будшо бы для шого, что она на свадьбѣ «была испорчена и всякую ночь казалась супругу мершвецомъ»³³². Къ общему не-

Г.
1555.
Коп-
чина
Симе-
опова.

Вели-
кій
Князь
всехъ
Руси.

При-
идѣ-
ніе.

удовольствию и соблазну правотѣрныхъ, Евпраксія вышла за Князя Теодора Краснаго; а Симеонъ женился въ прешій разъ на Княжиѣ Тверской, Маріи Александровнѣ, прижилъ съ нею чешы-рехъ сыновей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ знакъ любви опказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости, Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ, и *пятьдесятъ верховыхъ* коней³³³. «Кпо изъ Бояръ» — пишеть Великій Князь — «захочеть служить моей Княгинѣ, шопъ, «владѣя нашими селами, обязанъ давать ей половину дохода. Всѣмъ людямъ ку-Завѣ- щаніе.
«пленнымъ или за вину взятымъ мною
«въ рабство: сельскимъ Тіунамъ (прика- щикамъ), спаростамъ, ключникамъ, или
«женатымъ на ихъ дочеряхъ³³⁴, объявляю
«вѣчную свободу.—Вамъ, любезные брапья» (ибо Андрей жилъ еще около шести не- дѣль) «поручаю супругу и Бояръ моихъ, «и приказываю шю же, что намъ отецъ «приказывалъ: живите согласно, не пере- мѣняйте уставленнаго мною въ дѣлахъ «государственныхъ или судныхъ; не вни- «майте клеветникамъ и ссорщикамъ; слу- «шайтесь добрыхъ, спарыхъ Бояръ и на-
«шего Владыки *Алексія*.» Сей знаменитый Св. Алек- сій.
Священитель былъ крестникъ Іоанна Да-

ниловича, сынъ Черниговскаго Боярина, Феодора Бяконца, служившаго еще опцу его, и назывался мірскимъ именемъ Елевѣеріа³³⁵: въ самой цвѣтущей юности возненавидѣвъ свѣтъ, къ огорченію родителей онъ поспригя въ Московскоѣ Обишели Св. Богоявленія, за добродѣтель свою получилъ санъ Митрополитова Намѣстника, и жилъ въ одномъ домѣ съ Феогностомъ, 12 лѣтъ управляя всѣми дѣлами церковными, между тѣмъ, какъ Митрополитъ ѣздилъ въ Царьградъ, въ Орду и въ опдаленныя Епархіи Россійскія. Сіи путешествія иногда не дѣлали чести Феогносту: Епископы обязывались щедро дарить его, сверхъ угощенія, весьма для нихъ шатоспаго. Но Алексій не думалъ о мздѣ и съ неупомимою дѣятельностію занимался только общимъ церковнымъ благоустройствомъ. Поставленный Епископомъ Владиміру, онъ гласомъ народа и Двора Княжескаго былъ назначенъ заступитъ мѣсто Феогноста, которій, гоповясь къ смерти, писалъ о томъ къ Патріарху, а Симеонъ къ Императору, Іоанну Каншакузину. Митрополитъ отправилъ Послами въ Царьградъ Артемія Коробина и Михаила Грека, Симеонъ Деметрія Давидовича и Юрія Воробина:

они возвратились уже по кончии Великаго Князя, съ благопріятнымъ ошвѣтомъ, чптобы Алексій ѣхалъ въ столицу Имперіи для поставленія. Еще при жизни Феогноста Терновскій Патріархъ самовольно объявилъ Митрополитомъ Россіи какого-шо Инока Феодорика, и прислалъ его въ Кіевъ съ грамотою; но тамошнее Духовенство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ симъ новымъ Патріархомъ, и еди-вдушно опвергнуло Феодорика, какъ самозванца³³⁶.

Хотя Симеонъ умѣлъ бытъ дѣйствительно Главою Князей Удѣльныхъ, одна-Соры кожъ власнь его не могла опврашнть^{Удѣль-ныхъ} нѣкоторыхъ раздоровъ между ими. Кон-Кля-спавшнхъ Тверскій сорился съ невѣсп-^{кой} Анаспасією, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыномъ ея, Всеволодомъ Холмскимъ, насильствен-но захватывая ихъ Бояръ и доходы. Огорченный Всеволодъ повхалъ съ жалобами къ Великому Князю и въ Орду, въ слѣдъ за дядею, которій тамъ и скончался. Ханъ — согласно, можетъ бытъ, съ волею Симеона — опдалъ Всеволоду Тверское Княженіе, а Василій Михайловичъ Кашиинскій, братъ Констаншиновъ, взявъ дань съ Холма, спѣшилъ къ Моголамъ съ

богатыми дарами. Дядя и племянникъ вспрѣлись въ городѣ Бездежѣ какъ неприятели: вшорый ограбилъ перваго, и зная, что никшо съ пустыми руками не бываетъ правъ въ Ордѣ, покойно сѣлъ на престолѣ Тверскаго Княженія; но шамощный Епископъ Θεодоръ убѣдилъ его примириться съ дядею, уступивъ ему Тверь и довольствоваться Холмомъ. Тишина возстановилась: Симеонъ равно покровительствовалъ шого и другаго Князя, будучи зятемъ Всеволода и шестемъ Михаила, сына Василиева; однакожь Василий не могъ забыть своей обиды, изъявлялъ ненависть къ племяннику и шѣснилъ его владѣніе³⁵⁷.

Обновленіе Муroma. Въ государстваніе Симеона Князь Юрій Ярославичъ Муромскій обновилъ древній Муромъ, издавна запустѣвшій, какъ сказываютъ Лѣтописцы: шо естъ, онъ перенесъ сей городъ на его древнее мѣсто (въ 1351 году), построивъ тамъ дворецъ и многія церкви; Бояре, купцы начали селиться вокругъ дворца и народъ слѣдовалъ ихъ примѣру. Сей Юрій, по Святомъ Глѣбѣ, естъ достопамятнѣйшій изъ Муромскихъ Князей, о коихъ наша Исторія говоритъ мало: ибо они жили шихо опъ недоспашка въ силахъ, и со

временъ Андрея Боголюбскаго зависѣли болѣе опъ Великихъ Князей Владимірскихъ, нежели опъ Рязанскихъ, хотя ихъ Удѣлъ издревле былъ областію Рязани.

Къ церковнымъ достопамяностямъ Начала Троицкой Лавры, столь знаменитой и по важнымъ государственнымъ дѣланіямъ, коихъ она была еванромъ. Одинъ изъ Болръ Ростовскихъ, Кириллъ, съ неудовольствіемъ вида уничтоженіе своего Князя и самовольство Московскихъ чиновниковъ въ его землѣ при Калипѣ, не хотѣлъ бытъ свидѣтелемъ онаго и переѣхалъ въ городокъ Радонежъ, Удѣлъ меньшаго брата Симеона, Андрея. Тамъ охотно селились люди неизбыточные: ибо Намѣстникъ Княжескій давалъ имъ льгошу и выгоды: Кириллъ же, пѣкогда богатый, опъ разныхъ несчастій оскудѣлъ. Двое изъ юныхъ сыновей его, Стефанъ и Варооломей (названный въ Монашесствѣ Сергіемъ) искали убѣжища опъ мірскихъ печалей въ шрудахъ свяшости: первый сѣлался Игуменомъ Богоявленской Обители въ Москвѣ, а вшорый, живъ долго пустышникомъ въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, близъ деревянной церкви Св. Троицы, имъ созданной, осно.

валъ нынѣшнюю Лавру: ибо слава о добродѣтели его привлекла къ нему многихъ Инокѡвъ³⁵³. Спрогналъ набожность и Христіанское смиреніе возвеличили Св. Сергія между современниками: Митрополитъ, Князья, Бояре изъявляли къ нему опшвнное уваженіе, и мы увидимъ сего благочестиваго мужа исполнителемъ трудныхъ государственныхъ порученій.

Художества въ Россіи. Чѣмъ рѣже находимъ въ лѣтописяхъ извѣстія о состояніи художества въ древней Россіи, тѣмъ оныя любопытнѣе для Исшорика. Въ княженіе Симеоново были расписаны въ Москвѣ три церкви: Соборъ Успенскій, Архангельскій и храмъ Преображенія; первый Греческими живописцами Θεогноста Митрополита, впорый *Россійскими придворными, Захаріею, Іосифомъ и Николаемъ съ поваричами*, а шрепій иностранцемъ *Гойтаномъ*³⁵⁹. Въ сіе же время опличался въ липейномъ искусствѣ Россіанинъ Борисъ: онъ дилъ колокола въ Москвѣ и Новгородѣ для церквей Соборныхъ. Греція все еще имѣла тѣсную связь съ Россіею, присылая намъ не только Митрополитовъ, но и художниковъ, которые учили Русскихъ. Образованная Германія могла также способствовать успѣху гражданскихъ ис-

кусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симеонѣ начали употреблять въ Россіи *булагу*, на коей писавъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе³⁴⁰. Впрочемъ, что она шла къ намъ изъ Нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

Г Л А В А XI.

Великій Князь Іоаннъ II Іоанновичъ.

Г. 1353 — 1359.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олега. Властнлюбіе Ольгерда Междуособія. Дѣяствія духовной власти въ Новгородѣ. Убийство въ Москвѣ Двѣя церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Всѣ Князья Россійскіе поѣхали въ Орду, узнавъ, что будетъ ихъ Главою; а Новгородцы особенно послали туда Болрина своего Судокова, просить Хана, что бы онъ удостоилъ сей чести Константина Суздальскаго, благоразумнаго и швердаго. Вопреки имъ, Чанибекъ избралъ

Г. 1353 — 55.
Характеръ Великаго Князя.

Иоанна Иоанновича Московскаго, пихаго, миролюбиваго и слабаго.

Еще новый Государь не возвратился изъ Орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ Княженіемъ своего опца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно независимымъ; хотѣлъ также опмстить за убіеніе въ Москвѣ предка его, Константина, и снова присоединить къ Рязани берега Лопасни, гдѣ уже давно и безспорно господствовали Калипины наследники. Сей предлогъ войны могъ казаться опчаспи справедливымъ; но юноша Олегъ, преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, дѣйствовалъ какъ будущій dospойный союзникъ Мамаевъ: жегъ, грабилъ, и плѣнивъ Лопасинскаго Намѣстника Иоаннова, не успѣдился мучить его плѣсно³⁴¹; наконецъ далъ ему свободу, взявъ окупъ, и заслуживъ ненависть Москвитянъ, хвалился любовію Рязанцевъ, которые, примѣшивъ въ немъ смѣлость и рѣшительность, въ самомъ дѣлѣ ожидали опъ него геройскихъ подвиговъ.

Кроткій Иоаннъ уклонился опъ войны съ Олегомъ, довольный освобожденіемъ своего Намѣстника, и щерпливо сносилъ

Же-
сто-
костъ
Оле-
гова.

ослушаніе Новгородцевъ, не хотѣвшихъ быть ему подчиненными, до самаго шого времени, какъ Суздальскій Князь, Константинъ Васильевичъ, ими любимый, скончался³⁴²; шогда, уже не видя dospойнаго соперника для Великаго Князя, они приняли Намѣстниковъ Иоанновыхъ; а Чанибекъ ушвердилъ Нижній, Городецъ и Суздаль за сыномъ Константиновымъ, Андреемъ: ибо самое ближайшее право наследственное для Владѣтелей Россійскихъ не имѣло силы безъ Ханскаго согласія. Такъ Иоаннъ Теодоровичъ Стародубскій по кончинѣ старшаго брата, Димитрія, ждалъ цѣлый годъ грамоты Чанибековой, безъ коей опъ не могъ назваться Княземъ сего Удѣла.

Время Государей пихихъ рѣдко бываетъ спокойно: ибо мягкосердчіе ихъ имѣетъ видъ слабости, благопріятной для внѣшнихъ враговъ и мятежниковъ внушренныхъ. Ольгердъ, выдавъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго, брата Андреева, и женивъ племянника, Димитрія Коріядовича, на дочери Великаго Князя, старался, не смотря на то, болѣе и болѣе смѣнять Россію. Смоленскъ и Брянскъ уже давно зависѣли пѣкошорымъ образомъ опъ Липовскаго Кня-

Г.
1554
— 59.
Вла-
сто-
любіе
Оль-
гердо-
во.

женія, какъ союзникъ слабый обыкновенно зависитъ отъ сильнаго: еще не довольный симъ правомъ, Ольгердъ хотѣлъ совершенно овладѣть ими, и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Иоанна Васильевича, коего отецъ получилъ тогда отъ Хана грамоту на Удѣль Брянскій³⁴³. Василій скоро умеръ, и сей несчастный городъ, бывъ долгое время жершвою мяшежнаго безначалія, наконецъ (въ 1356 году) поддался Литвѣ. Чтобы открыть себѣ путь къ Тверскому и Московскому Княженію, Ольгердъ занялъ-было своимъ войскомъ и городокъ Ржевъ; но Тверичяне и жители Можайска, встревоженные споль опаснымъ намѣреніемъ, спѣшили вооружиться и выгнали очинуда Литовцевъ. Съ другой споробы Андрей Ольгердовичъ, Князь Полоцкій, все еще злобствовалъ на Псковичянь, называя ихъ вѣроломными измѣнниками: они также мстили ему за разбой разбоями въ его обласпи, предводимые мужеспвеннымъ Евстафіемъ Изборскимъ.

Между-собой. Внутри Россіи Муромъ, Тверь и Новгородъ спирадали отъ междоусобія. Мы упоминали о Князь Юріи Ярославичъ Муромскомъ³⁴⁴: родственникъ его Феодоръ Глѣбовичъ, собравъ многочисленную полпу людей (въ 1355 году), изгналъ Юріа,

обольспилъ Бояръ и вмѣстѣ съ значнѣйшими изъ нихъ поѣхалъ искашь милоспи Ханской. Князь Юріи чрезъ недѣлю возвратился въ Муромъ, взялъ оспальныхъ Бояръ и шакже опсправился къ Чанибеку. Въ Ордѣ былъ торжеспвенный судъ между ими. Феодоръ превозмогъ: Ханъ опдалъ ему не только Княженіе, но и самого Юріа, скоро умершаго въ несчастіи. Симъ первымъ и послѣднимъ раздоромъ Князей Муромскихъ заключилась ихъ крапкая Испорія; родъ оныхъ исчезъ, и сподлица, какъ увидимъ, присоединилась къ Великому Княженію.

Вражда между Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ и племянникомъ его, Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, не могла бытъ прекращена ни Великимъ Княземъ, ни Митрополитомъ Алексіемъ, желавшимъ усовершенить ихъ въ Владиміръ, гдѣ они для того съзжались (въ 1357 году). Василій, особенно покровительспвумый Иоанномъ, угнепалъ Всеволода, къ огорченію добраго Тверскаго Епископа Феодора, хотѣвшаго даже опспавить свою Епархію, чтобы не бытъ свидѣтелемъ сей несправедливоспи³⁴⁵. Ддя пребовалъ суда въ Ордѣ, узнавъ, что племянникъ, опспановленный на пупи Великокняжески-

ми Намѣстниками, проѣхалъ шуда черезъ Липву — и Ханъ (въ 1358 году) безъ всякаго изслѣдованія выдалъ бѣднаго Всеволода Посламъ Василю, который уже обходился съ нимъ какъ съ невольникомъ, опшнмалъ имѣнїе у Бояръ Холмскихъ и налагалъ тяжкія данн на чернъ.

Въ Новгородѣ былъ великій мяпежъ по случаю смѣны Посадника. Мы видѣли, что и Симеонъ мало входилъ въ дѣла тамошняго внушренняго правленія: Іоаннъ еще менѣе, и народъ шѣмъ болѣе самовольствовалъ, не уважая Намѣстниковъ Кнѣзескихъ. Граждане Конца Славянскаго, изъ всѣхъ пяти знаменитѣйшаго, вопреки общей волѣ опшставили Посадника Андреяна; пришли въ досѣхахъ на Дворъ Ярославовъ, разогнали другихъ гражданъ невооруженныхъ, даже умершвили нѣкоторыхъ Бояръ, и выбрали Сильвестра на мѣсто Андреяново. Софійская Спорона хотѣла опшспитъ Славянской: объгопювились къ войнѣ. Въ такихъ случаяхъ одна духовная власть еще не шеряла правъ своихъ и могла смягчать сердца ожеспоченныхъ злобою. Владыко Моисей, Схимникъ, прозьбото народа изведенный изъ двадцатилѣшняго уединенія, чтобы вшорично править Церковію, и за болѣз-

Дви-
сшіе
духов-
ной
власти
въ По-
вго-
родѣ.

нїю принужденный возвратиться въ оное; новый Архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ Ключниковъ Софійскихъ; Архимандритъ Юрьевскій, Игумены явились среди шумнаго сшана воиискаго: ибо шаковымъ казался весь городъ. Старецъ Моисей, опасностію опечесшва какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣшми духовными, и молилъ ихъ не проливашъ крови братьевъ. Мяпежъ ушихъ; самые неисповые съ умиленіемъ внимали гласу свяшаго опшшельника, спюявшаго на прагъ смерти, и не дерзнули бытъ опслушными. Но справедливость шребовала наказашъ виновниковъ дѣйствія насильшвеннаго и беззаконнаго: села чесполобиваго Сильвестра и другихъ Вельможъ Славянскаго Конца были *взаты на щитѣ*, то есть, разорены по опредѣленію Вѣча. Пострадали и невинные: ибо опспорожная размошришельность несвойшвенна мятежному суду народному. На мѣсто Сильвестра избрали новаго Посадника, и городъ успокоился⁵⁴⁶.

Въ самой тихой Москвѣ, не знакомой съ бурями гражданскаго своевольшва, опшкрылось дерзкое злодѣянїе, и дремлю-^{ш-}щее Правительштво опшоставило виновниковъ^{убій-}

въ Мо-
сквѣ. подѣ завѣсою шайны. Тысячскій сполит-
цы, именемъ Алексій Пешровичъ, важнѣй-
щій изъ чиновниковъ и подобно Князю
окруженный благородною, многочислен-
ною дружиною, былъ въ часъ Заушрени
найденъ мертвый среди городской пло-
щади со всеми признаками убиеннаго —
къмъ? неизвѣстно⁵¹⁷. Говорили явно, что
онъ имѣлъ участь Андрея Боголюбскаго,
и что ближніе Болре, подобно Кучкови-
чамъ, умертвили его въ слѣдствіе заго-
вора. Народъ въспревозжился: угадывали
злodeвъ; именовали ихъ и требовали су-
да. Въ самое то время пѣкошорые изъ
Московскихъ Вельможъ — опасаясь, какъ
въроаяно, порожсвеннаго обвиненія —
уѣхали съ семействами въ Рязань къ Оле-
гу, врагу ихъ Государя, и слабый Іоаннъ,
давъ время умолкнуть общему негодованію,
снова перезвалъ оныхъ къ себѣ въ службу.

Два
цер-
ков-
ныя.

Даже и Церковь Россійская въ Іоанно-
во время предсавляла зрѣлище неустрой-
сства и соблазна для Христіанъ вѣрныхъ.
Въ годъ Симеоновой кончины Архіепи-
скопъ Новгородскій, Моисей, отправилъ
Посольство къ Греческому Царю и къ
Патріарху жаловаться на незаконное са-
мовластіе Митрополища: въроаяно, что
дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими

наши Митрополищы отягчали Духовен-
ство, называя оныя учивымъ именемъ
даровъ⁵⁴⁸. Послы, принятыя весьма бла-
госклонно, возвратились съ дружесвен-
ными грамотами отъ Императора, Іоан-
на Каншакузина, и Патріарха Филовея,
украшенными *златою пегатию*, какъ ска-
зано въ лѣтописи. Содержаніе грамотъ
намъ неизвѣстно; но кажется, что Фи-
ловей, какъ хитрый Грекъ, опредѣлялся
только ласковыми словами: ибо не хо-
пѣлъ сорипшся съ Россійскими Митро-
полищами, копорые никогда не ѣздили
въ Царьградъ безъ даровъ богатыхъ. Въ
знакъ особеннаго уваженія къ Священному
Моисею онъ прислалъ ему *крещатыя ри-
зы* или *Полиставріонъ*.

Сія жалоба Новгородскаго Духовен-
ства на Главу Церкви — вынужденная
сребролюбіемъ предмѣшника Алексіева,
Еоногнопа — оскорбила достоинство Ми-
трополищовъ. Другое происшествіе сдѣ-
лало еще болѣе соблазна. Патріархъ Фи-
ловей, вмѣсто одного законнаго Митро-
полища для Россіи, поставилъ въ Кон-
стантинополѣ двухъ: Св. Алексія, избран-
наго Великимъ Княземъ, и какого-то Ро-
мана (въроаяно, Грека). Сія новость изу-
мила наше Духовенство; оно не знало,

кому повиноваться, ибо Митрополиты были не согласны между собою³⁴⁹: Романъ же, обязанный Свяшительствомъ дѣйствию корысти, всего болѣе думалъ о своихъ доходахъ, и пребожалъ серебра опъ Епископовъ. Св. Алексій — *не искавъ чести, по словамъ лѣтописи, но отъ чести взысканный* — впрочемъ отправился въ Константинополь съ жалобами на безпорядокъ дѣлъ церковныхъ, и Филоею, желая примирить совѣтниковъ, объявилъ его Митрополитомъ Кіевскимъ и Владимірскимъ, а Романа Липовскимъ и Вольнскимъ. Не смотря на то, сей послѣдній безъ дозволенія Алексіева жилъ нѣсколько времени въ Твери, и вмѣшивался въ дѣла Епархіи, призванный, какъ жется, Всеволодомъ Холмскимъ, который самъ ѣздилъ тогда въ Литву. Романъ заслужилъ его благодарность, убѣдивъ (въ 1360 году) Князя Василя Михайловича опдать племянникамъ третью часть Тверскаго Княженія; былъ осыпанъ почестями и дарами при Дворѣ, но не могъ склонить на свою сторону Епископа Теодора, не хотѣвшаго имѣть съ нимъ никакаго сношенія.

Алексій же, болѣе и болѣе славясь добродѣтелями, имѣлъ случай оказати важ-

До-
бро-
дѣше.

ную услугу опечесиву. Жена Чанибекова, ли Св. Алек-
сіа. Тайдула, спрадая въ пляжкой болѣзни, требовала его помощи. Ханъ писалъ къ Великому Князю: «мы слышали, что Не-»
«бо ни въ чемъ не отказываетъ молившъ»
«главнаго *Пона* вашего: да испросишь же»
«онъ здравіе моей супругъ³⁵⁰!» Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога, и не обманулъ: Тайдула выздоровѣла, и старалась всячески изъявить свою благодарность. Въ сіе время Ханскій Посоль Котакъ обременялъ Россійскихъ Князей незаконными налогами: милость Царицы прекрапила зло; но добрый Чанибекъ — какъ называютъ его наши Лѣтописцы — жилъ не долго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимого супругою славнаго Калифа, Гарунъ-Алрашида, Зебеидою) и навьючивъ 400 вельблюдовъ взятыми въ добычу драгоценностями, сей Ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣйски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ Вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ споль ужаснаго происшествія, едва успѣлъ возвратиться въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ Вельможу Ишкара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ Кня-

зьямъ Россійскимъ. Они пренебрегли, слыша о жестокомъ нравѣ его: Св. Алексій взялъ на себя укропити сего шугра; снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, пеходатайствоваль милосердіе для Государства и Церкви. Великій Князь, его семейство, Бояре, народъ, вспрѣшши добродѣтельнаго Митрополища какъ успѣшителя Небеснаго, и — что было всего прогательнѣе — осмысленнѣй сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ расцвѣтала надежда опечесива, умиленный знаками всеобщей любви къ Алексію, проливалъ слезы, говорилъ ему съ необыкновенною

Слова для своего нѣжнаго возраста силою: «о юнаго Владыко! ты даровалъ намъ *жизніе мир-Димитрія. ное*: чѣмъ изъявимъ тебѣ свою признательность?» Силою рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и къ благодѣаніямъ государственныхымъ! — Успокоивъ Россію, Митрополищъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предшественниками, среди развалищъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія стараясь обновити церковное устройство и вельствіе храмовъ.

Іоаннъ надѣялся княжити мирно; но скоро Царевичъ Ташарскій, Мамать-Хожа,

пріѣхалъ въ Рязань и вельлъ объявити ему, что время утвердити законный рубежъ между Княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: что есть, корыстолобивый Царевичъ, уже славный злодѣаніями насилія, хотѣлъ грабити въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ размежеванія оныхъ. Великій Князь, ссылаясь на грамоты Ханскія, оповѣстивоваль, что онъ не впустишь Посла въ Московскія области, конхъ границы извѣстны и несомнительны. Оповѣщъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Мамать-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго Ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быти, и то, что Бердибекъ уже недоволенъ симъ Вельможею, который скоро долженствоваль возвратити въ Орду, и заплащаль шамъ жизни за убіеніе какого-то любимца Царева.

Княживъ 6 лѣтъ, Іоаннъ скончался г. Моиахомъ на тридцать-пятьемъ году 1359. Пол-опшъ роженія, оставивъ по себѣ имя бра Кроткаго, не всегда доспихвальное для 15. Государей, если оно не соединено съ ины-и за-ища-ице ными правами на общее уваженіе. — Подобно Вел. Князю опшцу и брату, онъ нависаль духовную, Князъ въ коей приказывася Москву двумъ зл. юнымъ сыновьямъ, Димитрію и Іоанну, уступая прещъ ся доходовъ шестидц-

нему племяннику, Владиміру Андреевичу, и веля имъ вообще блюсти, судить и рядить земледѣльцевъ свободныхъ или *численныхъ* людей; отдаесть супругъ Александра разныя волости и часть Московскихъ доходовъ, а Димитрію Можайскъ и Коломву съ селами, Іоанну Звенигородъ и Рузу; упвѣрждаетъ за Владиміромъ Андреевичемъ Удѣлъ отца его, за вдовствующею Княгинею Симеона и Андреевою, именемъ Іуліаніею, данныя имъ отъ супруговъ волости, съ тѣмъ, чшобы послѣ Іуліаніи наслѣдовали сыновья Великаго Князя и Владиміръ Андреевичъ, а послѣ Маріи одинъ Димитрій³⁵¹. Изъ драгоценностей оспавляетъ Димитрію икону Св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную сергу, коробку сердоликовую, саблю и шишакъ золотые; Іоанну также саблю и шишакъ, жемчужную сергу, шапканъ Цареградскій, а двумъ будущимъ зятѣямъ по золотой цѣпи и поясу; описываетъ, вмѣсто *руги*, въ которую долю Княжескихъ прибышковъ церквамъ Богоматери на Крушицахъ, Успенской и Архангельской въ Москвѣ; даесть волю Казначаемъ своимъ, сельскимъ Тіунамъ, Дьякамъ, всѣмъ купленнымъ людямъ, и проч.

Доспопаяшнымъ случаемъ Іоанновыихъ Начало
временъ, связаннымъ съ нашею Испоріею, Кня-
было происхожденіе нынѣшней Молдав-же-
ской области, гдѣ въ печеніе семи въ-ства
Мол-
ковъ, отъ ирешьяго до десятаго, под-дав-
пились полудикіе народы Азіи и Европы, и Во-
изгоняя другъ друга и спремясь грабить лош-
Империю Греческую. ского.

Неспоръ говоритъ, что Славяне Россійскіе, Душичи и Тивирцы, издавна жили по Днѣпру до самаго моря и Дуная, имѣя селенія и *города*. Князя Галицкіе во XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частью Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обитали тогда, подъ именемъ Волоховъ, оспавки древнихъ Геновъ, смѣшенныхъ съ Римскими поселенцами перваго спольшія, также въкоторыя Печенѣги и Половцы. Замѣшимъ еще, что въ Россійской Географіи XIV вѣка именованы Бѣлгородъ (или Акерманъ), Романовъ, Сучава, Серепъ, Хопинъ, въ числѣ *нашихъ старинныхъ* городовъ³⁵². Паденіе Галицкаго Княженія оспавило Молдавію въ жершву Тапарамъ, и сія земля, граждански образованная Россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же Моголы, усмрашенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около по-

Томъ IV.

ловины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда Волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ³⁵³, живъ прежде въ Венгріи, въ Мармаросскомъ Графствѣ, явились на берегахъ Прута, нашли тамъ еще многихъ *Россіянъ* и поселились между ими на рѣкѣ *Молдавъ*; сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи господа споль размножились, что вышѣснили хозяевъ, и возобновили древніе наши города, составили особенную независимую Державу, названную *Молдавією*, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ Воеводъ, и гдѣ языкъ нашъ до самаго XVII вѣка былъ не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ-то свидѣтельствуютъ подлинныя грамошы Молдавскихъ Государей³⁵⁴. Такимъ же образомъ произошло и Княженіе Волошское, но еще ранѣе: Нигерь, если вѣришь преданію, во XII или XIII спольтпн вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единосемцами, Волохами, основалъ Терговисно, Бухарестъ, и властвовалъ тамъ до конца жизни; преемниками его были другіе, избираемые народомъ Воеводы, которые зависѣли иногда отъ сильныхъ Государей Венгерскихъ³⁵⁵.

Г Л А В А XII.

Великій Князь Димитрій Константиновичъ.

Г. 1359 — 1362.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мяшежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Опрокъ Димитрій.

Въ одно время съ Великимъ Княземъ Г. 1359. Иоанномъ Иоанновичемъ умеръ и Ханъ Бердибекъ, бывъ жерпвою своего гнуснаго распушества, и Кульпа, родственный его, воцарился, имѣя двухъ сыновей Христіанской Вѣры, Иоанна и Михаила, обращенныхъ, можешъ бытъ, Римскими Миссіонаріями или нашимъ Епископомъ Сарайскимъ³⁵⁶. Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для Христіанъ; но Кульпа властвовалъ только 5 мѣсяцевъ, и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Туши-Хана. Князя Россіи явились въ Ордѣ съ дарами, и новый Царь далъ Великое Княже-

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры.

Г. 1360
— 61.
на-
свѣд-
ствен-
ное
право.

не Димашрїю Суздальскому, меньшему брату Андрея Констанциновича: ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, не захопѣлъ сей чести³⁵⁷. Современники удивились пакой несправедливости, разсуждая, что сынъ, и еще меньшій, не можетъ претбовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду Князей Московскихъ: мѣнѣе, основанное единственно на обычаяхъ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димашрїй Констанциновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калишины, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ отъ главнаго престола Россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

22 Ию-
ня

Избранный Ханомъ Великій Князь вѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію жителей общая снова возвысилъ достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать труда и Митрополита; но Алексій, благословивъ его на Княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ Свяшителя Пепра, и жить близъ его чудотворнаго гроба.— Новгородъ, не любя и боясь самовласнїя Князей Московскихъ, охотно принялъ Намѣстниковъ Димашрїя Констанциновича;

а Димашрїй, желая только пользоваться Княжескими доходами, согласился на все предложенныя ему тамъ условїя³⁵⁸.— Въ сіе время Новгородцы не имѣли войны, однакожь спарались болѣе и болѣе укрѣпить столицу: взяли казну Софїйскую, собранную Архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменные городскія стѣны. Духовенство не ропсало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечесиво и Святая Софїя нераздѣльны, и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и Шведы не прервали Новгородъ; но хищный Ольгердъ утрапалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеванїяхъ. По кончинѣ Іоанна Александровича Смоленскаго онъ взялъ городъ Мстиславль и Ржевъ; овладѣлъ еще прежде Бѣлымъ, осаждалъ даже въ Смоленскѣ Іоаннова сына, Князя Святослава, и безпокоилъ Тверскую область³⁵⁹. Россїя, съ тайнымъ удовольствіемъ видя междоусобїе Моголовъ, въ то же время опасалась бытъ жертвою Липовскаго завоевателя.

Царство Капчакское явно клонилось къ паденію: смятеніе, измѣны, убійства изнуряли его внутреннїя силы. Одинъ изъ Полководцевъ, именемъ Хидырь, ко-

При-
обрѣ-
щенїя
Оль-
гердо-
въ.

Мл- чевавъ за рѣкою Ураломъ, пришелъ на
 жежи берега Волги, обольснилъ Вельможъ Ор-
 въ Ор- динскихъ, убилъ Навруса, Царицу Тайдулу,
 дь и сдѣлался Великимъ Ханомъ³⁶⁰. Еще
 Князья наши рабски повиновались симъ
 хищникамъ: Константинъ Росповскій вы-
 ходилъ въ Орду грамоту на всю наслѣд-
 спвенную обласпъ свою, а Димитрій Ио-
 анновичъ, внукъ Давида Галицкаго, на *Га-*
лихъ, хотя сей Удѣлъ былъ купленъ Иоан-
 номъ Даніловичемъ Калипою. Великій
 Князь, брашъ его Андрей Нижегородскій
 и Константинъ Росповскій должны спво-
 вали предъ Ханскимъ Посломъ судиться
 въ Коспромѣ съ Болгарами, ограбленными
 шайкою нашихъ разбойниковъ: Князья,
 опыскавъ виновныхъ, выдали ихъ и сами
 поѣхали въ Орду съ данію. Но Хидырь
 уже плавалъ въ крови своей, убиенный
 сыномъ Темирхожею. Сей злодѣй царство-
 валь спокойно только шесть дней; въ
 седьмой открылся бунтъ: Темникъ Ма-
 май, сильный и грозный, возмутилъ Ор-
 ду, умертвилъ Темирхожу, перешель съ
 луговой на правую спорону Волги и на-
 звалъ Ханомъ какого-то Авдула. Явились
 и другіе Цари: Кальдибекъ, мнимый сынъ
 Чанибековъ, хотѣлъ заступитъ мѣсто
 опца, но скоро погибъ; многіе Вельможи

Судъ
 Кил-
 зей съ
 Бол-
 гара-
 ми.

Г.
 1561.

заклучились въ Сараѣ съ Ханомъ Муру-
 помъ, браномъ Хидыревимъ; Князь Бу-
 лакшемиръ овладѣлъ землею Болгарскою,
 а Тагай Бездежскій Мордовскою (гдѣ ны-
 нѣ городъ Наровчатъ). Они рѣзались ме-
 жду собою въ ужасномъ оспервененіи;
 штысячи падали въ битвахъ или гибли
 въ степяхъ отъ голода. — Князья наши
 не знали, кто останется повелителемъ
 или пираномъ Россіи, и спѣшили уда-
 литься отъ оептра убійствъ; нѣкопю-
 рые были ограблены въ сполницѣ Хан-
 ской, другіе на возвращномъ пути, и едва
 спасли жизнь свою.

Юный Димитрій Иоанновичъ Москов-
 скій также находился въ Орду, но успѣлъ
 выѣхать опшуда еще до Хидыревой смер-
 ти и мяшежа. Машъ, вдовствующая Кня-
 гиня Александра, Митрополишъ Алексій
 и вѣрные Бояре пеклися о благѣ опече-
 сшва и Государя: дѣйсшвуя по ихъ вну-
 шеніямъ, сей опрокъ объявилъ себя по-
 гда соперникомъ Димитрія Суздальскаго
 въ dospоинспвѣ Великокняжескомъ, и звалъ
 его на Ханскій судъ, чптобы рѣшилъ дѣ-
 ло безъ кровопролитія. Царство Капчак-
 ское уже раздѣлилось; но кто господсшво-
 валь въ Сараѣ, шопъ казался еще закон-
 нымъ Ханомъ Орды, и Бояре Московскіе

Г.
 1562.

вмѣстѣ съ Суздальскими опправились къ Мурушу. Вѣроятно, что сіа честь удивила его: угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями, шѣстнымъ свирѣпымъ Мамаемъ, и будучи на провъ Башыевомъ шолько призракомъ могущества, имѣлъ ли онъ право располагать иными Державами? Однакожь, представляя лице древнихъ Хановъ, Мурушъ судилъ Пословъ, и призналъ малолѣтнаго Димитрія Іоанновича Главою Князей Россійскихъ, для того, какъ вѣроятно, что соединяя знаменитую Московскую Державу съ обласными Великаго Княженія, надѣялся воспользоваться его силами для утверженія собственнаго престола.

Но какъ сей Ханъ могъ послать шолько грамошу, а не войско въ Россію, по Князь Суздальскій не уважилъ его суда и не хощѣлъ выѣхать ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля-Залѣскаго. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Всѣ Бояре Московскіе, одушевленные ревностію, съѣли на коней, и выступили подъ начальствомъ трехъ юныхъ Князей, Димитрія Іоанновича, меньшаго брата его и Владиміра Андреевича⁵⁶¹. Бывшій Великій Князь не ожидалъ того: по крайней мѣрѣ не дерзнулъ обнажить меча, и бѣжалъ въ Суздаль;

а Димитрій Московскій занялъ Переславль, съ обыкновенными обрядами съѣлъ на провъ Андрея Боголюбскаго въ Владиміръ, жилъ тамъ нѣсколько дней, и возвращаясь въ Москву, распустилъ войско: ибо не думалъ гнать своего предѣшника, оставивъ его спокойно княжить въ Удѣлѣ наслѣдственномъ.

Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцати-лѣтняго опрока взяла кормило Государства раздробленнаго, шѣнимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіемъ внутри. Иоаннъ Калиша и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло Единодержавія: Іоаннъ Іоанновичъ и Димитрій Суздальскій оспоровили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ Владѣтелямъ надежду бытъ независимыми отъ престола Великокняжескаго. Надлежало поправить разспроенное сими двумя Князьями и дѣйствовать съ шѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ, шпною смѣлою рѣшительностію, коими не многіе Государи славятся въ Исторіи. Природа одарила внука Калипина важными достоинствами; но пребывалось не мало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость, и Государство успѣло бы между шѣмъ погибнуть, если бы Провидѣніе

Мо-
сква
удер-
жива-
етъ
право
Вели-
каго
Кня-
женія.

О-
прокъ
Дими-
трій.

не даровало Димитрію лѣсцуновъ и совѣпниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго Князя и величіе Россіи.

Конецъ IV тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ IV ТОМУ

ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) »Гонима по нихъ (Князяхъ) Ташарове и не обрѣ-
»поша, яко же и Саулъ гоняше Давида, но Богъ изба-
»ви: шако и сихъ Вел. Князя Ярослава съ благород-
»ными сыны; бѣ же ихъ шестъ« (кромѣ убишаго въ
Твери): »Олександръ, Андрей, Коспьяншинъ, Аеапасій,
»Данило, Михайло; а Свяшославъ съ сыномъ Дмишри-
»емъ, Иванъ Всеволодовичъ, Васильковичи два, Борисъ
»и Глѣбъ, Всеволодичъ Василій« (внукъ Константи-
новъ, сынъ Всеволода Ярославскаго).

(2) См. *Пушкин. Лѣт.*

(3) См. *Пушкин. и Воскрес. Лѣт.* — См. ниже, при-
мѣч. 100. Сей Смоленскій Князь Всеволодъ Мстисла-
вичъ названъ въ Родословн. Книгахъ Андреемъ. — Да-
лѣе см. *Волынск. Лѣт.*

(4) См. Прая *Annal. Reg. Hung.* Кн. IV, стр. 251,
и *Dissert.* стр. 113; также Гебгарди *Gesch. des R.*
Hung. II, 103. Копякъ называется въ Венгерскихъ
лѣтописяхъ *Cothan* и *Cuthen*. Онъ принялъ тогда Вѣ-
ру Христіанскую вмѣстѣ со многими изъ своихъ еди-
ноземцевъ.

Кариниъ (*Voyage* его стр. 47) пишетъ, что Мо-
голы приспунали тогда къ городу Орнѣ, поспроенно-
му на берегахъ Дона близъ устья сей рѣки, славному
торговлею и весьма богатому; что въ немъ жили
Христіане: Козары, Алане или Яссы, Россіане и нѣ-
которыя Сарацины; что Батый, не имѣя надежды
взять его силою, велѣлъ запрудить Донъ и попомилъ
городъ. Сія *Орна* (по нашимъ лѣтописямъ *Орнагъ*) не
есть ли *Тана* или нынѣшній Азовъ? или не *Ахасъ* ли?
см. сей *Исторіи* Т. VII, въ концѣ, или Гербершп.
R. M. Comment. 74.

(5) См. *Никол. и Пушкин. Лѣт.*

Въ *Воскресен. Лѣт.* несправедливо именованъ Мсти-
славъ внукомъ Свяшослава *Ольговича*: дѣдъ его, опецъ
Глѣбовъ и Всеволода Чермнаго, былъ Свяшославъ *Все-
володовичъ*, сынъ Всеволода II.

(6) Нассиреддинъ называется Кіевъ *Кулява*, а Олуг-

бегъ *Кул*: см. Баер. Geogr. Russ. ex Const. Porph. въ *Коллемент. Акад.* IX, 411. — Въ нашихъ лѣтописяхъ Мангу именуется Менгуханомъ. Объ немъ сказано: »ста на оной спирахъ Дивира у града Песочнаго« (см. *Больш. Чертежь*).

(7) См. *Вольн. Лѣт.* — Въ Родослов. Книгахъ сказано, что Даниль, побывавъ къ Королю Белъ, взялъ съ собою Ростислава Мстиславича, который и скопчался въ Венгрии. — О Белъ см. Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, 249.

(8) См. *Воскресен. и Вольнск.* — Татарскій Воевода Урьдю или Орду, по сказанію Карина (спр. 9), считался первымъ Воеводою Моголовъ.

(9) Длугош. Hist. Polon. кн. II, стр. 154. Но Длугошъ ошибся, думая, что сіи знаки разрушенія напоминали мѣсть Болеслава Храбраго: не Болеславъ, а Батый споль ужаснымъ образомъ разорилъ Кіевъ. Въ семь городъ паходился тогда Монахъ Западной церкви, именемъ Іакицъ, который весьма живо описалъ Папъ звѣрство Татаръ и разореніе Кіева (см. Бержерон. Traité des Tartares, стр. 27).

(10) См. сей *Историю* Т. I, примѣч. 424.

(11) См. *Синописъ*: поже описано и въ другихъ историческихъ рукописяхъ XVII вѣка.

(12) Сей городокъ или мѣстечко, нынѣ именуемое Ладыжинъ, паходился въ Подольской Губерніи, на Бугѣ. — Въ *Русск. Временникъ* (I, 113) написано, что Батый тогда же подспуналъ и къ Смоленску, гдѣ паходился Св. Меркурій, благородный Римлянинъ Греческой Вѣры, слуга Князя Смоленскаго; что Моголы отрубилъ ему голову и проч. Ни въ Прологъ, ни въ Минеяхъ нѣтъ Меркуріева житія. Въ Слѣдованной Псалтири сказано, что онъ убитъ въ 1247 году: слѣдственно гораздо послѣ того, какъ Батый взялъ Кіевъ.

О вѣроломствѣ Моголовъ см. Карпина Voyage въ Бержерон. стр. 55; объ Изяславѣ сей *Историю* Т. III, примѣч. 283.

(13) Сіе изображеніе Россіи взято изъ *Степен. Кни.* I, 333, 334, и *Русск. Врем.* I, 121.

(14) См. Робертсон. View of the State of Europe, стр. 13, Вѣск. изд.

(15) См. *Историю* Кн. Щербашова: говоря о томъ, онъ забылъ, кажется все чиншное имъ въ нашихъ лѣтописяхъ о соспоянїи древней Россіи.

(16) По сказанію Лѣтописцевъ Венгерскихъ, Батый вступилъ въ нхъ землю съ 500,000 воиновъ. Сочинитель Жипія Св. Михаила Черниговскаго пишетъ, что при осадѣ Кіева паходилось 600,000 Татаръ (см. *Минето*, Сентября 20). Народы, побѣжденные Моголами, должны были обыкновенно даватъ имъ людей годныхъ для военной службы.

(17) См. Карпин. Voyage въ Берж. стр. 49 — 55, и Дегин. Histoire des Huns, Кн. XV, стр. 3 — 9.

(18) Пишущъ, что Моголы ѣли даже человѣческое мясо, крысъ и вшей (см. Дегин. Hist. des Huns, Кн. XV, стр. 4).

(19) Они сими крюками спаскивали непріятелей съ лошадей. — Далѣе см. *Пушкин. и Вольнск. Лѣт.*: Удивительно, какъ могъ Великій Князь въ такое бурное время итти изъ Владиміра Суздальскаго въ нынѣшнюю Подольскую Губернію! Мы упоминали въ 1229 году о Ярославѣ Ингваревичѣ, получившемъ отъ Данила въ Удѣль Межибожье и Перемиль; но Суздальскій или Пушкинскій Лѣтописецъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о Великомъ Князѣ Ярославѣ.

(20) Въ *Вольнск. Лѣт.*: »Холмъ бо городъ сиѣце бысть създаиъ. Данилови князю въ Володимѣри, създа градъ Угровескъ, и поспави въ немъ Епископа. Бздицю же ему по поло и ловы дѣюще, и »видѣ мѣсто красно и лѣсно па горѣ, обходяци округъ его поля, и праша *туземцы*« (памошнихъ жителей) »какъ именуешя мѣсто се. Они же рекоша: *холмъ*... »И сътвори шу градець малъ... И създа« (шущъ же послѣ) »градъ иный, его же Татарове не возмогоша »прїяши. Тогда же церковь Св. Троицы зажжена бысть, »и пакы създана... И Кн. Данило нача призываши

»прихожая Нѣмци и Русь и поил язычники и Ляхы . .
 »Бѣжаху изъ Таппарь сѣделищи, и лучищи, и тулчи-
 »щи, и кузнеци желѣзу и мѣди, и серебру, и бѣ жици,
 »и наполниша дворы окрестъ града поле. Създа же
 »цѣрьковь Св. Ивана . . . комары 4, съ каждо угла пе-
 »реводъ и спояше ихъ на четирихъ головѣхъ чело-
 »вѣскихъ, изваяно опъ пѣкшого хитреца; окна при
 »украшена синѣкы Римскыи. Входице въ олтарь
 »стояста два столпа опъ цѣла камене, и на вею ко-
 »мара; выспрь же вѣрхъ украсенъ звѣздами золопы-
 »ми на лазури: выпустрыи же ей помостъ бѣ стлпшъ
 »опъ мѣди и опъ олова чиста, яко блестящесе яко
 »зерцало; двери же ея двоя украшены каменіемъ Га-
 »лицкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмѣскимъ песанымъ,
 »изрипы пѣкымъ хитрецемъ Авдеемъ; *прилпны* (кор-
 »низы) опъ всѣхъ шаровъ (красокъ) и злата; напередъ
 »ихъ же бѣ издѣлапъ Спасъ, а на полуощныхъ Иоаннъ
 »Св. . . . Украси же иконы, еже принесе изъ Кыева,
 »каменіемъ драгымъ и бисеромъ и златомъ, и образъ
 »Спасовъ и Св. Богородицы, иже вда ему *сестра Тео-*
 »*дора*; икону же принесе изъ Вручого (Овруча) Вспрѣ-
 »шеніе . . . и колоколы принесе изъ Кыева; другія
 »шту соля . . . Вежа же среди города высока, яко би-
 »шпи съ шея окрестъ града, подздана каменіемъ, въ вы-
 »соту 15 локотъ, създана же древомъ песанымъ и
 »убылена яко сыръ, свѣщяицея на всѣ спороны; спу-
 »денецъ, рекомый кладязь, близъ ея, сажисей имущъ 35 . . .
 »Посади же садъ красенъ, и създа цѣрковь Свѣ. Без-
 »мездничкома въ чешь, имагъ 4 столпы опъ цѣла
 »камене песаного, дръжаца вѣрхъ; съ пѣхъ же другія
 »въ олтарь Св. Димитрія; споншъ же пшсъ предъ
 »богочиными дверми красенъ и препесенъ издалече;
 »споншъ же столпъ поприще опъ города камень, а
 »па немъ орелъ камень изваянъ; высота же камени 10
 »локотъ, съ головами жъ и съ подножки 12 локотъ . . . .
 О войнѣ Давида съ Поляками см. въ семъ же *Лѣт.* —
 Въ *Пушк.* и въ другихъ: »Таппарове (въ 1241 г.) уби-
 »ша Мещислава Рыльскаго.« Чей опъ былъ сынъ, не-
 »извѣстно. Въ 1185 году княжилъ въ Рыльскѣ Свяшо-

славъ Ольговичъ, внукъ Свяшослава же Ольговича Съ-
 верскаго.

(21) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 206. Полоцкій Князь
 Брячиславъ могъ бытъ сыномъ или внукомъ Василька
 Кривскаго.

(22) См. *Дузбурга Chronicon Prussiae*, стр. 13 —
 27, и *Keelha Liefländ. Gesch.* 78 — 84.

(23) См. *Аридт. Liefländ. Chr.* II, 42, 45, и наши
 лѣтписи (*Воскр.* II, 207, *Пушк.* и друг.).

(24) Въ особенномъ описаніи Александровыхъ подви-
 говъ сказано, что Король чашни Римскія, слыша о муже-
 ствѣ нашего Князя, желалъ побѣдншь его или *взять*
руками. *Новгород. Лѣт.* называшъ сего непріятели
 Княземъ Шведскимъ, а сочинилъ *Родослов. Книги*
 (описывая происхождение Морозовыхъ) Нѣмецкимъ Ко-
 ромлемъ *Варугислг.* Въ Швеціи царшвовалъ тогда
 Эрикъ Эриксонъ, прозваніемъ *Лесне (шестливый)*; опъ
 былъ хромъ, и поручалъ всѣ дѣла воинскія славному
 Виргеру, особенно защитиу Финляндіи (см. *Далина*
Gesch. des. R. Schw. II, 165). Въ мнимоиъ завѣщаніи
 Шведскаго Короля Магнуса (которое вмѣщено въ на-
 ши современныя лѣтписи) именно сказано, что Але-
 ксандръ Невскій побѣдилъ Виргера. — Папа вслѣски
 возбуждалъ Шведовъ распространяиць Христіанство
 оружіемъ въ Финляндіи и въ окрестностяхъ ея (см.
Далин. Gesch. des R. Schw. II, 157).

Въ лѣтписи: »Приндона Свѣи въ силъ велиць, и
 »Мурмане (Норманы или Норвежцы) и *Сулъ* и *Ель.*«
 См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 72. Въ семъ походѣ
 не участвовали Ливонскіе Рыцари.

(25) О семъ чудѣ не упоминается въ *Новгород.*
Лѣт.; но сочинилъ описанія Александровыхъ подви-
 говъ рассказываетъ оно.

Современники ли наименовали Александра Невскимъ?
 Въ описаніи дѣлъ его и въ *Лѣт. Новгород.* нѣтъ
 сего прозванія, которое находншея въ *Степенной*
Книгѣ.

(26) Въ *Стпсл. Книгѣ* (I, 362): »Сій Ярославъ, сынъ
 »Владимірь, внукъ Рюрикѣвъ Кіевскаго;« нѣтъ, опъ былъ

сынъ Владиміра Псковскаго (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 161).

(27) Жители Феллина именованы Вельядцами, ибо сей городъ назывался Vellnio, Vilinde; по-Эстонски Wiliandi-lin. — Арндтъ въ *Liefländ. Chr.* (II, 45) и Кельхъ въ своей *Исторіи* (стр. 35) пишущъ, что Великій Магистръ Бальке вмѣстѣ съ Дерптскимъ Епископомъ Германомъ ходилъ на Псковъ, и положивъ на мѣсяцъ 600 Россіянъ, оставилъ тамъ гарнизонъ, ибо Князь Псковскій, *Ярополкъ*, сдѣлалъ ему городъ, а самъ удалился. Кто былъ сей Ярополкъ, неизвѣстно. Въ Псковской лѣтописи поставлено то же число убитыхъ Россіянъ.

(28) Причина ссоры неизвѣстна. — Въ *Никонов. Лѣт.* сказано, что Александръ, прѣхавъ къ отцу, княжилъ въ Переславль. — Далѣе см. *Новгород. Лѣт.*

(29) Въ *Никонов.* сказано, что сей Князь и въ Новгородѣ повѣсилъ бунповщиковъ.

(30) См. Арндт. *Liefl. Chr.* II, 46.

Далѣе см. лѣтописи и описаніе подвиговъ Александра.

(31) См. Арндт. *Liefländ. Chr.* II, 46. Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ и въ Псковской лѣтописи. . . »И пача имя слыши Вел. Кн. Александра по всемъ спрашамъ отъ моря Варяжскаго и до моря Поншскаго и до моря *Холужскаго* и до страны Тиверейскія (Гавриса) и до горъ Арарашскихъ, и обону страну моря Варяжскаго и до Великаго Риму.«

(32) См. *Новгород. Лѣт.*

(33) О семъ Ярославъ см. выше, примѣч. 26. Далѣе см. *Новгород. Лѣт.* и описаніе подвиговъ Невскаго.

(34) См. *Voyage Roubroukvisa* въ Бержер. стр. 3.

(35) Абульгази *Histoire des Tatars*, стр. 370. Ярославъ похалъ къ Башью, а сынъ его къ Великому Хану въ 1243 году. — О Князь Василіи Всеволодовичъ см. выше, примѣч. 1. *Никонов. Лѣт.* называетъ Владиміра Углицкимъ. Константинъ Ярославичъ возвратился съ честію отъ Хана въ 1245 году: тогда же Великій Князь съ братьями и съ племянниками похалъ опять къ Башью.

(36) См. *Воскресен.* II, 225, Карпина *Voyage*, Гл. VII и XIII. Въ *Стенск. Кн.* въ исчисленіи побѣжденныхъ Татарами народовъ именуется *Буртасы*, о коихъ упоминаетъ и Карпинъ (стр. 58), называя ихъ *Brutaches*, и сказывая, что они были Иудейской Вѣры.

Тѣло Ярослава Всеволодовича погребено въ Владиміръ, въ Успенскомъ Соборѣ, въ придѣлѣ на правой сторонѣ. — Лѣтописцы говорятъ только, что Ярославъ *положилъ душу* свою за Россію, и былъ ко всемъ милосердивъ (см. *Воскр.* II, 225); но не хвалятъ его такъ плодовино, какъ Георгія II или Константина. Однакожъ по рукописнымъ Святцамъ онъ включенъ въ ликъ Угодниковъ Божіихъ. — Случаи Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ *Исторіи*, суть слѣдующіе: Въ 1240 году родилась у Ярослава дочь Марія, а въ 1241 сынъ Василій. Въ семъ году, по какому-то преданію, княжилъ въ Костромѣ К. Василій Георгіевичъ, сынъ Георгія Ярославича, прозванный Квашнею, и въ двухъ верстахъ отъ ошпуда, близъ небольшого озера, разбилъ Ташаръ, шедшихъ отъ Ярослава съ добычею и плѣнниками: въ память чего это озеро именуется *Селтыль*, а побѣда приписывается Феодоровской иконѣ Богоматери, лившейся при семъ К. Василіи Георгіевичъ, котораго не знаемъ: см. *Словарь Географ. Рос. Государства*, въ статьѣ *Кострома*.

(37) Дочь ли Мстислава Мстиславича Галицкаго, или Ярославъ женился послѣ на другой, не знаемъ. Она скончалась 4 Маія и была названа въ Инокіяхъ Евфросиніею. *Никонов. Лѣт.* прибавляетъ: »понеже тогда даваху имена не съ перваго слова, но въ который день поспризашеся кто во Иноци.« въ описаніи Княжескихъ гробовъ, сообщенномъ мнѣ отъ Г. Губернатора Владимірскаго, показано, что сія Великая Княгиня и сынъ Ярославовъ, Феодоръ, лежатъ въ Владиміръ, въ храмъ Великомученика Георгія.

(38) Михаилъ убитъ въ помѣ же 1246, Сент. 20.

(39) См. *Волгиск., Воскрес.* (II, 219), и *Ростов.* — К. Борисъ Васильковичъ былъ сынъ Маріи, дочери Михайловой.

(40) Такъ и Карпинъ называетъ сего Министра и Спольника Батыева (спр. 6), сказывая, что Моголы заставляли Михаила поклониться образу Чингисханову, и что Батый *чрезъ сына Ярославова* объявилъ ему смерть въ случаѣ неповиновенія.

(41) См. *Воскресен.* (II, 223), *Вольск.* и *Никон. Лѣт.*

(42) О сыновьяхъ Михайловыхъ см. въ *Родословн. Книгахъ*. Объ Андрѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ упоминается въ *Вольск. Лѣт.* подъ годомъ 1261 по Ипатьевск. списку. Въ *Родословн. Книг.* названъ Всеволодомъ сынъ Юрья Михайловича; но въроятно, что сей Андрей былъ внукомъ, а не правнукомъ Михаила Черниговскаго. См. о Ростиславѣ Гебгарди *Gesch. des R. Hungarn*, II, 118, — Прая *Ann. Reg. Hung.* кн. IV, 510. — Длугош. *Hist. Polon.* кн. VII, спр. 774, и Наруш. *Hist. Narodu Polsk.* V, 96. Длугошъ называетъ дочь Ростиславову *Трифаною*, ш. е. Агриппиною. Супруга его въ 1264 году была уже вдовою (см. Энгел. *Gesch. von Halitsch*, спр. 569). Въ *Родосл. Книг.* несправедливо сказано, что Ростиславъ умеръ бездѣтенъ.

(43) См. *Вольск. Лѣт.*

(44) Одни должны были ѣхать черезъ Россію, другіе черезъ Персію. См. Дегип. Кн. XV, спр. 103, и Бержерон. *Voyages*, T. I; также Шпренгеля *Gesch. der Entdeck.*, который, ссылаясь на Историка современнаго, пишетъ о погашеніемъ ужасъ Европы, и сказываетъ, что сей ужасъ въ 1258 году мѣшалъ даже и ловль сельдей на берегахъ Англій (спр. 270).

(45) Карпинъ упоминаетъ о городкѣ Даниловъ на пути изъ Вольши въ Кіевъ. — Мы предлагаемъ здѣсь Чинпашелямъ не всѣ, а только важнѣйшія для насъ подробности Карпинова сочиненія, которое находится въ Бержерон. собраніи путешественій.

(46) Карпинъ сказываетъ, что на берегахъ Днѣпра начальствовали Корренза и *Монтій*, который саномъ былъ еще выше перваго; на Дону *Турбогъ*, женатый на сестрѣ Батыевой; на Волгѣ самъ Батый, а на Яикѣ другіе Воеводы.

(47) Сію черту взялъ я изъ Рубруквисова путешествія.

(48) Карпину сказывали, что Самоѣды имѣютъ собачьи головы!

(49) Объ нихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ (*Архангел.* спр. 81). Карпинъ называетъ Государя Бесерменовъ *Altisoldan*; такъ дѣйствиительно назывался Харазскій или Хивинскій Султанъ Магометь, побѣжденный Чингисханомъ (см. T. III, стр. 263). Сей путешественникъ также ясно означенъ предѣлы Харазской Имперіи, сказывая, что она граничила на Югъ съ Иерусалимомъ и Багдадомъ. Имя *Бесерменовъ*, которые были Магометанской Вѣры, означало, какъ вѣроятно, *Муеумлиановъ*. Послы спали въ Россіи называть всѣхъ невірныхъ *Бусурманями*.

(50) См. сей Исторіи T. III, примѣч. 242.

(51) Карпинъ цѣнитъ конскій приборъ каждаго въ 20 марокъ или 10 фунтовъ серебра. См. въ Дюкаж. *Gloss. mcd. et infim. Latin.* о значеніи имени *purpura alba*.

(52) Мы не знаемъ содержанія Гаюкова письма; но въ то же время Восвода его, Байоншой, покоришь часть Персіи, отвѣтствовалъ Папѣ чрезъ Монаха Асцелина (см. въ Бержерон. собраніи *Voyage d'Ascelin*, спр. 79) слѣдующимъ образомъ: «Согласно съ божественнымъ повелѣніемъ Великаго Хапа пишеть Байоншой. Знай, Папа, что послы твои у насъ были и вручили намъ письмо. Они говорили спрашныя рѣчи: «по твоему ли приказанію или оиъ себя? Въ письмѣ сказано, что мы истребляемъ людей; но такъ вѣщася Богъ: *покорися всесильному, да обитася мирно на своей земль и водъ наследственной, или да умреть послужилъ!* Мы говоримъ тебѣ си же слова: ежели хочешь обиташь на своей земль и водъ наследственной, то самолочно явися къ намъ, или будешь съ побою, Папою, что извѣстно Богу единому.»

(53) См. Райпалд. *Ann. Eccles.* T. XIII, спр. 617 — 630. Тамъ напечатаны письма Инокентіевы къ Даміану, къ Россіянамъ вообще, и къ Архіепископу Прус-

скому, писанныя въ 1246 и 1247 году. — Василько, брагъ Даниловъ, именуется здѣсь *Королемъ Владимирскимъ* (Wasilco, Rex Laudemeriae). Яблоновскій въ своихъ родословныхъ (Tabulae lablonovianae) называетъ Василькову супругу Княжною Заславскою. Иннокентій писалъ къ ней особенное письмо, и назначилъ какого-то Монаха Алексія съ поварихцею его быти при Дворѣ Галицкаго Князя (Райн. Annal. Eccl. XIII, 617); а Генрику, Архіепископу Прусскому, далъ властѣ принимать въ духовный санъ людей, рожденныхъ ошъ незаконнаго брака.

(54) Длугошъ полагаетъ коронованіе Данила въ 1246 году. Иннокентій въ грамотѣ 1247 года уже дѣйствительно называетъ его Королемъ; но въ льшописи Волынской именно означено, что Данилъ принялъ въпецъ послѣ войны Богемской, слѣдственно въ 1253 или въ 1254 году (см. Длугош. Hist. Pol. кн. VII, 734, и Праг Ann. R. Hung. IV, 294).

Данилъ нѣсколько разъ дружилъ и ссорился съ Папою. Въ 1249 году ошъ выгналъ Епископа Альберта, коего Иннокентій прислалъ быти главою нашего Духовенства въ южной Россіи (см. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1249, No 15). Въ 1252 году Король Венгерскій опять примирилъ Данила съ Римомъ, такъ, что сей Князь ошправилъ посольство къ Папѣ (см. Энгел. Gesch. von Halitsch, стр. 570).

(55) См. Райнальд. Annal. Eccles. XIII, 696. Сія грамота писана въ 1253 году.

(56) См. Райнальд. Annal. Eccl. XIV, годъ 1257, No 26, и Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 779.

(57) Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 705.

(58) Но Рубруквисъ сказываетъ, что жены ихъ были весьма пошлы.

(59) Такъ пишетъ Рубруквисъ, въ Бергерон. изд. стр. 14. Головной женскій уборъ назывался *Ботта*, состоялъ большею частію изъ коры древесной, покрываемой шафою или иною богатою пикавою, и походилъ на высокую пирамиду, украшенную сверху серебряными или золошыми прущиками и павлиными

перьями. «Смотря издали на толпу Могольскихъ всадниковъ — говоритъ Рубруквисъ — иностранецъ вообразитъ, что на головахъ у нихъ шлемы, а въ рукахъ поднятыя вверхъ конья.»

(60) Карпизъ пишетъ: André, Duc de Sarvogle en Russie. Имя города кажется испорченнымъ; но сей Андрей долженъ быти сыномъ Мстислава Кіевскаго, умерщвленнаго Ташарами на Калкѣ: ибо въ одной Синопальной льшописи (No 52, л. 48) сказано: »въ льшо 6753 (1245) Царь Башый уби Князя Андрея Мъстиславица.«

(61) См. Рубрук. Voyage, стр. 122.

(62) Карпизъ пишетъ (стр. 56), что сей звѣрокъ, называемый въ Россіи и Польшѣ Dochon (см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 230), а въ Германіи Шис, имѣетъ черноватую кожу и живетъ въ землѣ (см. *Учен. Москов. Видомости*, г. 1806. No 1).

(63) Не знаемъ, кошорой изъ сыновей Ярославыхъ жилъ въ Ордѣ.

(64) Сіи-то Россіяне, жившіе въ степяхъ Половецкихъ какъ дикари, назывались, думаю, *Бродшканы*, о коихъ со XII вѣка упоминается въ нашихъ льшописяхъ (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 269).

(65) Абульгази сказываетъ только, что Октай умеръ внезапно; но повѣствованіе современнаго Карпина достойно уваженія. Одна изъ придворныхъ женщинъ была казнена, по доносу, что она дала ядъ сему Хану (Карп. Voyage, стр. 21).

Здѣсь Монахъ Карпизъ учитъ Государей Европейскихъ, какъ надобно воевать съ Ташарами, и наконецъ къ испинію своего повѣствованія ссылается на свидѣтельство Князей Россійскихъ, Данила Галицкаго, Романа (вѣроятно, сына Михаила, Князя Черниговскаго и Брянскаго по нашимъ Родословнымъ Книгамъ), воспринявшагося ему на пути въ Орду — какого-то *Юнелла* и *Алосы*, также Кіевскаго градоначальника *Монгерота*, слугъ Ярославыхъ, и на безыменнаго Суздальца, кошорый переводилъ Хану слова Карпизовы и проч.

(66) О сихъ Готвахъ, обитавшихъ въ Тавриду съ III вѣка, см. въ нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 86. Слѣды ихъ сохранились намъ до XVI вѣка. Извѣстный Бусбекъ, разговаривалъ съ послами Хапа Крымскаго, замѣтилъ между ими одного, имѣвшаго лице совсѣмъ особенное, не Тавпарское. Сей человекъ сказывалъ, что онъ изъ иного народа, живущаго въ горахъ Тавриды, и хопя, вышедши опшуда весьма давно, забылъ языкъ свой, но поминишь еще нѣкопорыя слова. Бусбекъ написалъ сіи слова: всѣ они древняго Готскаго языка, извѣстнаго намъ по Улфилипу Готескому переводу Нов. Завѣта (см. Mémoire sur les Cimmériens par Frèret, г. 1746 — 1748 въ Mém. de l'Acad. des Inscr. гдѣ Авторъ ссылается на Бусбеково письмо отъ 16 Дек. 1562).

(67) Мокшане, какъ извѣстно, составляютъ особенное племя Мордвы: Рубруквисъ называетъ первыхъ Мохел, а въпорыхъ Merdas, сказывая, что послѣдніе были закона Магомешанскаго.

(68) См. Рубрукв. Voyage, стр. 40. Сей путешественникъ нашелъ на берегу Волги повый, построенный Ташарами домъ, гдѣ они жили вмѣстѣ съ Россіянами, перевоза черезъ рѣку пословъ, ѣдущихъ въ спланъ Батыевъ.

(69) Рубруквисъ пишетъ, что Мангу-Ханъ, человекъ средняго роста и лысъ сорока-пяти, сидѣлъ на тронѣ въ богатой шубѣ, которая имѣла лоскъ пшольней кожи; что у него былъ носъ приплюснутый, и проч.

(70) Рубр. Voyage, стр. 74, 99, 105, 119.

(71) См. Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 112.

(72) Рубруквисъ вхалъ изъ Тавпаріи до Волги около прехъ мѣсяцевъ, не выдавъ ничего — ни города, ни селенія — кромѣ одной бѣдной деревни и кладбища.

Сарай былъ тамъ, гдѣ нынѣ Селшренпой городокъ: см. *Путешествіе Палласа*, Ч. III, полов. II, стр. 143. См. *Никон. Лѣт.* VII, 210, и *Больш. Чертужъ*, стр. 233. Тамъ видны еще развалины двухъ великолѣпныхъ зданій; въ одномъ изъ оныхъ нашлось нѣсколь-

ко обитыхъ серебромъ гробовъ. Рвы выкладены кирпичемъ; стѣны состоятъ изъ большихъ, прекрасныхъ плитъ съ муравлеными украшеніями; примѣсны такъ же оспатки гошической шпукатуры.

(73) Рубруквисъ пишетъ, что Сумеркенпъ былъ на среднемъ протокѣ Волги, близъ Сарая. — Онъ называется Сарацинами вообще всѣхъ людей Магомешанской Вѣры.

(74) Рубр. V, стр. 29 и 91. См. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 472.

(75) Рубруквисъ пишетъ Samaron, вмѣсто Ширванъ. — Онъ имени Баку, Могольскаго Воеводы, производящъ названіе города Баку.

(76) У Вел. Князя Ярослава Всеволодича въ 1239 году было 6 сыновей (см. выше, примѣч. 1). Седьмой сынъ Василій родился въ 1241 (см. выше, примѣч. 36). Въ *Родословныхъ* сказано, что опецъ далъ Андрею Суздаль, Нижний Новгородъ и Городецъ. Коиспантинъ княжилъ въ Галичѣ Коспромскомъ, а Ярославъ въ Твери.

(77) См. современное описаніе подвиговъ Невскаго.

(78) См. Voyage de Rubruquis въ Бержерои. изданіи стр. 134. О караванахъ древнихъ см. нашей *Исторіи* Т. I, стр. 6.

(79) Сія рѣка испекается въ Смоленской Губерніи. По *Лѣт. Псков.* около сего же времени (въ 1247 году, Іюля 3) Липовцы разбили Псковича на Кудепи.

(80) Онъ погребенъ въ Юрьевскомъ гошическомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ, лежатъ подъ спудомъ и мощи сына его, Димитрія. Сіи два Князя названы Святыми въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ Свящцахъ.

(81) Абульгази пишетъ, что у Батые опниались тогда ноги, и что онъ умеръ въ Волжской сполницѣ своей *Кожордъ* (Hist. des Tat. стр. 451) или въ Сарай, по лѣтосчисленію Дегини въ 1255 году. Монахъ Рубруквисъ видѣлъ Батые въ 1253 или 1254 году. Сямъ опровергаются сказка, внесенная въ нѣкопорыя

изъ нашихъ лѣтописей, о мнѣшомъ убиеніи сего Хана въ Венгріи около 1247 года.

(82) См. Райнальд. *Annal. Eccles.* Т. XIII, стр. 651. Иннокентій писалъ къ Александру (*Nobili viro Alexandro, Duci Susdaliensi*), опъ 10 Февр. 1248 году изъ Ліона. — Въ житіи Александра: «Князь же, задумавъ съ мудреци своими, въписа къ нему и рече: опъ Адама до попопа, опъ попопа до раздѣленія языка, начала Авраамля и проишія Исраиля сквозь море, до умершвія Давида Царя — опъ начала царства Соломона до Августа и до Христова Рождества, спрашси, воскресенія, на небеса восшесшвія и царства Константина, — опъ начала оного до перваго Збора (Собора) и седмаго — си вся добръ въдаемъ, а опъ васъ ученія не приѣмлемъ.»

(83) См. современныя лѣтописи и *Степен. Кн.* (I, 356).

(84) См. Торфеев. *Hist. Norveg.* IV, 265. Норвежскіе и Русскіе Лапландцы тогда взаимно грабили другъ друга. Въ лѣтописяхъ Норвежскихъ сказано: *legati Regis Holmgardi, seu Russiae, Alexandri.*

Даливъ пишеть, что Гаконъ учивымъ образомъ отказалъ Александру, не желая выдать дочери за данника Моголовъ; но въ лѣтописяхъ Норвежскихъ сказано, что набѣги Моголовъ на Россію помѣшали тогда заключенію брачнаго договора. См. Торфеев.

(85) См. *Степен. Кн.* I, 367, *Пушкин.* и *Воскрес. Лѣт.* и описаніе Александровыхъ подвиговъ.

(86) О супругахъ Ярослава Ярославича см. ниже, примѣч. 111. Далѣе: «Оставивъ (Андрей) спу Княгиню, а самъ спуни за море во Свейскую землю. Местерь же Свейскій сръше его и прія съ честію.» Кого Лѣтописецъ именуешъ Мейстеромъ, не лзя угадать.

(87) Въ лѣто 6766 (1258). См Т. III, примѣч. 292.

(88) См. *Новгород.* и *Пушкин. Лѣт.*

(89) «Приндоша Свен и Емь и Сумь и *Дидманъ* съ своею волостью.» *Дидманомъ* называли Лапыши Великаго Магистра Ливонскаго. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Александръ ходилъ въ Шведскую землю и на Чудь, чрезъ шакія мѣста, гдѣ вѣчала шьма цар-

ствуетъ. Въ *Воскресен. Лѣт.*: «приндоша горы непроходимыя и воева поморіе все.» — См. Далви. *Gesch. des Schw.* R. II, 167. Биргеръ Ярль поспроилъ тогда въ Финляндіи крѣпость Таваспугузъ.

(90) См. выше, примѣч. 81, также Дегин. *Hist. des Nuis*, кн. XVIII, стр. 541.

(91) См. *Voyage de Rubruquis*, въ Бержерон. изд. стр. 80.

(92) По *Новогор. Лѣт.*, Татарскіе Численники пріѣхали въ Новгородъ еще въ 1257 году.

(93) См. *Пушкин. Лѣт.*

(94) См. *Волыиск. Лѣт.* Жена Романова была дочь Герцогова (см. Прая, *Annal. Reg. Hung.* кн. IV, стр. 285 и 288) или, по другимъ извѣстіямъ, племянница, *Bruderstochter* (см. Гебгарди *Gesch. des R. Hung.*).

(95) См. *Волыиск. Лѣт.*

(96) Дѣйствительныя историческія преданія народа Липовскаго начинаются около сего времени, и неясность ихъ еще болѣе затмилась опъ пустыныхъ догадокъ Историка Сприковского. Опъ рассказываетъ, что во время нашествія Баяшева господствовалъ въ Липвѣ Зивбушъ, зять и наследникъ Керна, внука Палеменова (см. нашей *Истории* Т. II, примѣч. 34), а въ Жмуди Мошвилъ, родной племянникъ Керновъ; что сынъ Мошвиловъ, Эрдвилъ, поспроилъ Гродно и завоевалъ Новгородкъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ и Брестъ, разоренные Ташарами, и побѣдилъ Могольскаго Воеводу Кайдана; что сынъ Эрдвиловъ, Мингайло, взял Полоцкъ, управляемый тогда приддатыю народными чиновниками; что сынъ Мингайловъ, Гинвилъ, крестился, былъ названъ Юрисль, и женился на Маріи, дочери Князя Тверскаго, Бориса; что братъ Гинвиловъ, именемъ Скирмунъ, господствовалъ въ Новгородкѣ и разбилъ Хана Балаклая; что сынъ Гинвиловъ, Борисъ, спроилъ церкви, монастыри въ Полоцкѣ, возвратилъ гражданамъ древнія права ихъ и надъ рѣкою Березиною основалъ городъ Борисовъ; что Сприковский видѣлъ близъ Полоцка, на Рижской дорогѣ, камень съ изображеніемъ креста и съ Русскою

надписью: *полнмуй, Господи, раба Твоего Бориса*; что сей *Борисъ* осмачил сына Рехволда или Василія, который былъ опцемъ Князя Глѣба и Княжны Евпраксії, умершей Инокниго; что Глѣбъ скончался бездѣтнъ, и что Полочане снова сдѣлались вольными; что Скимуншъ, братель Гинвилловъ, Князь Новгородскій, завоевавъ Туровъ, Мозырь, Стародубъ, Черниговъ, Карачевъ, роздалъ ихъ своимъ сыновьямъ, Любарпу, Писумушпу и Тройнаму, опцу Алгимунша и дѣду Рягольша, опъ коего родился славный Король Липовскій Мишовгъ или Меншовгъ. Сіе родословіе содержитъ въ себѣ явную нелѣпость. Какъ? Мошпилъ жилъ въ нашестыѣ Башыево и праправнукъ его правнука, Мишовгъ, жилъ также при Башыѣ? Не говорю уже о томъ, что въ сіе время не бывало Тверскаго Князя, Бориса, и Дрогичинъ съ Брестомъ принадлежали не Литвѣ, а Данилу Галицкому. Сприковскій смѣшалъ преданія и времена.

Россійскіе же Лѣтописцы говорятъ, что Липовцы, бывъ долгое время данниками Князей, опчасти Кіевскихъ и Черниговскихъ, опчасти Смоленскихъ и Кривскихъ, находились подъ управленіемъ собственныхъ Гепмановъ; что *Вильяне*, боясь Мстислава Великаго, завоевавши земли Кривской около 1128 году, поддалися Королю Венгерскому и призвали къ себѣ на княженіе изъ Царяграда двухъ сыновей бывшаго Полоцкаго Князя, Ростислава Рогволодовича, сосланнаго въ Грецію симъ Мстиславомъ (см. нашей *Исторіи* Т. II, стр. 201); что одинъ сызъ Ростиславовъ назывался Давиль, а другой Мовкольдъ; что Давиль сдѣдался первымъ Княземъ Виленскимъ, и былъ опцемъ Виша, прозваннаго *Волжолъ*, и Эрденя, а Мишовгъ родился опъ Мовкольда (см. *Воскресенск. Лѣт.* I, 48). Сказаніе также сомнительное! Мстиславъ Великій сослалъ въ Константинополь Владѣтелей Полоцкихъ еще въ 1129 году: вѣроятно ли, чтобы Мишовгъ былъ *внукъ* одного изъ сихъ Князей? вѣроятно ли, чтобы сыновья Князя Россійскаго назывались именами Липовскими и припали Вѣру языческую? ибо Мишовгъ

родился въ идолопоклонствѣ. Городъ же *Вильна* основанъ, по сказанію Липовскаго Историка, Княземъ Гедиминомъ въ XIV вѣкѣ (см. ниже, примѣч. 253).

(97) См. Длугош. *Hist. Polon.* кн. VII, стр. 759, и Кельх. стр. 90. Письмо Папы Александра къ Королю Липовскому напечатано въ Райнальд. *Annal. Eccl. T. XIV*, год. 1255, No 58. Папа, сердитый тогда на мнимаго опспушника, Данила Галицкаго, пишетъ къ Мишовгу, что Церковь даетъ ему полную власть надъ всеми землями, которыя сей новый Король опниметъ у Россіянъ.

Кѣмъ поспроситъ Новгородокъ, не знаемъ; вѣроятно Россіянами.

(98) См. о Бесерменахъ выше, примѣч. 49. Новѣйшіе Лѣтописцы и папи Историки думали, что Бесерменами названы здѣсь Татпары же, и что Россіяне возбуждывались противъ своихъ господъ, Моголовъ.

(99) См. *Лѣт. Арханг.* стр. 59, и рукописи. *Лѣт. о великомъ градѣ Устюгѣ.*

(100) См. описаніе Александровыхъ подвиговъ. — О Константинѣ, зятѣ Александровомъ, упоминается въ *Родослов. Книгахъ*; опъ него пошелъ родъ Даниловыхъ. Опецъ Константиновъ, Ростиславъ Мстиславичъ, шамъ названъ Борисомъ.

Сприковскій пишетъ (кн. VIII, гл. I), что Мишовгъ послалъ своихъ племянниковъ, Эрдивиля, Викушпа и Товпилвиля, воевать Россію; что Товпилвилъ или Теофилъ взялъ Полоцкѣ, Эрдивиль Смоленскъ и Друцкѣ, а Викушпъ Виннебекъ; что они, принявъ Вѣру Греческую, осшались шамъ Князьями, и не хотѣли уже завистль опъ дяди; что разгнѣванный Мишовгъ послалъ на нихъ сильное войско, по что Товпилвилъ опразилъ его съ помощію Данила Галицкаго и Липовскихъ Нѣмцевъ (см. *Волжиск. Лѣт.*). Изъ повѣствованія нашихъ Лѣтописцевъ можно заключить, что Товпилвилъ господствовалъ въ Полоцкѣ съ согласія тамошнихъ гражданъ: ибо они уже по кончинѣ его говорятъ: «тогда Липва посадила *свой* Князь въ Полоцкѣ.»

Смоленскъ дѣйствительно могъ быть взятъ Литовцами въ 1259 году (см. выше, примѣч. 2); по Вел. Князь Ярославъ освободилъ его, и съ того времени онъ всегда принадлежалъ Россіи до самаго XV вѣка.— Подъ Юрьевымъ было съ Товпвиломъ 500 Полочанъ и Лишвы. См. *Новгород. Лит.* стр. 148, и Длугош. *Hist. Polon.* кн. VII, стр. 766.

(101) «Въ лѣто 6769 постави Митрополищъ Епископа Митрофана въ Сараѣ.» — Въ 1269 году Θεогностъ былъ поставленъ въ Епископы *Переяславлю* и Сараю (см. ниже).

(102) Въ монашесствѣ далъ ему имя Алексія, какъ сказано въ *Степен. Кн.* — Александръ женился въ 1259 году: ему не было конечно и пятидесяти лѣтъ. — О плачѣ народномъ см. описаніе Александр. подвиговъ и *Степен. Кн.* I, 372; о чудесахъ тамъ же, стр. 374, 375. Пишуть, что въ княженіе Димитрія Донскаго однажды ночью загорѣлись свѣчи въ церкви, гдѣ лежало тѣло Александра, и два спарца, вышедшіе изъ олшаря, приблизились къ его гробу, говоря: «Александр! восстани и спаси правнука своего, Димитрія, одолеваемаго иноплемениыми!» Александръ всталъ изъ гроба и скрылся вѣспитъ съ двумя спарцами. Пономарь, видѣвъ сіе чудо, сказалъ о томъ церковнымъ пачальникамъ; они же, выкопавъ неспѣшныя мощи Невскаго, доставили ихъ въ ракъ. Больные, прикасаясь къ опымъ въ вѣроу, получали исцѣленіе, и благочестивый Архимандритъ Евфросинъ видѣлъ, какъ свѣча у гроба Александра сама собою загорѣлась оупъ небеснаго огня, и проч. и проч.

(103) Тамъ стоятъ три гроба: первый (какъ означено въ надписяхъ) *Великія Княгини Александры, супруги благовернаго Князя Александра Невскаго*; второй *дщери его, Княгини Евдокеи*; а третий (на лѣвой сторонѣ) *благовернаго Князя Вассы, втораго супруги Александра Невскаго.*

(104) Изъ Германіи вѣхали Рашна и Гаврилъ, а изъ Пруссіи Михаилъ. Оупъ первого ведутъ родъ свой Свибловы, Мусины-Пушкины, Кологривые, Мясные,

Бушурлины, Каменскіе и проч.; оупъ втораго Купцовы, Голенищевы, Клеопины, Шукны и проч.; оупъ третьяго (кого сынъ Терешій отличился въ Невскомъ сраженіи) Морозовы, Шенны, Чеглоковы, Шесповы, Салтыковы, Тучковы, и проч.

(105) См. Историю Нахимера, кн. III, гл. 5.

(106) См. Торф. *Hist. Norv.* Ч. IV, гл. I, стр. 305.

Случаи Александра княженія: въ 1248 году Ростовскій Князь Борисъ Васильковичъ женился на дочери Ярослава Муромскаго. Въ 1249, на память Св. Первоученика Стефана, скончался въ Владимірѣ Князь Владиміръ Конспаниновичъ. «Тое же зимы Василій Князь Всеволодовичъ (внукъ Вел. Кн. Георгія II) «преспавися въ Володимери.» — Въ 1253, Септ. 11 родился у Бориса Васильковича сынъ Димитрій. Въ 1254 г., Іюля 30, у Кн. Бориса Васильковича родился сынъ Конспанищъ. — «Въ лѣто 6763 (1255) по Велицъ дни Порожнѣвъ (Празднѣ) недѣли преспавися Кошпанщъ, сынъ Вел. Кн. Ярослава, и бысть плачь всликъ. — Въ лѣто 6764 (1256) преспавися Князь Данило Ярославичъ» (см. Лѣтопис. Синодальн. Библиои. № 52, л. 49). — «Въ лѣто 6769 (1261) родился Александръ сынъ и нарекоша имя ему Данилъ. Того же лѣта преспавися Князь Андрей сынъ Володимеръ (внукъ Конспанищовъ) на Уличѣ Поль. — Въ лѣто 6770 (1262) преспавися блаженный учительный Епископъ Кирилъ Ростовскій Маія 21. Се бысть истинный Пастырь, нася люди земли Ростовскыя съ кропостью, и положиша тѣло его въ церкви Св. Богородицы въ Ростовѣ, и въ его мѣсто поставленъ бысть Игнашій Септ. въ 19. — Въ лѣто 6771 (1263) родился Глѣбу (Васильковичу) сынъ Демьянъ» (а по *Троицк. Василій*).

(107) Въ *Троицк.*: «Въ лѣто 6772 (1264) преспавися Князь Андрей Суждальскій, сынъ Ярославъ, внукъ Всеволожь.»

Древнѣйшая изъ Новгородскихъ подлинныхъ грамотъ находится въ Архивѣ Иносправной Коллегіи подъ № 2. Вошъ списокъ ся оупъ слова до слова:

»Благословеніе опъ Владыкы, поклоняніе опъ Посадника Михайла и опъ Тысяцскаго Кондрапа и опъ всего Новгорода и опъ всѣхъ старѣйшихъ и опъ всѣхъ меньшихъ къ Князю Ярославу. На семь, »Княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новгороду, на цѣмъ опъ цѣловали дѣди и опци и опецъ твоей Ярославъ: »Новгородъ твѣ держати въ старинѣ по пощинѣ; »что волоспій всѣхъ Новгородскихъ, того ти, Княже, не держати своими мужи, но держати мужи Новгородскими, а даръ имати тобѣ опъ тѣхъ волоспій, а безъ Посадника шебѣ волоспій не роздovati; »а кому роздавалъ волоспи брашь твой Александръ или Дмишрій съ Новгородцы, тобѣ тѣхъ волоспій безъ вины не лишати; а что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волоць Тивунъ свой держати, на своей части держати, а Новгородцы на своей части держати; а въ Бѣжичахъ, Княже, тобѣ, ни швоей Княгыни, ни швоимъ Болромъ, ни швоимъ Дворяномъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ прѣимати, и опъ всей волоспи Новгородской; а се, Княже, волоспи Новгородские: Волокъ съ всѣми волоспями, »Тържкъ, Бѣжице, Городць, Палиць (а то есма деди Иванкови), Попокъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Коло, *Тръ* — (а въ другихъ грамотахъ: *Терь*, часть Русской Лапландіи) — »Перемь, »Печера, Югра; а въ Русу ши, Княже, ѣздиши осень, »а лѣтъ не ѣздиши: ѣздиши на Озвато звѣри гоциши; »а въ Ладогу ши, Княже, слапи осетръникъ и медовара по грамотѣ опця своего, Ярослава. А судъ, »Княже, опдалъ Дмишрій съ Новгородцы Бѣжичяномъ и Обоничаномъ на 3 лѣтъ, судѣ не слапи; а изъ »Бѣжичъ, Княже, людій не выводити на свою землю, »ни изъ иной волоспи Новгородской, ни грамотѣ имъ дадани, ни закладниковъ прѣимати, ни Княгыни швоей, »ни Болромъ швоимъ, ни Дворяномъ швоимъ, ни смерда, ни купцини; а безъ вины ши мужа волоспи не »лициши; а грамотѣ ши, Княже, не посуживати; а »пожитъ, Княже, что пошло тобѣ и швоимъ мужемъ, »опъ швое; а что былъ опщялъ брашь швой Александръ

»пожитъ, а по ши, Княже, не надобъ; а что, Княже, »братъ швой Александръ дѣялъ насильи на Новгородъ, а того ся, Княже, опспуши. Дворяномъ швоимъ и Тивунимъ погонъ имати, како по пошло. А на »шомъ ши, Княже, на всемъ хрестѣ цѣловаши безъ »перевода при нашихъ послѣхъ; а мы ши ся, Господне Княже, кланяемъ. А что, Княже, мытъ по »швоей земли и по иной волоспи, и по всей Суждальской земли, а по, Княже, имати по двѣ векши опъ »лоде и опъ воза, и опъ льну, и опъ хмѣльна короба; а Дворяномъ швоимъ по селомъ у купцевъ позовъ не имати, развъ рашной въспи. Тако, Княже »Господине, пошло опъ дѣдъ и опъ опецъ, и опъ швоихъ и опъ нашихъ, и опъ швоего опця Ярослава.»

(108) Въ сихъ двухъ мѣстахъ власть судебная принадлежала и Князю и Новгороду.

(109) Употребленное въ подлинникъ слово *погонъ* имѣетъ смыслъ *прогонъ*: ибо въ другой грамотѣ, данной Ярославомъ Новгороду въ 1270 году, сказано: »а Дворяномъ швоимъ погонъ имати по пяши куць» (слѣдственно деньгами).

Сихъ грамотъ двѣ: на первой подписано: »Князя Ярослава;« а вторая безъ подписи, и должна быть черною. Она такоже же содержанія, съ прибавленіемъ, что Ярославъ можеть бити (дикихъ) свиней шолько за 60 вершъ опъ Новгорода, ловити звѣрей лѣпомъ на *Озводѣ*, въ Русу ѣздити черезъ двѣ зимы въ шрешью, а въ Ладогу черезъ два лѣта въ шрешью; что судьямъ должно объѣзжати волоспи послѣ Петрова дня, и что въ Заволоцьѣ будущи правитела Новгородские, а не Княжескіе.

(110) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 46; также *Исторіи и топографіи извѣстїа о городѣ Вологдѣ*, стр. 28 и 74. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Герасима, хранящемся памѣ въ церкви уничтоженнаго Троицкаго монастыря, имъ основаннаго, сказано, что онъ пришелъ въ Вологду изъ Кіева въ 1147 году, на мѣсто, гдѣ въ *великомъ лѣсу были средній посадъ Воскресенїа Христова, Львовая площадь и малый торъ*

жель. Нынѣ на сей *Лышовой площади* (въ предмѣстїи города) стоить каменная церковь Воскресенїя, а прежде стояла деревянная Соборная, въ коей погребали Вологодскихъ Епископовъ XVI вѣка. Св. Герасимъ имѣлъ ссору съ мѣщаниномъ Пятышевымъ, не хотѣвшимъ дать ему земли подъ строеніе монастырское: и теперь Вологодскіе купцы Пятышевы живутъ въ приходѣ бывшаго монастыря Троицкаго, что на Касаровѣ ручьѣ (см. *Словарь Географ. Рос. Госуд.* I, 978). Герасимъ скончался въ 1178 году, Марша 4, и гробъ его находится въ упомянутой древней церкви. — Говорятъ, что еще прежде Вологды былъ городъ Кубенской, на берегу озера Кубенскаго (см. *Лексик. Тамниц.*).

(111) О семъ бракѣ упомянуто въ *Троицк., Воскресен.* и другихъ лѣтописяхъ, кромѣ *Новгород.* — Михаилъ Черниговскій имѣлъ сына Юрія, какъ сказано въ *Родословныхъ Книгахъ*; однакожь шестъ Ярославъ не названъ здѣсь Княземъ. Въ грамотѣ, выше приведенной (примѣч. 107), говорится о супругѣ Ярославовой по одному предположенію, что онъ будетъ имѣть ее: ибо его бракосочетаніе совершилось уже послѣ въ Новгородѣ. Первая супруга Ярослава убила Моголами (см. выше, стр. 77).

(112) По *Новгород. Лѣт.* См. также *Волын. Лѣт.* Мицловъ убитъ въ 1263 году, а сынъ его опустошилъ Лишву въ 1265. Другошъ приписываетъ сіе злодѣйство племяннику Мицловову Тройнапу (кн. VII, стр. 772); а въ *Воскресен. Лѣт.* (I, 49) сказано, что Мицловъ умертвилъ Князь Гердешъ, Давиловъ сынъ.

(113) Такъ въ современномъ лѣтописцѣ *Новгородскомъ.*

(114) См. современнаго *Новгород. Лѣт.* и особенную повѣсть о *благотворномъ Князѣ Довмонитѣ* (см. въ Синодалн. библиоп. рукопись подъ No 349, листъ 162) включенную въ лѣтопись Псковскую и другія.

(115) Ярославъ вздѣлъ изъ Новгорода въ Велико Княженіе. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что онъ, ухвативъ оцншь изъ Новгорода, оставилъ тамъ

Князя Димшрїя Александровича: по извѣстію же *Лѣт. Новгород.* тамъ начальствоваль, въ опсущствіе Великаго Князя, Юрій Андреевичъ.

(116) См. *Новогор. Лѣт.*

(117) См. *Новогор. Лѣт.* Эстонцы и теперь называютъ Везенбергъ Раковоромъ (Rackwerrn).

(118) Святославъ, коего Великій Князь прислалъ вмѣсто себя, былъ Михайловъ братъ (см. *Новогор. Лѣт.* стр. 152), а Михайлъ сынъ Ярославовъ.

(119) Въ Эстонїи извѣстна не малая рѣка Кель; но она гораздо далѣе Везенберга: здѣсь разумѣется она, на коей стоить сей городъ, или другая, не далеко отъ нее текущая; имена ихъ не означены на картахъ. — О бывшѣ см. Руссов. Chr. л. 26, Кельх. Lief. Gesch. стр. 96, и Арин. Chron. 62. Они полагаютъ ее въ 1272 году; но лѣтосчисленіе ихъ явно несправедливо. Сїи Историки относятъ смерть Мицловга къ 1271 году: вмѣсто чего онъ убитъ въ 1263 году, какъ говорятъ согласно наши лѣтописцы, Польскіе и Стриковскій. Если Магистръ Конрадъ Фонтъ-Медешъ, при коемъ случилось убїеніе Мицловга, начальствоваль 5 года, то Општо Фонтъ-Роденшенишъ заступилъ его мѣсто и сражался съ Россїянами гораздо ранѣе 1272 года. — См. *Новогор.* и *Псков. Лѣт.*

(120) Арин. Liefländ. Chron., Кельх. Lief. Gesch. и сказаніе о *Довмонитѣ.*

(121) Ярославъ посылалъ, за Низовскими полками, сына своего, Святослава. — Ниже въ лѣтописяхъ говорится только о Нѣмцахъ; но Дачиче безъ сомнѣнїя участвовали въ семъ мирномъ посольствѣ: ибо Новгородцы хотѣли воевать съ ними.

(122) Влукъ Мстислава Романовича Кіевскаго, убитаго на Каякъ. — Василій имсуетъ Новгородъ своею опчиною по тому, что опецъ его, Ярославъ Всеволодовичъ, княжилъ въ ономъ.

(123) Договорная грамота Ярослава находится въ Архивѣ Иностран. Кол. подъ No 1.

(124) Слѣдственно купцы раздѣлялись на Сошны: всякое Спо имѣло свою управу.

(125) И такъ грамоша Хапа или Царская была нашь закономъ и въ шорговль.

(126) Не сына ли Товпивилова, ушедшаго по смерти опца въ Новгородъ? см. выше. Впрочемъ сіе имя не Русское; у насъ ешь только женское Августиа.

(127) См. Абулгази Hist. des Tatars, 453, *Троицк. Лѣт.*, *Никоновск.*, *Степен. Книгу* (I, 383) и *Временникъ*.

(128) См. *Троицк.* — Въ то же время (см. лѣтописи Синодал. No 349 и 365, и Засѣцкаго) скончался и сынъ Ярославъ Михаилъ; а супруга Великаго Князя, именемъ Ксенія, жила въ Твери до 1312 года, и скончалась Монахиню.

(129) См. лѣтописи, въ описаніи случаевъ Александра княженія; см. также *Степен. Книгу*, I, 392., *Никонов. Лѣт.* III, 62, и *Родослови. Книги*. Прежде Θεодора не упоминалось о Князяхъ Можайска, Удѣла Смоленскаго. — О *Казани* будемъ говорить послѣ.

(130) О Ногаѣ см. выше, стр. 103.

(131) Опцы ихъ, какъ уже извѣстно Чинтапелю, были сыновьями Великаго Князя, Всеволода III. Его погребли въ Юрьевскомъ монастырѣ Св. Михаила (см. выше, примѣч. 80). Оставилъ ли Димитрій сыновей, не знаемъ (см. ниже, примѣч. 285).

(132) См. *Вольн. Лѣт.* По списку Ипатьев. онъ скончался въ 1264 году, а по Длугошу въ 1266. — Длугошъ пишетъ, что въ 1287 году, когда Ногаѣ и Телебуга громилъ Польшу, въ монастырѣ Сандецкомъ жила супруга Данилова, Констанція, вмѣстѣ съ сестрою своею, Книгою, женою Болеслава Краковскаго (Hist. Polon. кн. VII, 847). Сія Констанція дочь Бѣлы Венгерскаго (какъ сказывается намъ *Вольн. Лѣт.*) была за Львомъ Даниловичемъ, а не за опцемъ его. Ходыкевичъ, согласно съ Зиморовичемъ (см. ниже, примѣч. 189) говоритъ, что она, выпросивъ у Льва мѣсто сгорѣвшаго Лембергскаго дворца, основала тамъ монастырѣ Домшникавскій.

(133) См. *Вольнск. Лѣт.* (по Ипат. въ 1268 г.) — Романъ Даниловичъ погребенъ въ Холмѣ. — Данилъ заключилъ союзъ съ Болеславомъ за годъ до смерти Мвидовга.

(134) См. *Хронику* Сприковскаго и *Вольн. Лѣт.*

(135) См. Ранча *Исторію Сербовъ*, кн. VII, гл. IX, стр. 424. Опъ приводитъ слѣдующія слова древнѣйшаго Сербскаго Историка, Архіепископа Данила, сочинившаго *Родословъ* въ началѣ XIV вѣка. Ранчъ, худо зная нашу Исторію, думалъ, что сей Князь *Василій* былъ сынь Ярослава Всеволодовича. — См. *Вольнск. Лѣт.* Супруга Василькова, Елена, скончалась въ 1265 году и погребена въ Владимірской церкви Богоматери. Въ томъ же году, по сказанію *Вольнск. Лѣт.*, былъ страшный мятежь въ улусахъ Татарскихъ.

О монастырѣ Василия пилгетъ Зиморовичъ въ его *Triplici Leopoli*, и Ходыкевичъ (см. *Dissertationes de Archiepiscopatu Kijoviensi et Haliciensi*). Левъ, исполняя желаніе дяди, поспроилъ въ Лембергскомъ предмѣстїи желаніе дяди, поспроилъ въ Лембергскомъ предмѣстїи монастырь Св. Георгія изъ *буковаго* дерева.

(136) Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 334, и нашей *Исторіи* Т. III, стр. 233.

(137) Memor. Popul. III, 1118 и слѣд. — Уберт. Фоліет. Hist. Gen. въ Thesaur. Italico стр. 405. — Райнальд. Annal. Eccl. г. 1333, No 37 — Геронимъ де Мариниъ Genua, стр. 1455. Т. I. Thesauri Ital., въ Samml. Russ. Gesch. T. II, стр. 14, 83, 85. Мариниъ писалъ въ 1665 году: Genuenses Tanam (Азовъ) urbem tenuerint, in qua ad nostram aetatem durant adhuc nobiles Genuensium familiae. Нашъ Вице-Адмиралъ Корнел. Круйсъ увѣрялъ, что и въ его время еще находились тамъ попомки Фамиліи Спинола (Samml. Russ. Gesch. II, 85). — Одинъ посоль Короля Польскаго, видѣвъ развалины Херсона въ исходѣ XVI вѣка, слышалъ, что сей городъ опустылъ уже за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ (Бропеск. Tataria, стр. 271, въ *Исторіи Тавриды* Г. Сеспренцевича I, 350). — Въ запискахъ Князя Армянскаго, Юсифа Долгорукаго Аргунинскаго, Архіепископа Армянскихъ церквей въ Россіи,

сказано, что Татары, завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей въ вѣдѣншію Астраханскую и Казанскую Губернію; что пѣкшорцы изъ нихъ ушли въ Тавриду и поселились опчасті въ Кафѣ, опчасті въ Старомъ Крымѣ и близъ Судака. Сей Іосифъ Долгорукій сообщилъ свои записки Князю Потемкину (см. *Исторію Тавриды* Сестрен. II, 177). — Имя *Кафы* было извѣстно еще Императору Константину Багрянородному: пакъ называлось одно мѣсто близъ Херсона (см. Бандури Т. I, стр. 148).

(138) Дегин. *Hist. des Huns*, кн. XVIII, стр. 343. Бибарсъ, Государь Египта, съ дозволенія Хана Капчакскаго построилъ въ Крымѣ сію великолѣпную мечеть, желая прославить пѣмъ свою опчизну: ибо онъ былъ родомъ изъ Тавриды.

Случай Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1268 родился у Князя Бориса Васильковича сынъ Василій. »Лѣта »6777 (1269) Митрофанъ Епискупъ Сарьскій оппился (отказался) Епискупіи Сарьской и посстрижся въ Скъму; въ него мѣсто постави Митрополишь »Епискупа Θεогноста Русьскому Переяславию и Сарраю.« — Въ 1271 скончался сынъ Невскаго, Василій Александровичъ. »Тое же зимы преставился благовѣрная »Княгыня Васильковая Дек. въ 9 день.«

(139) См. выше, стр. 118. Здѣсь въ харашейномъ *Новгород. Лѣт.* пропускъ опъ 6780 до 6807 года. По лѣтописи Попа Іоанна, Димитрій прѣхалъ въ Новгородъ уже въ 1273 году; но мы болѣе вѣримъ *Троицкой* и харашейной *Новгородской*.

(140) См. *Вольиск. Лѣт.*

(141) См. *Троицк. Лѣт.*

(142) См. *Вольиск. Лѣт.*

(143) Въ *Троицк.*: »Въ лѣто 6782 приде Митрополишь Кирилъ изъ Києва, приведе съ собою Архимандриша Печорьскаго Серапіона, и постави его Епискупомъ *Ростову*, Володимерію и Новугороду« (Нижнему). Но въ Ростовѣ былъ тогда особенный Епискупъ Игнашій.

(144) Въ *Софійскихъ Правилахъ* или Харашейной *Корлей Книгъ* подъ Но 82 (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 65), писанной въ Новгородѣ при Князѣ Димитріи Александровичѣ и Архіепископѣ Климентѣ, преемникѣ Далмата, бывшаго на семь достопамятнотъ Соборѣ, о коемъ не зналъ ни Сочинитель нашей *Церковной Исторіи*, ни Авторъ *Иерархіи*. Вопъ надпись: *Правила Кирила Митрополита Русьскаго, свѣдѣвшихся Епискупъ Далмата Новгородскаго, Игнатія Ростовскаго, Θεогноста Переяславскаго, Серапіона Полотскаго, на поставленіе Епискупа Сараніона Володимирскаго.*

Случай Васильсва княженія, о коихъ мы не упоминали въ нашей Исторіи, суть слѣдующіе: въ 1272 году, по смерти Ярослава Ярославича, родился его сынъ, Михаилъ. Въ 1273 году, Дек. 20, умерла супруга Князя Гльба Васильковича, назвавшая въ крещеніи Θεодоропо. — Въ 1274 »преставился Архіепискупъ Далматъ »Новгородскій. — Въ лѣто 6783 (1275) престависъ Епискупъ Володимерьскій Серапіонъ. — Въ лѣто 6784 (1276) постависъ бысть Θεодоръ, Игумень »Св. Коспьянтина и Олены Епискупомъ Володимерію »и Суждалю.« Прѣхалъ изъ Києва въ Новгородъ Архіепископъ Климентъ. Князь Борисъ Васильковичъ желпль Димитрія, сшаршаго своего сына.

(145) См. выше, примѣч. 125.

(146) Такъ обыкновенно *Лѣт. Новгород.* называетъ области Великаго Княженія Владимірскаго.

(147) См. *Воскрес. Лѣт.* II, 291. Ясы, извѣстные еще со временъ Святослава I, жили напрошивъ того между Черпымъ и Каспійскимъ моремъ; объ нихъ мы уже нѣсколько разъ говорили. Штришперъ пишеть, что Ясы обипали и въ Молдавіи, ибо тамъ естѣ городъ Ясы: положимъ; но Князья ходили тогда въ Дагеспанъ, а не въ Молдавію и не за *Днѣстръ*, какъ прибавилъ Тапищевъ. (Впрочемъ имя Молдавской столицы происходить не опъ народа Ясовъ, по сказанію Канпемира: см. его *Описаніе Молдавіи*. До временъ

Государя Молдавскаго, Стефана V, памь существовала одна мельница, и хозяйинъ ея назывался *Ясей*: Стефанъ же, построивъ на семь мѣстъ городъ, далъ ему имя добраго мельника).—Россiяне взяли Деяковъ или Тепяковъ (нынѣ Дивецъ или Дедухъ, какъ въролпно) 8 Февраля. Византійскіе Лѣтописцы сказываютъ, что многіе Алане или Ясы ушли отъ ига Татарскаго въ Греческія владѣнія, хотѣли послѣ возвратиться въ свою землю, и были испреблены на пупи. (Мемор. popul. III, 1098; см. также Карпина, въ Бержерон. Voyages 58, 64, и Рубрукъ. 138).

(148) «Въ лѣто 6786 (1278) К. Глѣбъ Васильк. ожени сына своего, Михаила, Феодоровною Ростиславича Ярославскаго.» О Лаханѣ см. въ Мемор. popul. III, 1067 и слѣд.

(149) См. *Новогор. Лѣт.*

(150) См. *Троицк.* — Въ лѣтописи такъ называемаго *Каленнаго* монастыря, некогда славнаго, бывшаго на островѣ Кубенскаго озера, близъ Вологды, сочинитель, спарецъ Пансей-Ярославъ, рассказываетъ, что Князь Глѣбъ Васильковичъ, ѣхавъ однажды съ Бѣлаозера въ Устюгъ водою, едва не утонулъ на Кубенскомъ озерѣ во время сильной бури, и приспалъ (Авг. 6) къ Каменному острову, гдѣ жили 23 пустынника, которые молились Богу въ часовнѣ, укрываясь отъ злобы язычниковъ, обитавшихъ тогда вокругъ сего озера; что Глѣбъ, основавъ тамъ монастырь и деревянную церковь Св. Преображенія, поручилъ оную спарцу, Феодору, и пр. Первымъ Игуменомъ монастыря Каменнаго былъ Діонисій, пришедшій въ Москву къ Димитрію Донскому изъ Царяграда и жившій долго въ монастырѣ Боговленскомъ. Сей Діонисій скончался Епископомъ въ Ростовѣ. — Въ обители Каменной поспригся и кончилъ дни свои Св. Князь Иоасафъ Димитріевичъ Заозерскій, внукъ Василя Ярославскаго. Она давно уже переведена въ самый городъ Вологды.

(151) Въ житіи Довмонта сказано: испроси за себе «К. Довмонтъ у В. К. Димитрія Александр. дщерь «Киягиню Марью.»

(152) См. *Воскр. Лѣт.* О Ногаѣ см. выше, въ описаніи 1263 году, стр. 103.

(153) Братъ Мангу-Тимура: см. Дегинъ Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 346.

(154) Миръ заключенъ былъ въ Димитріевомъ спацѣ на Боричкѣ. О Волокѣ см. въ *Новгородск. Лѣт.* Попа Іоанна стр. 565.

(155) То есть, попомки Святослава-Ольговича Сѣверскаго, внука Святослава и правнука Ярослава Великаго. Въ описаніи Калкской битвы упоминалось о Курскомъ Князѣ Олегѣ, а въ 1241 году Татары убили Рыльскаго Князя, Мстислава: см. выше, прим. 20. Въ рукописной книгѣ о *градѣ Курскѣ* сказано, что онъ былъ разоренъ Башыемъ. — *Ворголъ* есть нынѣ село Орловской Губерніи, въ Елецкой Окружѣ. — Въролпно, что древній Липецкъ былъ тамъ же, гдѣ и нынѣшній, основанный на какихъ-то спарыхъ *развалинахъ*. Тамошняя гора (на коей во времена Песпра Великаго сполла оплѣнно высокая липа) и шеперь пазываешся *городищемъ*. Имя *Липецкаго лѣса* и рѣчки *Липецки* есть древнее. Въ лѣтописи сказано, что Князь Липецкій ушелъ въ лѣса *Воронезскіе*: а городъ Липецкъ, какъ извѣстно, находится на берегу *Воронезжа*.

Ханъ Туданъ-Мангу добровольно уступилъ престолъ Телебугъ или Тула-Бугъ (см. Дегинъ кн. XVIII, 347). — Слободы Ахмаповы были разорены въ 1283 году.

(156) См. *Троицк.* и *Воскр. Лѣт.* (Ч. II, стр. 266).

(157) См. *Воскр.* и *Новогор.*; также Дегинъ Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 348.

(158) См. *Воскрес.* О зятѣ Ногаевомъ см. выше, стр. 125. Прежде княжилъ въ Твери старшій Михайловъ братъ, Святославъ (см. *Воскрес.*), сынъ первой суируги Ярослава. Въ 1294 году еще упоминается о *Святославѣ* (см. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна), но онъ не названъ *Княземъ*.

(159) См. *Троицк. Лѣт.*

(160) Глѣбъ Смоленскій умеръ въ 1277 году, братъ его Михайлъ въ 1279, а Феодоръ Ростиславичъ Черный сдѣлался Княземъ Смоленскимъ въ 1280; въ 1281

году уже уже возвратился въ Ярославль. Въ нашихъ Родословныхъ Книгахъ сказано, чпо *Романъ*, сынъ Св. Михаила Всеволодовича, убитъ въ Орды, и чпо ошъ него пошли Князья Осовецкіе.

(161) См. *Новогор. Лѣт.*

(162) Сія *Нѣлицы* могли бытъ и Шведы: ибо послѣдніе также называющіеся иногда общимъ именемъ Нѣмцевъ. Грамота Короля Биргера напечатана въ Дрееров. книгъ *Specimen Iuris Publici Lubecensis*, стр. CLXXIV.

(163) См. *Новогор. и Троицк. Лѣт.*

(164) См. *Вольн. Лѣт.*

(165) См. Длугоша *Hist. Pol.* кн. VII, 849.

(166) Въ *Вольнск. Лѣт.*: «Князь же Володимеръ многы города сруби по опци своемъ: сруби Берестій, и за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемъмъ Лѣпши, и нарече имя ему Камень, и зане бысть каменна земля. Създа же въ немъ сполнъ камень, высокою 17 саженой... и церковь постави Благовѣщеніи... и украси ю иконы златными, и съсуды скова служебныя сребрены, и Евангеліе опракошь окованно сребромъ, Апостолъ опракошь и паромъ, и съборникъ опца своего шупо жъ положи, и крестъ въздвизальный. Тако же и въ Вѣльску поустрой церковь иконами и книгами; въ Володимери же списа Св. Дмипрелъ всего, и съсуды сребряныя скова... и завѣсы золотомъ шиты, а другыя оксамитныя съ дробъницею... и Апостолъ *самъ списавъ*, и съборникъ опца своего шупо же положи... Въ Епископию Перемышльскую да Евангеліе опракошь, окованно сребромъ съ женцогомъ: *самъ же списавъ* бѣше; а до Чернигова пославъ Евангеліе опракошь *золотомъ писано*, а окованно сребромъ съ женцогомъ, и среди его Спаса съ финишомъ; въ Луцкую Епископию да крестъ великъ сребрянь позлоишеть съ Честнымъ деревомъ; създа же и церкви многы: въ Любомли постави каменну Св. Георгія, украси ю иконами коваными и съсуды сребряны и плащци оксамитны шиты золотомъ вся, съ женцогомъ... Евангеліе опракошь волоченою

оловиромъ, и цяпу възложи на не съ финишомъ... »Прологи списа 12 мѣсяца... и Мыси 12 списа, и »Триодъ, и Охпай, и Ермолой; списа же и служебникъ »Св. Георгію... молишвенникъ же купилъ въ Протопопинос, и да на немъ 50 гривенъ кунъ... и дверн »солія мѣдяныя; почалъ же бѣше писати ю, но не скопчана: зайде бо его болѣсть; поля же и колоколы »дивны слышашемъ, такихъ же не бысть въ всей земли; въ Берестіи же създа сплѣтъ камень высокою »яко и Каменьцкый....

»Мѣспиславъ же, прибывъ мало днѣй въ Берестіи, и »ѣха до Каменя и до Вѣльска, и ради быша ему вси »людіе; ушверди люди и засаду посадивъ, и пріѣха въ »Берестій, и рече Бояромъ: еспѣ ли ловци здѣ? они »же рекоша: нѣшущъ, господине, извѣка. Мѣспиславъ »же рече: я пакъ уславляю на нѣ ловци за ихъ коромолу, »абы ми не зрѣши на ихъ кровь... и повелъ писцо своему »писати грамоту: *Се азъ Князь Мѣстиславъ, сынъ Королевъ, впукъ Романовъ, уставляю ловчіе на Берестіаны въ »вѣкы за ихъ коромолу, съ ста по двѣ лунки меду, по »двѣ ови, по пятнадцатъ десятиковъ лу, а по сту »злаба, а по пяти цѣбровъ оса, а по пяти цѣбровъ ржи, »и по 20 куровъ; а по тольку съ всяго ста; а на го »рожантъхъ 4 гривны кунъ; а кто мое слово порушитъ, »а станетъ съ мною предъ Богомъ. А вписавъ есмъ въ »лѣтописецъ коромолу ихъ... И ушвердивъ же за »саду въ Берестіи и поѣха до Вѣлодимеря... и съ »хашася къ нему Бояре его старіи и молодіи. Князь »же Мѣспиславъ съде на сполъ Володимера на самый »великъ день въ лѣто 6797, Апр. 10 день, и нача кня »жити, правдоюбѣемъ свѣшася... Тогда же Лпшов »скый Князь Будикидъ и братъ его Буйидъ дана »Мѣспиславу городъ свой Волковыескъ, абы съ ними »миръ дрѣжалъ.» Вотъ самое достовернѣйшее извѣщеніе о наследникахъ Тройденя. Выше сказано объ немъ: »Княживъ лѣтъ 12, преславися беззаконникъ. Бѣше же »у него бранія борза: Сирьпуть, Лвсій, Свидакли; »блхушъ бо живуще въ Св. крещеніи, въ любви, въ »смиреніи, превзиха любяще лица: си же всѣ пре-*

«спавишась при живомъ Тройденевъ.» Въ Родословной Князей Липовскихъ сказано (*Воскр. Лѣт.* I, 49): «По Вел. Князь Миньдовгъ съде на Княженіи Давидовъ сынъ *Видъ*, его же люди волкомъ звали, и пошъ прибавилъ Деревскіе» (Древлянской или Вольнской) «земли много; и по немъ съде на Вел. Княженіи Видовъ сынъ, Тройденъ, и пошъ прибавилъ Яшвягъ; и попомъ съде на Вел. Княж. Тройденевъ сынъ *Витень*, и пошъ прибавилъ земли Липовскіе много и до Бугу.» *Витень* и *Буйсидъ* не одинъ ли человекъ? Сприковскій—Историкъ—Поэтъ, ибо онъ писалъ опчаспи стихами — рассказывашъ, что послъ Войшелга, опъ 1264 до 1283 году, княжили въ Липвъ спарець Свишпорогъ Ушенусовичъ, сынъ его Гермонитъ, внукъ Гилигичъ, съ брапомъ Трабусомъ, сынъ Гилигитовъ Ромушъ, сынъ Ромушовъ Наримуншъ, брашъ Наримуншовъ Тройденъ, а послъ Воевода его Витень, ибо сынъ Тройденовъ и Княжны Мазовской, Лавръ, въ санъ Ивока спасал душу свою въ одномъ Россійскомъ монастырѣ, отказался опъ власши. Въ Липвъ было множество Князьковъ, жившихъ въ одно время: Сприковскій, собравъ ихъ имена изъ народныхъ преданій, объявилъ кого опцемъ, кого дьдомъ и правьдомъ тако-го-по Князя, жившаго, можетъ быть, гораздо ранѣе своихъ мнимыхъ предковъ. Достовернымъ источникомъ Липовской Исторіи XIII вѣка служатъ единственно наши лѣтописи, Вольнская и Новгородская, также Дузбургъ (*Chronicon Prussiae*) и Длугошъ.

Городъ Сшенанъ (нынѣ мѣстечко на берегу Горыши) принадлежалъ, думаю, къ Пинскому Княженію.

(167) См. *Троицк. Лѣт.* Тверскій Архимандритъ Макарій въ *Житіи Св. Князя Михаила Ярославича* и Сочинитель *Россійской Иерархіи* называютъ сего перваго Епископа бывшимъ Княземъ Полоцкимъ: Лѣтописцы говорятъ только: «Преставилъ блаженшій Епискупъ Симеонъ Тверскій. Быше училилепъ и силешъ книгами, Князя не стыдяшеса, прясъ, ш Вельможъ . . . нищія же и сироты жаловаше.» И положиша шъо его въ церкви Св. Спаса на пра-

вой спранъ Февр. въ 3 день» (1289). — Кодишъ въ числѣ Россійскихъ Епископовъ именуешъ и Тверскаго (*Тифериу*): см. его *Notit. Graec. Episc.* стр. 399. — Въ нѣкоторыхъ испорическихъ выпискахъ сказано (см. *Воскр. Лѣт.* I, 50), что Ярославъ Всеволодовичъ, по нашествіи Башыя, основалъ Тверь; но сей городъ уже существовалъ прежде (см. нашей *Исторіи* Т. III, спран. 171.)

(168) См. выше Кирилловы *Правила Церковныя*. Сей Митрополитъ мирилъ Ярослава Ярославича съ Новгородцами.

(169) См. Исторію Пахимера и Никиф. Григоры; см. также *Камель Соблазна* Или Миніаша.

(170) Одинъ *Никон. Лѣт.* говоритъ о томъ, сказывая, что Макенмъ ѣздилъ къ Хану въ 1283 году, а призвалъ Епископовъ въ Кіевъ въ 1284; что Θεогносъ былъ три раза въ Греціи, ѣздивъ шуда съ грамотами и съ *политиками* опъ Митрополита и Мангу-Тимура. Въ *Троицк.* и другихъ: «шое же змы «пріѣха Θεогносъ, Епискупъ *Сарайскій*, изъ Грекъ, «послалъ Митрополитомъ къ Папріарху, и Царемъ «Менгупемеремъ ко Царю Палеологу.»

(171) См. Дегиш. *Hist. des Huns*, кн. XVIII, стр. 548; также *Троицк.* и *Пушк. Лѣт.*

Разные случаи Димитріева Княженія: Въ 1278 скончались Князь Андрей Угличскій и жена его Юсупина. Сей Андрей былъ сынъ Владиміра Констаншиновича Угличскаго, брата Василькова (см. Родослов. Книги). — Въ 1278 преставилась въ Угличѣ Княжна Евдокія (мать Андреева, вдовствующая супруга Владимірова), а въ 1279 или 1280, Марша 1, Ярославская Княгиня Марина, супруга давно умершаго Всеволода Констаншиновича Ярославскаго. Въ томъ же мѣсяцъ умеръ Князь Юрій Андреевичъ Суздальскій, внукъ Ярослава Всеволодовича. — Въ Апрельъ 1280 года, скончался Кн. Давидъ Констаншиновичъ Галичскій и Дмитровскій, также внукъ Ярослава Всеволодовича. — Въ 1285 скончался Кн. Ромашъ Владиміровичъ Угличскій, внукъ Констаншиновъ, брашъ Андреевъ: ни пошъ, ни другой не оспа-

виль дѣшей, и сіе Кияженіе присоединилось къ Ростовскому (см. *Устолж. Лѣт.*). Въ 1286 у Князя Ростова Дмитрія Борисовича родился сынъ Александръ, а у брата его, Консѣапнина, Михаилъ. Преставился Ѳеодоръ Епископъ Владимірскій. Въ 1288 поставленъ Владимір. Епископъ Іаковъ и Ростов. Тарасій, Игуменъ Іоан. Обишелъ, на мѣсто умершаго тогда Игнація. — Въ 1293 скончался Рязанскій Князь Ѳеодоръ Романовичъ.

(172) Въ *Воскресен.*: «преставился (въ 1294 году) Князь Дмитрій Ростовскій... того жъ лѣта женился Князь Андрей Александровичъ (впорымъ бракомъ), поия Княгиню Василису, дщерь Дмишреву Борисовича Ростовскаго... Того же лѣта женися Князь Михайло Ярославичъ Тферскій, поия дщерь Князь Дмишреву Борисовича.»

(173) См. *Воскр. Лѣт.* Объ Исмаилѣ сказано въ *другой* мѣстѣ, что оцъ былъ Епископомъ Сарайскимъ или Сарекимъ.

(174) Въ 1301 году. — Ѳеодоръ Черный, Князь Ярославскій, умеръ въ 1299 году, Сент. 19, Монахомъ и Схимникомъ. (*Никон. Лѣт.* и *Степсн. Кн. I, 397*). Мощи Ѳеодора и двухъ сыновей его, Давида и Консѣапнина, были переложены въ каменную раку, въ церкви Св. Спаса, при Князь Александръ Ѳеодоровичъ Ярославскомъ въ 1463 году.

(175) См. *Собрание Государств. Грамотъ I, 5*. Подлинникъ хранится въ Архивъ Иностран. Коллегій, и состоитъ изъ двухъ грамотъ: одна писана оцъ Михаила къ Архіепископу Новгородскому а другая оцъ Новгородца къ Михаилу. Нѣтъ ни года, ни числа; видимъ только, что сей договоръ заключенъ еще при жизни Іоанна Димитріевича Переславскаго. Печать серебряная вызолоченная, съ изображеніемъ Арханг. Михаила и Св. Николая, виситъ на шелковомъ зеленомъ суркѣ; надпись ея сперлась. Объ грамоты писаны не на *бумагѣ*, какъ думалъ Кн. Щербатовъ, а на тонкомъ пергаментѣ.

(176) См. *Троицъ. Лѣт.* Переславль считался весьма крѣпкимъ городомъ. Земляной валъ его вышиною оцъ

5 до 8, а въ окружности 1037 сажень; съ одной стороны печепь рѣка Трубейкъ, а съ другой находилась глубокой ровъ, называемый *Гроблею*, который былъ наполненъ водою, а нѣтъ заросъ травой и сдѣлался болотомъ. На немъ стояла деревянная крѣпость, всегда починиваемая на иждивеніе Кязей Переславскихъ и Московскихъ; она срыта за вѣхостію въ 1759 году, по Указу Сенапа. Въ прехъ башняхъ двойной стѣны были воропа: Спасскія, Никольскія и Рожественскія; былъ еще изъ города къ рѣкѣ Трубежу ходъ называемый *Тайникъ*, коего донынѣ видны нѣкоторые признаки.

(177) См. *Троицъ.* и *Никон.*; а Сочинитель *Степ. Книги* пишетъ, что Данилъ, основавъ монастырь *Даниловъ*, велѣлъ шамъ и погребсти себя. — Въ семъ монастырѣ находилась слѣдующая надпись: «Въ лѣто 6811, мѣсяца Марта въ 4 день, преставился благовѣрный Великій Князь Московскій Схинонахъ Данилъ Александровичъ; мощи же его обрѣшены по опкровенію въ лѣто 7160 мѣс. Авг. въ 30 день, и повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Вел. Князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя Россіи Самодержца, пренесены въ церковь, что во имя Седми Вселенскихъ Соборовъ.»

Деревянная церковь Св. Михаила, гдѣ, по сказанію Лѣтописца современнаго, былъ погребенъ Князь Московскій Данилъ, стояла на томъ же мѣстѣ, на комъ послѣ воздвигнутъ былъ нынѣшній каменный Соборъ Архангельскій.

Извѣстіемъ о кончинѣ Даниловой заключается *Пушкинская* харашнейная лѣтопись.

(178) Весною въ 1303 году. Съ того времени Можайскъ былъ уже Московскимъ городомъ (см. ниже въ завѣщаніи Вел. Князя Іоанна Калшны).

(179) См. *Троицъ.* Сего пѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ.

(180) См. выше, снран. 161. — Доселѣ еще не упоминалось о Кязяхъ Вяземскихъ, происходящихъ оцъ Рюрика Ростиславича Кіевскаго. Сынъ Владиміра Рюриковича, Андрей *Долгая Рука*, женатый на дочери

Мстислава Романовича, убишаго на Калкъ въ 1224 году, былъ первымъ Княземъ въ Вязьмъ, области Смоленской. Такъ показано въ *Родословныхъ Книгахъ*. — Число убитыхъ подъ Дорогобужемъ Смоленъ проспиралось до 200.

(181) См. житіе Довмонпа и лѣтопись Псковскую. — На мечъ Довмонповомъ написано: honorem meum nemini dabo.

(182) См. выше, примѣч. 121. Сприковск. *Хроникъ*. кн. IX, и *Псков. Лѣт.*

(183) См. Дална *Gesch. des R. Schw.* II, 246. Онъ именуешь его *Sigge Lake*, а нашу Лѣтописецъ Воеводою Сигомъ. — Конорье возобновлено въ 1297 году.

(184) См. Дална.

(185) См. Дална и наши лѣтописи.

(186) Владиміръ, сынъ Ярослава Великаго, въ 1044 году заложилъ крѣпость въ Новгородъ; но она была конечно деревянная: ибо Лѣтописецъ прибавилъ бы: «городъ каменъ.»

(187) См. *Cométographie*, I, 420, и наши лѣтописи.

(188) Апрель 12. «А Семену, Епископу Володимѣрскому, дасть Епископю Ростовскую... А самъ съде въ Володиміръ.» Бывшій Ростовскій Епископъ Тарасій поссорился съ Княземъ своимъ, Коншанпшиномъ Борисовичемъ, и въ 1295 году уѣхалъ въ Успенгъ; Коншанпшииъ же поѣхалъ за нимъ и взялъ его подъ спиражу со всѣми людьми Епископскими, (*Ростовск. и Воскрес. Лѣт.*) — О Князь Порусскомъ см. выше, примѣч. 175.

(189) Такъ именуешь Львовскій или Лембергскій Бургомиспръ Зиморовичъ въ своемъ *Triplici Leopoli*, сочиненномъ въ 1672 году. Я имѣлъ вѣрный списокъ сей любопытной рукописи отъ Г. Профессора Лоди; а подлинникъ хранится во Львовѣ.

(190) Клименту Ходыкевичу, Монаху Доминиканскому, написавшему *Dissertationes historico-criticae de Archiepiscopatu Metropolitano Kijoviensi et Haliciensi*, показывалъ первую грамоту Григорій Сушальскій, Деканъ Николаевской церкви во Львовѣ, а вшорую Анню-

ній Левинскій, Протопопъ памошней Успенской Соборной церкви. — *Крылось* есть мѣстечко верспахъ въ пяти отъ Галича, гдѣ какъ *сказываютъ*, была въ старину каедра Галицкой Митрополіи, и находился загородный дворецъ Княжескій (см. Ходык. *Dissertationes*).

(191) Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ находятися подлинныя грамоты Галицкихъ Князей къ Великимъ Матиспрамъ Нѣмецкаго Ордена. Отъ Юрія Львовича самого нѣтъ писемъ; но печать его находимъ приложенную къ грамотѣ Андрея и Льва, правнуковъ Данила, писанной въ 1316 году (см. ниже). На одной споронѣ изображень Юрій или Георгій на прони, въ вѣщѣ и съ скиптромъ въ правой рукѣ; кругомъ подпись: *Domini Georgi Regis Russiae* — на другой споронѣ всадникъ въ лапахъ; въ рукахъ щипъ и знамя; кругомъ: *Domini Georgi Principis Ladimeriae*.

(192) См. Ариш. *Liefländ. Chron.* стр. 75.

(193) Драгоценное собраніе древнихъ грамотъ Новгородскихъ и Двинскихъ получено мною отъ Графа А. И. Мусина-Пушкина. Вотъ Андреева грамота: «Отъ Великаго Князя отъ Ондрѣя къ Посадникомъ, и къ скошникомъ, и къ старостамъ: како есмь докончалъ съ Новымъгородомъ ходити премъ вапагамъ моимъ на моръ; а въ Ашаманъ Ондрѣй Кришцкый, дашь даюшь (да даюшь ему) съ погосповъ кормъ, и подводы по пощипъ; а сынъ его Кузма какъ пойдешь съ моря съ попками (щипцами) съ дашными по дашничу пуши, дадашь ему корму и подводы по пощипъ съ погосповъ; а какъ пошло при моемъ опщѣ и при моемъ брапѣ не ходити на Терскую спорону Новгородемъ, и нынѣ не ходяшь.» — *Терская* спорона, или *Терь* или *Тре*, заключала въ себѣ, какъ видно, сѣверную приморскую часть Архангельской Губерціи. Тамъ одни слуги Великаго Князя, называемые въ другихъ грамотахъ *сокольничками* (см. ниже), ловили щипъ.

Разныя происшествія Андреева княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующія.

Въ 1294 году преславился Рязан. Епископъ Василій.

— Въ 1295 поставленъ Симеонъ Епископъ Владимірскій. — Въ 1298 родился у К. Михаила Тверскаго сынъ Димитрій, а въ 1299 дочь Θεодора, и скончался Новгород. Архіеп. Климентъ. — Въ 1300 поставленъ въ Архіепископы Θεоклистеъ, и родился у К. Михаила Тверскаго сынъ Александръ. — Въ 1303, скончался въ Коспиромъ сынъ Вел. Князя, Борисъ Андреевичъ. Въ рукописи. Устюжскомъ лѣтописци: «Въ лѣто оупъ Р. Х. 1303, Іюля 8, пресавися Св. Проконій, Христа ради городобный Устюжскій Чудотворецъ, другъ преподобнаго ошца Кипріяна» (см. о семъ послѣднемъ *Устюж. Лѣтоп.*), «по концѣ моста предъ святыми ворошы шого Архангельск. монастыря. Тѣло же его честное, по его завѣщанію, погребено на берегу рѣки Сухоны, близъ Соборныя церкви Успенія, на каменъ, на которомъ Св. Проконій обывалъ часпо сидѣти, взирати на рѣку Сухону и молиши Бога о плавающихъ, положенъ верхъ гроба по его завѣщанію; на пошомъ и церковь надъ гробомъ его во имя его создана.» См. о чудесахъ Проконія въ Прологъ, Іюля 8.

(194) Договорныхъ грамотъ Михайловыхъ съ Новгородомъ находившя въ Архивѣ Иностран. Колл. чешыре, подъ Но 6, 7, 9 и 10. *Первая* на пергаментѣ съ свинцовой печатью, на коей съ одной стороны вырѣзанъ образъ Богоматери, а на другой слова: «*Θεоклистеъ Архіепископъ Новгородскій.*» На печати *вторгая* грамоты изображены Іисусъ и Михайль Архангель. *Первая* грамота оупъ Архіепископа и чиновниковъ Новгородскихъ дана Михайлу, вшорая оупъ Михайла Новгороду.

(195) См. *Воскр. Лѣт.* II, 281.

(196) См. рукои. Синодальную подъ Но 349, л. 53. Сей Михайль былъ сынъ Андрея *Ярославича*, а не *Александровича*, который не оставилъ дѣтей; пошому его Бояре, не имѣя Государя, уѣхали къ Михайлу Тверскому.

(197) Михайль возвращился въ 1305: см. *Воскр. Лѣт.* II, 281.

(198) См. выше, стр. 179, и *Троицк. Лѣт.* — Съ сего времени Коломна была уже Московскимъ горо-

домъ. Іоаннъ Даниловичъ въ завѣщаніи своемъ (см. ниже, въ описаніи 1340 году) ошказалъ ее спаршему своему сыну. — Браться Георгіевы уѣхали въ Тверь зимою 1307 года.

(199) Хотя Михайль не былъ въ Новгородѣ до 1308 году, но господствовалъ тамъ чрезъ Намѣстниковъ съ самаго своего пріѣзда изъ Орды. См. *Лѣт. Новгород.*

(200) См. Архивск. Новогородскую грамоту Но 11. Она съ печатью Архіепископа Θεоклистеа, слѣдственно писана еще въ 1307 или 1308 году. По Ливонскимъ Лѣтописямъ тамъ извѣстно, что Рыцари въ 1307 году осаждали Псковъ и возвратились съ выгоднымъ для нихъ миромъ (см. Архив. Chron. стр. 77, и Кельх. *Liefländ. Gesch.* стр. 107).

(201) Лербергъ извѣщаетъ, что городъ *Ванай* былъ тамъ, гдѣ нынѣ приходъ *Ванал*, близъ Тавастегуза; что древніе Новгородцы называли *Купешкою* рѣку *Кушо*, а *Черною* Покію. Напронивъ шого Гиппингъ (*Bemerk. üb. einen in den Rus. Chron. erwähnten Kriegszug*) представлялъ вѣроятность, что *Купешкая* р. есть заливъ Поюскій, а *Черная* Карисъ.

Князь *Димитрій Ромимовичъ*, съ коимъ Новгородцы ходили въ Финляндію, могъ быть сыномъ или Романа Гльбовича Смоленскаго или Романа Владиміровича Угличскаго; однакожь сей послѣдній, внукъ Константина Великаго Князя, названъ бездѣльнымъ въ Родословныхъ Книгахъ.

(202) См. Абулгази *Histoire des Tatars*, стр. 457. Дегина, кн. XVIII, стр. 350., *Воскр.* II, 281) и *Троицк. Лѣт.* Моголы начали принимать Вѣру Магометанскую еще со временъ Хана Берки (см. выше, стр. 111); но Узбекъ, совершенно искоренивъ идолопоклонство, вездѣ утвердилъ оную.

(203) См. *Воскрес. Лѣт.* Михайль повхалъ къ Хану въ 1313 году, а возвратился осенью въ 1315.

(204) Родъ Князя Θεодора Ржевскаго неизвѣстенъ.

(205) См. *Собраніе Государ. Грамотъ* I, 15.

(206) См. *Новгород., Троиц. и Воскр. Лѣт.*

(207) См. *Новогор. Лѣт.* Юрій былъ давно женашь; по видно, что первая жена его тогда скончалась.

(208) См. житіе Михаила въ *Воскр. Лѣт.* II, 282, 283. — *Выходомъ* называлась дань, которую Великіе Князья платили Ханамъ за свое достоинство. — Все слѣдующее взято изъ житія Михайлова, внесеннаго въ *Воскр. Лѣт.* и *Степен. Кн.*

(209) Борисъ Даниловичъ, какъ видно, снова держалъ спорону брата, возвращаясь къ нему изъ Твери. — Далѣе см. *Новгород., Воскрес., Ростов. и Троицк. Лѣт.*

(210) Шведскіе Лѣтописцы говорятъ, что Россіяне сожгли тогда Або, гдѣ обыкновенно жилъ Епископъ Финляндскій (см. Далін. *Gesch. des Schw. R.* II, 314 и 418).

(211) См. *Новогор.* и *Воскр.* II, 284. — Договорная грамота, тогда написанная, хранится въ Архивѣ подъ No 14. Она столь вѣща, что не можно разобрать и половины словъ.

О смерти Георгіевой жены см. *Новогор.* и *Троиц. Лѣт.* Князь Щербатовъ благоразумно замѣчаетъ, что Михаилъ не могъ ожидать никакой пользы отъ такого злодѣйства, и что оно совсемъ невѣроятно. — Ректоръ Тверской Семинаріи, Архимандритъ Макарій, сочинилъ въ 1765 году *Житіе Св. Михаила Ярославича*, украсилъ оное многими изобрѣщеніями.

(212) «Аще Христіане сколько почіюнь.» Сей Духовникъ былъ Игуменъ Іоаннъ.

(213) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 41.

(214) См. Абульгази *Histoire des Tatars*, стр. 337, 338.

(215) «Въ той бо часъ окаяный Кавгадый вхоужаше ко Царю и исхожаше со оубѣны на убіеніе «благеннаго.» — Псаломъ, чипанный Михаиломъ, естъ 54.

(216) См. сей *Исторіи* Т. I, стр. 148, и примѣч. 294. Рубруквись, путешественникъ XIII вѣка, видѣлъ еще тамъ Венгровъ. Бездежъ естъ нынѣ, думаю, селеніе Вездево, ниже Елошаевска, на рукавъ Волги. Лсы или Алане исповѣдывали опчасни Вѣру Христіанскую; многіе изъ нихъ говорили по-Гречески (*Voyage de Rubruquis*, стр. 24).

(217) Лѣтописецъ называетъ Михаила такимъ же

отечестволюбцемъ, каковъ былъ Св. Димитрій Солунскій.

(218) «Въ лѣто 6820 (1312) преставися Княгиня «Ярославля Ярославича, именовъ Оксипля, въ Чернищахъ и въ Скимѣ, и положена бысть на Тѣри.»

(219) «Въ лѣто 6815 (1307) преставись Князь Ко«стянтинъ Борисовичъ Ростовскій въ Орда»...

(220) Въ *Волг. Лѣт.* упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянскаго, Олегъ и Михаилъ: Василий могъ бысть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Романовымъ.

(221) «Тое жъ зимы (1305) преставись Митрополи«тъ Максимъ всея Руси, Дек. 6.» — Св. Пётръ Митрополитъ, посвященный въ Царьградъ, пріѣхалъ въ Кіевъ въ 1308 году, а въ Владиміръ въ 1309.

Житіе Св. Митрополита Петра, напечатанное въ *Степен. Кн.* (I, 410), сочинено Митрополитомъ Кипріаномъ, въ княженіе Димитрія Донскаго или Василя Димитріевича. Кипріанъ сказываетъ, что Пётръ, сынъ Θεодоровъ, родился въ Волыни, и посприженный на тринадцатомъ году въ одномъ пустынномъ монастырѣ, выучился тамъ иконою живописи.

(222) См. *Степ. Кн.* I, 418.

(223) Въ Ростовской Архивской Лѣтописи: «да «никтоже обидишь (на Руси) соборную церковь Петра «Митрополита, и его людей и церковныхъ его; да ни«кто же възимають стяжаній, ни имѣемъ, ни лю«демъ; а знаетъ Митрополитъ Пётръ въ правду и «право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду; и «въ чемъ ни буди — въ разбон, и въ поличномъ, и въ «табѣ, и во всякихъ дѣлахъ — вѣдаетъ Пётръ Ми«трополитъ единъ, или кому прикажетъ; да вся по«коряются и повинуются Митрополиту, вся его цер«ковныя причты по первымъ изъ начала закономъ ихъ, «и по первымъ грамотамъ нашимъ, первымъ Царей «великихъ грамотамъ и деѣтеремъ; да не вступаютси «въ церковное Митрополитичіе ничтоже, занеже по Бо«жіе естъ все; а кто вступаютси, а нашъ ярлыкъ и «наше слово пресупнишь, той Богу естъ повиненъ,

и гнѣвъ на себя опъ Него прѣиметь, а опъ насъ ему
 «казнь будетъ смершная. А Митрополишь правымъ
 «душемъ пребываетъ, и шѣшится, да правымъ серд-
 «цемъ, и правою мыслию своя вся церковная усиро-
 «ляешъ, и судишь, и вѣдаешъ, или кому повелишь ша-
 «жковая вѣдати и управляти. А намъ въ шо не всту-
 «панися ни вошо же, и дѣшемъ нашимъ, ни всѣмъ
 «Княземъ нашимъ нашего Царства, и всѣхъ нашихъ
 «спраць, и всѣхъ нашихъ Улусовъ; да не вступаютъ
 «никшо ничѣмъ въ церковная и въ Митрополища, ни
 «въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во
 «всякіе ловли ихъ, ни въ борши ихъ, ни въ земли ихъ,
 «ни въ дуга ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни
 «въ волосшныя мѣста ихъ, ни въ винограды ихъ, ни
 «въ мельницы ихъ, ни въ зимовица ихъ, ни въ спада
 «ихъ во конскіе, ни во всякіе скопшскіе спада ихъ,
 «ни въ вся спяжакія и имѣнія церковная. И люди и
 «вся причшы ихъ, и вси законы ихъ уложеныя спа-
 «рны опъ начала ихъ, шо все вѣдаешъ Митрополишь,
 «или кому да прикажетъ; да не будетъ ничтоже пе-
 «речинено, или порушено, или кѣмъ изобижено. Да пре-
 «бываетъ Митрополишь въ тихомъ и кропкомъ жи-
 «вѣнн, безъ всякіе голки, да правымъ сердцемъ и пра-
 «вою мыслию молитъ Бога за насъ, и за наши дѣши,
 «и за наше племя.... А поѣдутъ наши Баскаки, шамож-
 «ники, дащики, поборшники и писцы, по свѣмъ на-
 «шимъ грамотамъ, какъ наше слово мовило.... опъ
 «Соборные церкви Петра Митрополища никшоже не
 «взимаетъ и опъ всѣхъ людей, и опъ всего его при-
 «чша; шѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блудутъ,
 «и наше воинство укрѣляютъ. Кто бо того и пре-
 «же насъ не вѣдаешъ, што Бога безсмершнаго силою
 «и волею живутъ всѣ, и воюютъ? шо всѣ вѣдаютъ....
 «А што законы ихъ, и въ законы ихъ церкви, и мопа-
 «спыри ихъ, и часовни ихъ, да не вредитъ ихъ, ни ху-
 «лятъ ихъ, а кто учешъ Вѣру осуждани ихъ и ху-
 «лиши, шопъ человекъ не извиниши ничѣмъ же, и умрешъ
 «злоу смершню.... Такъ наше слово учинило, и дали есмы
 «Петру Митрополишу грамоту сию для крѣпости ему,

«да сию грамоту видяще и слышаще вси людѣ, и вси
 «церкви, и монастыри, и вси причшы церковные, да
 «не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему
 «будутъ по закону ихъ, и по старинѣ, какъ у шихъ
 «изстари идетъ. Да пребываетъ Митрополишь пра-
 «вымъ сердцемъ, и безъ печаль, и безъ скорби всѣ-
 «кѣя, Бога моля о насъ и о нашемъ Царствѣ.»

Кругъ лѣтосчисленія у Моголовъ — такъ же, какъ
 у Воспощныхъ Турковъ — сосполять изъ 12 лѣтъ:
 первый годъ назывался *мышью*, второй *быкомъ*, третій
рысью и *барсомъ*, четвертый *зайцемъ*, пятый
крокодиломъ, шестый *змеемъ*, седьмый *кошемъ*, ось-
 мый *бараномъ*, девятый *обезьяною*, десятый *курицею*,
 одиннадцатый *псомъ*, дванадцатый *свишею* (см. Эрбе-
 лоп. Bibl. Orient. подъ словомъ *Giagh*). Мѣсяць раздѣ-
 лялся у нихъ на дни *старые* и *новые*, какъ свидѣтель-
 ствуютъ сѣярылыки Царскіе. Здѣсь сказано: «четвер-
 тнаго *сѣтха*»; а въ другомъ: «десятаго *нова*.»

(224) См. *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1321.

(225) См. *Новгород.* и *Псков. Лѣт.* — *Зобница* не
 осымина ли?

Разныя происшествія Михаила княженія: Въ 1504
 году преставился бывшій Роспювскій Епископъ Тара-
 сій. — Въ 1506 родился у Вел. Кн. Михаила сынъ
 Константинъ. — Въ 1508 осенью скончался Князь
 Александръ Даниловичъ, братъ Юріевъ. (По *Никон.*
Лѣт. Князь Василій Ковстаншиновичъ Рязанскій убитъ
 въ Ордѣ.) — Въ 1509, Іюня 5, Пестръ Митрополишь
 въ Владимірѣ поставилъ Архіепископомъ Давида. (По
Ник. Лѣт. скончался Князь Суздальскій Василій Ми-
 хайловичъ). — Въ 1510, преставился, Дек. 23, Ар-
 хіеп. Осоктисенъ и положенъ въ церкви Благовѣщенія.
 (По *Никон. Лѣт.* Князь Василій Брянскій съ Таша-
 рами убилъ Карачевскаго Князя, Святослава Мстис-
 лавича). — Въ 1511 Симеонъ Роспюв. оставилъ Епи-
 скопію и на его мѣсто поставленъ Ярославскій Игу-
 менъ Св. Спаса Прохоръ. — Въ 1512 Митрополишь,
 на мѣсто Сарскаго Епископа Исмаила, поставилъ Вар-

сонофія. — Въ 1513, по *Никол. Лѣт.* преставился Смоленскій Князь Александръ Глѣбовичъ, оставивъ двухъ сыновей, Василя и Иоанна. — Въ 1514 преставился Иоаннъ, Епископъ Суздальскій, и Симеонъ, бывшій Епископъ Владимірекій и Ростовскій, въ Суздаль. — (По *Никол. Лѣт.* скончался Василий Александровичъ Брянскій). — Въ 1515 скончался Князь Иванъ Михайловичъ (а по пѣкошорымъ спискамъ Михаилъ Ивановичъ) Стародубскій, впускъ Иоанновъ. Андрей, Епископъ Тверскій, оставилъ свой санъ, и на его мѣсто поставленъ Варсонофій. — Въ 1517 у Князя Иоанна Даниловича, брата Юріева, Сент. 7 родился сынъ Симеонъ.

(226) См. выше, стр. 198. Тѣло Юріевой супруги опхвезли въ Ростовъ. — Княгиня Анна посприглась въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ; жила послѣ у сына своего, Василя, въ Кашино; преставилась черезъ 19 лѣтъ по кончинѣ супруга и погребена тамъ въ Успенскомъ Соборѣ. Святыя мощи ея были обрѣнены въ царствованіе Алексія Михайловича.

(227) См. *Новогор. Лѣт.* 174.

(228) Сія древніе рубли описаны Герберштейномъ (*Reu. Moscov. Comment.* стр. 42), и Гваньини (*Moschov. Descript.* стр. 158). Десять, или болѣе подобныхъ кусковъ серебра были найдены въ землѣ крестьянами Князя Павла Михайловича Волкопскаго, верстахъ въ 30 отъ Москвы. Образъ и длина ихъ такая же ; въсомъ каждый отъ 22 до 24 золотниковъ. Въ Кабинетѣ у Графа А. И. Мусина-Пушкина есть подобный же рубль съ изображеніемъ словъ: *Волод...* то есть, имени Владиміра, можетъ быть Калипина внука или Владиміра Рязанскаго, жившихъ въ XIV вѣкѣ. Въ лѣтописяхъ XVI вѣка, г. 1535, сказано, что пять старыхъ рублей съ двумя гривнами въсели фунтъ. Такъ означено и въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ Ариоменикахъ. Но въ вѣ исходѣ XIV вѣка рубли Московскіе состояли уже изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ (см. сей

Исторіи Т. V, примѣч. 118) и въсь ихъ, какъ видно, нѣсколько уменьшился въ отношеніи къ древнимъ рублямъ или кускамъ серебра, ходившимъ въ то время, когда предки наши еще довольствовались, вмѣсто денегъ, лоскутками кожаными или кунами (см. сей *Исторіи Т. I*, примѣч. 472). При Великомъ Князѣ Иоаннѣ Василевичѣ, т. е. въ концѣ XV вѣка, фунтъ золота стоилъ около 55 серебряныхъ рублей. Въ *Отпускѣ Великой Княжны Елены*, дочери его, сказано: »Послано къ зяню, къ В. К. Олександру, на свадьбу къ вѣвичанью креститъ золотъ... а въсу въ ономъ полгери-вески безъ дву золотниковъ (т. е. 22 золотника), пол-тринадцатъ рублевъ» (см. *Древ. Рос. Вѣдѣю. XIV*, 2).

(229) См. Далли. *Gesch. des R. Schw. II*, 326 и *Новгород. Лѣт.*

(250) Иоаннъ, братъ Георгіевъ, поѣхалъ въ Орду въ 1320 году.

(251) См. выше, г. 1242. — Князь Александръ опхвалъ Георгіеву казну на *Удѣлѣ*.

(252) См. *Лѣт. Псков.* — Лѣтописецъ Прусскаго Ордена, П. Дубургъ, говоритъ о семъ нашествіи (*Chron. Prussiae* стр. 394) Давида Липовскаго, называя его *Castellanus de Gartha*, и сказывая, что онъ убилъ и плѣнилъ болѣе 5000 Христіанъ: *Ecclesias, vestes sacras et vasa altaris inhumaniter polluit et concremavit*. Однакожъ Дубургъ не знаетъ, что большая часть Давидова войска состояла изъ Россійнъ. Тамнищевъ называлъ Давида сыномъ Дзмонша. — Родъ Псковскаго Князя Евстафія неизвѣстенъ. — Эстонія все еще зависѣла тогда отъ Короля Датскаго; но въ 1346 году Вальдемаръ III продалъ оную Нѣмецкому Ордену за 18,000 марокъ.

(253) См. также *Ядро Рос. Исторіи*. Новгородцы уступили Шведамъ часть западной Корелии, нынѣшняго Выборгскаго и Яекисскаго Округа, такъ, что граница шла отъ устья Сеспыри черезъ югозападную часть Кексгольмской области къ Каннебургской. Тогдашній договоръ уцѣлѣлъ въ Шведскомъ Государствѣномъ Архивѣ и напечатанъ Поршаномъ въ его *Sylog.*

Monumentorum (см. Лерберг. Untersuchungen, стр. 232). — Шведы назвали крепость Орховъ, Орховецъ или Оршнекъ, *Нетеборголь*, по еспь, перевели сіе имя на свой языкъ.

(234) См. выше, примѣч. 188, и Т. III, примѣч. 147. Кн. Щербатовъ думалъ, что Устюгъ принадлежалъ Новгороду.

(235) См. *Троицк. и Новгород. Ллт.*

(236) См. *Троицк. и Воскр. Ллт.*

(237) Городъ Новосиль, какъ мы уже сказали, былъ удѣломъ Черниговскихъ Владѣтелей, въ землѣ Вятичей; а Родоначальникомъ Князей Новосильскихъ и Бѣлевскихъ сынъ Михаила Черниговскаго, Семень Глуховскій.

(238) О семь прозваніи Димитріевомъ сказано единственно въ Родословныхъ Книгахъ. — Димитрій женился на Гедиминовой дочери въ 1320 году.

(239) См. *Новгород. Ллт.* и договорную грамоту Александра въ Архивъ Импер. Кол. № 15.

(240) Такъ имя его написано въ харашейныхъ *Новгород. и Троицк.*; а не *Щелканъ*.

(241) Андрей Ярославичъ Суздальскій, братъ Александра Невскаго, имѣлъ дѣрехъ сыновей: Юрья (бездѣшнаго), Михаила (княжившаго въ Новгородѣ Нижнемъ) и Василя.

(242) Въ *Троицк. и Новогор.* сказано, что Моголы тогда же убили сего Князя; а въ *Воскресен.* и другихъ прибавлено: «въ Ордѣ.» *Никол. Ллт.* говоритъ еще объ убіеніи Князя *Василя* Рязанскаго.

(243) Длугошъ, Hist. Pol. кн. X, стр. 117: Inter septentrionales populos obscurissimi (Липовцы), Ruthenorum servituti et tributis vilibus obnoxii, ut cuique mirum videatur ad tantam eos felicitatem, sive per finitimum ignaviam et desidiam provecos, ut imperent nunc Ruthenis, sub quorum imperio annis prope mille veluti servile vulgus fuere.

(244) См. выше, примѣч. 165. Вопреки Сприковскому, называющему Вишена Вельможею Тройдена, современный Историкъ Нѣмецкаго Прусскаго Ордена,

Петръ Дузбургъ, сказывающъ, что Вишенъ былъ сынъ и наслѣдникъ Липовскаго Князя Лупевера, владѣвшаго еще въ 1291 году: (см. его Chron. стр. 323). Сприковскій называющъ Гедимина сыномъ Вишеновымъ: такъ сказано и въ нѣкопорецкхъ Русскихъ лѣтописяхъ (см. *Воскрес. Ллт.* I, 49). Но Длугошъ, современникъ правнука Гедиминова, пишетъ, что сей Великій Князь Липовскій, бывъ Конюшимъ у своего Государя, умершвиля его и похитилъ власнѣ (Hist. Pol. кн. X, стр. 60). Могъ ли Длугошъ, человекъ извѣстный, выдумать басню, споль оскорбительную для чести Королевскаго рода? Другіе наши Лѣтописцы говорятъ согласно съ Польскимъ Историкомъ, что Гедиминъ былъ Конюшимъ Вишеновымъ, прибавляя слѣдующее: «Во плѣненіе безбожнаго Царя Батыя избѣжалъ ошъ плѣна его вѣвкій Князецъ, именемъ Вишняецъ (Вишенъ), рода Полоцкихъ Князей, и вселися въ Жомошъ (Самогитицъ или Жмуди) у нѣкоего боршника (ичельника), и поашъ оу него дщерь въ жену себѣ и пребышъ съ нею 30 лѣшъ бездѣтнѣ, и убисъзъ бысть гроломъ; и послѣ Князля Вишняца поашъ жену его рабъ его Конюшецъ, именемъ Гедименикъ, и роди ошъ пѣл 7 сыновъ» (см. *Родословную Велико-Россійскаго Государства*, писанную въ Ярославѣ въ 1668 году, въ Синодал. Библиод. № 461, и *Ростовск. Архивск. Ллт.* въ концѣ о *Князяхъ Литовскихъ*).

(245) Длугошъ Hist. Pol. кн. X, стр. 60, и *Хрон. Сприков.* кн. XI, гл. 3, и кн. XII, гл. 3 и 7. Въ нашихъ Родословныхъ сказано, что Явнушъ или Евнушій Гедиминовичъ женился на Княжнѣ Вишебекой, Ольгердъ же на Полоцкой.

(246) Харашейный подлинникъ сей грамоты, писанной къ В. Магистру Карлу Безфарти, находящаяся въ Кенигсбергерскомъ Архивѣ подъ № 462. Вотъ она (безъ всякихъ поправокъ въ букввахъ):

Magnifico Domino — и проч. — Magistro. Generali. ceterisque. fratribus. eiusdem. professionis. in Prussia. Andreas. et Leo. Dei. gracia. Duces. totius. terre. Rus. sie. Galicie. et. Lademirie. salutem. et. post. huus. vite. militiam. in. celestibus. triumphare. cum. inter

honorabiles. viros. vestros. predecessores. Magistrum. acque. fratres. Pruscie. ex una parte. nostrosque. serenissimos. progenitores. ex altera. dileccionis. insignia. ac mutue promocionis beneficia. vigerunt. delectat. et nos. vobiscum. eodem. caritatis vinclo. uniri. ac sincera amicitia federari. maxime. cum honorabilis. Reliquineus noster. dilectus. antiquam antiquorum. amicitiam. nobiscum duxerit innovandam. prout. in instrumentis et paccionibus. super hoc. confectis. plenius est expressum. nos volentes. utique exemplo. progenitorum. nostrorum. vobis adesse. sincera amicitia. et favore. et de amicitia. federacionibus. et pace. inter nos. conceptis. a diebus diutinis. nichil. omnino. diminuere. sed potius. volente Domino. habundantius ad augere. ceterum. terras vestras. fideliter premunire. curabimus. pre Tataris. dummodo nobis constiterit. et ab hostili. quolibet. invasore. insuper. vobis. ac omni vestro populo. ad omnem deleccionem et ad cuncta. beneplacida. promocionis et favoris. existimus debitores. In cuius. rei testimonium presentes. scribi iussimus. nostrorum sigillorum munimine solidatas. Actum et datum in Lademiria. anno Verbi Incarnati M. CCC. XVI. in vigilia S. Laurentii (1316 года, Авг. 10). Привѣшены двѣ большія воцанья печати: одна Георгіева или Юріева (см. выше, примѣч. 191), а другая съ изображеніемъ воина, держащаго копіе; вокругъ звѣзды, луна и крестъ; на оборотѣ левъ. — Содержаніе сего письма естъ то, что Андрей и Левъ *Божією милостію Князья всей земли Руской, Галицїи и Лодомирїи* (земли Владимірской), слѣдуя системѣ предковъ, заключающъ миръ съ Ордею, по содѣйствію Зиггарда Шварцбургскаго, *ихъ родственника*, и дающъ слово предохраняшъ владѣнія Пруссїи отъ Ташаръ. Зиггардъ былъ Коммандоромъ въ Бирглау; а по чему названъ родственникомъ Андрея и Льва, не знаемъ.

(247) Романъ Михайловичъ Брянскій намъ извѣстенъ; но здѣсь или говорился о другомъ или явный анахронизмъ: ибо сей Романъ умеръ еще въ XIII вѣкѣ. По-

слъ него княжили въ Брянскѣ Святославъ и Василій, умершій въ 1314.

(248) Спириковскій упоминаетъ здѣсь о Митрополитѣ Кіевскомъ. — Вѣроятно, что Липовцы взяли Черниговъ въ одно время съ Кіевомъ, или не за-долго до него. Спириковскій прибавляетъ, что Мицодовъ Голшанскій властвовалъ въ Кіевѣ до Ольгердова сына, Владиміра.

(249) Въ нашихъ Родословныхъ находится только слѣдующія обстоятельства: «Въ лѣто 6825 (1317) Князь Великій Юрій (или Георгій) Даниловичъ Мошсковскій приде изъ Орды и сѣде на Великое Княжевіе, и видѣ многіе грады запустѣвшыя и людей въ нихъ мало и печально обдержимъ бѣ: по убіеніи бо Князя Михаила Всеволодича Кіевскаго и Черниговскаго разсыпашася Измаильяне (Ташары) по всей Руской земли, яко птицы полеташа, и Христїанскій родъ овѣхъ мечи закалающе, другихъ же въ плѣнъ отпвожаху, а оставшая люди гладъ и смернь погубляша. Великій же Князь Юръ Даниловичъ разсылаше по градомъ и мѣстамъ, веланше собрати оставшая люди; посла убо и сего Гедименика на Волынскую землю и на Кіевскую и обь сю страну Меска наполниши плѣнныя грады и веси, а у оставшихъ имати дани; и съ нимъ посла нѣкоего мужа славна, именемъ *Борейка*, и иныхъ множайшихъ. Сей же Гедименикъ обь мужъ *храбръ злыо* и велика *разулиа*; начашъ дати брани на людехъ и сокровища изыскивати, и обогатися злыо, и собра къ себѣ множество людей, и далъ имъ неоскудная потребная, и начашъ владѣти многими землями, и назвася отъ нихъ Великій Князь Гедиминъ Липовскій первый, несогласіемъ Великихъ Князей, Рускихъ Государей, и межусобными бранями.» См. *Ярославскую Родословную* въ Синод. библ. № 461 и въ концѣ *Ростовск. Архив. Лѣт. о Князяхъ Липовскихъ*. Сія извѣстія, писанныя въ новѣйшія времена, не имѣютъ исторической достоверности. Обстоятельство, что Гедиминъ былъ отправленъ послѣ 1317 года Княземъ Георгіемъ Даниловичемъ для учрежде-

нїя порядка и для собранїя дани въ Кїевской и Волинской области, есць басил. По современной льпописи мы знаемъ, что Гедиминъ въ семь году уже правительствовалъ въ Литвѣ и воевалъ съ Нѣмцами (см. Дубур. Chronicon, стр. 387); знаемъ также, что Волинїя и Кїевъ не зависѣли опъ Юрїя или Георгїя Даниловича Московскаго.

(250) См. выше, и въ *Новог. Лѣт.* Попа Юанна, стр. 593. При Донскомъ Гедиминовъ внукъ, сынъ Ольгердовъ, уже властвовалъ надъ областїю Кїевскою.

(251) Райнальд. *Annales Eccles.* въ добавленїи XV Т., подъ годомъ 1324.

(252) Въ Архивѣ Кенигсбергскомъ сохранились четыре грамоты Георгїевы, подъ Но 684, 228, 645 и 131. Первая, 1325 года, писана къ Великому Магистру Вернеру Арсельскому. Содержанїе то, что Георгїй, согласно съ системою предковъ, возобновляетъ съ орденомъ дружескую связь. — Вторая грамота писана къ Великому же Магистру Вернеру въ 1327 году изъ столицы Владимїрской, in *Ladimiria nostra civitate capitali*: она есць повторенїе грамоты Андрея и Льва, выше нами сообщенной. Третья писана къ Вел. Магистру Лудеру, Герцогу Брауншвейгскому, изъ города Львова, въ 1334 году: достойно примѣчанїя, что Князь обязывается хранить миръ опъ имени своего и Вельможъ Галицкихъ, также и Епископа Теодора. Къ грамотѣ привѣшены 8 восковыхъ печатей, Княжеская, нами описанная, и семь именованннхъ въ грамотѣ чиновниковъ. Образъ Богомашери изображенъ на Епископовой; на другой пшца, и вокругъ Русская надпись: *печатъ Борисова*; прочїя исперлись. — Грамоту четвертую предлагаемъ въ переводъ:

»Во имя Божїе... Аминь. Зная, что непостижимое Провидѣнїе Творца всяческихъ поспавило Государей не только для властвованїя надъ людьми, но и для того, чтобы они были орудїями мира и правды, мы *Георгїй* Божїею милостїю природный Князь всей *Малой Россїи*, желая посредствомъ истины и согласїя отшвращить раздоры, искоренить плевелы зла, утвер-

дить пшину мира и дружества, совокупно съ нашими любезными и вѣрными Боярами, а именно съ Димитріемъ, нашимъ дядкою, Михаиломъ Елеазаровичемъ, Воеводою *Бельскимъ*, Василькомъ Кудриновичемъ, Тїуномъ Двора нашего, Григорьемъ Косаковичемъ, Воеводою *Перельгильскимъ* — Борисомъ Кракулою, Воеводою *Львовскимъ* — Ходоромъ (Теодоромъ) Ошскомъ, Воеводою *Луцкимъ*, и Хопькомъ Еромировичемъ, возобновляемъ, одобряемъ, утверждаемъ силою сей грамоты все ненарушимые договоры, заключенные нашими предшественниками, блаженныя памяти Государями и Князьями *Роланомъ*, *Даниломъ*, *Львомъ*, *Георгїемъ* (Юріемъ), *Андреемъ*, съ почтенными, свѣдѣвшими Господами, Великими Магистрами Ордена Нѣмецкаго Святыя Марїи въ землѣ Прусской (какого бы имени они ни были) до времени почтеннаго Господина Дитриха Алтенбургскаго, нынѣшняго Великаго Магистра, общася, вмѣстѣ съ упомянутыми Боярами и людьми земли нашей, хранить вѣчно и ненарушимо, безъ всякаго обмана, коварства и хитрости, союзъ дружбы съ Г. Дитрихомъ Алтенбургскимъ, Великимъ Магистромъ, съ его «образами и Командорами: въ удостовѣренїе чего «всѣли мы написать сїю грамоту, и приложили къ оной пату и выше-упомянутыхъ Бояръ печати. Дано въ *Владимирѣ*, въ 1335 году опъ воплощенїя Христова, 13 Календъ Ноября (по нашему Окт. 20) на память 11,000 Святыхъ Дѣвъ.» Къ харпїи привѣшена Княжеская и шесть другихъ восковыхъ испертыхъ печатей.

(253) См. письмо Папы Юанна XXII къ Французскому Королю, въ 1323 году, (Райнальд. *Ann. Eccles.* Т. XV). Въ нашихъ льпописяхъ Гедиминъ называется *первымъ Великимъ Княземъ Литовскимъ*. Тамъ же сказано, что Вильна была уже во XII вѣкѣ (см. выше, примѣч. 96). Другошъ называется ея древнимъ городомъ, основаннымъ еще предками Литовскаго народа, которые будно бы вышли изъ Италїи, и названнмъ такъ по имени ихъ вождя (*Hist. Pol.* кн. X, 116).

Сприковскій повѣствуетъ слѣдующее: »Гедиминъ, за-
 воевавъ Россійскіи Княжества, жилъ въ Керновѣ; но
 »поспроивъ городъ *Троки*, названный такъ опъ мно-
 »жества звѣрей убишыхъ и *второгслихъ* на семь мѣ-
 »спѣ Гедиминовыми охотниками, перенесъ шуда свой
 »пресполь. Въ другой разъ, забавляясь ловлею на бе-
 »регахъ Вилни, покрыпыхъ погда гуспыми лѣсами,
 »опъ со всѣмъ Дворомъ прѣхалъ къ успью Вилни, гдѣ
 »предки его издревле сожигали шѣла мершыхъ, и гдѣ
 »курлись жерпвы идоламъ за души усоншихъ. Тамъ
 »Гедиминъ собсвенною рукою убилъ шура, на горѣ,
 »копоря и донынъ зовется *Турогою*. Рога сего звѣря,
 »обложенные золомъ, долго хранились въ Княжеской
 »сокровищницѣ. Випольдъ обыкновенно пилъ изъ нихъ
 »на шрахъ и подарилъ одинъ въ 1429 году Королю
 »Венгерскому, Сигизмунду, во время славнаго създа
 »Государей и Князей въ Луцкѣ. Уснувъ на Туровой
 »горѣ, Гедиминъ видѣлъ во спѣ огромнаго волка въ же-
 »лѣзныхъ лапахъ, ревушаго такъ сильно, что голосоъ
 »его повсюду раздавался, какъ спю волчихъ голосовъ
 »или болѣе. Главнымъ жрецомъ Липовскимъ былъ по-
 »гда Лиздейко, найденышъ Вишеновъ, оставленный ро-
 »дипшелями въ гнѣздѣ оршиномъ, или, какъ другіе ска-
 »зываютъ, въ богатой колыбели среди гуспаго лѣса:
 »опъ располковалъ Князю, что сонъ его предзнаме-
 »нуешъ славу города, коему надлежало бытъ на семь
 »мѣспѣ. Гедиминъ послушался жреца и немедленно по-
 »спроилъ на горѣ крѣпость, а внизу, на *кривой доли-*
 »*нѣ*, городъ деревянный съ башнями; назвалъ его Виль-
 »ною опъ рѣки Вилни, перебхалъ шуда зпшъ въ 1322
 »году со всѣми Болрами и скоро украсилъ великолѣпно.
 »Обсполяшельства баснословны; но главное, что Вильна
 »основана Гедиминомъ, можетъ бытъ справедливо. По
 »досповѣрнымъ историческимъ памяшникамъ намъ из-
 »вѣспно, что сей городъ въ 1323 году былъ уже его
 »сполицею: грамота Гедиминова, данная Нѣмцамъ для
 »свободной шорговли въ Липвѣ (см. ниже, примѣч.
 255), писана въ Вильнѣ: Datum Vilna, anno Domini
 1323.

(254) См. Райнальд. *Annal. Eccles. XV, 1324.* и Крап-
 ца *Wandal. кн. VIII, гл. 9.*

(255) См. Дреер. *Specim. juris publici Lubec. стр.*
 183, и Коцеб. *Gesch. Preuss. II, 354.* Подлинникъ упо-
 мянутой грамоты, писанной въ 1323 году, находится
 въ Кеннгербергскомъ Архивѣ. Сего-шо Князя называли
 въ Европѣ quovis ethnico peius, monstrum biceps,
 ludibrium naturae abominabile, violatorem iuris gen-
 tium et legum naturalium, antichristi praecursorem!
 См. Руссен. *Supplément au Corps diplomatique T. I,*
 Ч. II, стр. 100, и въ Дреер. *Specim. J. P. Lubec.*
 стр. 309. — На печати Гедиминовой, кромѣ Анге-
 ловъ, изображенъ человекъ сидящій на пресполь и дер-
 жащій въ правой рукѣ корону, а въ лѣвой скипшрѣ,
 съ подписью: *Sigillum Ged. Dei grac. Lethwinor. et*
Ruthenor. Reg.

(256) См. *Новогор. Лѣт.* О Россійскихъ частпвыхъ
 Князяхъ въ погдашней Вольшій см. Длугош. кн. IX,
 стр. 1088.

Случаи сего времени, о коихъ мы не упоминали въ
 Исторіи: Въ 1319 году, Дек. 11, родился у Князя
 Ивана Даниловича сынъ Данило. — Въ 1320, Маія 30,
 скончался Князя Борисъ Даниловичъ и Росповскій
 Юрій Александровичъ. — Въ 1321, зимою преспавилъ
 Ярославскій Князь Давидъ, сынъ Феодора Чернаго.
 Александру Михайловичу Тверскому (по *Никон. Лѣт.*)
 родился сынъ Левъ. — Въ 1323, преспавился (по *Никон.*
Лѣт.) бывшій Тверскій Епископъ Андрей. — Въ 1325,
 Февр. 5, преспавился Новгород. Архіеп. Давидъ. На
 его мѣсно избрали Новогородцы бывшаго Юрьевского
 Архимандрита Моисея. — Въ 1526, Марта 30, Кня-
 зю Иоанну Даниловичу родился сынъ Иоаннъ. — Въ
 1327, Июля 4, родился у Князя Иоанна Даниловича
 сынъ Андрей.

(257) См. *Троицк. и Никон. Лѣт.* — О сосполяшій
 Орды см. Абульгази *Hist. des Tatars.*

(258) См. ниже, примѣч. 272. *Никон. Лѣт.* гово-
 риптъ, что Ханъ далъ Иоанну, кромѣ Великаго, еще
шогил нныя Княженія: какія же?

(259) См. *Степен. Кн. I*, 419, и *Никол. Лвт.* Св. Петръ началъ жить въ Москвѣ или съ 1326 года или еще ранѣе. Онъ скончался Декабря 20. Его погребалъ Θεодосій Епископъ Лучскій. — Θεогносѣхъ прїѣхалъ изъ Царяграда въ 1528 году.

(260) См. Синод. Лѣтоп. подъ Но 349, л. 60, и *Никол. Лвт.*

(261) См. *Псков. Лвт.* и Синод. библ. Но 349, л. 60.

(262) См. *Псков. Лвт.* Нынѣшній городъ *Опожга* совсѣмъ не на пупи отъ Новгорода ко Пскову: здѣсь говорился о другомъ мѣстѣ.

(263) См. *Псков.* и *Новогор. Лвт.*

(264) Иоаннъ ѣздилъ къ Хану въ годахъ 1528, 1531 (вмѣстѣ съ Конспяшникомъ Михайловичемъ Тверскимъ), 1535, 1536 и 1539. — Въ *Новогор. Лвт.*: «Вел. Князь Иванъ приде изъ Орды (въ 1532 г.) и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра за *Калскаго*.» О серебрѣ Сибирскомъ см. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 76.

(265) Въ *Польскомъ Титулярникѣ* названа Симеонава супруга дочерью Гедимина (см. въ Архивъ Империал. Коллегіи Миллерова собраніе рукописей, бумажникъ подъ заглавіемъ *Polonica*).

(266) См. *Воскрес. Лвт.* Въ *Новогор.* шѣшь о томъ же словѣ.

(267) «Въ семь же лѣтъ (1535) вложи Богъ въ сердце К. Наримону, въ крещеніи Глѣбу, и присла въ Новгородъ.»

(268) См. *Новогор. Лвт.*

(269) См. тамъ же. — Ниже упоминается о судебной десятиницѣ: мы знаемъ, что во XII вѣкѣ Новгородскіе Епископы получали за нее 100 гривень изъ казны Княжеской (см. Т. II, примѣч. 256).

(270) См. *Троицк., Новогор. и Воскресен. Лвт.*

(271) См. *Никол. Лвт.* IV, 167.

(272) Онъ былъ внукъ Андрея, большого брата Александра Невского. См. въ Синодальн. библіот. лѣтопись XV вѣка въ листѣ подъ Но 349, л. 226, гдѣ сказано: «Царь Озбѣкъ подѣлилъ имъ Княженіе: Князю

Ивану Даниловичю Новгородъ и Коспному, а Суздальскому Князю Александру Васильевичю Володимеръ и Поволожье; и княжилъ полпретъя года. Сій Князь Александръ изъ Володимеря Вѣчный колоколъ Св. Богородици возилъ въ Суздаль, и колоколъ не почалъ звонити, якоже былъ въ Володимеръ; и видѣ Александръ, яко съгрубилъ Св. Богородици, и повелъ его пакы везши въ Володимеръ; и поставиша его въ свое мѣсто, и пакы бысть гласъ, яко же и прежде богоугоденъ.»

(273) См. *Повѣсть о Св. Сергіи* въ *Никол. Лвт.* IV, 204. — Василій Давидовичъ, внукъ Θεодора Чернаго, пазванъ зяпемъ Иоанновымъ въ *Новогор. Лвт.* Попа Иоанна, стр. 603. Въ Родословныхъ Книгахъ: «У В. К. Василя (Ростовскаго) дѣти Князь Θεодоръ, да Князь Конспяшникъ, а женился К. Конспяшникъ у В. К. Ивана Даниловича Московскаго (въ 1528 году); «опшолъ Ростовскихъ Князей родъ пошелъ надвое: Князю Θεодору досталася Спръшенская сторона, а Коспшяшнику Борисоглѣбская сторона.» Θεодоръ Васильевичъ скончался въ 1531 году, Марта 28.

(274) См. духовную Иоанна Даниловича и договорную грамоту его внука, Димитрія Ивановича, съ братьемъ (см. выше, или въ *Древн. Рос. Вивлио.* I, 56 и 77). О Доля см. Родословныя Книги, въ описаніи рода Левашовыхъ.

(275) См. *Новогор. Лвт.*

(276) Въ *Новогор. Лвт.*: «Мати же его и Бояре, и «госпи, и *Житейскіе мужи* унимаша его много «Имя *Житейскіе* означало то же, что люди *Жити* или прежде *Огнищале* въ Новгородъ (см. Т. V, примѣч. 33).

(277) «Князь *Романкукъ* Бѣлозерскій.» *Романкукъ* есть уменьшительное *Романа*, такъ же, какъ *Василько* *Василія*, и проч. Въ Родословныхъ сказано, что Романъ умеръ бездѣтенъ, а Θεодоръ и Василій были сыновья брата его, Θεодора Михайловича. Ощецъ Романовъ въ 1277 году женился на шесткѣ

Василія Давидовича Ярославскаго, дочери Θεодора Чернаго.

(278) См. *Троиц. Лѣт.* Сыновья Иоанновы Симеонъ, Иванъ, Андрей, прѣѣхали къ Хану въ началѣ осени, а Князь Тверскій былъ казненъ въ исходѣ Октября.—Въ *Никон. Лѣт.* К. Спародубскій Θεодоръ названъ Иоанновичемъ, а въ Родослови. Книгахъ Михайловичемъ: «у Князя Ивана Всеволодича» (дяди Александра Невскаго) «сынъ Иванъ Калиспрагъ», а Князь Ивановъ сынъ Князь Михайло, а у Князя Михайла сынъ Князь Θεодоръ, прозвище ему *Благовпрной*, убишь въ Ордь отъ «Царя.»

(279) См. *Никон. Лѣт.*

(280) Далн. *Gesch. des Schw. R.* II, 314, 326, и Райпалд. *Annal. Eccl.* г. 1326, No 10.

(281) Сей прахпашъ выписанъ Бишингомъ изъ Датскаго Архива и напечатанъ въ *Histor. Magaz.* III, 177.

(282) Рясна естъ пшѣ село между Могилевымъ и Мстиславлемъ. Осъчену надлежало быти пшамъ же. Въ описаніи древней Россіи имена сихъ двухъ городовъ спомятъ рядомъ (см. *Воскрес. Лѣт.* I, 22).

(283) Щербашовъ признаешъ сего Димитрія братомъ Иоанна, ш. е. Александровичемъ, ссылаясь на Родословныя Книги; но это сомнительно. Лѣтописи упоминаютъ только о двухъ сыновьяхъ Александра Гльбовича, Василія и Иоаннъ (см. *Ник. Лѣт.* III, 108). Въ печатной Родословной Книгѣ (II, 43) сказано: «*Притицель* изъ Смоленска Князь Александръ Всеволодъ Гльбовичъ; у него 3 сына: *Дмитрей*, Володимерь, *Иванъ*. «Дмитрей да Володимерь были Воеводы у Великаго Князя *Дмитрея на Дону*.» Сынъ Александровичи, вышедшіе въ Москву съ *отцель* около времеси Мамаевыхъ, не могли быти сыновьями владѣтельнаго Смоленскаго Князя Александра Гльбовича, умершаго еще въ 1313 году (см. *Никон. Лѣт.*)

(284) Увидимъ, что любимый сынъ Гедимновъ, по смерти отца изгнанный братьями, искалъ убъжища въ Смоленскѣ.

(285) О Князяхъ Омшнскихъ сказано въ Родослов-

ныхъ Книгахъ, что они происходятъ отъ Константина Юрьевича, коего отецъ, Князь Юрій Святославичъ Смоленскій, въ 1404 году былъ изгнанъ изъ своего владѣнія Гедимновымъ внукомъ, Витовтомъ; но о сихъ Князяхъ упоминается еще въ 1340 году.—Князья Друцкіе должны быти попомками древнихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ.—Иванъ Ярославичъ *Юрьевскій* безъ сомнѣнія происходилъ отъ Всеволода III, копя и не знаемъ, отъ чьего кольца. Святославъ Всеволодовичъ и сынъ его Димитрій княжили въ Юрьевѣ около половины XIII вѣка; наследники Димитріевы неизвѣстны.

(286) См. *Лѣт. Новогор.* и *Троиц.*—Лѣта сего В. Князя знаемъ единственно поному, что отецъ его родился въ 1261, а старшій сынъ, Симеонъ, былъ въ 1333 году семнадцати лѣтъ.

(287) См. *Степен. Кл.* I, 406, и слово о житіи Димитрія Донскаго, въ его время сочиненное.

(288) По Родослови. Книгамъ у Михаила Черниговскаго былъ сынъ Мстиславъ Карачевскій, а у Мстислава Андрей, или Андреевъ; первымъ же Козельскимъ Княземъ названъ Иоаннъ Типовичъ, внукъ Мстислава Карачевского.

Гльбъ Святославичъ долженъ быти сыномъ Святослава Гльбовича и двоюроднымъ братомъ Иоанна Александровича Смоленскаго. Въ Брянскѣ княжилъ Димитрій (см. выше, примѣч. 283): увидимъ его и послѣ шамошнимъ Княземъ.

(289) См. *Ядро Рос. Исторіи* и въ Синодальной библиотекѣ подъ No 551, въ чеш. листѣ, харакпейный Требинскъ.—Въ пѣкопорохъ историческихъ рукописяхъ сказано, что калиша, носимая Иоанномъ, была ему подарена Ханомъ.

(290) См. *Троиц.*—Названіе Кремля не естъ Татарское, а происходитъ отъ *кремль*; *Длѣтисель* же называли внутреннюю крѣпость, или замокъ отъ имени *Длѣтскихъ* (см. Т. I, примѣч. 458) или Опроковъ, коимъ поручалась ся защита.

(291) Такъ говоритъ Діаконъ Тимофей Каменевичъ-

Рвовскій въ сочиненіи о древностяхъ Россійскихъ, писанномъ его собственною рукою и хранящемся въ Синодальной библиотекѣ подъ No 529, кн. I, Т. 2, л. 517. — Каменевичъ писалъ въ 1699 году, слѣдуя древнему преданію. Онъ былъ родомъ Москвитянинъ, а жилъ въ Угличѣ. Герберштейнъ (Reg. Moscov. Comment. стр. 42 и 57) еще упоминаетъ о славной ярмонкѣ Холмошяго городка (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 458).

(292) См. родословную Годуновыхъ и Архивъ *Ростов. Лѣт.* л. 310 и 312. Челобитная Квашинныхъ находящаяся въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, въ Миллеровомъ собраніи рукописей, въ бумажникѣ подъ заглавіемъ: *древнѣйшія дипломатическія извѣстія* No 13.

(293) Сія грамота (напечатанная въ *Собраніи Госуд. Грамотъ*, I, 31) писана въ 1528 или 1531 году (см. выше, примѣч. 264, и *Воскр. Лѣт.* II, 302 и 306), по еспѣ, прежде Елениной копичны, но уже во время Иоаннова Великокняженія: ибо на приложенной къ ней серебряной, вызолоченной печати (съ изображеніемъ Иоанна Предтечи и Спасителя) вырѣзаны слова: «печать Великаго Князя Ивана.» Здѣсь въ первый разъ употреблено имя *Дьяка* въ смыслъ Секретаря. У Грековъ названіе *Diakonos*, у Скандинавовъ *Diakne*, означало слугу, школьника.

(294) Свинцовая маленькая печать привѣшена къ Килжеской: на ней изображены два преугольника съ звездочками, а на другой стороне, кажется, буквы Татарскія. Она могла быть чиновника Ханскаго или Баскакова. — И Переславль-Загскій считался городомъ Великокняжескимъ, а не Московскимъ: по сіому взялъ его Дмитрій Коноспашинъ Суздальскій, сдѣлавшись въ 1360 году Великимъ Княземъ.

(295) Довскій въ завѣщаніи своемъ говоритъ: «а сына моего Юрья благословляю куплюю своего дѣда, Галичемъ — а сына Андрея куплюю же дѣда моего, Бѣлымъ Озеромъ — а сына Петра куплюю же своего дѣда, Умечемъ Подемъ» (см. *Рос. Вѣст.* I, 103). — Коноспашинъ Галичскій былъ родной братъ Александра Невскаго. — Въ 1339 году вмѣстѣ съ Александромъ

Тверскимъ ѣздилъ въ Орду еще независимый Князь Романъ Михайловичъ Бѣлозерскій.

(296) Сія грамота не была нигдѣ напечатана: для того включую оную здѣсь.

«Се азъ Князь Василей Давыдовичъ Ярославскій докончалъ есмь съ Архимадритомъ съ Пиминемъ про домъ Св. Спаса по дѣда своего грамотѣ, пожаловалъ есмь чпо людей Св. Спаса въ городѣ и въ сельхъ, зуреклъ есмь имъ на годъ два рубля давати, а не надобъ имъ никошорая дань, ни ямъ, ни подвода, ни япанга, ни восмиичее, ни бобровое, ни спану не чиняни въ сельхъ Спаскихъ, ни дворскаго не емлютъ, ни иного ничего не емлютъ, ни спановичкѣ не възъздишъ ни о чемъ же, ни *Бегеули* мона (приспавы: слово Татарское) «не имаютиъ людей Спаскихъ въ спорожу, ни въ корму; а судьи мои вси, Намѣстницы и Тиунн не шлютъ Дворничъ своихъ по лодн Св. Спаса, «по шлютъ ко Игумену, а Игуменъ шлетъ по нихъ своихъ людей. А чпо будешъ судъ Спаскимъ людемъ съ моиимъ людемъ, прѣхавъ моему судни въ монастырь, «судити ему со Игуменомъ въ правдѣ по цѣлованію; «а вина, посулъ и пересудъ на поля, до моего ли дойдешъ, до Спаскаго ли; а чпо учинишя между Спаскими людемъ бой, или пашьба, или душегубешво, или самосудъ, то все судишъ Игуменъ, и вину емлетъ въ домъ Св. Спаса; а нашимъ судьямъ не надобъ, ни Дворяномъ; а кого перевозешъ Игуменъ изъ нине волохши, по люди Св. Спаса, а мѣ ся въ нихъ не вступати; а кто будешъ людей моихъ Св. Спаса въ половинцы (въ работникахъ) апы потягнути ко мѣ данью и виною, до кого чпо дойдешъ, а Игумену ся «не вступати; а чпо поргovanje на домъ Св. Спаса, «крылошаномъ и Чернцомъ, панга, ни восмиичее не надобъ; а перевозъ и рѣки бобровые, а по по давной «пошлинѣ; а дому Св. Спаса блосши ми, самому не «обидѣши и въ обиду не давали. А далъ есмь домъ Св. «Спаса на рудъ опцу своему, примыслиши ли, умыслиши ли; а черезъ сію грамоту кто посягнешъ на домъ Св. Спаса, и милосни Св. Спаса не буди на немъ.»

Подлинная грамота скрѣплена черною восковою печатью.

Въ рукописномъ собраніи Двинскихъ грамотъ (см. выше, примѣч. 193) есть двѣ Калипины: въ одной сказано: »Се язъ К. В. пожаловалъ есмь сокольниковъ »Печерскихъ, кто ходитъ на Печеру, Жилу съ други: »не надобъ имъ никоторая дань, ни ко спароситъ имъ »не плянуши; и что у нихъ препники и паймицы, »кто спражешъ на гошовыхъ конехъ, а въ кунахъ« — кто работаешъ на гошовыхъ коняхъ, по за деньги — ии пѣть не надобъ никоторая дань, ни ко спароситъ »имъ не плянуши, ни биричъ ихъ не попоргываешъ« — не вызываешъ ихъ чрезъ бирючей — »не надобъ ни »кормъ, ни подвода.«

Разные случаи Иоаннова княженія, о конхъ мы не упоминали, сущъ слѣдующіе: Въ 1328 году, Сент. 7, преставился Ростовскій Епископъ Прохоръ; на его мѣсто поставленъ Антоній. (По Никои. Лѣт. умеръ Тверскій Епископъ Варсонофій). Въ 1330 году Минрополишъ въ Владимірѣ Волинскомъ поставилъ Тверскаго Епископа Θεодора. — Въ 1336 скончался Ростов. Епископъ Антоній, а на его мѣсто поставленъ Гавріилъ. — Въ 1337, Апрѣля 12, у сына Калипина, Симеона Иоанновича, родился сынъ Василій.

(297) См. въ Эккарт. Corp. Hist. medii aevi T. I, Хроникѣ Иоанна Вишодурана, стр. 1862, или въ Наруш. Hist. Narod. Polsk. V. 411.

Сприкковскій называешъ мать Болеславу дочерью Льва Даниловича, а Зиморовичъ сестрою; второе совсѣмъ невѣроятно: ибо отецъ Болеславовъ, Тройденъ, родился послѣ 1279 года, а Данилъ умеръ въ 1266 (см. Наруш. Hist. N. P. V, стр. XLII). Несравненно достовернѣйшій *Архидіаконъ Гитзенскій* (см. его лѣтопись въ Зоммерсберг. Scriptoribus T. II, стр. 97), Писатель современнѣйшій, говоритъ: Post (coronationem Casimiri an. 1333) non multo tempore mortuo magnifico Principe Kazimiro, dicto Georgio totius regni Russiae Duce Troidem Dux Masoviae (надобно читать: Boleslaus, Troydeni filius) qui avunculo suo

in ducato Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat. Слѣдственно Болеславъ родился отъ сестры Георгія, и, какъ вѣролжно, дочери Андреевой; Георгій же, сверхъ Христіанскаго имени, могъ называться Славянскимъ *Казимиромъ*.

Объ условіяхъ, на конхъ граждане Львовскіе поддались Болеславу, пишешъ Зиморовичъ въ своемъ Triplіci Leopoli (см. выше, примѣч. 189).

О насліяхъ Болеславовыхъ въ Галиціи см. Длугош. Hist. Polon. кн. IX, стр. 1058. Папа Іоаннъ, свѣдавъ о намѣреніи сего Князя принять Латинскую Вѣру, писалъ еще въ 1327 году къ его родственнику, Королю Польскому, чтобы онъ своими ошеческими наставленіями утвердилъ Болеслава въ шакомъ душеспасительномъ желаніи: »да опрашъ ивоего племени (говоришъ Іоаннъ) не будетъ опидѣленно опъ корня!« См. Райнальд. Annal. Eccles. T. XV, г. 1327, No 49. Папа называешъ Болеслава Княземъ *Россійскимъ*: видно, что онъ при дядѣ своемъ, Георгіи, имѣлъ какой нибудь Удѣлъ въ Галиціи или въ Волиніи.

О завоеваніи Галиціи Казимиромъ, зятемъ Гедиминовымъ, въ 1339 году, пишешъ Длугошъ (кн. IX, стр. 1058).

О договорѣ Короля Польскаго съ Липовскими Князьями см. Кромера кн. XII, стр. 204. Они съ обѣихъ сторонъ условились тогда въ случаѣ распри прибѣгать къ посредничеству Короля Венгерскаго. Кромеръ видѣлъ сей договоръ въ Архивѣ Королевскомъ.

(298) Въ *Ростов. Лѣт.*: »и вси Князи Русскіе подѣруцъ его дань.« Таплицевъ пишешъ, что Ханъ училъ сыновей Калипинныхъ жить мирно, общалъ имъ не принимаешъ никакихъ доносовъ, и далъ ярлыкъ на Великое Княженіе, съ клятвою, что оно будетъ всегда достояніемъ ихъ рода.

(299) Договорная грамота сыновей Калипинныхъ хранится въ Архивѣ подъ No 3, но такъ исполъла, что не лзя разобрать многихъ словъ, особенно въ срединѣ (*Собраніе Госуд. Грамотъ I, 35*).

Сія грамота есть древнѣйшая изъ писанныхъ на
Т. IV.

буласть. Здесь въ первый разъ упоминается о члвкѣ *Околничихъ* (см. нашей *Исторіи* Т. V, примѣч. 42).

(300) См. *Новогор. и Троицк. Лѣт.*

(301) См. тамъ же. — Можайскъ былъ прежде городъ Смоленскій, какъ извѣстно. Длугошъ пишетъ, что Гедиминъ опдалъ Мошповиду или Мошпелу Керновъ и Слонимъ, Нариманшу Пинскъ, Ольгерду Кривъ (сверхъ Вишесбска, наследія жены его), Евнушію Вильну или споллицу съ достоинствомъ Великаго Князя, Кестушію Троки, Корьяду Новогородкъ, а Любаршъ остался Государемъ Вольшій, наследственнаго достоинства его супруги (*Hist. Pol.* кн. X, стр. 60).

(302) Райнальд. *Annales Eccl.* годъ 1338, No 74, 75, и г. 1340, No 75.

(303) См. *Троицк. Лѣт.* Ярославъ Александровичъ умеръ въ 1344 году, а братья его Василій въ 1350.

(304) См. *Псков. Лѣт.* О вышеупомянутомъ Князѣ Александрѣ сказано въ сей лѣтописи, что онъ названъ въ крещеніи *Юрислѣ* и былъ сынъ *Лазаревъ*. — О *Нейгаузенѣ*, нынѣ простомъ селеніи, см. *Гадебуша Liefländ. Jahrbüch.* Ч. I, стр. 520. — О Нарвѣ см. *Кельх. Lief. Gesch.* стр. 66. Вездѣ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ Нарва именуется Ругоднвѣ.

(305) Первый сильный пожаръ въ Новгородѣ былъ въ 1340 году, Іюня 7. — Здесь въ первый разъ упоминается объ *Устюжнѣ*; она принадлежала Князьямъ Вязозерскимъ, тогда зависѣвшимъ отъ Великаго Князя. — Далѣе: «Гнпъ Мановичъ поспави Опій городокъ на сей споротъ Наровы» и пр.

(306) О семъ Князѣ Евсѣфѣ см. выше, въ описаніи 1323 года. — О войнѣ см. Руссова, Кельх. и Арншта около 1345 года; также Архив. *Псков., Новогор. и Ростов. Лѣт.*

(307) Кельх. *Lief. Gesch.* стр. 115.

Продажа Эстоніи совершилась въ 1347 году.

(308) См. *Новогор. Лѣт.* Попа Іоанна г. 1345. Тамъ сказано: «Евнушій перевержеся чрезъ спшну» (въ Вильнѣ); а Сприковскій пишетъ, что сей Князь ушелъ ночью босой, и въ бѣгствѣ ознобилъ ноги; что его догнали, привели въ Вильну и содержали нѣсколько вре-

мени подъ стражею; что братья дали ему послѣ Заславъ въ Минской области, и такъ далѣе. Сприковскій прибавляетъ, что естъ и другой Заславъ въ Вольшій, и что тамошніе Князья, п. е. Заславскіе, ведутъ родъ свой отъ Кнзя Давида Юрьевича и попомковъ Св. Владиміра. — Вмѣстѣ съ Евнушіемъ крестился въ Москвѣ и Липовская его дружина (см. *Троицк. Лѣт.*) Септ. 23.

(309) См. *Ростов. Лѣт.*, Длугоша и Мѣхов. *Chron.* подъ г. 1346. Арнштъ относитъ побѣду Рыцарей къ 1347 году, согласно съ нашими Лѣтописцами, которые говорятъ, что Ольгердъ на рѣкѣ Справѣ, 2 Февраля, потерялъ 40,000 человекъ; а Длугошъ уменьшаетъ сіе число до 22,000. Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что въ сраженіи убитъ Нариманшъ Гедиминовичъ. — Длугошъ пишетъ, что Князь Смоленскій, предводительствуя Липвою и Россіянами, въ 1348 году былъ побѣжденъ Нѣмецкими Рыцарями, и съ большою частію своихъ воиновъ ушелъ въ рѣкѣ.

(310) См. Далина *Gesch. des R. Schw.* Т. II, стр. 376 и слѣд. Опецъ Бригитины сражался съ Александромъ Невскимъ. См. также *Новогор. Лѣт.*

(311) Далин. *Gesch. des R. Schw.* II, 379.

(312) См. Лѣтописи.

(313) См. *Ростов. и Псков. Лѣт.*

(314) См. лѣтописъ въ листѣ Синодальн. библ. No 349, л. 69, и *Никон. Лѣт.*

(315) О храмѣ Борнса и Гляба см. *Ростов. и Троицк. Лѣт.* — Далѣе см. *Новогор. Лѣт.*

(316) См. *Новогор. Лѣт.*, Далина *Gesch. des R. Schw.* II, 380. — Далѣе см. Райнальд. *Annal. Eccl.* годъ 1351, No 34.

(317) См. *Троицк. Лѣт.*

(318) См. выше, стр. 287, и Нарун. *Hist. Nar. Polsk.* VI, 218 и Длугош. кн. IX, стр. 1088.

(319) См. *Новогор. Лѣт.* Неправильность Россіянъ къ Полякамъ была споль велика, что Князь Данилъ Острожскій (одишъ изъ попомковъ Св. Владиміра) и Староста Перемышля, именовъ Дашко, въ 1341 году звали Хан

освободить ихъ опять ига Казимира, желая лучше повиноваться Моголамъ, нежели сему Королю Христианскому: ибо Моголы не вѣшивались въ Вѣру. Ханъ посылалъ войско до самыхъ береговъ Вислы; но Поляки разбили его (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 108 — 115). — Далѣе см. *Троиць.* и Сприковского. Первою женою Любарша была, какъ извѣстно, дочь Князя Вольнскаго.

(320) См. Райнальда. Annal. Eccl. г. 1349, No 24, гдѣ напечатано письмо Климентя къ Кеступію. — Казимиръ остался Государемъ одной Галицкой области; но въ 1351 году, съ помощію Венгровъ разбивъ Лишовцевъ, снова завладѣлъ частью Вольни и плѣнилъ Кеступія, котораго однакожь ушелъ изъ неволи (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 228).

(321) Магжей Виллани, кн. II, гл. 72. Огъ называесть Брацлавскую область *Проклявіею*, сказывалъ, что тамошній *неверный* (infidelis) Князь, подчиненный Королю Венгерскому Людовику, пребывалъ огъ него вспоможеніа; что Людовикъ послалъ ему 40,000 всадниковъ, которые, имѣвъ кровопролитную битву съ непріятелемъ, должныствовали опступити; что Моголы также удалились, испуганные вѣстію о новыхъ оруженіяхъ Князя Брацлавскаго и Людовика; что въ 1354 году Короли Польскій и Венгерскій съ 200,000 всадниковъ перешли за Бугъ (in Tatariam ultra Bogum); что ихъ встрѣшилъ юный *Царь* Могольскій, и спрашивалъ, куда и зачѣмъ они идутъ; что Короли привудили его окреститиися и взялъ съ собою. Нарушевичъ считалъ сего Князя Брацлавскаго Феодоромъ Корядовичемъ, внукомъ Гедиминовымъ; но вѣроупити, что огъ былъ Князь Россійскій Владимірова племени. Корядовичи господствовали тамъ уже послѣ, какъ увидимъ во времена Димитрія Донскаго.

(322) См. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 11. Людовикъ, будучи вмѣстѣ Государемъ Венгрии и Польши, думалъ присоединити Галицію къ первому Королевству; но въ 1390 году Поляки выгнали опшуда Венгровъ, и владѣли оною до 1772 года.

(323) См. *Псков. Лѣт.*

(324) См. *Троиць.*

(325) См. *Троиць.* — Шульц. Gesch. des Osman. Reichs, Т. III, стр. 266, — Дални. II, 383, — Гадебуш. Liefj. jahrb. I, 441, и *Псков. Лѣт.*

(326) См. *Новогор. Лѣт.* и Архив. *Псков. Лѣт.*

(327) См. *Новогор.* и *Псков. Лѣт.* Письмо Василіево напечатано въ *Стенск. Кн.* I, 480. Василій утверждаетъ бытіе райа на землѣ слѣдующими доказательствами: 1) въ священныхъ книгахъ сказано, что Тигръ, Нилъ, Евфратъ текутъ изъ райа; 2) Енохъ, Илія переселены въ рай, огъ коего Св. Макарій жилъ за 20 поприць, и въ коемъ Св. Евфросинъ сорвалъ яблоко; опшуда же Ангелъ принесъ вѣтвь Богоматери, видѣнную Апостолами и многими Жидами; 3) Иоаннъ Златоустъ именовъ говоритъ, что рай на Востокѣ, Адъ же на Западѣ. «Много поему видокоевъ (пишетъ Василій) дѣшей моихъ Новоградцевъ: на *Дышущемъ* морѣ червь неусыпающій и скреженъ зубный и рѣка смоляная Могръ... А мѣсто Св. райа находилъ Моиславъ Новоградецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ было ихъ при *юлги* (лодки), и ведина, много блудивъ, погибла; а двѣ принесло къ *скосилъ горамъ*, и видѣша на горѣ шой Дейсуеъ написанъ лазуремъ чуднымъ и проч.—*Высокія горы*, гдѣ Моиславъ нашелъ рай, именующіа нынѣ Шемеханскими. Герберштейнъ пишетъ, что въ его время Норвежды полагали тамъ, вмѣсто райа, Чистилище (см. *Рer. Moscow. Com.* стр. 60).

(328) Императоръ Иоаннъ Кантакузинъ въ своей Исторіи Иоанна Палеолога, кн. III, гл. 36, спашья 3, пишетъ, что Патріархъ Иоаннъ XIV, королювавъ сего Императора, въ знакъ оплнчія спалъ подписываеъ свое имя зелеными чернилами и надѣлъ кlobукъ, сдѣланный изъ золотой парчи, вмѣсто *благаго*, обыкновенно посимаго Патріархами не-Монашескаго сана. Патріархъ могъ дасть сей кlobукъ Василію для шого, что онъ былъ избранъ въ Архіепископы изъ Приходскихъ Бѣлыхъ Священниковъ. Греки, опмѣнивъ обы-

чай спавишь въ Свяшипели не-Монахоу, оспавили и бѣлый клобукъ. Симъ замѣчаніемъ обязаю я Сочини-пелю *Историческихъ разговоровъ о древностяхъ Новогорода* (спр. 39 — 40). Въ прибавленіе къ тому скажемъ, что Св. Леоній, *первый* Епископъ Роспосвскій, и Св. Епископъ Исаія обыкновенно пишущся на иконахъ въ *бѣлыхъ* клобукахъ. Знаемъ еще, что Аншоій, Свяшипель Туровскій въ 1405 году, носилъ бѣлый клобукъ (см. хараш. *Троицк. Лѣт.* подъ симъ годомъ). Въ IX Томъ сей *Истории* мы сообщимъ (неизвѣстное до-селѣ) постановленіе Московскаго Собора въ 1563 году о бѣломъ клобукѣ. — О *крецатыхъ ризахъ* см. ниже въ примѣч. 348.

(329) Далин. *Gesch. des R. Schw.* II, 384. Монахоу иппешъ (*Monum. de la Monar. Franc.* T. II, спр. 282), что двойни и тройни родились тогда весьма часто, но не имѣли болѣе двадцати или двадцати двухъ зубовъ. — О Глуховѣ и Бѣлозерскѣ см. *Никонов. Лѣт.*

(330) Θεогноспъ скончался Марта 11 въ 1353 году; сыновья Великаго Князя, Иоаннъ и Симеонъ, преспавились на той же недѣль; Великій Князь 26 Апрѣля, а бранъ его, Андрей Иоанновичъ, Юня 6. Правда, что Θεогноспъ, какъ сказано въ лѣтописяхъ, давно уже былъ слабъ здоровьемъ. Его погребли Владимірскій Епископъ Алексій, Вольпскій Аѳанасій и *Коломенскій* погже имени въ церкви Богоматери, не далеко отъ могилы Петра Митрополита. Здѣсь въ первый разъ упоминается о Коломенской Епископш. Симеонъ и Андрей лежатъ въ Архангельскомъ Соборѣ.

(331) Герберштейнъ, повѣствуя о концѣ Георгія Даниловича и Димитрія Тверскаго, пишешъ (*Reg. Mosc. Comment.* спр. 6), что Симеонъ, получивъ отъ Чанибека власпъ и надъ Тверскимъ Княженіемъ, упросилъ его не брать съ огаго ежегодной дани: въ чемъ способствовали сему Князю Вельможки Тапарскіе, имъ подкупленные. Гербершинъ слышалъ о томъ въ Москвѣ. — О печати см. ниже.

(332) См. печати. *Родослов. Книгу* II, 207. По дру-

гимъ лѣтописямъ (см. *Русск. Врелешикъ* I, 173) Симеонъ развелся съ нею для того, что она не родила дѣтей; но отъ Князя Ѳоминаскаго было у нее 4 сына. Отецъ Евпраксіи, Князь Смоленскій, могъ быть сыномъ Свяспослава, плѣншаго въ Можайскѣ Георгіемъ Даниловичемъ.

(333) «Тое же зимы (въ 1347) Князю Великому родися сынъ Данило Дек. 15 ... Септ. 7» (въ 1349 г.) «Великому Князю родисъ сынъ, и крестн его Митрополипъ, и нарече имя ему Михаилъ ... Тое же зимы» (въ 1350 г.) «Князю Великому родисъ сынъ Иванъ ....» «Февр. 3 родисъ ему сынъ Семешъ.» Завѣщаніе см. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* I, 37.

(334) Ибо еще по Ярославовымъ законамъ лишался свободы всякой человекъ, который женился на рабѣ безъ особеннаго условія съ ея господиномъ.

(335) См. Книги Родословныя и *Кн. Степен.* I, 444. Жипіе Св. Алексія было вкращѣ описано Епископомъ Пермскимъ Писпримомъ, въ 1455 году убишимъ Вогуличами; а въ *Степен. Кн.* оно предложено гораздо обстоятельнѣе. Алексій поспиргся девятишадцати лѣтъ, и жилъ 20 лѣтъ въ *Богоявленскомъ* монастырѣ, гдѣ игуменствовалъ погда Стефанъ, братъ Св. Сергія Чудоворца, бывший Духовникомъ Симеоновымъ и другомъ Инокъ Геронтія, знаменитаго мудроспшо. (Замѣтимъ, что въ лѣтописяхъ не упоминается о началѣ *Богоявленскаго* монастыря). — Далѣе *Новгород. Лѣт.* Алексій спспавленъ въ Епископы въ 1352 году, Дек. 6. Въ описаніи 1347 года сказано: «Князь Великій Семешъ и Митрополипъ послаша во Царьгородъ о благословенъи.» Тапшцевъ же прибавилъ отъ себя слѣдующее: «Θεогноспъ имѣ соборъ о дѣлахъ духовныхъ ко исправленію монастырскаго служенія и успавища начало года отъ Септ. 1 числа, и посла Князь Великій со Архимандритомъ Рождеспвскимъ въ Царьградъ къ Папріарху, о благословеніи прося.» Сей вымыселъ былъ многими привацъ за истину, и Кн. Щербатовъ соглашается, что Лѣтописцы Симеопова времени дѣйствительно начинаюпъ годъ съ Септйбря: нѣтъ, вездѣ

съ Марта, какъ и прежде (кромя Никоновскаго). Дале въ видимъ, когда льтосчисленіе перемѣнилось (см. Т. V, примѣч. 224).

(336) Въ *Стенск. Кл.* I, 451: «поставленъ въ Митрополитъ оубъ Териевскаго (въ Болгаріи) Паптріарха... Теодоритъ, и проч.» Съ котораго времени Болгары имѣли своего Паптріарха, не знаемъ.

(337) См. *Никонов. Лѣт.* Конспаншии Тверскій началъ ссориться съ Клягинею Анаспасіею и съ ея сыномъ въ 1546 году; въ помя же году и скончался въ Ордѣ, а Василій Михайловичъ былъ ограбленъ племянникомъ. Епископъ Тверскій *Теодоръ* примирилъ ихъ въ 1549 году (сей Епископъ заступилъ мѣсто другаго Теодора, умершаго въ 1545).

(338) См. *Повѣсть о Св. Сергіи въ Никонов. Лѣт.* IV, 203. Тамъ сказано, что отецъ Сергіевъ лишился богатства оубъ чашныхъ путешесвий съ Княземъ въ Орду, оубъ грабительства Татарь, оубъ неурожавъ хлѣбныхъ, и проч. — Намѣстникъ Радонежскій назывался Терещіемъ Ршицею. Радонежъ еспъ нынѣ село *Городокъ*, въ 10 верстахъ оубъ Лавры. — Братья Сергіевы, Стефанъ и Пешръ, женились: первый сдѣлался шюкомъ уже по кончинѣ супруги; а родились ихъ также скончались въ монашесствѣ.

(339) См. *Троицк., Никонов. и Новогород. Лѣт.*

(340) Сія двѣ грамоты принадлежатъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ *бумажныхъ* рукописей, донныхъ извѣстныхъ въ Европѣ. Въ Италіи и въ Испаніи не нашлось ничего писаннаго на пряничной или вепощной бумагѣ ранѣе 1567, въ Англіи 1542, во Франціи 1511, въ Германіи 1508 годовъ (см. *Essai sur l'origine de la gravure*, T. I, стр. 332, и *Wehrs vom Papier*, T. I, стр. 173 — 320). Мы не знаемъ подлинно, гдѣ и когда изобрѣшена оная, въ Италіи, въ Германіи, или въ другой землѣ; знаемъ только, что не ранѣе XIII вѣка. Въ Россіи до сего времени и даже до XV столѣтія писали обыкновенно на пергаментѣ. Упошреблялась ли у насъ писчая бумага, дѣлаемая изъ хлопчатой? Въ

роупно, когда Славяне Россійскіе, вмѣстѣ съ Иллирическими, и вепощную назвали ея именемъ. Сія двѣ бумаги не легко различать. Нѣкоторыя Архивскія грамоты и даже Льтписцы (на примѣръ, Академическій *Ипатьевскій*) писаны, кажется, на бумагѣ сдѣланной изъ хлопчатой.

Случай Симеонова княженія, о коихъ мы не упоминали: въ 1341 году у Великаго Князя родился сынъ Коеспанпинъ, въ помя же день умершій. Зимою женился братъ Симеоновъ, Иоаннъ, на дочери Димитрія Брлскаго. — Въ 1342 скончались Евдоксія Иоанновна, супруга Василія Давидовича Ярославскаго, оубъ Теодоръ Тверскій Епископъ, зимою Клягиліа Иоанна Иоанновича, Теодосія Димитріевна. — Въ 1345, льпомъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ женились его братья, Иоаннъ и Андрей. Скончался Ярославскій Князь Василій Давидовичъ, также Муромскій Василій Ярославичъ Схимникомъ, и положенъ въ Муромской церкви Бориса и Глѣба. — Въ 1346 поставленъ Иоаннъ Епископомъ Ростову, бывъ Спасскимъ Архимандритомъ въ Москвѣ. — Въ 1347 поставленъ Суздальскій Епископъ Наонаилъ. Въ 1348 скончалась Марія, супруга убѣннаго въ Ордѣ Князя Димитрія Михайловича Тверскаго. Въ 1350 преспавился Князь Василій Александровичъ Рязанскій. Окш. 12 родился Иоанну Иоанновичу сынъ Димитрій.

(341) См. выше стр. 195, и *Троицк. Лѣт.*

(342) Княживъ 15 лѣтъ, оубъ преспавился въ 1355 году, Ноября 21, въ Черницахъ и въ Схимѣ, и положенъ въ Нижегородской Соборной церкви Св. Спаса, имъ созданной, гдѣ и нынѣ показываютъ его гробъ. Тамъ погребена и супруга Коеспанпинова, Анна *Грековна* (думаю *Гресанка*). — Димитрій Теодоровичъ Спародубскій, праправнукъ Иоанна Всеволодовича, умеръ въ 1355 году и погребенъ въ Стародубѣ; а братъ его сынъ на Княженіе зимою въ 1356.

(343) Ольгердъ выдалъ дочь за Бориса Суздальскаго въ 1354 году, а племянника женилъ на Московской Княжнѣ въ 1356. — Старый Ржевъ былъ подлѣ Но-

воржева (см. сей *Исторіи* Т. VIII, примѣч. 41). — Далѣе см. *Псков. Лѣт.* Въ Архивскомъ спискѣ прибавлено, что въ 1357 году прѣвхалъ на Княженіе во Псковъ Князь Василій Будогола.

(344) Сей Феодоръ Габбовичъ былъ конечно отъ племени Муромскихъ Князей, хопя онъ и не показанъ въ Родословныхъ. О немъ и смерти Юрійвой сказано въ *Ник. Лѣт.*

(345) См. *Никонов. Лѣт.*

(346) Моисей былъ Владыкою Новгородскимъ еще прежде Василя. Въ 1360 «поставленъ бысть Алексѣй Архіепископомъ въ преименный церкви въ Св. Богородицѣ въ Володимерской Митрополиномъ Олексѣемъ Дуля въ 12 день, и приде въ Новгородъ.»

(347) См. *Троицк. Лѣт.*

(348) *Новгород. Лѣт.* — См. изображеніе крещашыхъ ризъ въ Дю-Капж. Constant. Christ. кн. IV, стр. 120.

(349) См. *Степен.* и *Никонов.* Въ *Степен. Книгѣ* описывается чудо, какимъ образомъ Св. Алексѣй молишвою укротилъ сильное морское волненіе, давъ обѣщъ построити церковь во имя Иисуса Христа: что онъ и сдѣлалъ, основавъ монастырь Андрониковъ на берегу Яузы. Св. Сергій далъ ему ученика своего, Андроника, бывшаго шамъ первымъ Игуменомъ. «Приде жъ Св. Сергій въ монастырь той, и похвали мѣсто и благослови... И тако поставлена бысть церковь зѣло прекрасна во имя Спаса нашего, и честную икону образа Христова, юже имяне принесену съ собою отъ Царяграда, чудивъ златомъ украшену, въ пей (Митрополиитъ) постави.»

(350) См. *Степен. Книгу*, I, 455, *Троицк.* и *Ростов.* — О Таврисѣ см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 459. Отъ пишеть, что Чанибекъ, оставивъ Бердибека въ Таврисской области, возвратился въ Орду, занемогъ опасно и послалъ за сыномъ, но скоро умеръ въ Сараѣ, куда Бердибекъ прѣвхалъ уже черезъ два года по кончинѣ отца. Извѣстіе нашихъ современныхъ Лѣтописцевъ дословѣриѣе. Митрополиитъ Алексѣй по-

лучилъ тогда отъ Бердибека ярлыкъ, напечатанный въ *Древней Рос. Вѣдом.* VI, 23. Въ немъ сказано: «Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися,» и проч. Далѣе по же, что и въ ярлыкѣ Θεогностовомъ, уже извѣстномъ Чиншателю. Бердибекъ, подобно его предкамъ, освободилъ наше Духовенство отъ дани. — О словахъ юнаго Димитрія см. *Степен. Книгу*, I, 457.

(351) См. *Собрание Госуд. Грамотъ* I, 41. Къ ней привѣшена серебряная вызолоченная печать, у коей на одной сторонѣ изображенъ Св. Іоаннъ съ надписью Греческою, а на другой вырѣзаны слова: *Печатъ Князя Великого Ивана Ивановича*, безъ прибавленія: *Всѣя Руси*. Сія грамота писана на пергаментѣ.

(352) См. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 64 и 69, и въ началѣ *Воскресен. Лѣтописца* описаніе древнихъ нашихъ городовъ, которое начинается такъ: «Се имена градомъ всѣмъ *Рускымъ*, дальнимъ и ближнимъ. На Дунай Видицовъ (Видишь) о семи стѣпъ каменныхъ — Медниъ (въ Валахія), а объ оу страну Дуная Терновъ шу лежишь Св. Няпняца. А по Дунаю Дрешвинъ (Силистрія), Дичишь, Килія на устьѣ Дуная, Новое Село (Новосель), Акоютря (Акело?) на морѣ, Курнака, Варна; а на сей странѣ Дуная, на устьѣ Дитстра. надъ моремъ Бѣлгородъ, Чернавскій Торгъ на Прутъ рѣцѣ, Романовъ Торгъ на Молдовѣ, Нѣмечъ въ горахъ, Корочиновъ Камень, Сочава, Сереть, Бая, Нечюнь, Коломья городокъ на Черемошѣ, на Дитстрѣ Хошънь, а шо Болгарьской и Волоськой городокъ.» Князья Галицкіе могли владѣть и частію Волошской земли; по сомнѣваюся, чтобы они господствовали до Терновы. Сей Географъ именуешь, кажется, Болгарскіе города Россійскими единственно для того, что они были завоеваны Великимъ Княземъ Святославомъ въ X вѣкѣ.

(353) Князь Кантемиръ въ *Описаніи Молдавіи* согласно съ преданіемъ говоритъ, что Волохи, обитавшіе нѣсколько вѣковъ въ горахъ, съ сыномъ Князя своего, Богдана, съ Драгошемъ, ловивъ звѣрей, нечаянно зашли въ вышнюю Молдавію, убилъ тамъ буйвола

въ рѣкѣ, и назвали ее *Молдавою*, отъ имени Драгошевой любимой собаки *Молды*, которая въ ней упонула; что сей Князь, видя въ окрестностяхъ шумные луга и поля, города и крѣпости, оставленные жителями, переселился въ оныя со многими изъ единоземцевъ, былъ первымъ Владѣтелемъ Молдавскимъ, основалъ мѣстечко Романъ и велѣлъ изобразить голову буйвола въ гербъ своего новаго Княжества. А въ нашихъ летописяхъ есть о томъ слѣдующая повѣсть: Два брата, *Романъ* и *Влахита*, избѣгая гоненій, бывшаго на Христіанъ отъ ерениковъ, ушли изъ Венеціи въ мѣсто называемое *Старыми Римомъ* и построили городъ *Романъ*, въ коемъ и жили спокойно до опустошенія Папы Формоза отъ православія (въ концѣ IX вѣка). Тогда Лапинскіе ереники основали *Новый Римъ*, и начали воевать съ *Старыми Римлянами*: что и продолжалось до самыхъ временъ *Владислава*, Короля Венгерскаго, тайно окрещеннаго Святымъ Саввою Сербскимъ, его дядею, по обрядамъ Греческой Церкви. Въ сіе время Ташары, предводимые Княземъ *Нейматомъ*, вышли изъ кочевій своихъ отъ рѣкъ Молдавы и Пруша, желая завоевать страну *Эрдель* или Венгрію, и расположились станомъ на берегахъ Марона. Съ *Владиславомъ* соединились Старые и Новые Римляне, которые, невидя первыхъ, написали къ нему такую грамоту: Великому Королю *Владиславу Златый Затокъ* или Венгерскому. Старые Римляне не хопящъ быти съ нами въ единой Вѣрѣ, и шитъ идущъ всѣ къ тебѣ на помощь, оставяишь только женъ и дѣшей въ своей отчизнѣ. Мы съ побою братья единовѣрные: наши враги супъ и шрон. Вели же Спарымъ Римлянамъ иппи впередъ противъ *Неймата*, шобы они всѣ легли на мѣстѣ и не возвратились къ намъ; а мы возьмемъ и силою обратимъ ихъ семейства въ Законъ Лапинскій. «Король побѣдилъ Моголовъ на рѣкѣ *Тисѣ*, и довольный мужествомъ, оказаннымъ Спарыми Римлянами въ битвѣ, показалъ имъ грамоту Новыхъ Римлянъ, которые уже дѣйствительно плыли ихъ женъ и дѣшей, разоривъ до

основанія городъ *Романъ*. Тогда Старые Римляне, желая соблюсти Вѣру отцевъ своихъ, выпросили у *Владислава* землю въ *Мараморосѣ*, между рѣками *Марошпемъ* и *Тисою*; взяли за себя женъ Венгерскихъ и склонили ихъ приняти Вѣру Греческую. Одинъ изъ сихъ людей, знаменитый умомъ и мужествомъ, именемъ *Драгошъ*, лова звѣрей, въ слѣдъ за шумомъ прощель съ поварищами чрезъ высокія *галишты* или горы, увидѣлъ шура лежащаго подъ вербою и зашрѣлъ его на берегу рѣки. Мѣсто имъ полюбилось: возвращаясь домой, они хвалили друзьямъ красоту онаго, луга, чистыя рѣки и *кришцы* или ключи. Многіе захошѣли тамъ жить, выпросили дозволеніе у Короля *Владислава*, и со всеми ближними переселились за горы, на мѣсто, гдѣ *Драгошъ* убилъ шура, и назвали сего мужа своимъ Государемъ или Воеводою. Такимъ образомъ въ 1359 году началось Княжество Молдавское, въ странѣ, гдѣ прежде кочевали Ташары. *Драгошъ* основалъ первый городъ на Молдавѣ, а второй «*Бани*» (см. *Воскресен. Лѣт.* стр. 53 — 56). Далѣе сказано, что «*Драгошъ* былъ на Воеводствѣ два года, сынъ его *Сасъ* чешыре, *Богданъ Мушанъ* шесть лѣтъ, *Петръ* (сынъ *Мушанинъ*) 16, *Романъ* (братъ *Петровъ*) 3 года, *Стефанъ* (также его братъ) 7 лѣтъ, *Юга* 2 года, *Александръ* 32 и 8 мѣсяцевъ, сынъ *Ильяшъ* одинъ 2 года и 9 мѣсяцевъ, да вмѣстѣ съ братомъ *Стефаномъ* 7 лѣтъ. *Стефанъ*, ослѣпивъ *Ильяша*, господствовалъ еще 7 лѣтъ; сынъ *Ильяшевъ*, *Романъ*, опрубилъ ему голову и правительствовалъ 1 годъ; сынъ *Александровъ*, *Петръ*, 1 годъ (опдавъ *Килию Венграмъ*); *Чюберъ* 2 мѣсяца; сынъ *Ильяшевъ*, *Александрель*, 4 года; *Богданъ* 2 года: *Петръ-Аарошъ* отсѣкъ ему голову и начальствовалъ 2 года (въ его время Турки возложили дань на Молдавію). *Стефанъ*, сынъ *Богдановъ*, казнивъ *Петра*, опшиалъ *Килию* у Венгровъ. Въ 1484 году Султанъ *Баязетъ* взялъ у *Стефана* *Килию* и *Былградъ*. Въ 1499 году Король Польскій *Альбертъ* воевалъ съ *Стефаномъ*, и разбилъ имъ на *Буковинѣ*. *Стефанъ* умеръ въ 1511 году (нѣтъ, въ 1504) въ Іюль мѣсяцъ, озна-

вивъ четырехъ сыновей: Петра, Александра и *друзь* Богдановъ, изъ коихъ *одинъ* заснупилъ мѣсто отца. Здѣсь конецъ повѣсти, ибо Авпоръ, какъ вѣроятно, жилъ въ началѣ XVI вѣка. Она въ главныхъ обещательствѣхъ согласна съ Молдавскими извѣстіями и преданіями (см. Каптемир. *Описание Молдавіи*). Сказаніе о Спаромѣ и Новомъ Римѣ подобно пакъ разумѣнь, что Волохи, издревле наши единовѣрцы, были ушѣсляемы въ Венгріи отъ Папшцовъ; но если они поселились въ Молдавіи въ 1359 году, то сему подлежало случиться въ царствованіе Людовика Венгерскаго, а не Владислава: къ утверженію чего служить и слѣдующее мѣсто Туроцовой Хроники: «Въ правленіе Людовика *Богданъ*, Воевода Марамароскихъ Волоховъ, собравъ ихъ, тайно ушелъ въ Молдавію, подвластную Венгерскому Королевству, и давно опустѣвшую отъ соседства Татаръ. Хотя Людовикъ нѣсколько разъ посылалъ шуда войско, по число Волоховъ сполъ умножилось въ сей земль, что она сдѣлалась особеннымъ Княжествомъ; Воеводы же, избираемые ими, признавали себя данниками Венгріи.» Каптемиръ, называя Богдана отцемъ Драгошевымъ, пишетъ, что онъ былъ сыномъ *Іоанни*; что по тому самому всѣ Господари Молдавскіе именовались въ своемъ титулѣ *Іоаннами*; и что Сасъ имѣлъ сына, именемъ Ласка, отца Мушашина. По современнымъ извѣстіямъ, сей Ласко дѣйствительно господствовалъ въ Молдавіи около 1370 года, переписывался съ Папою Урбаномъ V, и желалъ учредить Лапшское Епископство въ своемъ городѣ *Сереть*, принадлежавшемъ къ Епархіи *Галицкой* (см. Райнальд. *Annales Eccles.* г. 1370, No 7); воевалъ также съ Людовикомъ Венгерскимъ (см. Туроц. *Chron. Hung.* Ч. III, гл. XXXVII). Въ противность тому Длугошъ пишетъ, что Стефанъ, по Каптемирову сказанію *седьмой* Воевода Молдавскій, умеръ около 1359 года (*Hist. Polon.* кн. IX, стр. 1122).

(354) Важное извѣстіе о переселеніи Волоховъ въ Молдавію находится въ Длугошѣ, которій самъ жилъ въ XV вѣкѣ, и говоритъ (*Hist. Pol.* кн. IX, стр. 1122):

»Предки Волоховъ, Ипаліискіе выходцы, (будно бы Волски), нашедъ въ Молдавіи *Россіи*, господствовавшихъ тамъ издавна, сперва должны были принять ихъ обычаи и права, чтобы сею хитростію утвердиться между ими; а послѣ, размножившись, смело выпѣснили оныхъ древнихъ жителей Молдавскихъ.»

Родственникъ мой, Сергѣй Сергѣевичъ Кушниковъ, бывъ начальникомъ въ Молдавіи, сообщилъ мнѣ нѣсколько подлинныхъ грамотъ Воеводъ или Господарей Стефана, Петра и другихъ; онѣ всѣ писаны Русскимъ стариннымъ языкомъ. Харашейная Стефанова начнается пакъ: «Милостію Божіею ми Стефанъ Воевода, Господарь земли Молдавской, знаменито чинимъ» («даемъ знать») съмъ нашимъ листомъ веъмъ, кпо нашъ узринъ или его услышишь чпочи (въ чпеніи), оже придоша предъ нами и предъ нашими Болъри, слугами нашимъ,» и проч. Сія грамота есть купчая на рабовъ; свидѣтелями въ ней наименованы братья Стефановъ, Воевода Петръ, и сынъ *Богдавладъ*, также многіе *Панъ* или Болре Молдавскіе. Въ означеніи года можно только разобрать *шесть тысячъ, девять сотъ*... Привѣщена большая восковая печать съ надписью: *Стефана Воеводъ* и проч. Мнѣ доставлены и 3 Волошскія грамоты Воеводъ Петра и Александра, писанныя Болгарскимъ языкомъ и въ XVI вѣкѣ. Чпновники именуются въ нихъ *Жупанами*, а земля *Угро-Влахіею*. — Библія и другія церковныя книги переведены на Волошскій языкъ уже въ XVIII вѣкѣ. Волохи приняли Вѣру Христіанскую или отъ Болгаровъ, или отъ Россіянъ.

(355) См. Тунман. *Über die Gesch. der Wlachen*, стр. 363—Пряя *Dissert.* 133—и Бишинг. *Walachey*, 772.

Разные случаи княженія Іоанна Іоанновича: Въ 1353 году, Іюля 15, Княгиня умершаго Андрея Іоанновича родила сына Владиміра. — Въ 1356 скончался Роснов. Епископъ Іоаннъ, бывший прежде Архимандритомъ въ Московск. монастырѣ Преображенія; на его мѣсто поставленъ Игнатій, а Василій Епископомъ въ Рязань (и въ Муромъ по *Ник. Лтн.*), Теофилакшъ въ Смо-

лепскъ, Иоаннъ въ Сарай. — Въ 1358 скончался Князь Иоаннъ Андреевичъ. (По *Никон. Лѣт.* у Князя Михаила Александровича Тверскаго родился сынъ Иванъ и преспавился другой сынъ Александръ въ монастырѣ Софійскомъ у бабушки его, Княгини Софii).

(356) Абульгази пишеть, что съ жизнію Бердибека пресѣкъ родъ Мангу-Тимура, и на троюв Капчакакомъ сѣи другіе потомки Чингисханова сына Туши. — О сыновьяхъ Кульпы см. *Троицк. Лѣт.* — О смерти Кульпы см. Абульгази *Hist. des Tatars*, стр. 461.

(357) См. *Ник. Лѣт.*, гдѣ именно сказано, что Царь Наврусь (а не Хидырь) ошдалъ Великое Княженіе Димитрію Суздальскому: съ чѣмъ согласенъ и *Троицк. Лѣт.* — Димитрій Коншпанпиновичъ былъ праправнукъ Ярослава Всеволодовича, а Димитрій Московскій сынъ его праправнука.

(358) См. *Ростов. Лѣт.*

(359) Князь Иоаннъ Александровичъ Смоленскій представился въ 1359 доду: тогда же Ольгердъ подступилъ къ Смоленску и взялъ Мстиславль, а сынъ его, Андрей, Ржевль, въ обонхъ городахъ оставивъ своихъ Намѣстниковъ. Бѣлый уже принадлежалъ Литовцамъ.

(360) См. *Троицк. Лѣт.* — Димитрій Галицкій былъ сынъ Ивана Давидовича, правнука Ярослава II. — Князья выѣхали изъ Орды въ 1360 году. — Въ *Троицк.*: «шое же зимы (въ 1360) взведоша изъ Орды посла *Жуко-тмицы* о разбойницѣхъ, и бысть всѣмъ Княземъ съѣздъ на Коспромъ, и выдаша разбойниковъ, а посла ошпустиша въ Орду.» Въ *Никоноз.*: «Князи Жуко-тмицшій биша челомъ Царю, дабы Царь оборонилъ себя и ихъ.» Болгарскій городъ *Жукотинъ* существовалъ близъ устья Камы, въ Ланшевской Округъ, гдѣ еще видны осшашки древнихъ укрѣпленій.

(361) Двоюродлаго брата Димитріева, который родился уже по смерти отца въ 1355 году. Сей походъ былъ зимою. Димитрій Коншпанпиновичъ ушелъ изъ Переславля въ Владиміръ и въ Суздаль. Димитрій Иоанновичъ, съѣвъ на престолъ Владимірскомъ, жилъ шамъ 3 недѣли.

Маловажные случаи княженія Димитрія Коншпанпиновича: Въ 1360 году (по *Никон. Лѣт.*) Тверскій Епископъ Феодоръ оставилъ Епископію и заключился въ Опрочъ монастырь. — Въ 1361 Алексій Мишрополипъ (по *Никон. Лѣт.*) посшавилъ въ Твери Спасскаго Игумена Василія на мѣсто Епископа Феодора.

Конецъ Примѣчаній IV Тома.

Г Л А В А I.

Стран.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВО-
ЛОДОВИЧЪ.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Башый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе гражданъ. Осада и взятіе Кіева. Союзъ Россіи. Причина успѣховъ Башыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Миханла. Даниль честивый въ Ордь. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Полипика Данилова. Даниль Король Галицкій

Г. 1238 — 1247.

Г Л А В А II.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВЪ ВСЕВО-
ЛОДОВИЧЪ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧЪ и
АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

Александръ въ Ордь. Князь Московскій убиваетъ Липвою. Дряхлость Башыева. Посольство изъ Рима. Болъзнь Александра. Посольство въ Норвегію. Бѣгство Андреево. Благоразуміе Александра. Вѣтрность Новгородцевъ. Смерть Башыева. Исчисленіе жителей въ Россіи. Казнь Бояръ. Покушеніе Данилово свергнувъ его. Откупщики Бесерменскіе. Кончина и добродѣтели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель. Мясжежи въ Ордь

Г. 1247 — 1263.

Г Л А В А III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Справ.

Древнѣйшая грамота Новгородская. Бракъ Ярославовъ. Мясжежи въ Липвъ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новгородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магометову. Кончина Ярослава. Перемены въ Удѣлахъ. Князь Феодоръ зякъ Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Данила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ

Г. 1263 — 1272.

Г Л А В А IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Споръ о Новгородскомъ Княженіи. Моголы идуць на Липву. Пруссы въ Слонимъ и въ Гроднѣ. Кончина Василія. Соборъ

Г. 1272 — 1276.

Г Л А В А V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ АЛЕКСАН-
ДРОВИЧЪ.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанъ. Копорьск. Ссора Князей Росповскихъ. Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Димитріева. Неуспѣхъ въ Новгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Липвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирилла Минрополипа. Смерть Потаева

Г. 1276 — 1294.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ.

Страп.

Браки. Свойства. Адресвы. Судь Князей. Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Данила Московскаго. Междоусобіа въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливонскимъ. Кончина и слава Довмоншова. Ланаскрона. Миръ съ Даниєю. Смерть Андреева. Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимирѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота . . . 175

Г. 1294 — 1304.

ГЛАВА VII.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЬ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новгородскія. Узбеки. Мужество Новгородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Татарами. Судь въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаила. Городъ Маджары. Разбой Моголовъ. Пещръ Митрополишь. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія 192

Г. 1304 — 1319.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЯ ГЕОРГІЙ ДАНИЛОВИЧЬ, ДИМИТРІЙ и АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧИ.

Горесы Твернныя. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орховѣ. Князя Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мищеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Двинскіи завоеванія. Событійное повѣствованіе Спириковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимина . . . 221

Г. 1319 — 1328.

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНИЛОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ КАЛИТА.

Страп.

Сверная Россія оидьхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новгорода. Закаское серебро. Полишка Новгорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьми. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегією. Неприязнь Шведовъ. Разбой Липовскіе. Ссора Іоаншова съ Новымгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калишы. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завычаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича . . . 245

Г. 1328 — 1340.

ГЛАВА X.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СІМЕОНЪ ІОАННОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ ГОРДЫЙ.

Корыстолобіе Моголовъ. Твердость Симеона. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Корошопола. Дѣла Псковскія и Новгородскія. Послѣднее дѣло Новгородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ брань Новгорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ западной Россіи. Ссора Псковянъ съ Липвою. Ольгердъ мирошворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь *всел Русіи*. Привидѣніе. Завычаніе. Съ Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи . . . 287

Г. 1340 — 1353.

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЪ.

Стран.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олега-
ва. Власшлюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣй-
ствія духовной власти въ Новгородѣ. Убийство
въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св.
Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и за-
вѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества
Молдавскаго и Волошскаго 323

Г. 1353 — 1359.

ГЛАВА XII.

**ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИ-
НОВИЧЪ.**

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслед-
ственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мя-
шежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Мос-
сква удерживаетъ право Великаго Княженія.
Опрокъ Димитрій 339

Г. 1359 — 1362.